

ОДЕССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

*Дом
князя Тагарина*

Сборник научных статей и публикаций

Выпуск 6

Часть 1

Одесса • 2011

ББК 83.3(4Ук-4Оде-2Оде)Л6

Д 66

УДК 069.02:82(477.74—21)

- Д 66 **Дім князя Гагаріна:** Збірник наукових статей і публікацій / Одеський літературний музей. — Вип. 6. Частина 1. — Одеса: Сімекс-прінт, 2011. — 424 с.: ілюстр.
ISBN
Українською та російською мовами

У збірнику представлені роботи з історії літературного життя Одеси: перші публікації рукописів українських та російських письменників XIX—XX ст., матеріали до біографій діячів культури, опис раритетних експонатів з фондів Одеського літературного музею.

Сборник содержит работы по истории литературной жизни Одессы: первые публикации рукописей украинских и русских писателей XIX–XX вв., материалы к биографиям деятелей культуры, описание раритетных экспонатов из фондов Одесского литературного музея.

*Книга издана при содействии
народного депутата Украины С. Р. Гриневецкого*

Редакционная коллегия:

Липтуга Татьяна Ивановна, директор ОЛМ

*Семыкина Галина Георгиевна, заведующая отделом
научно-исследовательской и экспозиционной работы ОЛМ*

*Яворская Алена Леонидовна, заместитель директора ОЛМ
по научной работе*

Иллюстрации, кроме особо оговоренных, из фондов ОЛМ

ISBN

© Одеський літературний музей, 2011

*А дом князя Гагарина!
Тот дом, в котором открыл
свою деятельность одесский
Литературно-артистический клуб!*

A. M. Дерибас

СОДЕРЖАНИЕ

С. Р. Гриневецкий. Приветственное слово	5
В. И. Силантьева. Предисловие.....	7

Статьи

T. E. Донцова. Загадки княжеского дома. <i>Новые страницы в истории здания Одесского литературного музея</i>	13
G. Г. Семыкина. «Разнообразность — наш девиз». <i>Рукописный журнал одесских лицеистов «Ареопаг» (Одесса, 1828. — Ч. 1. — № 2–3)</i>	53
O. M. Козаченко. Одеса в житті М. I. Костомарова.....	138
A. I. Божко. Владимир Жаботинский в Италии. <i>К истории одного малоизвестного сонета</i>	148
M. Ю. Волянська. Б. М. Комаров. Мої університети.....	158
A. B. Bakunets. «...Препятственный не встречал бы...» <i>Новые материалы о несостоявшемся назначении И. А. Бунина редактором газеты «Южное обозрение» (1898–1899)</i>	192
Мирья Лекке, Георг Шомахер (Бохум). «И у Дерибасовской есть поэтесса». <i>Размышления об одесских альманахах в свете «Юго-Запада» Шкловского</i>	201
M. I. Кнеллер. Журнал «Бомба» в фондах ОЛМ	216
E. A. Шабельская. Журнал «Жизнь» в фондах ОЛМ.....	257
E. M. Голубовский. Український апостол в постолах...	287
O. L. Яворська. «Дайте мені можливість працювати...». <i>Казки Михайла Жука</i>	321

Публикации

Документы по истории дома князей Гагариных в фондах ГАОО	43
«Ареопаг». Журнал литературы, критики, наук и художеств, издаваемый от пятого класса. 1828. Часть I. № 2–3.....	64
B. E. Жаботинский. Сонет	154
B. M. Комаров. Мої університети	158
Документы о назначении И. А. Бунина редактором газеты «Южное обозрение» в фондах ГАОО	196
Владимир Нарбут. Плоть.	289
M. I. Жук. Дрімайлики малайцям	345
M. I. Жук. Казки	360

*Т*огатейшее собрание музеиных редкостей, собранных в коллекции Одесского литературного музея — писательских архивов, книжных раритетов, фотодокументов, рукописей, — столь разнообразно, что, кажется, сложно уложить его в какую бы то ни было схему. Однако научному коллективу музея и всем тем, кто объединился вокруг Одесского литературного, эта попытка с успехом удаётся вот уже на протяжении пятнадцати лет и находит своё научное и творческое воплощение в серии сборников «Дом князя Гагарина».

Объективно оценивать уроки прошлого важно для любой страны, для любого города, тем более для такого, как Одесса. Без этого невозможно определить верные ориентиры в настоящем и уверенно двигаться в будущее. Сборник «Дом князя Гагарина», будучи совершенно вне политики по своей сути, тем не менее, помогает и способствует этому. Ярким примером может служить приведённая в настоящем

сборнике, в научной статье Е. И. Погорельской вычеркнутая цензурой из рассказа Исаака Бабеля «Улица Данте» цитата: «Там увидел я родину свою — Одессу, такою, какою она стала бы через двадцать лет. Если бы ей не преградили прежние пути; увидел несуществующее будущее наших улиц, набережных и кораблей...». Цитата эта не потеряла актуальности и сегодня. В этом, наверное, и заключается гений великих авторов.

Уверен, что шестой выпуск «Дома князя Гагарина» так же, как и все предыдущие, вызовет живой интерес исследователей, учёных и всех тех, кто неравнодушен к культурной истории Одессы. В нём много познавательного, необычного, нового: новые факты из истории здания музея, новые очерки об истории литературной Одессы, новые страницы из жизни и творчества Николая Костомарова и Владимира Жаботинского, Богдана Комарова и Ивана Бунина, новые публикации сказок Михаила Жука, поэзии Владимира Нарбута, Александра Ждановича, Ореста Номикоса... Всё это, конечно, новые литературно-краеведческие открытия. Неизменным же в этом сборнике остается только одно: высочайший научный и творческий уровень авторов, профессиональный подход к отбору материалов и, конечно, патриотизм и энтузиазм его создателей. Пусть вдохновение и удача благословят вас, друзья, на создание следующего, не менее содержательного и интересного выпуска с символическим счастливым номером «7»!

Искренне Ваш,

Народный депутат
Украины

Сергей Гриневецкий

ПРЕДИСЛОВИЕ

*П*редложенную мне работу — написать Предисловие к шестому выпуску научного издания Одесского Литературного музея «Дом князя Гагарина» — я восприняла комплементарно: и потому, что довольно давно читаю это издание и знаю его ценность, и в силу того, что многие сотрудники музея в разные годы учились на филологическом факультете и факультете РГФ Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, где имею честь преподавать и я. Если так, подумалось мне, то предложение нужно воспринимать как дань уважения, а поэтому отказываться нельзя. Я согласилась, а потом, войдя в текст, поняла, что в этой работе можно и утонуть. Почему? Хотя бы потому, что научное краеведение — это особая отрасль филологических знаний и нужна специальная подготовка для оценки сделанного. И еще потому, что профессионал-литературовед, к которым отношусь и я, видит в предложенных текстах по преимуществу их литературоведческую суть. Таким образом, анализируя сделанное сотрудниками уже прославленного нашего Литературного музея, я все-таки обращаю внимание на ту составляющую их статей, которая редко становится объектом комментирования критиков-публицистов.

Когда-то Ираклий Андроников представлял фрагменты жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова как увлекательный детектив. С острой интригой. С незастраивающими обидами, повлекшими непреодолимые конфликты. С утраченными документами. С запутанной историей их обретения. Казалось бы, этот жанр, рассчитанный на «среднего» читателя и зрителя, никак не соответствовал его основной задаче — объяснить миру внутреннее состояние трагически одинокого поэта. Со своей задачей Ираклий Луарсабович справился блестяще, более того, вошел в список авторов Лермонтовской энциклопедии, которая и сейчас считается образцовым и научно обоснованным справочным изданием. Это же ощущение не оставляет читателя, открывшего как статью Т. Е. Донцовой «Загадки княжеского дома: новые страницы в истории здания Одесского лите музея», так и работу А. В. Бакунцева «...Препятствий не встречал бы...», посвященную возможному, но не состоявшемуся редакторству Ивана Алексеевича Бунина в газете «Южное обозрение» (1898–1899). Витиеватая интрига и допущения, но (!) подкрепленные материалами архивных изысканий и безусловным знанием своего дела, интригующе интересны. К тому же делают нас культурологически более осведомленными. Да, именами И. С. Ризича, Д. И. Гагарина, Н. П. Цакни одесситов не удивишь, но департаментские уложения и традиции, но законы возведения в должность, но документы, сопровождающие приобретение земли на Ланжероновском спуске, — о, эти подробности внутригородской деятельности подкупают своей достоверностью и умиляют моего современника своим безусловным общественным радением.

Образцовое литературоведческое краеведение невозможно без воссоздания журнально-издательского наследия. Сотрудники ОЛМ это прекрасно понимают и почти в каждом выпуске сборника «Дом князя Гагарина» воспроизводят страницы и строки, свидетельствующие о гуманитарно-филологических пристрастиях одесситов давно ушедшего времени. Из таких раритетных изданий в данном номере представлен и прокомментирован рукописный журнал «Ареопаг» (№№ 2–3), которым «отчитываются» перед нашими современниками лицеисты-ришельевцы 1828 г. Как отмечает Г. Г. Семыкина, обозначив эпиграфом своего журнала «Разнообразность — наш девиз», лицеисты постарались следовать ему как в рубрикации издания, так и в его материалах. Есть в нем отдельные фрагменты известной теперь всем филологам книги о романтизме мадам де Сталь, есть отрывок из сочинения Оливера Гольдсмита «Житель мира», есть упоминания о Фениморе Купере, есть стихотворение Федора Глинки «Беспечность». «Но самым интересным стихотворением этого номера, — пишет Г. Г. Семыкина, — является “Отрывок из послания к П....у” анонимного автора, где в сокращении легко угадывается фамилия любимого лицеистами Пушкина». Конечно, подражая взрослым, юноши внесли в свой журнал иронический раздел «Модные обычаи» и порадовали читателей обобщением: «Если волосы обстрижены a la Mingaud, то есть догола, тогда прослышишь милым (charmant), — что ж делать, теперь везде “Как платье, волосы, так и умы коротки!”».

По такому же принципу (информация и анализ давно отошедшего издания) представляя материалы журнала «Бомба» (№ 12, 1917), М. И. Кнеллер не забывает обратить внимание на юмористическую их составляющую. На сей раз — это афоризмы, которые принадлежат В. Катаеву. Как оказалось, в них есть тот пронзительный нерв времени, который выделяет писателя из многих цеховиков «по юмористическому ведомству»: «Подписывайся на "заём свободы"»; «Если у тебя есть фунт гвоздей, — спекулируй! Если у тебя нет фунта гвоздей, — всё равно спекулируй!»; «Конец концу рознь».

Сотрудник музея Е. А. Шабельская представляет литературно-художественный и политический еженедельник «Жизнь» (1918) как раритет фондов ОЛМ. Разрозненные, а иногда и «безобложечные», номера этого издания передают атмосферу трудного времени, знакомят читателя с различными его проявлениями. Показательной особенностью этой статьи является стремление ее автора продемонстрировать творческий потенциал литературной элиты Одессы (публикуются стихотворения и короткие рассказы А. М. Федорова, М. Бертенсона, неожиданным для нас оказался помещенный здесь сонет Валентина Катаева).

Очень важный раздел рецензируемого сборника посвящен знаменитым людям, в жизни которых Одесса заняла особое место. Искристо-радужным и, как с уверенностью об этом говорит О. М. Козаченко, этапным явлением стал наш город в судьбе очень известного украинского историка, писателя, этнографа, фольклориста И. Н. Костомарова. Комментируя годы его пребывания

в Одессе (1846–1847), автор успевает рассказать волнующую историю любви И. Н. Костомарова и Алины Крагельськой. Но, подчеркнем: в данной публикации читатель оказывается вовлеченным не в беллетристическое (построенное на авторских домыслах) повествование, а в художественную документалистику, дающую право воспринимать прочитанное в статусе достоверности.

Сотрудники музея не прошли мимо имен и выдающихся одесситов — в данном случае речь идет о материалах, посвященных личностям и творчеству Владимира Жаботинского, а также Исаака Бабеля.

А. И. Божко представляет материалы, свидетельствующие о «прорастании» одессита Жаботинского в культурную жизнь Италии, говорит о нем как о полиглоте, упоминает об удачно переведенном сонете Эдгара По. Яркое личностное начало, характерное для незаурядных людей, высвечивает в репликах и поступках «странныго и прекрасного» нашего соплеменника. Тонкое владение словом чувствуется в его авторских определениях таланта поэта Белли: «Его сонеты на romanesco изумительны, его итальянские элегии водянисты, риторичны и позабыты». Считая сленг не скабрезностью, а частью разговорной речи, он спокойно высказывает и на этот счет: «Жаргоны всегда более интимные, более живые, чем официальные книжные идиомы; они вбирают в себя атмосферу жизни...».

Большой радостью для рецензента стала статья А. Л. Яворской «Рукописи И. Бабеля в фондах ОЛМ». Начав ее обычным для музеиных работников абзацем: «В фондах музея хранятся три рукописи И. Э. Бабеля. Это письма к М. Кольцову, В. Нарбуту и рукопись предисловия к сборнику семи писателей-одесситов. История создания рукописей связана с двумя этапами развития южнорусской литературной школы — переездом одесских литераторов в Москву и выходом их книг в Москве», — в дальнейшей своей работе автор этих строк демонстрирует незаурядный литературоведческий «такт сопровождения». Сказанное может подтвердить простое сопоставление фрагментов. Вот, к примеру, прозвучал искрометный пассаж И. Бабеля: «...Гехт и Бондарин. Их актив: юношеская прорвость и талант, который некоторыми оспаривается. В пассиве у них то же, что в активе. Им, как и пролетариату, нечего терять. Завоевать же они хотят прожиточный минимум». А далее, по известному всем филологам правилу — искрометность оттеняй аскезой — следует справка А. Л. Яворской: «В музей рукописи были переданы в 1979 г., после смерти Бондарина, его вдовой Генриеттой Савельевной Адлер. Если первые две рукописи датированы и подписаны (...), то история создания и, особенно, датировка следующего текста, имеет несколько вариантов».

Удачно дополняет данный материал статья Е. А. Каракиной «Точка пересечения». Сказав о том, что «в плеяде одесситов, так или иначе повлиявших на ход истории и развитие культуры XX ст., особенно заметны Исаак Эммануилович Бабель и Владимир Евгеньевич Жаботинский», — автор этих строк осуществляет очень трудную для исследователя задачу: сопоставляет

личностный и творческий потенциал двух разных и незаурядных людей. Не могу не отметить точность определений. В. Жаботинский: «весь действие, движение, целеустремленность ... открытый, как ладонь готовая и к пощечине, и к рукопожатию». И. Бабель, «собиравший слова-камни для своих рассказов»: «скрытный и лукавый мудрец, созерцатель, наблюдатель, любопытный как та самая кошка, которую губило любопытство».

Радуясь этим удачным и просто талантливым статьям, отмечу также и следующие работы. В рецензируемом сборнике помещены две статьи Елены Погорельской: «Париж — Москва и... Одесса», а также «Париж — Москва: о новых новеллах И. Бабеля». Четкость аргументации, поисковый задор и тонкость вкуса отличают этого автора. Е. Погорельская, говоря об И. Бабеле, не забывает упомянуть очень точные определения его таланта — «бабелевская фламандская живопись»; «турман и дегустатор всех тонких оттенков человеческих чувств»; она же предлагает читателю исполненный горечи фрагмент «Улицы Данте», не ставший частью публикации: «Там увидел я родину свою — Одессу, такою, какою она стала бы через двадцать лет, если бы ей не преградили прежние пути; увидел неосуществившееся будущее наших улиц, набережных и кораблей».

Характеризуя статью известного критика Е. Голубовского «Украинский апостол в постолах...», посвященную анализу книги Владимира Нарбута «Плоть» (Одесса, 1920), подчеркнем, что текст этой работы интересен и познавателен. К тому же — воспринимается и как заявка на прочтение В. Нарбута в контексте русского акмеизма. И хотя подобная попытка нуждается во множестве текстовых соположений, перспективность подобного направления поиска литературоведчески очевидна.

Аналитичность, свойственная профессиональному исследователю-гуманистарию, хорошо проявила себя в работе польской исследовательницы Дорохны Даберт «Хранители канона: Несколько замечаний о киноадаптациях польской литературы». То, что было известному русскому зрителю как шедевры польского кино — например, фильмы Анджея Вайды, рассматривается в контексте проблемы «языка искусств», то есть реадаптации одной видовой единицы средствами другой. Очень интересен и познавателен для нашего читателя экскурс в историю польского кино последних десятилетий XX и начала XXI вв. В этом разделе своей работы Дорохна Даберт говорит о «концептуальном развороте», ярко проявившем себя в искусстве экranизации и канонического прочтения литературных текстов языком кино. Утешая автора, заметившего снижение культурно-эстетического уровня новой экранной продукции, подчеркнем: постмодернистский синдром отрицания прошлого чаще всего и демонстрирует подобное положение дел.

Коррекция культурологического мифа-феномена «Одесса—одесская литература—одессит», предложенная в работе Миры Лекке, Георга Шомахера «И у Дерибасовской есть поэтесса», также заслуживает пристального внимания.

Избрав точкой отсчета своего исследования давнишнюю статью В. Шкловского «Юго-Запад» (ЛГ № 1 от 5 января 1933), авторы данного материала постарались расширить ареал уже традиционных представлений об одессызме как мифологеме «города у моря». Эта попытка кажется нам имеющей право на внимание. Уверена, подобные статьи нужны и они украшают сборник.

Публикации. Они в шестом выпуске «Дома князя Гагарина» представлены разнообразно и как в русском, так и в украинском вариантах текстов. Воспоминания Б. Комарова, отредактированные и представленные читателю М. Волянской, — важная составляющая сборника. Если учесть, что они по-своему заключают публикацию рукописей этого автора (Б. Комаров. Мої університети // Дом князя Гагарина. — Од., 2007. — С. 73–85), то сотрудников музея можно поздравить с безусловной удачей. Мне же, имеющей отношение к факту существования Одесского университета, очень поучительной показалась информация: «...поняття про марксизм ми мали здебільшого обмежене... Один примірник “Капіталу” в російському перекладі був в бібліотеці Новоросійського університету, але переховувався він не в загальному відділі, а в кафедральній... бібліотеці кафедри богословія».

Что касается публикации А. Л. Яворской «“Дайте мені можливість працювати” (казки Михайла Жука)», представляющей собой обзор творчества этого автора и его архива, недавно переданного в фонд Литературного музея, то она, эта попытка, заслуживает и уважения, и поощрения.

О двух «Дневниках». В данном случае речь идет о публикациях Д. Я. Бондаренко, А. Н. Катчук («Одесский дневник 1928») и Л. А. Мельниченко («Дневник Дарьи Васильевны Мартыновой 1941–1945 гг.»). Обычно дневник — это летопись времени человека, фиксирующего подробности периода и, чаще всего, не претендующего на обнародование рукописи. А если подобная «бытовая» летопись создается в важный период жизни страны? О, тогда подробности исторического времени становятся достоянием исторической науки и характеризуют гражданский и общечеловеческий статус среднестатистического современника событий. Сказанное объясняет необходимость публикаций, о которых пишет рецензент. Хотелось бы добавить следующее: пронзительная нота войны как всеобщего горя страны и семьи, прозвучавшая в дневнике Дарьи Васильевны Мартыновой, заставляет поклониться и ее потомкам — хотя бы внуку Георгию, который принес в музей записи бабушки. Что касается дневника юноши-одессита, ставшего свидетелем «хлебного кризиса» 1928 года, то, опять же, это свидетельство очевидца очень нужно современному читателю. Особенно — в пору переосмыслиния достижений и потерь советской власти.

Безусловно, к данному жанру документальных свидетельств времени примыкает и «Зеленая папка» (письма С. А. Бондарина Г. С. Адлер 1945–1954 гг.), предлагаемая С. В. Калмыковым. В общем ряду трагических свидетельств писателей-узников сталинских лагерей (назовем хотя бы А. Солженицына, В. Шаламова, Ю. Домбровского, С. Волкова) имя Сергея Александровича

Бондарина должно занять надлежащее место. Он был младшим современником Бабеля, Славина, Катаева. Его знали в Одессе и в Москве. Арестованный в 1944, он провел в лагерях и на поселении десять долгих лет. Его переписка с женой Г. С. Адлер — свидетельство страшных дней бесчеловечивания, предпринятого вурдалаками от власти. Они — одесский писатель и его московская жена — выстояли, но какой ценой... Читая строки этой переписки, я вспоминала гневную реплику шаламовского Володи Добровольцева, сказавшего, что он хотел бы стать «человеческим обрубком — без рук, без ног» — вот тогда бы хватило сил и права «плунуть им в рожу...»

Статьи Т. И. Заярной «Очерк к истории литературной Одессы», а также И. Г. Саврасовой «Стихи одесских поэтов (...) в оккупационной прессе 1941–1943 гг.», дополняя друг друга, дают представление о пульсирующем ритме творчества, который всегда есть в Одессе и создает ей имидж «вечно живого» города. И если Т. И. Заярная тяготеет к созданию летописи литературной жизни второй половины XX в., то И. Г. Саврасова, изучив конкретные периодические издания (фонды ОЛМ), представляет читателю имена тех, кто и в годы оккупации оставался поэтом. Бережное отношение к каждой строке и высказыванию, умение ввести новые имена в общий контекст литературно-художественной жизни своего города отличает материалы этих авторов.

Вошли в сборник «Дом князя Гагарина» и материалы, проливающие свет на судьбы русских эмигрантов первой волны. В данном случае — это «энергичный, обладавший к тому же особым обаянием» Александр Казем-Бек. О нем, собирая сведения по крупицам, становясь корреспондентом-просителем и переводчиком, пишет А. Н. Полторацкая в статье «“Аристократ по духу больше, чем по происхождению...” (А. Л. Казем-Бек)». Конечно, подобные материалы важны и нужны, их присутствие в данном издании подтверждает нацеленность коллектива музея на расширение научных интересов.

Завершая анализ шестого выпуска сборника «Дом князя Гагарина», благодарственным словом хотелось бы отметить материал С. З. Лущика «Адрес для мемориальной доски (по следам домашнего архива С. А. Бондарина)». Многие факты, связанные с сохранением мемориальной памяти одесских писателей-журналистов-критиков, были собраны, систематизированы, про-комментированы и отправлены в большое плаванье С. З. Лущиком. Материал, пред посланный письмам-дневникам С. А. Бондарина, — еще одно тому подтверждение. Поблагодарим его за это.

Итак... Я очень надеюсь, что справилась с предложенной работой. В какой-то момент я поняла, что рада ей — страницу за страницей читая этот выпуск «Дома...», я осознала, как много делают для сохранения литературной памяти Одессы мои коллеги-филологи и мои бывшие студенты. И делают — хорошо.

*В. И. Силантьева — д-р филологич. наук, профессор,
заведующая кафедрой зарубежной литературы
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова*

Т. Е. Донцова

ЗАГАДКИ КНЯЖЕСКОГО ДОМА

*Новые страницы в истории здания
Одесского литературного музея*

В торя известному автору «Старой Одессы», так и хочется вос- кликнуть: «А дом князя Гагарина!»? Когда же, наконец, открываются все его тайны?» К сожалению или к счастью, история этого прекрасного образца архитектуры на Ланжероновской до сих пор полна догадок и предположений, являясь неиссякаемым источником краеведческих изысканий. До сегодняшнего дня не обнаружены не только дела Строительного комитета, т. е. прямые документы, связанные с его возведением, не собрано даже достаточного количества материалов (оценочных и окладных книг, газетных объявлений и т. п.), хотя бы косвенно подтверждавших выдвигаемые версии о точной дате появления дворца¹. Подверглось сомнению имя автора его проекта². Свою порцию мистики привнесла сюда и «Мечеть», вдруг объявившаяся в комплексе памятника республиканского значения «Усадьба Гагариных»³. Последняя головоломка и подтолкнула автора заняться очередным расследованием в надежде восполнить некоторые пробелы дворцовой летописи.

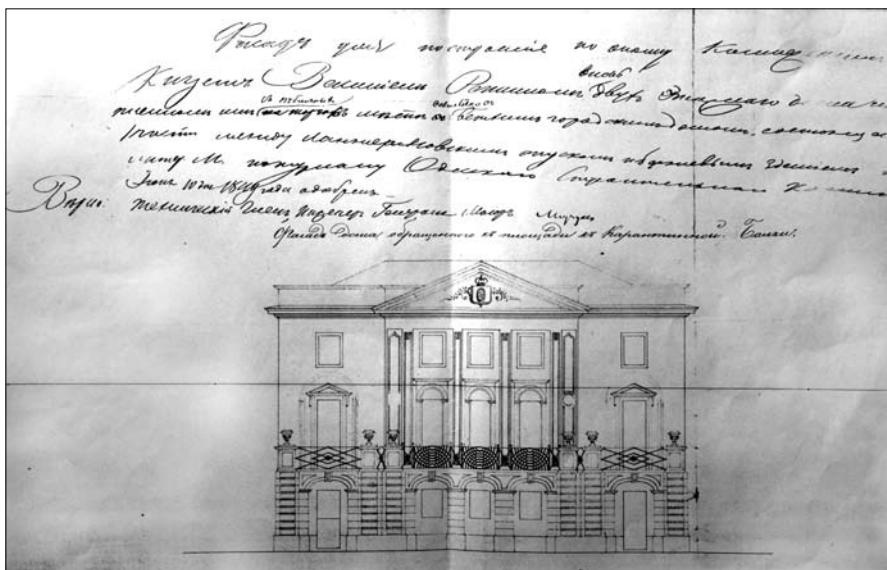
Введение в тему

Благодаря публикациям В. А. Чарнецкого, известно, что местность нынешнего стыка Ланжероновских улицы и спуска, где располагается теперь наш Литературный музей, чрезвычайно интересна с градостроительной точки зрения (в далеком июле 1806 года здесь появилось «определенное первое трехэтажное здание в Одессе, притом покрытое черепицей»⁴). После смены нескольких владельцев (а в его стенах размещались такие ключевые для города учреждения, как таможня и городские присутственные места), дом перешел в распоряжение директора местного театра И. С. Ризница. И с 1830 года здесь почти на два десятилетия обосновалась итальянская труппа актеров⁵. Естественно, что актерское пристанище прозвали прижившимся даже на

официальном уровне названием — «дом, занимаемый актерами, или театральный»⁶. В 1849 году порядком обветшавшее строение продали на слом князю Василию Николаевичу Репнину — родному брату приятельницы Гоголя и Шевченко — Варвары Репниной⁷.

Новый хозяин старого дома обязался выстроить на его месте настоящий дворец, спроектированный архитектором Даллаквой⁸. Учитывая монументальность сооружения, комитет даже пошел на нарушение своих же правил. В виде исключения срок возведения дворца продлили с положенных двух до пяти лет⁹. Однако, осуществить задуманное Репнину не удалось. 26 августа 1850 года он уступил свои права на дом с подворьем соседям по участку — князьям Гагариным¹⁰. Подробности той сделки нам неизвестны¹¹, но большая заинтересованность в ней покупателей очевидна.

Проект фасада дома князя В. Репнина. Архитектор Даллаква. 1849. ГАОО

Экспансия Гагариных

К моменту приобретения бывшего театрального общежития, одна из двух ветвей одесских Гагариных уже владела значительной частью прилегающей к дому местности.

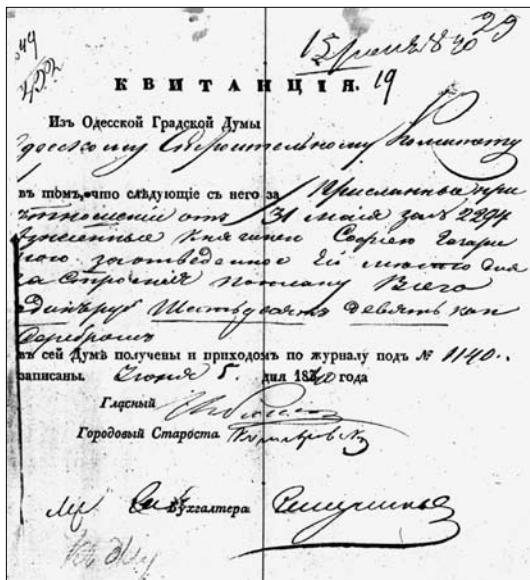

На этот факт обратила внимание и сотрудница литературного музея М. С. Давыдова¹². Действительно, семье инспектора местного карантина Дмитрия Ивановича Гагарина принадлежал тогда практически весь склон от здания биржи (горисполкома) до Ланжероновского спуска и вниз до таможенного пакгауза (мореходного училища на Приморской улице). За Гагариными числился также большой участок сложной конфигурации на самом плато, примыкающий к дому Репнина таким образом, что подворье последнего оказывалось в кольце гагаринских владений. Причем верхний участок достался княгине Софье Петровне Гагариной чуть ли не по милости Государя императора. Дело в том, что с незапамятных времен у обрыва за биржей стоял принадлежащий городу невзрачный одноэтажный флигелек. (По крайней мере, старинные гравюры предоставляют возможность судить о его внешнем виде.) Для избавления «от означенного флигеля по неимению в нем надобности для города и по ветхости его» понадобилось разрешение самого Николая I. Необходимость сноса городского имущества аргументировалась тем, «что с воздвижением на том месте новой каменной двухэтажной постройки послужит таковым украшением местности, лежащей над садом, принадлежащим Биржевому дому, кроме того представит лучший вид Ланжероновскому спуску»¹³. Очевидно, уже тогда, будучи не последним в городе человеком, князь Д. И. Гагарин претендовал на освобождавшуюся территорию. Царский указ узаконил продажу флигеля с условием «обращения имеющих выручиться за оный денег в городские доходы и отдачу места под застройку»¹⁴. По результатам проведенных торгов, лакомый кусочек земли отвели жене князя Гагарина Софье Петровне за... 1 рубль 69 копеек серебром¹⁵. А в октябре 1840 года тут уже стоял славный двухэтажный особняк, выстроенный по проекту архитектора Скудиери¹⁶. После окончательной отделки дом Гагариной стал сдаваться в наем¹⁷, принося хозяевам не менее шести тысяч двухсот рублей серебром годовой прибыли¹⁸. Кстати, спустя двенадцать лет, в «Одесском вестнике» публикуются объявления следующего содержания: «Отдаются в наем разные отделения **в домах** [выделено мной. — Т. Д.] кн. Гагариной, что за Биржевой залой...»¹⁹.

Следовательно, к середине XIX века у Софии Гагариной в районе биржи появился как минимум второй по счету доходный дом. В. А. Чарнецкий упоминает о некоем доме, проект которого по

134 14 Книга 12	14 Книга 12
<p>Указ Его Императорского Величества, Сынодерзца Все-российского, из Правительствующего Сената, Генералу Новогородскому и Вологодскому Генерал-Губернатору.</p> <p>По Указу Его Императорского Величества, Правительствующий Сенат, сущим разуметь Генерала Управляемого Министерствами Внутренних Дел, в котором представляется на бланке императрице Правительствующему Сенату о продаже ветхого флигеля, принадлежащего городскому ведомству в городе Одоеве.</p> <p>Приказанием: Означенное здание продавшися Генералу Управляемому Министерствам Внутренним Ресив о продаже ветхого каменного флигеля, принадлежащего городскому ведомству города Одоева, от принуждения искони существовавшей за него до-хода в городе Одоеве и о дозволении отдать право пользования подъ тобой флигелем.</p> <p>По 1-му архивному книжку.</p>	

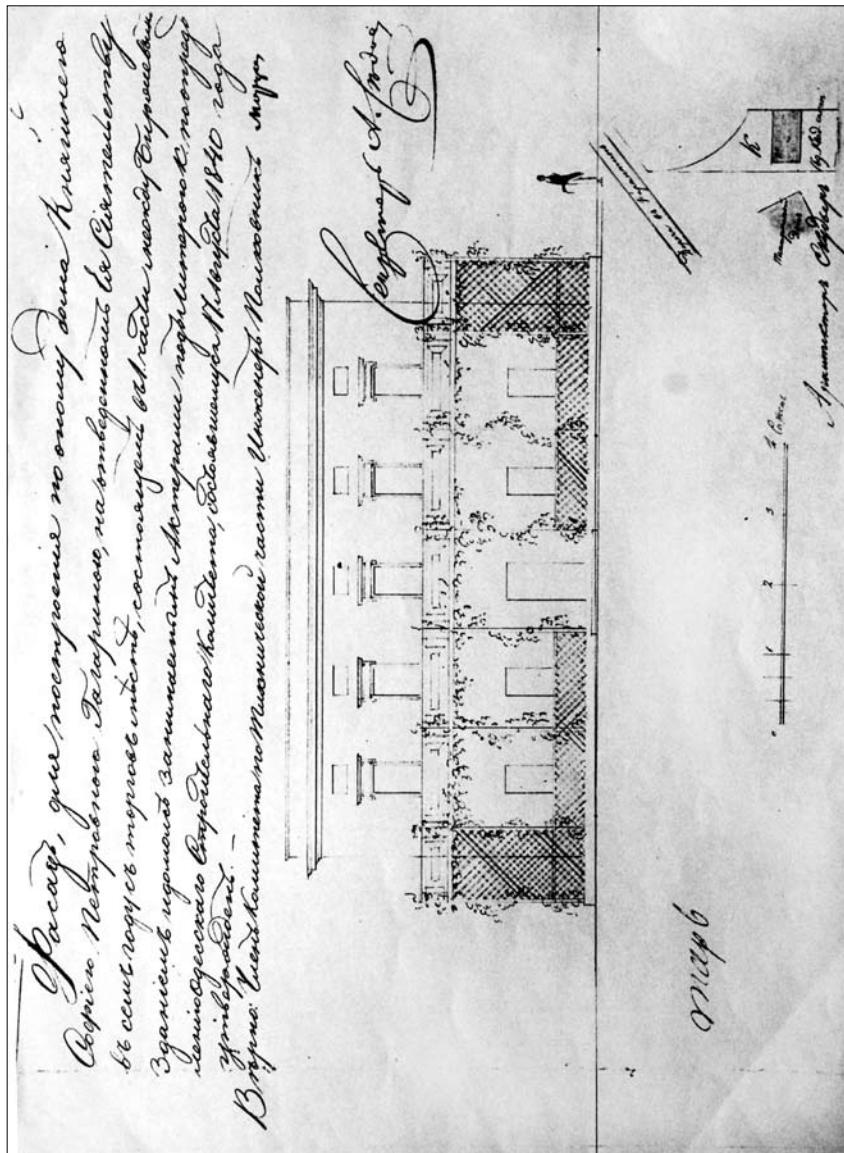
Указ о разрешении продажи ветхого флигеля. 6 апреля 1840 г. ГАОО

Квитанция о получении денег от княгини С. П. Гагариной за отведенное ей место для застройки. 5 июня 1840 г. ГАОО

В Одесский областной архив вернулись сотни уникальных чертежей и проектов, долго хранившихся в запасниках Киевского НИИ теории и истории архитектуры²², и в их числе — фасад упомянутого гагаринского дома²³. Дворцовую версию Владимира Адамовича он опровергает, так как не имеет ничего общего с внешним видом Литературного музея. Кроме того, судя по ситуационному плану при проекте, местоположение будущего дома определено не на плато, а в районе средней террасы склона. На плане обозначена и существующая на тот момент «в натуре» недвижимость Гагариных²⁴. Здесь и знакомый нам дом «Скудиери» под литерой К, и машина бывшего актерского приюта под литерой М, и необозначенное строение, стоящее ниже, под углом к современному Ланжероновскому спуску (очевидно, тот самый дом, разрешения построить который на «пустопорожнем месте между домом, занимаемым актерами, и оградой, окружающей Таможенный пакгауз», в декабре 1838 года испрашивал князь Дмитрий Иванович²⁵. Но здание по проекту синьора Гаэтано Даллаквы так и

заказу княгини исполнил архитектор Даллаква, а в августе 1851 года одобрил комитет²⁰. Однако, по объективным причинам (из-за отсутствия архивного дела с необходимой документацией²¹), исследователь ограничился предположением о том, что это здание вполне могло оказаться дворцом Гагариных. А построить его в таком случае могли не менее чем на 10 лет позже указанного на охранной доске 1842 года. Сегодня информационная ситуация изменилась.

Проект фасада дома князя С.П. Гагариной. Архитектор Скудиери. 1840 г. ГАОО

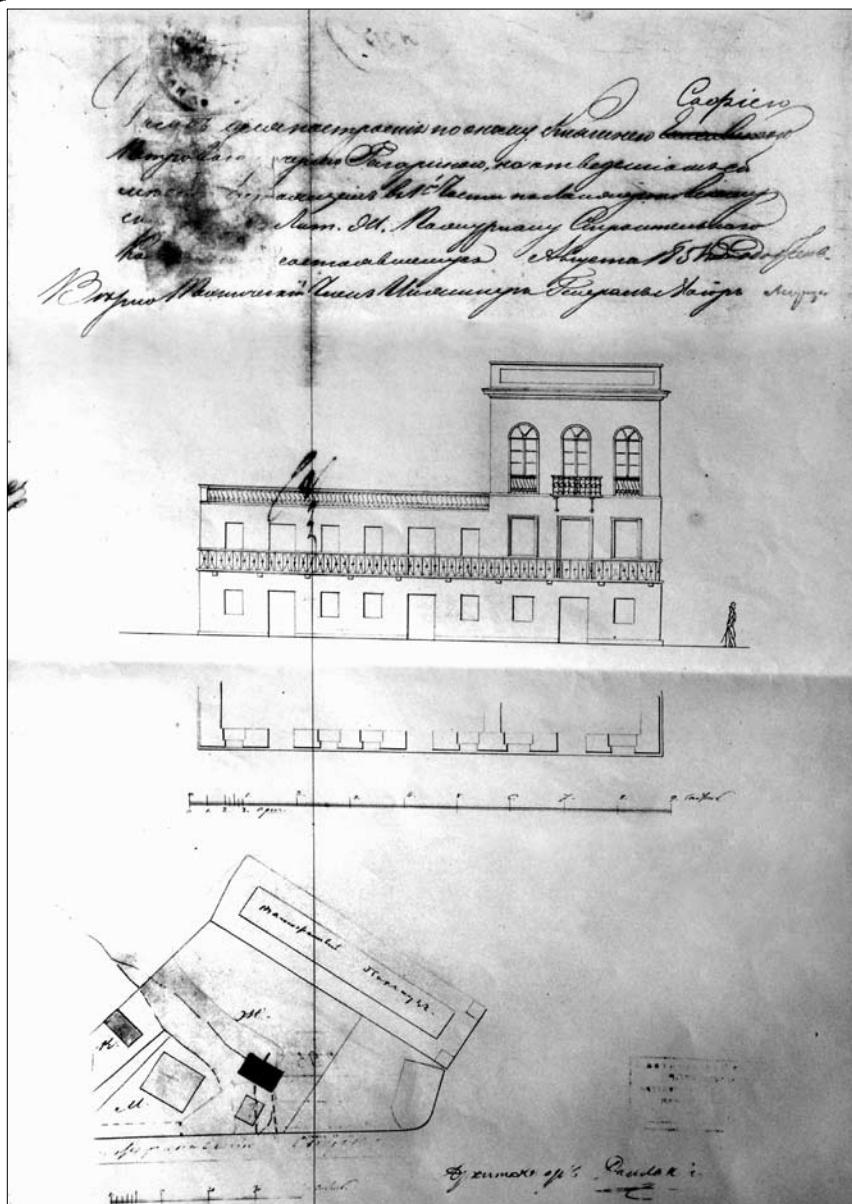
не был построено, хотя правила Строительного комитета обязывали Софью Гагарину в течение двух лет закрепить таковым выделенный ей участок склона под литерой Ж²⁶.

Вокруг да около заветной даты

По стечению обстоятельств в киевской коллекции оказались еще два проекта того же Даллаквы, имеющие прямое отношение к нашей теме. Один из них, составленный зодчим для Софьи Гагариной, предусматривал возведение нового дома с воротами «на принадлежащем ей месте, противу Ланжероновского спуска»²⁷, другой, выполненный для князя Репнина, упоминался выше²⁸. Оба проекта почти одновременно — 2 и 10 июля 1849 года соответственно — утвердил Строительный комитет²⁹, и оба они остались на бумаге. С дворцом Репнина все ясно, отказ Василия Николаевича от участка с бывшей театральной развалюхойставил на строительстве жирный крест. А что помешало Гагаринам? Безусловно, приобретение той же развалихи у Репнина. Благодаря ситуационным планам при указанных проектах видно, что оба княжеских дома должны были располагаться в непосредственной близости друг от друга³⁰. То есть гагаринский, с воротами, вписывался бы в размеры нынешнего Литературного музея по красной линии Ланжероновской, репинский же стоял поближе к обрыву под углом к улице, занимая практически всю площадь музейного дворика (Сада скульптур). С объединением участков планы Гагариных изменились, потому как открывалась перспектива создания полноценной барской усадьбы. На этот раз замысел аристократов реализовался. Их новый дом стал доминантой архитектурного ансамбля, состоящего из самого дворца, хозяйственного флигеля с каменной аркой, за которыми тактично маскировались конюшня с сеновалом, и ухоженного парадного дворика, подчеркивающего великолепие главного сооружения.

С этим домом Гагариных на Ланжероновской связывают только имя князя Петра Дмитриевича — сына Дмитрия Ивановича и Софии Петровны. Одни исследователи полностью приписывают ему хлопоты по постройке здания, другие относят дворец к свадебному

* Микрорайон нынешнего стыка Ланжероновской улицы и спуска получил свое четкое разграничение только к 1905 году. В описываемое время спуск начинался от Пушкинской улицы, заканчиваясь у Таможенной площади. Тогда его нумерация начиналась от моря.

Проект фасада дома княгини С. П. Гагариной. Архитектор Даллаква. 1850 г.
ГАОО

подарку родителей сыну³¹. Современник Петра Гагарина, видный общественный деятель доктор Э. С. Андриевский, упоминает о нем в своих «Записках»: «Дом, который он воздвиг на месте, где стояла лачуга его отца [ветхий дом актеров? — Т. Д.], великолепен. Архитектор Оттон сделал ему смету в 180 тысяч рублей, а убухал в постройку 400 тысяч...»³² В фолианте, изданном к столетию Одессы, автором проекта гагаринского дворца названо то же лицо: «среди сооружений, выделяющихся из ряда обыкновенных своими архитектурными формами — дом князя Гагарина (по Ланжероновскому спуску, построенный в 1850 году архитектором Оттоном)»³³.

Думаю, с авторством Л. Ц. Оттона — талантливого и очень модного в свое время одесского зодчего³⁴ — следует согласиться, но дата постройки дворца нуждается в корректировке.

Все три имеющихся в нашем распоряжении варианта готовности дворца — 1842-й (Охранная доска), 1850-й («Столетие Одессы») и начало 1850-х (версия Чарнецкого) — придется отбросить. Предположение Владимира Адамовича мы уже обсудили. По ряду причин не выдерживают критики и остальные версии. После сбора, изучения, сопоставления, анализа достаточно большого объема информации, пришла к заключению, что искомая дата скрывается около самого 1860-го плюс-минус один год. Остановлюсь на некоторых моментах своей мотивации.

Аргументы и факты

Напомню, что в августе 1851 года на будущей территории музея все еще громоздился старинный театральный дом, приобретенный Гагариными годом ранее³⁵. Затем сравним налоговые описи одесских строений 1848 и 1855 годов. Согласно первой — дом князя Гагарина оценен в 6 200 руб., соседний же «дом, принадлежащий городу, занимаемый актерами» — оценке не подлежал. Во второй описи — тот же гагаринский дом с флигелем оценен в 6 154 руб. (с учетом износа), а «дом князя Гагарина, принадлежавший ранее городскому театру» — в 4 800 рублей. Выходит, что и к середине 1850-х князья еще не являлись обладателями нового дворца. Вместе с тем, препятствующее его возведению, приговоренное под снос «актерское» здание продолжало приносить им доход!³⁶ Поэтому, приняв указанный 1855 год за базовый срок начала полномасштабных строительных работ, явление гагаринской усадьбы городу могло состояться лишь на излете 1850-х.

Обратимся к старой графике.

В ценнейшем наследии художников-графиков XIX века излюбленный многими из них вид Таможенной площади с Ланжероновским спуском запечатлен в ретроспективе. Однако дворец Гагариных в работах, датируемых 1850-ми годами (Адольф Руарг, Франц Гросс и др.), отсутствует. Нет его и на тарелке «Таможенная площадь в 1850 году. Вид с Барятинского спуска», представленной в экспозиции Литературного музея. Похоже, самое первое изображение дворца появилось в «Одесском альбоме» Василия Вахренова в конце 1860-х — начале 1870-х годов. Никаких следов об окончании строительства дворца не удалось обнаружить и на страницах городской газеты соответствующих лет. При этом, не полагаясь на свою наблюдательность, я воспользовалась любезно предоставленной информацией знатока одесской топонимики Я. Я. Майстрового. Его хронология наиболее значимых для города историко-культурных событий, составленная в ходе неоднократного и скрупулезного просмотра «Одесского вестника», желанной заметки не содержала. Правда, следует иметь в виду, что подшивки «Вестника» за ...**1858** и **1859** годы в библиотеке Горького не сохранились!

Зато сбереглось архивное дело 1874 года «Об обрушении городской стены у дома князя Гагарина по Ланжероновскому спуску»³⁷! Дом, между прочим, в то время уже сдавался под резиденцию и канцелярию одесского градоначальника Н. И. Бухарина, который принял активное участие в ликвидации аварии³⁸. Из материалов дела следовало, что произошедшая в августе указанного года не- приятность с обрушением стены причинила городскому начальству множество хлопот. Землей и камнями завалило спуск, в результате

Тарелка «Таможенная площадь в 1850 году.
Вид с Барятинского спуска»

чего нарушился проезд к порту*. Частично пострадали и княжеские постройки — флигель, конюшня, сеновал³⁹. По просьбе градоначальника, в инциденте разбиралась солидная комиссия «в составе академика архитектуры Моранди, инженер-архитектора Владека и архитектора Коклена»⁴⁰. Причины ЧП, как и оценка качества выполненных работ по устраниению последствий обвала, изложены в акте⁴¹. По мнению комиссии, опорная часть стены не выдержала напора земли по вине домовладельцев, так как во дворе Гагариных не было грамотно устроенного стока для отвода дождевых вод⁴². К слову, управляющий княжеским домом господин Тарасов позже отчитался перед городом об устройстве необходимого ската⁴³. Последним документом, завершающим катавасию со стеной, оказалось прошение вдовы «умершего швейцарского уроженца Викентия Девеки», направленное в строительное отделение городской управы.

Жозефина Девеки, мать четверых, в том числе двух несовершеннолетних, детей ходатайствовала о выдаче ей не совсем обычной справки или «сведений о том, что именно разрушено сего лета в доме г. Гагарина, т. е. стена дома или градская стена»⁴⁴. Суть же обращения заключалась в следующем, цитирую : «Умерший муж мой и отец наши <...> уже более 13-ти лет [здесь и далее выд. авт. — Т. Д.] как ведет процесс с князем Петром Гагариным о должных последним первому до 30 тыс. руб. сереб. за сооружение дома ему, г. Гагарину состоящему в г. Одессе по Ланжероновскому спуску, где помещается канцелярия г. Градоначальника. Дело по настоящему предмету прошедшему все инстанции, но к прискорбию нашему на каждом шагу встречало затруднения в окончании< ...>, почему вынуждены были назад тому месяца три отправить по почте к старшему сыну моему находящемуся в С. Петербурге прошение на Высочайшее имя<...>. А как дело наше находится в Государственном Совете для доклада<...>, то мы имеем честь покорнейшие просить строительное отделение командировать техника при полицейском чиновнике для освидетельствования повреждений в доме г. Гагарина и выдать нам акт <...>»⁴⁵.

* Со дня основания города и до начала XX века крутой Ланжероновский спуск служил одной из главнейших транспортных артерий, соединяющих город с портом. В середине 1930-х годов для ликвидации резкого перепада уровней спуска верхнюю часть его проезда засыпали землей, а нижнюю превратили в пешеходную зону, оборудовав широкими ступенями.

Техническое заключение вдова получила, правда, осталось невыясненным, насколько это поспособствовало восстановлению справедливости. Но, благодаря ее обращению, открылась часть неизвестных ранее фактов. Первое — всплыло из небытия имя подрядчика (производителя работ) строительства дворца, швейцарско-подданного Викентия Девекки (Девекки). Второе — укрепилась позиция предложенной мной даты его (дворца) окончания, ибо, по логике вещей, требовать полного расчета за работу принято, обычно, по ее завершению. Таким образом, простым арифметическим действием вычитания **от октября 1874 года** (времени подачи прошения вдовой) «**более 13-ти лет**» (ушедших на судебные разбирательства), получаем **зиму-весну-лето 1861 года!** Очень может быть, что до предъявления исковых претензий Девекки пытался самостоятельно решить свои проблемы с заказчиком. Сколько времени он мог потратить на увещевания Петра Дмитриевича — месяц, полгода или больше? В таком случае срок окончания дворца максимально приближается к рубежу **1859–60 годов**. Казалось бы, документальное подтверждение версии лежит на поверхности, следует лишь покопаться в фондах местного коммерческого суда. Но, как назло, никаких следов тяжбы обиженного подрядчика с князем в одесских инстанциях найти не удалось⁴⁶. Третье — подтвердился статус Петра Гагарина в качестве фактического хозяина дворца, единолично управлявшего финансовыми (читай — важнейшими) рычагами его строительства. И, несмотря на постоянную чехарду с именем домовладельца даже в рассматриваемом деле*, следует подчеркнуть, что прилегающая к дому территория усадьбы изначально принадлежала нескольким совладельцам⁴⁷.

Наследство и наследники

В начале 1859 года канцелярия градоначальника приняла к рассмотрению дело о прокладке дороги, соединяющей «середину Ланжероновского спуска с морскою набережной⁴⁸ через принадлежащее Гагаринам место», инициированное самими князьями⁴⁹. (К этому времени работы

* Так, в переписке дела «О стене» пострадавшие постройки причислялись то к **дому князя Гагарина**, то ко **двору дома княгини Гагариной**. Например, градоначальник Бухарин и архитектор Шейнс «предпочитали» называть хозяином дома князя Петра Дмитриевича, в то время как заведующий строительным отделением Думы Чижевич, чиновники управы и члены технической комиссии называли владелицей княгиню (жену князя Петра).

по устройству их усадьбы на верхней площади могли завершиться либо близились к завершению, поэтому пришел черед заняться склонами.) Прошение о дозволении устройства, пожалуй, первой в городе частной дороги, поданное лично «Коллежским секретарем Князем Иваном Гагариним, по доверенности родителя своего, Князя Дмитрия Гагарина и старшего брата Князя Петра Гагарина», содержало просьбу и о прирезке «ко владению» просителей частицы городской земли. Одесская дума со своей стороны уведомила градоначальника о полном согласии на отдачу «ненужной для города полосы земли мерою в ширину 6 саж., а в длину 27 погонных саж.»* по двум причинам. Во-первых, из-за «не обретения ею другого назначения, как только для засадки оной деревьями к украшению этой части обрыва подобно тому как это сделано уже в обрыве с левой стороны лестницы» и, во-вторых, «заботясь о приращении городских доходов и принимая во внимание о согласии внесения князем Иваном Гагариним в городскую казну 1000 руб. серебром»⁵⁰. К положительному ответу князьям склонялись и члены Строительного комитета. Но уверения Ивана Гагарина «с прочими наследниками» насчет бескорыстного облагораживания «непригодных ни к чему иному рыхлых склонов» по правую руку Бульварной (Потемкинской) лестницы не очень-то убедили Новороссийского генерал-губернатора графа Строгонова. По поручению Его Сиятельства, состоявший при его особе эксперт, инженер-подполковник Ивашевский, представил шефу подробный рапорт.

Выводы Ивашевского поразительны, поскольку высказанное им мнение насчет истинных намерений Гагариных впоследствии полностью оправдалось. Приведу некоторые выдержки его рапорта: «Проложение дороги на участке князей Гагариных должно иметь своим основанием торговые соображения. Она, наверно, будет окаймлена строениями, служащими складскими местами [здесь и далее выд. авт. — Т.Д.] для товаров и произведений, равно и для распродажи их. Без этого основания было бы странно устраивать дорогу на весьма косогористой местности и затрачивать на ея сооружение значительный капитал < ... >.

И эта дорога может иметь полное свое значение только тогда, когда будет служить бесприятственным сообщением между приморскую площадью и Ланжероновским спуском < ... > и теряет всю важность тех торговых расчетов, которые осуществились бы вполне в то время, когда бы это сообщение было бы безусловно собственностью князей Гагариных»⁵¹.

* 1 саж. = 2,13 м.

<p><i>2323 100.</i></p> <p>Его Сиятельству Государю Новороссийскому и Бессарабскому Генерал-Губернатору, Генерал-Адъютан- ту Графу Строганову 27</p> <p>но до гри</p> <p>составлено при Особы Раширо Ри- мичевом, Корпусе путей Сообще- ния, Инженер-Подполковника Ивашевского</p> <p>Рапорт.</p> <p>Ваше Сиятельство, 28 текущего Февра- ля, препроводил представление Одесского Строительного Комитета о взысковании из городового плана Одессы штрафов при надлежащем Князю Гагарину, комо- рый просил о дозволении ему проложить дорогу от начальной проекции улицы на мой взыскователь, - изъявив предписание мне по чинам о сим открытии от начальной штрафов доставить Вашему Сиятельству иое сооб- ражение со возвращением приложений:</p> <p>Что представление Комитета и взыско- ватель видно:</p> <p><i>Что для прохождения дороги, на участке</i></p>	<p>P1-197-517 28 февр. 1859</p>
---	---------------------------------

Рапорт инженер-полковника Ивашевского. 28 февраля 1859 г. ГАОО

Вид Одессы с Таможенной площади. Литография 1870–1880-х гг.

«Дорожную карту» разыграли компромиссно: земля под дорогой должна была «оставаться навсегда собственностью города для будущих непредвиденных надобностей»⁵². А ширину проезда при Ланжероновском спуске урезали с просимых князьями 15 саженей до «5-ти аришин [ок. 4,5 м. — Т. Д.] с тем, чтобы при соединении ее с дворовым местом Гагариных можно сделать с построением по сторонам ворот, приличного вида ограды со столбами или же плановых построек по утвержденному комитетом фасаду»⁵³. Вскоре, как и предвидел умница Ивашевский, вместо озелененного обрыва нижнюю площадку Гагариных «облагораживал» настоящий складской городок. Главные магазины* располагались под обе стороны дороги параллельно друг к другу. Один, трехэтажный, упирался в склон под верхней усадьбой, другой, в два этажа, протянулся по меже участка таможенного пакгауза. Рационально использовалась и двухярусная надстройка над «приличного вида воротами» Ланжероновского спуска. На ее последнем этаже, примыкавшем к хозяйственному двору Гагариных, разместились княжеские конюшни с сеновалом, что пострадали при обвале городской стены. И это дополнительный аргумент в пользу рассматриваемой версии времени постройки дворца.

* В XIX веке магазинами назывались большие многоуровневые склады.

Полностью сформированный гагаринский терминал попал в поле зрения Вахренова (конец 1860-х) и на другие, более поздние изображения. Нужно думать, что затраты на обустройство складского хозяйства быстро окупились. Рядом кипел порт с его растущим в геометрической прогрессии грузооборотом, следовательно, владельцы с «прочими наследниками» извлекали от сдаваемых в аренду помещений недурной и, главное, — постоянный доход. Кто же попал в их компанию? Я не знакома с завещанием Дмитрия Ивановича (Софья Петровна скончалась раньше мужа, в 1855 году), но, в конце концов, родительскую усадьбу унаследовал их старший сын Петр и его отпрыски.

Вероятнее всего, князь Петр Дмитриевич сразу же оформил свой новый дом на жену Анастасию Александровну. Естественно, что после смерти князя, последовавшей в 1888 году, княгиня Анастасия — официальная владелица недвижимости на Ланжероновской. Летом 1890 года именно она получила разрешение на производство работ по «укреплению трехэтажного с подвалом магазина по Ланжероновскому спуску»⁵⁴. Имя вдовы князя Петра Гагарина фигурирует также в деле «Об утверждении раскладки государственного налога и Земского сбора на 1892 год» зарегистрированного по этому адресу имущества⁵⁵.

Вид на Ланжероновский спуск со стороны Таможенной площади.

Открытка, начало XX в. Собр. Т. Донцовой

У Анастасии Александровны и Петра Дмитриевича было пятеро доживших до взрослого возраста детей. Старшая дочь Анна, в замужестве — княгиня Голицына, два не состоявших в браке сына — Александр и Дмитрий и двое младших дочерей — Софья, в замужестве графиня Генрикова, и Надежда, в замужестве графиня Гудович⁵⁶. После смерти матери право на наследование одесской усадьбы получили младшие сестры — София и Надежда Петровны. Постоянно проживавшие в Петербурге графини были последними из семьи владелицами одесской усадьбы. В начале XX века доверенным лицом обеих сестер «было предложено городу приобрести дом бывший кн. Гагарина по Ланжероновскому спуску»⁵⁷.

Любопытно, что предложение о продаже княжеского дома поступало городской управе трижды — в 1906 и 1908 годах от наследниц и в конце 1911 года — уже от Русского для внешней торговли банка⁵⁸. Очевидно, столичный банк, покупая бывшее имущество Гагариных в пику тугодумам из управы, рассчитывал на выгодное вложение капитала, но просчитался. Его одесское отделение, комфортно устроившееся в собственном доме, на соседней Дерибасовской улице, № 6 (ныне здание Областной прокуратуры) — на Ланжероновскую так и не перебралось⁵⁹. А ожидаемая банкирами прибыль от сдачи в аренду помещений во дворце и складах не оправдала надежд, так как расходы на

Одесса. Ланжероновский спуск. Открытка для стереоскопа. Начало XX в.

содержание большого хозяйства также возрастили. Желая избавиться от лишних забот, связанных с бывшим домом Гагариных, правление банка пошло назначительные уступки городу. Например, снизило цену имущества с первоначально установленных 350 до 330 тысяч рублей, обязалось взять на себя половину расходов по совершению купчей, предложило разместить (по желанию городской управы) облигации по займу Кредитного общества на дом без комиссии и пр.⁶⁰

Доклад Фабрицкого

Ответственная миссия «*по изложению всех обстоятельств дела об имеющихся предложениях городу приобрести дом бывшего князя Гагарина*» была возложена Городским головою на члена управы, гласного городской думы Семена Осиповича Фабрицкого. Его доклад, зарегистрированный 16 мая 1912 года в архитектурном отделе управы, резюмировал данные, представленные предыдущей комиссией по покупке. Тогда, летом 1908 года, ее первый состав был сформирован из всех городских архитекторов, инженеров, городского землемера и двух оценщиков. Приведу наиболее интересные из этих сведений:

1/ Дворовое место при доме имеет размеры:

а/ вверху —	996 кв. саж.
б/ внизу по откосу	917 -//-

2/ На этом месте имеются постройки:

а/ Главный дом в два этажа с площадью пола, годною для занятия под помещения городских учреждений в двух этажах (без подвала)	400 кв. саж.
б/ Одноэтажный флигель с площадью пола, также годной для городских учреждений	65 -//-
в/ кроме других, менее существенных, имеются на нижней площади 2-х этажное с подвалом здание складов, размерами	
	39×6 саж.

4/ Выезды с дворового места:

На верхнюю площадку имеется проезд с площади и Ланжероновского спуска, мимо здания музея, шириною до 3-х саж.*,
а ниже по спуску имеются еще ворота; на нижнюю площадь,
где здание склада имеется широкий выезд на Приморскую улицу.

* Имеется в виду существовавший раньше отдельный проезд к дворцу от Думской площади, мимо Музея древностей (Археологического), находящийся выше тогдашнего уровня Ланжероновского спуска.

6/ Главный дом и флигель найдены в удовлетворительном состоянии; остальные же помещения — как старые, в зависимости от назначения какое им будет дано, после капитальных переделок⁶¹.

Учитывая все положительные моменты и принимая во внимание большую скученность подразделений городской управы в здании на Николаевском бульваре, а также назревшую нужду в создании новых отделов (в связи с запланированной постройкой линий электрического трамвая и проч.), первая комиссия рекомендовала городу приобрести недвижимость у наследниц Гагарина. Соображения господина Фабрицкого, посчитавшего, что «едва ли нужно что-либо добавлять к вышеприведенному заключению комиссии 1908 г. о том, что теснота и неудобства помещений в здании Городской управы уже тогда доходили до крайних пределов а в настоящее время, по прошествии 4 лет, эти обстоятельства еще усугубились»⁶² — в общем и целом совпали с коллективным выводом специалистов. Тем не менее, личный взгляд Фабрицкого на существующую для города проблему достоин уважения. Не останавливаясь на финансовых и иных сторонах предложения банка, он посчитал покупку «принципиально желательной ибо другого, расположенного в непосредственном соседстве с зданием Думы, имущества не имеется. Приобретая этот дом, Городское управление на долгий промежуток времени разрешит вопрос о сконцентрировании всех отделов управы и более или менее удобном их размещении».

По мнению Семена Осиповича, к особым преимуществам покупки можно было бы отнести и существующие на нижней площади склады с отдельным выездом на Приморскую улицу, что давало бы возможность «разместить там открывающийся городской ломбард»⁶³.

С точки зрения материальных затрат, оперируя конкретными цифрами, Фабрицкий убедительно доказал, что расходы на необходимые переделки и ремонты покупаемого дома были бы намного меньше тех сумм, которые уходят на аренду наемных помещений для отделов управы. В докладе перечисляются и «некоторые неудобные стороны и качества имущества, о котором идет речь»:

1/ не вполне свободный проезд на верхней площади с Ланжероновского спуска;

2/ 1-й этаж главного здания имеет несколько малую высоту (около 5 арш.), а потолки подвала там же — деревянные. ... поэтому будут

представлять опасность в пожарном отношении, а переделка их повлечет дополнительные расходы;

3/ 2-х этажное с подвалом здание складов, хотя и велико (почти 40 саж. длины и не менее 6 саж ширины), но имеет только наружные стены, поэтому всякое приспособление его будет стоить значительных затрат. К тому же сторона этого здания, обращенная к морю, очень близко расположена к границе места и при застройке соседом своей границы, освещение в этом корпусе при его ширине будет неудовлетворительным;

4/ возможность движения почвы. Относительно последнего можно высказаться, что движение почвы в данной местности, если и имеется, то в значительно малой степени. Это подтверждено тем, что уже в 1900 году замеченные в здании трещины были давнего образования и с тех пор, т. е. в течение 10 лет^{*}, признаков движения почвы не наблюдалось»⁶⁴.

Однако, как считал докладчик, имеющиеся минусы могли быть успешно использованы в переговорах с продавцом об окончательной цене. Увы, старания Фабрицкого не возымели действия. В августе 1912 года управа предпочла вместо гагаринского купить дом Общества печатного дела на Пушкинской, 18 (ныне здание профучилища морского туризма и сервиса) из-за... большего количества складских помещений при нем, которые компактно располагались в нескольких флигелях во дворе⁶⁵.

Поэтому бывший дом Гагариных до революции так и оставался частной собственностью внешнеторгового банка⁶⁶. Хотя летом 1913 года взаимные интересы управы и банка вновь пересеклись. Из официального сообщения органа Одесского градоначальства: «В виду тесноты помещений Городской Управы соседний дом кн. Гагарина заарендован городом для перевода сюда некоторых отделений управы. Вчера производился осмотр здания, куда предполагают перевести оценочный и еврейский столы и благотворительное отделение»⁶⁷.

Перед самой революцией на Ланжероновской, 2 располагался единственный из отделов городской управы — Ветеринарный комитет⁶⁸.

---

* Напомню, что как раз летом 1890 г. княгиня Анастасия Гагарина получила разрешение на укрепление трехэтажного магазина на нижней площади. Работы, проведенные инж. Кучевским, были вызваны бичом одесского побережья — подпочвенными водами, о чем информировал «Одесский вестник»: «...производится отвод вод в море Карантинной балки, Ланжероновского, Левашевского спусков...»; «...дренаж местности Ланжероновского спуска ... воды текут по уклону от городского театра, публичной библиотеки...» — Одесский вестник. — 1890. — 20 июля; — 26 авг.; — 6 сент.

Возвращение бывших княжеских хором в лоно города (государства) произошло после окончательного установления советской власти в Одессе, т. е. около 1920–21 года.

К вопросу о «Мечети»

«Прежних одесситов сильно привлекало все таинственное, и они очень недружелюбно относились к непрошеным «ученым», которые объясняли естественными причинами всякие их предчувствия и видения».

А. М. Дерибас

По-моему, меткое замечание знатока жизни и нравов старой Одессы, вынесенное в эпиграф заключительной главы, вполне современно. Многих жителей нашего города по-прежнему будоражат предания о зловещих подземельях, в которых прятали похищенных красавиц, легенды о принонах романтиков-контрабандистов, сказки о замурованных в склепах кладах и прочие страсти, с упоением тиражируемые СМИ. Гагаринскую «мечеть» следовало бы отнести к той же категории одесских мифов, если бы не один нюанс. Своей получившей широкую огласку материализации в недавние 1990-е годы⁶⁹, она обязана не фантазиям несведущих одесситов, а специалистам Областного общества по охране памятников! То есть самым настоящим (без кавычек) ученым, призванным подобные вещи начисто отвергать либо хоть как-то обосновывать.

Помню удивление Владимира Адамовича Чарнецкого, который досконально, в течение десятилетий, изучал фонды Строительного комитета и не обнаружил там ни единой строчки о заброшенной с середины XIX века «мечети»⁷⁰ на участке князей. По его просьбе, мы с мужем даже сфотографировали то, что сейчас называют ее руинами, не догадываясь, что когда-нибудь еще вернемся к этой «магометанской» тайне усадьбы, начисто затмившей рассказ Дерибаса о привидениях в самом дворце⁷¹. Но, может быть, какие-то сведения о мечети содержатся в более ранних охранных списках?

В первом советском перечне архитектурных памятников старой Одессы, состоящем из сорока шести позиций и изданном в 1930 году под редакцией профессора В. И. Селинова, дому Гагаринаделено довольно много не совсем лестных слов. Прежде всего, составителя явно раздражают «псування клясичного смаку проходженням до оздоблення

стін, гzymсів та пляфонів буржуазного струмку, що починає панувати в другій половині 19-го ст.», а також «на новий лад размальовані дві горішніх кімнати <...> ніби завиті ліпнimi виноградними лозами <...>, що свідчить про повний занепад <...> та про прагнення до реалізму, який набрав тут досить грубого розв'язання»⁷². Зато порадовало мнение професора насчет возраста дворца, почти совпадшего с моим. Селинов отнес его к образцам второй половины XIX века, построенного «не раніше 1850-х pp.»⁷³. Никаких допущений насчет 1842-го, как и упоминаний о мечети, в данном издании не содержится.

Не буду утомлять читателя перечислением всех просмотренных мною архивных дел, связанных с историей возникновения в Одессе магометанских кладбища и молельни (как известно, единственный молитвенный дом одесских мусульман до революции находился на территории моей Молдаванки⁷⁴). Можете поверить на слово, никаких свидетельств о возведении мечети при усадьбе Гагариных в архиве нет. Но каким же образом ее призрак сперва прибрелся к княжескому дому, а оттуда перепорхнул в ряды охраняемых законом памятников материальной культуры? За все эти годы довелось услышать только одну правдоподобную версию, которой довольно давно поделился со мной ныне покойный краевед Р. А. Шувалов. По словам Романа Алексеевича, корни мифической мечети произросли ...из бывшей nocteleggi по Ланжероновскому спуску — здания, в котором сейчас развернута экспозиция Музея Одесского порта. Якобы там, в ожидании судов, ночевали малоимущие мусульмане из внутренних губерний империи, направлявшиеся морем к святыням Ближнего Востока. Для совершения своих религиозных обрядов правоверные мусульмане могли собираться в соседнем, специально арендаемом для них гагаринском складе, заменявшем им храм.

И вот, спустя десятилетие, предположение Шувалова практически подтвердилось. Сотрудник областного архива Степан Андреевич Желясков обнаружил несколько дел по перевозке **иностранных паломников-мусульман главной конторой Черноморско-Азовского пароходства и Одесского торгового порта в конце 1920-х**⁷⁵! Все документы, касающиеся организации по доставке верующих к местам поклонения, проходили под грифом «Секретно». Тогда, в тяжелое послевоенное время*, в условиях жесткой конкуренции со стороны

* Имеется в виду Гражданская война.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„Общество для перевозки паломниковъ мусульманъ“

изъѣсть честь довести до свѣтлыхъ гг. Почетныхъ Хаджіевъ, что «Общество» установлена регулярная отправка паломниковъ въ Каифу, Бенгалью, Ямбъ и Джедду изъ первоклассныхъ пассажирскихъ комфортаильныхъ пароходовъ. Пароходы отходятъ изъ Одессы по два раза въ недѣлю и обязательно заходить въ Константинополь, где паломники могутъ здѣшь остановку до прихода сѣльчонковъ пароходовъ, которые и доставлять ихъ въ место назначения — въ Бердру, Каифу, Ямбъ или Джедду. Паломники, устроивши окамъ, по которымъ паломники могутъ готовить себѣ горячую пищу изъ собственныхъ продуктовъ. Цены за проѣздъ изъ этихъ пароходахъ гораздо понижены противъ цѣнъ существовавшихъ раньше.

Киевъ и прѣмы подъ отпѣсватся на пароходахъ бесплатно и приобрѣти комѣстіи.

Сообщаемъ гг. «Общество для перевозки паломниковъ мусульманъ» изъѣсть честь довести до свѣтлыхъ гг. Почетныхъ Хаджіевъ, что изъ имѣнія гг. Ахмета Гаджи-Гандина Министра Внутреннихъ Дѣлъ послѣдовательно разпорѣженіе, чтобы блузинъ изъ Меккы паломникамъ было предоставлено право прѣмы въ пути сѣльчонкамъ и парохода. Поэтому никто и ни подъ какимъ видомъ не имеетъ права приижуждать паломниковъ къ выѣзду изъ Меккы, а также не можетъ помѣщаться въ хаджи-хонахъ, или отбирать паспорта ради того, чтобы задерживать ихъ до тѣхъ поръ пока не доставятъ паломниковъ въ конторы, занимающіе перевозкою паломниковъ, такъ какъ иначе, безъ немѣнія билета, паломники не могутъ помѣщаться въ хаджи-хонахъ, или покупать только тѣ пароходные билеты, которымъ настоятельно предлагаются паломниками, а также не можетъ помѣщаться въ гостиницахъ, на частныхъ квартирахъ, — могутъ —

Продажа билетовъ «Общества для перевозки паломниковъ мусульманъ» производится:

въ Одессѣ въ городскихъ лавкахъ и покупать билеты на пароходъ по своему усмотрѣнію въ гостиницахъ, на частныхъ квартирахъ, — могутъ —

Печат. раб. Изв. инв. Типографіи Ю. К. Бланкенса.

Ланжероновский спуск у дома князей Гагариных. Фото, начало XX в.
Собр. Т. Донцовой

чужеземных пароходных контор и, естественно, для наполнения казны была восстановлена некогда пользующаяся популярностью Ближневосточная линия⁷⁶ с неофициальными заходами в порт Джедда⁷⁷. Бытовыми проблемами прибывших в город мусульман из Китая, Афганистана и даже Персии занималась межведомственная портовая комиссия. Для поселения паломников обустроили так называемую Хаджи-Хану — особое пристанище для совершающих Хадж по адресу Старостина (Приморская), № 65 угол Военного спуска. Первая в городе Хаджи-Хана была организована еще до революции, точнее, в 1908 году, и некоторое время занимала часть наемных помещений Дома трудолюбия на Пересыпи⁷⁸. Но причем здесь «гагаринская мечеть»? Притом, что архивные материалы как до-, так и постреволюционного периодов свидетельствуют о неудобствах обеих одесских Хаджи-Хан. Указ об обязательном поселении мусульман в пересыпском приюте был отменен сразу после прекращения вспышки среднеазиатской холеры в 1909 году⁷⁹. И надо полагать, что многие из правоверных, действительно, пользовались ночлежкой на Ланжероновском спуске. Однако, вероятнее всего, прямое отношение к нашей «мечети» имеет уже советская Хаджи-Хана. Ее местоположение по вышеуказанному адресу последний раз встречается в документах, датируемых апрелем 1927 года⁸⁰. Сведения же об общежитии паломников в адресных книгах типа «Вся Одесса» за 1928–31 годы отсутствуют, очевидно, из-за засекреченности мероприятия. Но ведь Хаджи-Хану могли без лишней огласки либо переместить с соседней Приморской в более подходящее помещение на том же Ланжероновском спуске, либо приспособить перешедшее порту здание Общества ночлежных приютов под другие нужды мусульман. Например, под столовую⁸¹ или под культурно-религиозный центр. В таком случае загадка с мечетью решается очень просто.

Ведь свидетелями ритуала массового намаза, регулярно, в течение нескольких лет совершаемого мусульманами на пятаке у стен Портового клуба, должны были быть десятки местных зевак. Хорошо представляю себе эту картину, так как довелось наблюдать ее на базарах Самарканда и Наманганы в безбожные 1970-е годы: вне всяких стен старики-одиночки просто расстилали свои коврики посреди торга, обращали лица в сторону Мекки и, не реагируя на остальную публику, славили Аллаха. Разве удивительно, что очевидцы столь яркого зрелища стали называть здание портового клуба вместе с отрезком спуска

Стены Ланжероновского спуска.
Рисунок. М. Синявер, 1921

«Мечетью»? Только со временем, с ней ассоциировался уже не сам клуб, а стоящее рядом сооружение старого проезда к складам. По словам старожилов Ланжероновского спуска, до 1960-х годов тут все еще находилась парфюмерная база, т. е. в течение столетия княжеские закрома использовались по своему прямому назначению! Потом опустевшее и заброшенное, с провалившимся крышей и замурованными воротами, не совсем обычное в архитектурном плане строение и впрямь стало походить на экзотический объект. И к концу 1970-х⁸² изменившая кому-то память соединила его печальный образ с памятником культового назначения. Но даже такое почетное звание не спасло осколок гагаринских владений от дальнейшего

Ланжероновский спуск. Портклуб
и ворота парфюмерного склада.
Открытка. 1956

Ланжероновский спуск.
Музей порта и остатки въездных
ворот на территорию складов.
Фото А. Макацебы. 2008

Фрагмент руин трехэтажного
магазина со стороны старой
Гагаринской дороги.
Фото А. Макацебы. 2008

разрушения. Да и от княжеских хранилищ на нижней площади мало что осталось. Исчез некогда расхваливаемый Фабрицким двухэтажный склад. Фрагмент мощного трехэтажного магазина, пострадавшего еще в 1890-м от подпочвенных вод, представляет собой жутковатые развалины. Лучше всего сохранилась бывшая дорога Гагариных, хотя воспользоваться ее былыми преимуществами, увы, уже невозможно⁸³. Теперь она заводит в тупик...

В заключение следует признать, что бывшая усадьба князей Гагариных очень неохотно расстается со своими тайнами. Поэтому напутствие В. А. Чарнецкого, обращенное к желающим продолжить поиск дня рождения дворца, все еще актуально: «Уточнение этой даты, а также некоторых других невыясненных обстоятельств, связанных с постройкой здания Литературного музея — поле деятельности для дальнейших исследований»⁸⁴. Надеюсь, что «некоторых других невыясненных» осталось уже гораздо меньше.

Благодарю за помощь в подготовке статьи ведущего специалиста Государственного архива Одесской области С. А. Желяскова, краеведа Я. Я. Майстрового, члена Русского генеалогического общества С. Г. Решетова, консультанта по инженерно-строительным вопросам А. А. Макацебу.

Примечания

1. Охранная доска, установленная на доме Гагариных, информирует о том, что он построен в 1842 г. по проекту арх. Оттона. Краевед В. А. Чарнецкий небезосновательно полагал, что «*дата его постройки, указанная на памятной доске, неверна с ошибкою не менее чем на 10 лет*», т. е. дом был готов в начале 1850-х годов.
2. Чарнецкий выдвинул предположение, что автором проекта дома Гагариных мог быть арх. Даллаква.
3. В охранных списках Обл. управления по охране памятников архитектуры «Мечеть» при усадьбе Гагариных зарегистрирована под № 1460. Памятникам истории и культуры — охранную грамоту // Одесские известия. — 1995. — 7 февр.
4. Чарнецкий В. Дом Софии Гагариной // Вечерняя Одесса. — 1993. — 12 марта; Чарнецкий В. К предыстории здания Литературного музея // Дом князя Гагарина. Сб. статей и публикаций.— Выпуск 2. — Одесса, 2001. — С. 8.
5. Там же.
6. Из прошения кн. Софии Гагариной 1840 г.: «Желая построить плановый дом на доставшемся мне с публичных торгов месте. Состоящем в 1-й части между Биржевым зданием и домом занимаемым Актерами ...» / ГАОО. Ф. 59, оп.1, ед. 2363, л. 32; См. также ситуационный план к проекту фасада

- дома кн. Гагариной арх. Скудиери 1840 г., где указанный дом обозначен как **Театральный** / ГАОО. Ф. 895, оп. 1, ед. хр.150.
7. ГАОО. Ф. 59, оп. 2, ед. хр. 747.
  8. Там же, ф. 895, оп. 1, ед. хр. 379.
  9. ГАОО. Ф. 59, оп.2, ед. хр. 747.
  10. В. Чарнецкий. Дом Софьи Гагариной...
  11. Мотивировка отказа кн. Репнина от постройки была неясна и В. А. Чарнецкому, обратившему внимание на нехватку последних 28 листов архивного дела о строительстве его дома (ГАОО. Ф. 59, оп. 2, ед. хр. 747).
  12. Давыдова М. С. К истории здания Одесского государственного литературного музея / Дом князя Гагарина. Сб. статей и публикаций. — Выпуск 1. — Одесса, 1997. — С. 9. См. также ситуационный план к проекту дома Гагариных 1851 г. — ГАОО. Ф. 895, оп. 1 , ед. хр. 264.
  13. ГАОО. Ф. 59, оп.1, ед. хр. 2363, л. 4.
  14. Там же, лл. 12–13.
  15. Там же, л.л 14, 32.
  16. ГАОО. Ф. 895, оп. 1, ед. хр. 150.
  17. Объявления о сдаче дома Гагариной в наем регулярно появлялись в газете с лета 1841 года. Одесский вестник. — 1841. — 30 июля; Там же. — 1845. — 1 сент.; Там же. — 1849. — 21 дек.; Там же. — 1851. — 18 апр. и 6 окт.
  18. Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части г. Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года подлежащим и не подлежащим оценке.— [Одесса, б. г.].
  19. Там же. — 1853. — 21 мая и 6 сент.
  20. Чарнецкий. Указ. статья.
  21. Дело с пометкой «утрачено» зарегистрировано в 1-й описи Строительного комитета (ГАОО. Ф. 59, ед. хр. 2457).
  22. Отдельные проекты и чертежи, изъятые из фондов Строительного комитета Одесского облархива перед Отечественной войной, возвращены обратно в конце 2002 года, т. е. спустя два года после смерти Чарнецкого.
  23. Проект зарегистрирован в особом, составленном из возвращенных из Киева раритетов, фонде — ГАОО. Ф. 895, оп. 1, ед. хр. 264.
  24. См. ситуационный проект указанного выше проекта.
  25. Давыдова М. Указ. статья.
  26. О факте выделения Софье Гагариной места «между Ланжероновским спуском и домом актеров под литерой Ж» упоминает Давыдова. Давыдова М. Указ. статья.
  27. ГАОО. Ф. 895, ф. 1, ед. хр. 387. Копия проекта приведена в указ. статье М. Давыдовой.
  28. См. п. 8.
  29. ГАОО. Ф. 895, оп. 1, ед. хр. 379; Там же, ед. хр. 387.
  30. ГАОО. Ф. 59, оп. 2, ед. хр. 1377; Там же, ф. 895, оп. 1, ед. хр. 387.
  31. Чарнецкий. Дом Софьи Гагариной...; Гагарины / Вечерняя Одесса. — 1992. — 7 марта.
  32. Андриевский Э. Записки: Из архива К. Э. Андриевского. — Т. 1. — Одесса, 1913. — С. 100.

33. Одесса, 1794–1894: Издание гор. Общ. Управления к столетию города. — Одесса, 1895. — С. 412.
34. К середине 1850-х годов Л. Ц. Оттон прославился сооруженными по его проектам зданиями — дворца Абазы на Итальянской ул. (ныне Музей западного и восточного искусства на Пушкинской, 9), дома Маразли (ныне мед. училище на Пушкинской, 4) и др. замечательными работами.
35. См. ситуационный план ГАОО. Ф. 895, оп. 1, ед. хр. 264. О дате продаже актерского дома, обнаруженной В. А. Чарнецким, говорилось выше.
36. Списки домам и прочим строениям... 1848; то же — с 1855 г.
37. ГАОО. Ф. 16, оп. 50, ед. хр. 162.
38. Там же, л. 10; Висковский К. Путеводитель по городу Одессе. — Одесса, 1875. — С. XVII.
39. Там же, лл. 3, 7.
40. Кандидатуры членов комиссии предложены лично градоначальником Бухариным. — Там же, л. 10.
41. Акт о сдаче исправленной стены, включающий огромный объем работ по полной переделке существующих укреплений и установке контрфорсов со стороны двора Гагарина, составлен 2 окт. 1874 г. — Там же, л. 14, 14/об.
42. Там же, л. л.15, 15/об., 17.
43. Там же, л. 17.
44. Там же, л. 20.
45. Там же, лл. 20, 21.
46. По описи ф. 18 (дела Одесского коммерческого суда) крепостные книги за 1860–62 гг. отсутствуют.
47. В прежнее время юридическое оформление домов на жен являлось обычной практикой, вместе с тем окружающие, имеющие дела с фактическими владельцами недвижимости, предпочитали указывать их имена.
48. До устройства насыпной Приморской улицы, обрывистые берега в районе бульвара практически омывавшиеся морем, отделялись от воды узкой полосой, называемой Набережной.
49. ГАОО. Ф. 1, оп. 197, ед. хр. 517.
50. Там же, л. 9, 9/об.
51. Там же, лл. 4–8.
52. Там же, л. 10.
53. Там же, л. 11.
54. Ведомость выданным Гор. Управою разрешениям на постройки / Ведомости Одесского городского общественного управления. — 1890. — 9 июня.
55. ГАОО. Ф. 16, оп. 121, ед. хр. 103.
56. Сведения получены от члена Русского генеалогического общества С. Г. Решетова.
57. ГАОО. Ф. 16, оп. 87, ед. хр. 309, л. 14.
58. Там же, л. 19.
59. См. адресные книги типа «Вся Одесса» за 1906–1916 гг.
60. ГАОО. Ф. 16, оп. 87, ед. хр. 309, л. 20.
61. Там же, лл. 14, 14/об.
62. Там же, л. 16.
63. Там же, л. 17.

63. Там же, л. 17/об.
64. Там же, л. 22.
65. В адресных книгах «Вся Одесса» на 1913 и 1914 гг. недвижимость по Ланжероновской, 2 все еще принадлежит банку.
66. Хроника // Ведомости Одесского градоначальства. — 1913. — 16 июля. — С. 2.
67. Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1916 год. — Одесса, 1916. — С. 97.
68. Комплекс построек по ул. Ласточкина (Ланжероновская), 2 , включая дворец и «старую мечеть», был отнесен к памятникам истории и культуры республиканского значения в соответствии с Постановлением Совмина УССР от 6.09. 1979 г. за № 442. Список охранных объектов Одесской области с числящейся там под № 1460 «Мечетью» публиковался в прессе в середине 1990-х. См. примеч. 3.
69. Из письма нач-ка инспекции по охране памятников Управления архитектуры и градостроительства А. Мартыненко нач-ку управления культуры Облгосадмистрации Ю. Петренко от 3. 08. 1999 г. № 02/8 — 183: «Позднее на территории, которая примыкает к усадьбе, было начато и не завершено строительство Большой мечети».
70. См. главу «Из мира загадочного» [О таинственных явлениях в доме Гагарина]. — Дерибас А. Старая Одесса. — Одесса, 1913. — С. 164–166.
71. Там же. С. 19, 20.
72. Селінов В. Архітектурні пам'ятники старої Одеси: Видання Одеської краєвої комісії охорони пам'ятників матеріальної культури. — Одесса, 1930. — С. 20.
73. Адрес-календарь Одесского Градоначальства на 1915 год. Одесса, 1915. — С. 223; То же на 1916 г. — С. 136.
74. ГАОО. Ф. Р-3865, оп. 1, ед. хр. 41, пл. 21, 22, 44, 45, 60–66; Там же, ф. Р-1966, оп. 2, ед. хр. 91, пл. 8–12, 32–55.
75. Розпис рейсів пароплавів Чорноморсько-Азовської Головної контори Радторг-Флоту // Справочник Вся Одеса на 1930 р. Одесса , 1929. — С. 117.
76. ГАОО. Ф. Р-1966, оп. 2, ед. хр. 91, пл. 10, 13, 42. В одной из шифровок, начальник порта Джедда признает среди прочих посещавших порт иностранных судов советский пароход «Теодор Нетте» как «лучшее в санитарном отношении судно, предназначенное для перевозки паломников».
77. ГАОО. Ф. 2, оп. 3, ед. хр. 3471.
78. Там же, ф. 2 , оп. 3 , ед. хр. 3471 , пл. 9, 21.
79. Там же, ф. Р— 1966. оп. 2, ед. хр. 91, л. 42.
80. Приготовление пищи для мусульман во дворе Хаджи-Ханы по Старостина, 65 запретила санэпидемстанция — Указ. выше дело, л. 85. В 1928 г. в помещении Портклуба функционировала столовая. См.: Вся Одесса на 1928 год. Одесса, 1928. — С. 285.
81. См. п. 68.
82. Бывшая дорога Гагарина начинается сразу за зданием старого пакгауза на Приморской улице и, изгинаясь, приводит к забору, за которым просматривается сооружение с замурованными арками проезда. Когда-то через них осуществлялся сквозной (двухсторонний) проезд на Ланжероновский спуск, ворота которого также замурованы.
83. Чарнецкий. Указ. статья.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ДОМА КНЯЗЕЙ ГАГАРИНЫХ В ФОНДАХ ГАОО

1840

Копия

№ 20850

Указ Его Императорского Величества, Самодержца Российского, из Правительствующего Сената, Господину Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору.

По Указу Его Императорского Величества Правительствующий Сенат слушали рапорт Господина Управляющего Министерством Внутренних Дел, в котором представлял на благоусмотрение Правительствующего Сената о продаже ветхого флигеля, принадлежащего городскому ведомству в городе Одессе.

Приказали: Означенное представление Господина Управляющего Министерством Внутренних Дел о продаже ветхого каменного флигеля, принадлежащего городскому ведомству города Одессы, с обращением имеющихся выручиться за оный денег в городские доходы и о дозволении отдать состоящее под тем флигелем место желающим под застройку по установленному порядку утвердить. На сем для надлежащего рассмотрения к Вам, Господину Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору, в препровождении описи с оценкою и плана, послать указ, каковым уведомить и Господина Управляющего Министерством Внутренних Дел. Помянутая опись с оценкою при сем препровождаются.

Апреля 6 дня 1840 года.

Подлинный подписали: В должности Обер-Секретаря Шалов и Секретаря Соколов.

Верно: Начальник Отделения

Препровождаем при сем в Одесский Строительный Комитет засвидетельствованную копию с такового Указа Правительствующего Сената № 20850, равно скопировку места, опись и оценку флигеля, предлагаю Комитету сделать надлежащее по сему предмету распоряжение.

Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор.

ГАОО. Ф. 59-1-2363. Л. 12, 12 об., 13.

1859

Его Сиятельству

Господину Новороссийскому и Бессарабскому

Генерал-Губернатору, Генерал-Адъютанту Графу Строганову 2-му
Состоящего при Особе Вашего Сиятельства, Корпуса путей Сообще-
ния, Инженер-Подполковника Ивашевского

Рапорт

Ваше Сиятельство, 23 текущего Февраля, препровождая представление Одесского Строительного Комитета с выкопировкою из городового плана Одессы местности, принадлежащей Князю Гагарину, который просил о дозволении ему проложить дорогу означенную проектною краскою на той выкопировке, — изволили предписать мне «по личному осмотру означенной местности доставить Вашему сиятельству мое соображение с возвращением приложений».

Из представления Комитета и выкопировки видно:

Что для проложения дороги, на участке, принадлежащем Князьям Гагаринным, которая должна соединять Ланжероновский спуск с Морскою набережною, необходимо занять часть городской земли, прилежащей к Таможенному пакгаузу, и Князь Гагарин просит эту землю причислить к их участку, во всегдашнее его владение со взысканием с него узаконенных пошлин.

Что Градская Дума не встречает со своей стороны препятствия к дозволению Князьям Гагаринным занять часть этой земли, но с тем, чтобы земля эта оставалась навсегда собственностию города, и с тем, чтобы не было захвачено, с левой стороны, от того же пакгауза, место, отведенное Генерал-Майору Ильинскому.

Что по поручению Комитета, Гс. Архитекторы Черкунов и Фон-Круг, осмотревшие эту местность, заключили:

а) Ширина дороги у пакгауза полагается на план выкопировки в 6-ть сажен, и она не захватывает места, назначенного под постройку, ибо она отделяется промежутком 5-ти саженной ширины.

б) Соединение дороги этой с Ланжероновским спуском возможно тогда, когда она будет иметь сообщением вороты шириной до 5-ти аршин, напротив, когда она будет разработана так, как показано на выкопировке проектною краскою, в соединении со спуском на длине на 15-ти сажен, тогда по крутизне спуска произойдет безобразие и уничтожится часть пешехода (тротуара) и, наконец

Что Комитет со своей стороны не встречает препятствия ни на дозволения Князьям Гагариним проложения на их участке дороги, ни на отвод

просимой свободной городской земли из обрыва потому, что эта часть земли составляет рыхлый обрыв от двора Князей Гагариних и потому не может быть предназначена ни под какую постройку; но с тем, чтобы дорога эта в исходных своих точках, как на Ланжероновский спуск, так на площадь прибрежную у пакгауза, оканчивалась приличными воротами показанными на выкопировке.

В исполнение воли Вашего Сиятельства 25 и 26 числа текущего месяца, осматривал я лично местность, избранную для проложения дороги и нашел:

Что часть просимой Князьями Гагариними земли, для причисления к их участку, входит в состав террасы, лежащей у подножия приморского бульвара, растягивающейся на обе стороны лестницы, ведущей от Ришельевского памятника к морю. Часть этой террасы, лежащая по левую сторону лестницы, оканчивающаяся оградою сада Светлейшего Князя Воронцова, занята под устройство городского сада; она опирается на каменной стене окончательно сооруженной. Другая ея часть, по правую сторону лестницы, оканчивающаяся оградою Таможенного пакгауза и участком Князей Гагариних, не имеет еще своего назначения, но подобно первой опирается на каменной стене еще не вполне отстраненной. В настоящее время эта терраса дополняется землею и выравнивается. Стена, служащая ей подпорой, означена мною на выкопировке из плана, буквами синей краски А.А. Следовательно, просимая Князьями Гагариними часть земли не может считаться свободною и не могущею быть предназначеннюю ни под какую постройку, как заключает городовой Строительный Комитет, потому что терраса эта, взятая во всем своем объеме, есть знаменитое сооружение, служащее одним из важнейших украшением города, и на сооружение ея город должен быть употребить значительную сумму. На этом основании Градская Дума находит возможным дозволить Князьям Гагариним пользоваться только временно, необходимою для проложения их дороги, частью этой террасы, прилежащей к Таможенному пакгаузу потому, что в этом месте стена, служащая поддеркою, на длине двадцати саженей, — считая от угла пакгаузной ограды — выведена еще до половинной только своей вышины.

Проложение дороги на участке Князей Гагариных должно иметь своим основанием торговые соображения. Она наверно будет окаймлена строениями, служащими складочными местами для товаров и производств, равно и для распродажи их. Без этого основания было бы странно устраивать дорогу на весьма косогористой местности и затрачивать на сие сооружение значительный капитал.

И эта дорога может иметь полное свое значение тогда только, когда будет служить беспрепятственным сообщением между приморскою площадью и Ланжероновским спуском. Но Градская Дума полагает возможным, только временно, пользоваться частию террасы, необходимой для соединения этой дороги с приморскою площадью, или, что все равно, пристанью, — то эта дорога теряет всю важность тех торговых расчетов, которые осуществлялись бы вполне в то время, когда бы это сообщение было безусловно собственностью Князей Гагариных.

За тем вся важность открываемой дороги приводится к тем только выгодам торговым, которым она будет служить средством в сообщении с Ланжероновским спуском.

Этот спуск есть единое прямое сообщение центра города с Карантинным портом. Поэтому он долженствовать бы представлять полную свободу и удобство сообщения городового средоточия с портом. Напротив он имеет удивляющую крутизну: она составляет от угла здания Истории и древностей до угла участка купца Папудова, между точками В.В., означенными на выкопировке синею краскою, на 79 сажень горизонтального погона — около 24 аршин, 12 вершков, или на 100 сажень — около $1\frac{1}{2}$ сажени; ширина его около 6-ти погонных саж, при таких его размерах движение на нем крайне затруднительно; а в иных случаях и не возможно.

Судя по этим размерам, надо заключить, что сооружение его было предварительно мерою, служившею скорейшему восстановлению сообщения между городовым средоточием, самым деятельным, и портом.

Для того чтобы сделать этот спуск сообразно местным обстоятельствам, совершенно удобным и удовлетворяющим потребности деятельного движения, при общем предстоящем сооружении необходимо дать ему и большую ширину, и меньшую крутизну.

Расширение в верхней его части возможно потому, что в этом предвидении оставлено свободного места по сторонам его — правую около 12-ти — а левую — около $7\frac{1}{2}$ аршин; только угол здания Истории и Древностей будет служить некоторым препятствием; но это здание не так громадно и ни чем не замечательно, а потому может быть с малыми издержками подчинено некоторому преображению своему.

В нижней части купец Папудов построил свои дома по обе стороны спуска на самых гранях его, и он поступил не благоразумно, домогаясь столь вредного своим последствием решения, служащего стеснением общих городовых выгод. Поэтому и вся ответственность должна упадать на эти постройки его.

Уменьшение крутизны находится в тесной связи со спланированием: с одной стороны Итальянской и Ришельевской улиц, а с другой — Театральной и Биржевой площадей.

Спланирование это необходимо и нет никаких препятствий дать везде те уклоны, которые будут служить основанием во первых прочности мостовых и удобству движения на них, и, во вторых, благовидности города.

Начертанное Г. Архитектором Далаквою сопряжение предполагаемой Князьями Гагаринами, дороги с Ланжероновским спуском вполне соответствует изложенным предвидениям, осуществление которых необходимо для улучшения этого спуска.

Сопряжение это должно состоять в образовании площадки сообразно очертанию линий синей краски на выкопированном плане.

Если Князьям Гагаринам нужно затворять свою дорогу, то ворота должны помещаться на линии С.С. , а перед ними должно оставаться место свободное, составляющее означенную выше площадку.

Капитальные постройки Князей Гагариных, по длине спуска, не должны переходить за линию Д.Д., означенную на том самом плане.

Изложенные соображения мои и приложения имею честь представить на благоусмотрение Вашего сиятельства.

«28» февраля 1859 года

Одесса

ГАОО. Ф. 1-197-517, л. 9-12

1874

Акт

1874 года августа 17 дня, мы, нижеподписавшиеся, осматривали, по поручению технико-строительного отделения Одесской городской управы, обрушившуюся городскую стену по Ланжероновскому спуску у дома княгини Гагариной и нашли: что стена эта и часть двора обрушились вследствие недовлетворительного отвода дождевых вод, просачивавшихся сквозь стену, которая, будучи уже от этого обстоятельства выпущеною, не в состоянии была далее выдержать давления и напора массы земли. В зданиях княгини Гагариной, во флигеле и конюшне с сеновалом образовались опасные трещины. В виду оказавшихся повреждений в вышеупомянутых зданиях, по нашему мнению, необходимо безотлагательно, основательно подпереть свод и стены во флигеле и магазине таким образом, чтобы прекратить дальнейшее действие разрушительных сил и одновременно приступить к уборке камня от стены и к возведению новой, согласно проектам и сметам, как самой стены, так и исправлениям в вышеупомянутых сооружениях.

Инженер .....
архитектор-академик Ф. Моранди
архитектор А.Э. Шейн

ГАОО. Ф 16-50-162

В Одесскую Городскую Управу

Члена ея, заведывающего
Технико-Строительным
Отделением, Чижевича
Доклад

Представляя при сем акте техников, состоящих при Городской Управе, об осмотре ими обрушившейся городской стены, примыкающей к дому княгини Гагариной, имею честь доложить Управе, что ввиду необходимости очистить спуск для проезда публики, я полагал бы, не ожидая отношения суда, кто виновен в обвале городской стены, немедленно приступить к очистке улицы от камня и мусора и возобновлению городской стены, предоставив Полиции понуждать кого следует к починке флигеля княгини Гагариной.

Чижевич

21 августа 1874 года

ГАОО. Ф 16-50-162. Л. 3

№ 431

31 августа 74

Его Превосходительству
Г. Одесскому Градоначальнику

На отношение Ваше, от 21 сего августа, за № 8226, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что обрушившаяся 15 сего августа городская стена по Ланжероновскому спуску восстановляется, а путь по этому спуску, вследствие того обрушения стены, очищен для свободного сообщения как экипажей, так и пешеходов.

Там же, л. 4

М.В.Д.
Одесского
Градоначальника
Канцелярия
24 сентября 1874 года
№ 9246

Господину исправляющему
Должность Одесского городского Головы

При доме князя Гагарина, где помещается моя канцелярия, возводится в настоящее время, на месте обрушившейся, новая стена, которая, по заявлению заведывающего этим домом тоньше, нежели были прежние

стены, и потому не будет в состоянии выдержать напора прилегающей к стене земли.

В виду отклонения обвалов стены и угрожающего несчастного случая для проезжающих и проходящих по Ланжероновскому спуску, я признаю необходимым составить комиссию для освидетельствования строящейся стены из инженер-архитектора Влодека, Академика Моранди и Архитектора Коклена.

Уведомляя о вышеизложенном Вас, Милостивый Государь, имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего о командировании Академика Моранди в состав помянутой комиссии с тем, чтобы об оказавшемся по осмотре стены был составлен и представлен мне за общую подписью акт.

Градоначальник Бухарин
Там же, л. 10, 10 об.

Г-ну Члену Строительного отделения
Архитектора А. Э. Шейна
Доклад

Представляя при сем чертеж сооружения Городской стены у Ланжероновского спуска, имею честь доложить Вам, М. Г., что старая обрушившаяся стена была построена против всех правил строительного искусства. Стена эта была действительно слишком тонка для выдержания напора земли, кроме того, кладка камня не была горизонтальная и полная, не было контрфорсов, или быков, и никакого устройства для стока воды.

Размеры старой стены были следующие:

У фундамента 1 аршин 8 вершков толщины

У парапета, на верху, 10 вершков толщины.

Новая стена значительно толще, а именно:

У фундамента 2 аршина 4 вершков толщины (а с быками 3 аршина и 4 вершка)

У парапета, на верху, 14 вершков толщины (а с быками 1 аршин и 14 вершков).

Стена эта построена из хорошего камня, на извести, без бута, и кладка камня совершенно горизонтальная, с устройством отверстий для стока воды и, от фундамента до верха стены, устроены 5 быков в 1 аршин толщины. На этих быках перекочены арки, на которых должна быть возведена стена двора дома К. Гагарина. Таким образом, давление этой стены не будет действовать на насыпь, как это было прежде, а прямо на быках, которые имеют фундамент на скале. Кроме того, за стену насыпан и утрамбован чистый мусор, а не земля. Для более прочности стены необходимо, теперь же, принять меры для устранения влияния дождевых вод и устроить скат,

ровный и выложенный камнем, от парапета стены к двору дома К. Гагарина, откуда воды должны быть отведены дальше в канаву.

При сем два чертежа, изображающие разрезы стен.

Архитектор А. Э. Шейн

Одесса 6го октября 1874 года

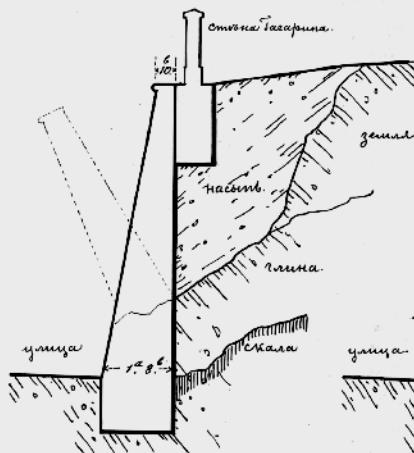
Там же, л. 15, 15 об.

Двора дома К. Гагарина, такими образом дают давление Этой стены на будущие фундаменты на насыпь, како это было прежде, а приносили бы опасность некоторым инженерным сооружениям на склоне. Кроюще тело за стеною насыпана и устроена бояль густый мусоръ, а не земля. Для больше прочности стены необходимо теперь же, принять меры для устраиния възникшаго дождеваго водъ и устроить склонъ ровами и выложивши каменемъ, отъ парапета стены до двору дома К. Гагарина, отъ туда въдь дальше въдь отведеніи дальше въ канаву. При сихъ два чертежа изображающе разрезы стены.

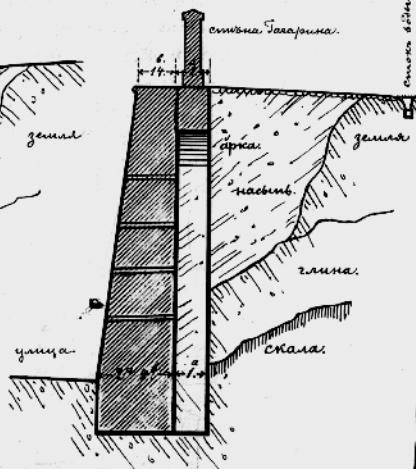
Архитекторъ А. Э. Шейн

Одесса 6го октября 1874 года.

Разрез старой стены.

Разрез новой стены.

**В Технико-Строительное
Отделение при Одесской Городской Управе**

Опекунши над несовершеннолетними детьми
умершего швейцарского уроженца
Викентия Девеки Егором и Тerezой Девеки,
вдовы Жозефины Девеки,
Николая и Павла Девеки

Прошение

Умерший муж мой и отец наш швейцарский уроженец Викентий Девеки, уже более 13ти лет как ведет процесс с Князем Петром Гагариным. Должен последний первому до 30ть руб. сереб. за сооружение дома ему, г. Гагарину состоящего в г. Одессе на Ланжероновском спуске, где помещается канцелярия г. Градоначальника.

Дело по настоящему предмету перешедши положительно все инстанции, но к прискорбию нашему, на каждом шагу встречали затруднение в окончании этого дела, почему вынуждены были назад тому месяца три отправить на почту к старшему сыну моему а брату нашему находящемуся в С. Петербурге прошение на Высочайшее имя для подачи Государю Императору и ныне дело наше находится в Государственном Совете для доклада, а как к делу этому как извещает сын мой и брат наш, необходимо иметь точные сведения о том, что именно разрушено сего лета в доме г. Гагарина, т. е., стена дома или городская стена, по этому мы имеем честь покорнейше просить Строительное Отделение командировать Городского Техника при Полицейском чиновнике для освидетельствования повреждений в доме г. Гагарина и об оказавшихся постановить акт, который выдать нам для высылки в С. Петербург, как весьма необходимый при разбирательстве дела нашего в Государственном Совете.

Опекунша над несовершеннолетними детьми Егором и Тerezой Девеки, вдова Josafina Deveky /Жозефина Девеки, Павел Девеки, Николай Девеки
Копию акта, составленного от 17 августа 1874 года для доставления
Девеки получил Титуллярный советник .... ноября 1874

31го октября
1874го года
Г. Одесса

**Селінов В. Архітектурні пам'ятники старої Одеси:
Видання одеської краєвої комісії охорони пам'ятників
матеріальної культури. — Одеса, 1930.
Будинок Вукоспілки, вул. Ласточкина, 2 («Буд. Кн. Гагаріна»)**

Ми розгорнули цілу низку будівель, що в тому чи іншому вигляді характеризують ампірний стиль, досить виразний в своїх монументальних формах. Нарешті зупинимо свою увагу на будинкові, який свідчить нам про псування класичного смаку проходженням до оздоблення стін, гзмисів та пляфонів буржуазного струмку, що починає панувати в другій половині XIX в.

С початку вул. Ласточкина, поруч з Державним історико-археологічним музеєм знаходиться простий за фасадом будинок з боку моря, що має закруглення («ротонди»). Такими ж закругленнями закінчуються і бокові крила. Будинок на два поверхи на цоколі з сутереною. Його збудував не раніше 50-х рр. архітектор Отон. В літературі про нього не зберіглося ніяких даних, крім кількох зауважень Е. С. Андріївського й О. М. Дерібаса.

Перший захоплюється «мармуровими східцями з їх мармуровими поручнями»¹, а другий згадує про залі, «облямовані золоченими гзмисами та чудово розкинутими пляфонами»².

Для огляду цікаві вестибюль і на другому поверсі дві кімнати на краях будинку, що закінчуються закругленнями, а також простора парадна зала. Вона так само закінчується закругленням («ротонда») з чотирма величими просвітами та шклянними дверима на балкон, який обігає по виступу, звідки відкривається досить гарний вид на море. Вестибюль вражає своєю широкістю та ласить зір подвійними мармуровими східцями, що ведуть на другий поверх, але останнє оздоблення порушує стрункість вражіння: парні колони по краях горішньої площини роблять ефект своїми складними капітелями та оздобленням їх так само, як і підвальними колон, під бронзу; те ж треба сказати про пілястри вестибюля.

Парадна зала блискотить золотими узорами гзмисів та плафону, але листя аканта, що беруть участь в орнаменті, не мають колишньої соковитості, а ліпні голови над дверима так само, як і золоте оздоблення, розраховані на ефект, що б'є у вічі.

І зовсім уже на новий лад розмальовані дві горішніх кімнати. Вони цілком однаково з низу до гори ніби завиті ліпними виноградними лозами, що тягнуться по стінах та перетинаються у різних напрямках. Все це орнаментне оздоблення свідчить про повний занепад класичних смаків та про прагнення до реалізму, який набрав тут досить грубого розв'язання.

Одеса. Май, 1930.
С. 19–20.

¹ Из архива К. Е. Андреевского. «Записки Э. С. Андреевского». Одесса, 1913. С. 216.

² «Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания». Одесса, 1913. С. 165.

Г. Г. Семыкина

«РАЗНООБРАЗНОСТЬ – НАШ ДЕВИЗ»

Рукописный журнал одесских лицеистов «Ареопаг»

(Одесса, 1828. – Ч. 1. – № 2-3)¹

Мы продолжаем публикацию первых номеров рукописного журнала «Ареопаг», выходившего в одесском Ришельевском лицее в 1828 г.²

Следует предварительно отметить, что исследователи, обращавшиеся к теме лицейских и гимназических журналов и альманахов XIX века, довольно редко помещали полные публикации студенческих текстов. И на это были вполне понятные причины: ведь юношеская «проба пера» — это еще не факт литературной жизни³. Весьма ощутима, к примеру, разница между старательными, а порой забавными, литературными упражнениями лицейских подростков и текстами первых одесских литературных альманахов. Но вот несколько аргументов в пользу продолжения нашей публикации.

«Ареопаг», один из ранних одесских русскоязычных текстов, при всем его литературном несовершенстве, тем не менее, является первоисточником, несущим информацию о духовном мире первых одесцитов, круге их культурных и литературных интересов, увлечений и антипатий. Впервые в истории литературной Одессы на страницах лицейского журнала дается оценка состояния современной литературы, звучат восторженные либо критические отклики о писателях, широко цитируются стихи любимых поэтов.

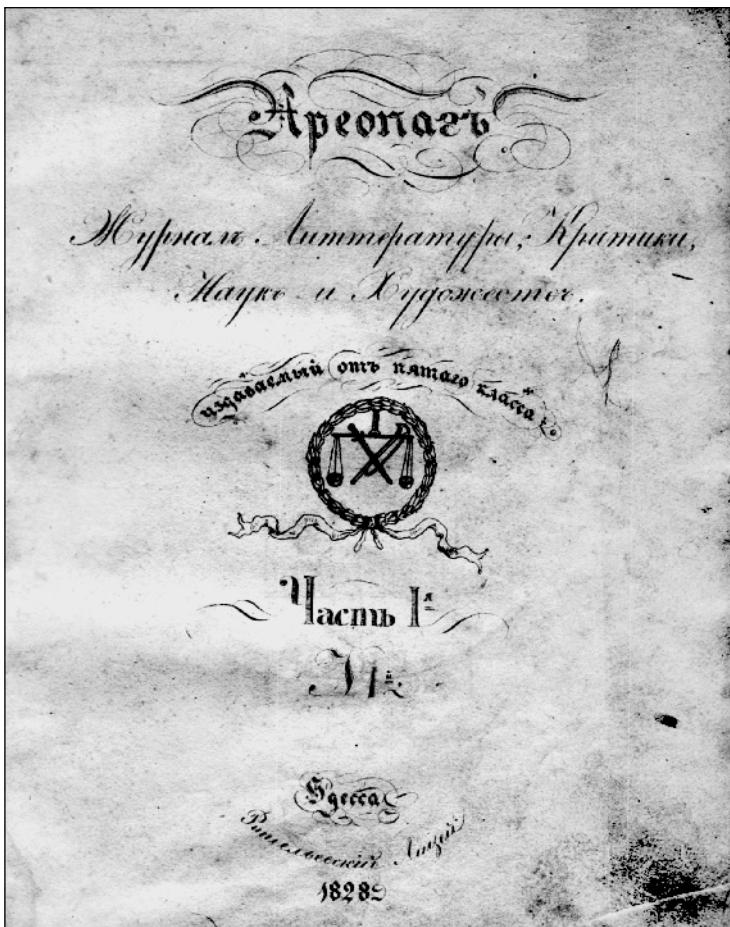
Примечательно, что в произведениях юных авторов отразились веяния и «болезни» времени. В эпоху романтизма они пишут романтические стихи и прозу, подражая Пушкину, Жуковскому, Байрону; увлекаются готическими романами, мистикой, тайнами масонов и тамплиеров. Но при этом также способны оценить прелест народной поэзии, как отечественной, так и зарубежной.

Журнал любопытен множеством деталей, оживляющих наше представление об истории ранней Одессы и лицея — учебного за-

ведения, горячо любимого дюком де Ришелье, который заботился о нем даже после отъезда из города.

И, наконец, напоминаю, «Ареопаг» — это первый сохранившийся одесский журнал, юный предшественник таких солидных для Одессы изданий, как «Литературные листки», одесские литературные альманахи и сборники. В этих изданиях спустя некоторое время будут принимать участие и повзрослевшие авторы «Ареопага».

Титульный лист первой части рукописного журнала «Ареопаг». Март — май 1828 г.

Второй номер журнала, как и прочие, открывается эпиграфом «Разнообразность — наш девиз», данном на латинском языке. И содержание журнала соответствует эпиграфу.

В разделе «Изящная словесность» продолжается публикация отрывков из книги французской писательницы, теоретика литературы Жермены де Сталь «О Германии», где читателю представляется немецкий писатель Виланд. Далее следует отрывок из сочинения английского писателя Оливера Гольдсмита «Житель мира» с рассуждениями о «поэте-философе» Вольтере. И, наконец, серьезный материал разбавляется озорным эссе юного лицеиста «От Архонта Литоса к Гражданам», призывающим читателей подсказать темы для публикаций в журнале.

В разделе «Поэзия» обращает на себя внимание публикация стихотворения Ф. Н. Глинки «Беспечность». Поэт, прозаик, журналист Ф. Н. Глинка, герой войны 1812 года, автор «Записок русского офицера», в 1826 году, вслед за другими декабристами, был арестован как член тайного общества и сослан на поселение в Петрозаводск. Его материальное положение в ссылке было крайне тяжелым, и лишь многочисленные публикации в различных периодических изданиях поддерживали поэта.

По нашему мнению, появление стихотворения опального поэта в лицейском журнале не было случайным. Слишком свежи были впечатления о недавнем восстании декабристов на Сенатской площади и последовавших вслед за этим репрессиях. В этом же номере «Ареопага» помещено анонимное стихотворение «Дивный кубок», где явственно прослеживаются последекабристские мотивы: скорбь одинокого поэта, некогда бывшего «певцом веселья» и неожиданно оставшегося в полном одиночестве, без друзей.

При чтении лицейских стихов возникает множество литературных ассоциаций и аллюзий. Пушкинские поэтические образы вспоминаются при чтении стихотворения А. Магденко «Элегия» («Когда любовный свет луны...»). Подражанием стихам В. А. Жуковского является мистическое стихотворение «Невидимые». Любопытны миниатюра «К Эде» (по прочтении поэмы Е. Баратынского) и эпитафия «Поэт из гроба» — подражание стихам из греческой антологии.

Но самым интересным стихотворением этого номера является «Отрывок из послания к П....у», анонимного автора, где в сокра-

щении легко угадывается фамилия А. С. Пушкина — любимого лицеистами поэта, еще совсем недавно отбывавшего ссылку в Одессе и подарившего городу «грамоту на бессмертие». Правда, следует отметить, что, несмотря на дань, отданную «ножкам» «дев прекрасных», стихотворение написано, скорее, в подражание В. И. Туманскому, чем А. С. Пушкину. Вслед за «Одесской ночью» («Ареопаг». — 1828. — № 1), это второе стихотворение, посвященное Одессе, на страницах лицейского журнала. Любопытно, что в этом сочинении город именуется еще ранним просторечным названием «Одесс», популярным в народе в конце XVIII — начале XIX века (вариант — «Одест»).

В разделе «Проза» завершилась публикация таинственной и малоизвестной «Были XVI столетия». Вслед за ней началась публикация отрывка из романа «Замок Понтефракт», подписанного именем «сира Вальтера Скотта».

Интерес к творчеству Вальтера Скотта в России с начала 1820-х годов, когда он был впервые переведен на русский язык, был огромным. Культовый писатель (как сказали бы сегодня), он привлекал восторженное внимание читателей на протяжении нескольких десятилетий. Его творчество высоко ценил А. С. Пушкин, в чьей домашней библиотеке были десятки романов писателя⁴. В 1820-е годы (в периодике и отдельными изданиями) публиковалось множество переводов произведений Вальтера Скотта. Им восхищались, ему подражали и даже мистифицировали читающую публику подделками, выходящими под именем английского писателя. Его книги привлекали восторженное внимание юношества.

Увы! Публикация «Замка Понтефракта» в лицейском журнале оказалась настоящей мистификацией. Лицеисты этого не ведали, хотя, при всей своей любви к журналу «Московский телеграф», могли бы обратить внимание на статью под названием «Вальтер Скотт и его сочинения» (Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. — М., 1826. — Ч. 11. — № 19. — С. 185). В ней сообщалось: «В Лондоне какой-то неизвестный автор осмелился даже выдать ложное продолжение «Рассказов моего хозяина»⁵. Оно состояло в романе «Замок Понтефракт»; обещано продолжение, сильный спор начался было по сему поводу, но хладнокровие, с каким публика приняла, и совершенное забвение, какому предоставила она ложного

Джедедию, отбили у него охоту писать, а у защитников его спорить и доказывать изящество «Замка Понтефракта»⁶.

Публикация в «Ареопаге» отрывка из романа неизвестного автора «Замок Понтефракт», похоже, была переводом из английской книги, что заставляет похвально думать о лингвистической образованности юного одесского переводчика.

Раздел «Критика» открывается задиристыми заметками «К издателям», где высмеиваются «непросвещенные» толки о лицейском журнале. Написаны они, безусловно, самими же издателями (Н. Тройницким и А. Ушаковым). Здесь категорически отрицается, что все критические статьи, помещенные в «Ареопаге» № 1, переписаны из журнала «Северные цветы» за 1828 г. Таким образом, издатели настаивают на своем авторстве⁷. Заметки щедро сопровождаются цитатами из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Пьеса Грибоедова будет полностью опубликована лишь в 1833 году, после гибели поэта. Следовательно, у лицейстов были списки «Горя от ума», которые они знали чуть ли не на память. Это еще раз свидетельствует о народности поэта, чьи стихи, еще не получившие цензурного разрешения для печати, знала на память вся Россия. (Между прочим, в это же время в мартовском номере «Одесского вестника» за 1828 г. упоминается имя Грибоедова⁸.)

Раздел «Смесь» сообщает о событиях, происходящих в Одессе, а также в лицее (о традиционных «качелях в Одессе к Святой Неделе», о предстоящем строительстве первого одесского водопровода). И снова лицейсты с удовольствием цитируют стихи А. С. Пушкина, посвященные Одессе:

«В Одессе в скромом времени проведут в некоторые улицы канал из Днестра; тогда публика не будет твердить стихи А. С. Пушкина:

Еще есть недостаток важный;
Чего б вы думали? — воды.
Потребны тяжкие труды...
Что ж? Это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Без пошлины привезено»⁹.

«Модные обычаи», как всегда, ироничны. И завершается второй номер журнала «Прибавлением», где приводится «Песня» («Заблестит на небе звездочка...»), «написанная в духе народно-русской поэзии».

Следующий, третий номер «Ареопага» увидел свет в мае 1828 года.

В нем лицеисты несколько расширили жанровое разнообразие журнала, включив в раздел «Изящная словесность» «Географико-статистическое обозрение Греции», впрочем, очерк написан (переведен с французского) не только обстоятельно, но и весьма изящно. В альманахах пушкинского времени такое смешение жанров встречается довольно часто.

Статьи г-жи де Сталь о Клопштоке и Шиллере возвышенны и романтичны. Особую прелест статье о Шиллере придают личные воспоминания писательницы о встрече с великим немецким поэтом.

Стихотворный раздел полон лицейских стихов, где отчетливо прослеживаются отзвуки романтической поэзии Жуковского («Фантазия», «Невыразимое»), Пушкина («Последнее прости», «Кубок», «Последняя сцена из трагедии N»). Стихотворение «Одесская буря» неизвестного автора продолжает цикл стихотворений, посвященных Одессе.

В разделе «Проза» завершилась публикация отрывка из готического романа «Замок Понтефракт», несправедливо приписываемого «сиру Вальтеру Скотту». «Замок Понтефракт», неизвестного автора, полон ужасов, тайн и загадок, столь любимых юношеством. В Одессе такие романтические сюжеты были достаточно популярны. Например, начиная с первых десятилетий XIX века, в городе появляются легенды, связанные с тайнами масонов. (Спустя несколько лет поэт В. Г. Тепляков, отбывавший ссылку в Одессе, напишет философское стихотворение «Чудный дом», посвященное легендам, связанным с одним из старых одесских домов.)

Одним из популярнейших романов конца XVIII — начала XIX в., как в Западной Европе, так и в России, был роман английского писателя Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». О нем писал любимый лицеистами «Московский телеграф»: «Тристрам Шенди», в свое время сделавший столько шума, всегда оставался в числе памятников необыкновенного остроумия и веселости очаровательной¹⁰.

Публикуемый лицеистами «Отрывок из нового Тристрама-Шанди» (глава «Странность») не принадлежит перу Стерна. В 1825 году в Москве была издана книга с похожим названием: «Жизнь и мнения нового Тристрама», писателя Якова Ивановича де Санглена¹¹ (по

характеристике А. И. Герцена, — «старого вольтерианца, остряка, болтуна и юмориста в роде Жуи»¹²⁾). Мало того, в этой книге, как и в «Отрывке» из «Ареопага», есть глава под названием «Странность», — но совсем иного содержания.

Лицейский текст «Отрывка из нового Тристрама-Шанди» вполне самостоятелен и, по нашему мнению, является пародией как на знаменитую книгу Стерна, так и на подражания ей.

Как и во многих современных журналах и альманахах («Московский телеграф», «Сын отечества», «Северные цветы» и др.), в лицейском журнале представлена модная восточная тематика: в третьем номере «Ареопага» появляется романтическое «Восточное сказание», написанное неким Н. Ориентом.

В разделе «Критика» продолжается обзор русских альманахов, начатый в первом номере «Ареопага». По поводу «Невского альманаха», некогда поместившего на своих страницах как величайшую ценность эпиграмматический отзыв А. С. Пушкина («Примите Невский альманах...»), юные критики ехидно замечают: «Вот как сильно действует дарование поэта на своих сограждан!» Но затем добавляют вполне серьезно: «Имя Пушкина есть как бы залог достоинства какого-нибудь альманаха: и справедливо, при появлении альманаха вы сейчас услышите вопросы: есть ли там стихи Пушкина, Козлова, Баратынского и проч., и потому нельзя винить г. Аладьина, что он поместил насмешку на свой альманах — ее написал Пушкин: издатель прав!»

В разделе «Смесь» лицейского журнала опубликован отклик на статью А. И. Левшина, помещенную в «Одесском вестнике» (1828. — № 29. — 11 апреля).

Одесский знакомый А. С. Пушкина, писатель, историк, этнограф и публицист, А. И. Левшин, путешествуя по Европе, встретился в начале 1828 года в Париже со знаменитым американским писателем, кумиром молодежи, Фенимором Купером.

Левшин писал: «Вчера был последний день нашей масленицы, и мы рас прощались с оною, как будто в России, на бале у соотечественницы нашей графини Раз-в-ой <...>. Пробегаю мимо дюков и дюшес, маркизов и маркиз, баронов и баронесс, даже мимо двух красавиц, которые всеми были замечены в толпе прекрасного пола; но останавливалась в той комнате, где меня представили известному американскому

писателю Куперу. Он живет в Париже около 20 месяцев и в мае намерен отправиться через Германию в Россию. Посетив Петербург и Москву, он думает направить путь свой в Астрахань, а оттуда в Одессу. Будучи весьма чистосердечен в обращении, он без всяких фраз и комплментов сказал мне, что любит русских и хочет видеть Россию».

Лицеисты с восторгом писали в «Ареопаге»: «Мы с большим удовольствием прочли в «Одесском Вестнике», что знаменитый романист Купер желает посетить Россию и, между прочим, заедет и в Одессу. Любопытно увидеть творца стольких превосходных романов и познакомиться с его характером на самом деле, а не судя по его сочинениям».

В этом же разделе журнала интересны заметки под названием «Мысли», где среди вполне «альбомных» текстов встречаются несомненные отклики на декабрьские события 1825 года («Ужасно рабство, ужасны последствия его, но еще ужаснее бездействие народа, или нравственное усыпление»).

Заключает очередную часть рукописного журнала «Прибавление», где помещены «Элегия» Григория Попандопуло на греческом языке, «Песня» («Не шуми, волна...») неизвестного автора и перевод на греческий язык отрывка из «Марьиной рощи» В. А. Жуковского. «Приятно думать, — пишут авторы «Ареопага», — что с восстанием эллинов, на поприще греческой литературы явятся русские авторы!

Греческая литература будет постоянной статьей нашего журнала!»

Итак, эпиграф к «Ареопагу» — «Разнообразность — наш девиз» — был полностью оправдан.

Авторы второго и третьего номеров «Ареопага»: лицеисты А. Магденко, А. Яворский (он же — «Я.»); прочие помещали свои сочинения анонимно (среди них Н. Тройницкий) либо скрывались за следующими псевдонимами и криптонимами: Н. Ориент, Р. Д. К. (вероятно, — «редакция», т. е., Н. Тройницкий и А. Ушаков), XVIII (подпись В. Золотницкого), -Х-.

И, в заключение, несколько малоизвестных фактов из хроники жизни Ришельевского лицея, дополняющих наше представление об уровне гуманитарной образованности одесских преподавателей и учащихся: рассказ о посещении в 1838 году Ришельевского лицея французским дипломатом и литератором бароном Амаблем де Барантоном¹³.

«В среду 21 августа (1838 г. — Г. С.) посетил Ришельевский лицей и состоящую при нем гимназию Французский Посол при Российском Дворе барон де Барант. При обозрении классов гимназии знаменитый посетитель в каждом останавливался и слушал ответы учеников, по его желанию, деланные с третьего класса на французском языке (вопросы были также предлагаются как учителями, так и Директором, по-французски). <...> В пятом классе воспитанник Черепанов отлично хорошо объяснял правила синтаксиса французского языка и разрешил множество вопросов касательно спряжения неправильных глаголов, синонимов и проч. Барон сказал ему: «Вы говорите как природный француз». <...>

Узнав, что профессор Беккер читает Римскую словесность, барон расспрашивал его о руководствах для латинского языка и любопытствовал знать, до какой степени нужно быть в нем подготовленным, чтобы поступить в студенты Лицея. Он был весьма обрадован, узнав, что Беккер читает лекции в Лицее на латинском языке и что студенты должны хорошо понимать по латыни.

В классах студентов остановился барон у Дудровича, преподававшего философию; довольно долго рассуждал с ним об авторах по его предмету и обращал его внимание на философов Шотландской Школы, едва ли не столько же достойных внимания, как и Германские.

Между тем ударило 12 часов. Воспитанников отвели в комнаты для занятий, а вольноприходящих распустили по домам. Все это исполнено было с чрезвычайною тишиною и порядком. В комнатах для занятий барон прошел по фронту воспитанников и перешел в спальню младшего возраста. Между тем воспитанники направились в столовую, куда и он за ними последовал. В столовой была пропета при нем предобеденная молитва, сделавшая, по-видимому, весьма приятное впечатление на знаменитого гостя.

В журнальной комнате он сказал, что в редких Коллегиумах (*Collèges*) в Париже находится такое собрание ученых периодических журналов.

Таким образом, барон Барант пробыл в этих заведениях больше часа. Его сопровождал Военный губернатор граф Толстой, прибывший вслед за ним.

Барон говорил медленно, обращал внимание на методы преподавания, осведомлялся, в каком классе что проходит, в каком раз-

мере, по каким руководствам; откуда заведения получают учителей и профессоров? сколько их? и проч. т. п. Сказывал, что сам учился русскому языку по грамматике Греча; отзывался о ней с выгодной стороны и прибавил, что понимает уже несколько русский язык; хвалил порядок и чистоту в Заведениях и опрятность учеников. Особенno понравились ему дортуары.

Прощаясь, обратился он к директору и с особенным выражением сказал, что ему приятно видеть в таком цветущем состоянии Заведение, основанное его соотечественником»¹⁴.

Примечания

- 1 Экспонаты (2 тетради): «Ареопаг. Журнал литературы, критики, наук и художеств, издаваемый от пятого класса» (Одесса, 1828. — Ч. 1. — № 1–3; Одесса, 1829. — Ч. 2. — № 1), — поступили в Одесский литературный музей в 1987 году (в числе прочих экспонатов Музея-квартиры А. С. Пушкина) согласно Постановлению о передаче музея А. С. Пушкина Одесскому литературному музею (Одесский государственный историко-краеведческий музей). Акт передачи от 17.06.1987 г. Одесский государственный литературный музей. Акт приема № 2035 от 20.08.1987 г.).
См. также: Островская Н. К. Я жил тогда в Одессе....: Путеводитель по Музею-квартире А. С. Пушкина. — Одесса: Маяк, 1987. — С. 35.
2. Начало см.: Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций. — Вып. 4. — Одесса, 2007. — С. 22.
3. См., например: Смирнов С. Г. Ученые журналы и сборники. — М., 1901. — 133 с. То же: «Вестник воспитания» (М., 1901. № 6–9). Сватиков С. Г. Студенческая печать с 1755 по 1915 г.: (Журналы, газеты, сборники и альманахи) // Путь студенчества. — М., 1916. Среди полностью опубликованных текстов лицейских журналов в России см.: журналы 1-го курса Царскосельского лицея в книге: Грот К. Я. Пушкинский Лицей (1811–1817). Бумаги 1-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. (С приложением портретов, факсимile и рисунков, а также некоторых бумаг III и IV курсов). — Санкт-Петербург, 1911.
4. Пушкин писал о В. Скотте: «Главная прелест романов Walter Scott состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем не с enflure [напыщенностю (франц.)] французских трагедий, — не с чопорностью чувствительных романов — не с dignite [достоинством (франц.)] истории, но современно, но домашним образом. Shakespeare, Гете, Walter Scott не имеют холопского пристрастия к королям и героям. Они не походят (как герои французские) на холопей, передразнивающих la dignite et la noblesse... [достоинство и благородство (франц.)]....». Цит. по: Пушкин А. С. <О романах Вальтера Скотта> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1977–1979. — Т. 7. Критика и публицистика. — 1978. — С. 366.

5. «Рассказы моего хозяина» (или «Рассказы трактирщика») — серия романов В. Скотта, якобы (по версии автора) написанных школьным учителем и псаломщиком Джедедием Клейшботэмом.
6. Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. — М., 1826. — Ч. 11. — № 19. — С. 197.
7. В «Ареопаге» нет статей, заимствованных из журнала «Северные цветы».
8. «СПб, 15 марта. Вчерашний день, 14-го сего месяца, прибыл сюда коллежский советник Грибоедов с мирным трактатом, заключенным с Персию 10/22 февраля в Туркманчае». Цит. по: «Чрезвычайное прибавление к «Одесскому вестнику», № 24 (от 24 марта 1828 г.)
9. Пушкин А. С. «Евгений Онегин» («Отрывки из «Путешествия Онегина»; строфы, посвященные Одессе»).
10. Библиография // Московский телеграф. — 1826. — Ч. 11 — № 20. — С. 287.
11. Санглен Я. И. де (1776–1864) — писатель, историк, журналист, издатель, профессор Московского университета. Автор книг «Жизнь и мнения нового Тристрама» (М., 1825); «Рыцарская клятва при гробе» (Москва, 1832); «Шиллер, Вольтер и Руссо» (Москва, 1843) и др.
Книга Я. де Санглена «Жизнь и мнения нового Тристрама» упоминается в журнале «Московский телеграф» (1826. — Ч. 11 — № 20. — С. 290–291). Экземпляр книги сохранился в научной библиотеке им. Горького.
12. Полярная звезда. — Лондон, 1855. — С. 86–87.
13. Барант Амабль-Гийом-Продспер-Брюжье, барон де (1782–1866) — литератор и историк, французский посланник. О нем см.: Зленко Г. Тот самый де Барант... // Вечерняя Одесса. — 1991. — 26 июля.
14. О посещении Одесского Ришельевского лицея бароном де Барантом // Журнал Министерства народного просвещения. — СПб. — 1838. — Июль. — С. 735–737.

Орфография и пунктуация публикуемых текстов приближены к современным, с сохранением наиболее ярких орфографических и синтаксических особенностей правописания пушкинского времени.

Ареопаг

1828.

N. 2^й

Апрель.

"Si imprudentibus est nobis vis."

1. Имянная Словесность.

1 Вильанд.

(Но сочин. Стаск Гейнрих.)

Нынъ въездъ Германскіхъ тысячелѣтъ, Вильандъ имена
образцами творений французовъ и подражаетъ имъ
литературѣ иностранный, съѣдѣвъ неподражаемыхъ, а
свои сочиненія чужаючи. — Великій же членъ,
какъ отъ усовершенствованія языка, такъ и възстаніи
словесности легкомъ гармониче скончъ, какимъ дура
довольно извѣстны!

Прозаическихъ сочиненій Вильанда, да же сказокъ про
вѣсеннимъ Вольтера, — птическихъ стихорѣмъ
Аріана, то это произволное складство не

15

Начало второго номера рукописного журнала «Ареопаг». Апрель 1828 г.

Ареопаг

1828

№ 2

Апрель

«*L'impartialité est notre devise*»

I. Изящная словесность

1. Виланд

(Из сочин. Сталь-Гольштейн)¹

Из всех Германских писателей Виланд² имел образцами творения французов и, подражая литературе иностранной, он был неподражаем, а его сочинения гениальны. Великие же услуги, как в усовершенствовании языка, так и в стихосложении, легком и гармоническом, кажется, уже довольно известны.

Прозаические сочинения Виланда более сходны с произведениями Вольтера³, пийтические — с творениями Ариоста⁴, но это произвольное сходство не препятствует видеть в нем истинного Германца, которому можно почесть не только ученье Вольтера, но и всех поэтов Франции [?]; потому что, изучаясь древним, он вполне наслаждался, отличая изящное во всем. Ошибки и красоты сего писателя носят отпечаток совершенно противный легкости и приятности французских сочинений, а стихотворения прекраснее и оригинальнее прозы, особенно поэма «Оберон». В ней заметно необъемлемое воображение и искусство все сделать привлекательным, однако можно укорять поэта за то, что излишне строг в рассуждении любви и, кажется, уже не избегнул справедливого суждения Германцев, которые, подобно предкам своим, почитают прелестный пол.

Его беседы приятны, так как природные качества противуположны философии, и это смешение может вредить и ему, и быть ощутительно обществу. Он одушевлен, воспламенен вдохновением и, подобно всем поэтам, молод в старости: но хочет ли сделаться скептиком — и в то же время непостоянен воображением, чтобы перейти к постоянству; словом, он и немецкий поэт, и французский философ, которые оба беспрестанно друг другу противятся, и эта борьба и этот гнев переменяются во что-то сладостное, невыразимое.

2. Письмо XXX

(Из сочин.: Гольдшмита «Житель мира»)⁵

*Chi Altangi к Fum Ноам,
Президенту Акад. в Пекине*

Ужасно и вместе горестно слышать о кончине славного поэта-философа Вольтера. Враги, которые старались всегда и везде унизить его творения и очернить его характер, как будто нечаянно пораженные громом, безмолвствуют. В последних сочинениях Фернейского мудреца мы видим, как он страдал от предрассудков и заблуждений соотечественников, от несправедливости гонителей — и я, Fum Ноам, благословляю минуту смерти, ибо он счастливее, оставив временный мир, оставил недостойных, не знающих ценить изящное, совершенное, превышающее все. Обращая внимание на философов, просвещивающих род человеческий, — невольно гнушаюсь людьми! Мучения Ментия⁶, кубок Сократа⁷, ванна Сенеки⁸, преследования Данта⁹, заточение Галилея¹⁰, изгнание Каррезия¹¹ — и все оставляет меня в недоумении: кого хулить, рассудок или несправедливость ближних — теряюсь — и не нахожу причины и начала ненависти, преследующей великих людей до гроба, и не могу понять, отчего отправляют гонения жизнь их?.. Ежедневно природа производит людей, которые и повинуются, и повелеваю, но философы, блюстители нравов сограждан, гонители порочных, к которым должны прибегать цари и требовать наставлений, как соделать подданных счастливыми, являются; и их явление поистине удивительное, делает перевороты во многих столетиях; а мы, вместо того, чтобы их богоугодить, — порицаем и преследуем пагубной клеветой. И вот отчего: ежели я желаю узнать характер Вольтера из описаний мелких малозначащих писателей, то вижу его достойным презрения; напротив, слова равных ему великих людей показывают в нем достоинства единственные, совершенные. Прусский monarch, Дидерот¹², Д'Аламберт¹³ и Фонтенель¹⁴ представляют его добродетельным и покровителем великих умов.

Он, не имея богатств, научил других презирать подарки вельмож и тщетное величие, и чрез их власть, старание и ухищрение был изгнан из отечества, но Швейцария, страна свободы, была прибежищем поэта-философа, и народ, знающий сохранять гражданскую вольность и соединять ее с науками, был им почитаем и любим.

3. От Архонта¹⁵ Литоса к Гражданам

Любезные Граждане! Приготавляя второй номер нашего «Ареопага», мы заботились о составлении статей, которыми бы можно было украсить журнал сей. Мне было поручено написать маленькую статейку, которую бы прилично было примазать к изящной словесности. Исполняя должность Архонта, я взял перо, приготовил лист чистой бумаги, думал, думал и наконец ничего не придумал; так глупая курица сидит, сидит и ничего не высидит, — изрезал перо, измарал бумагу и по-пустому протортил время. Сначала было я сел солидно, починил хорошенъко перо, омокнул его в чернильницу, положил на стол бумагу, не окружая, однако ж, себя книгами, потому что я не имею обыкновения сдирать мундиры с бедных авторов, которых и пыль, и моль довольно уже ограбили; ударили в лоб пальцем, хотел писать, но мысли не лезут в голову; вперил глаза свои в стену, но, к несчастию, на ней не было написано ни «Законов» Солоновых¹⁶, ни «Илиады» Гомеровой¹⁷, ни даже самой «Россиады»¹⁸.

Что делать! о чем писать?

Хотел я сперва помучить вас воспоминанием о древней литературе, но боялся, чтобы не сделалось с вами какого-либо припадка.

Описывать новые нравы, вот штука! — мало ли людей на свете, да и всяк на свой лад; выводить новые патетические повести — и так уже все вздыхают; подражать Вальтеру Скотту — смешить людей, дурачить глупцов. Вот дело! Проповедовать философию — учить тому, чему нас научила природа; доказывать, что на небе есть звезды, что земля вертится, а солнце стоит — лекарства от бессонницы!

О чем же, наконец, писать? — О всем. Да достанет ли на это времени? Сколько уже написано, сколько пишут и сколько еще будут писать, а еще ни о чем не написали. Все говорят: нечего читать — все глупо, все состарились! О чем же мне писать? Представляю сказать вам, Граждане!

II. Стихотворения

1. Беспечность

С грохотом гром в небесах за сверканием молний катится;
В вихрях кипящая смерть над главою летает у нас!
Нет нам опор на земле: под землею стрежет нас безмолвно
Черная бездна... Гроб!.. Кости отцов — Земли ожерелье!
Мы же беспечны слепцы!.. Мы, под громом на бездне смеясь,
В вихрях сует и забав и летим, и несемся к могиле.

Ф. Глинка¹⁹

2. Роза

Как призрак небесный,
Красою сияет она,
И запах чудесный
От уст благовонных ея.

И ангел впервые
С улыбкой на розу взирал,
И взоры младые
Цветок поднебесный пленял.

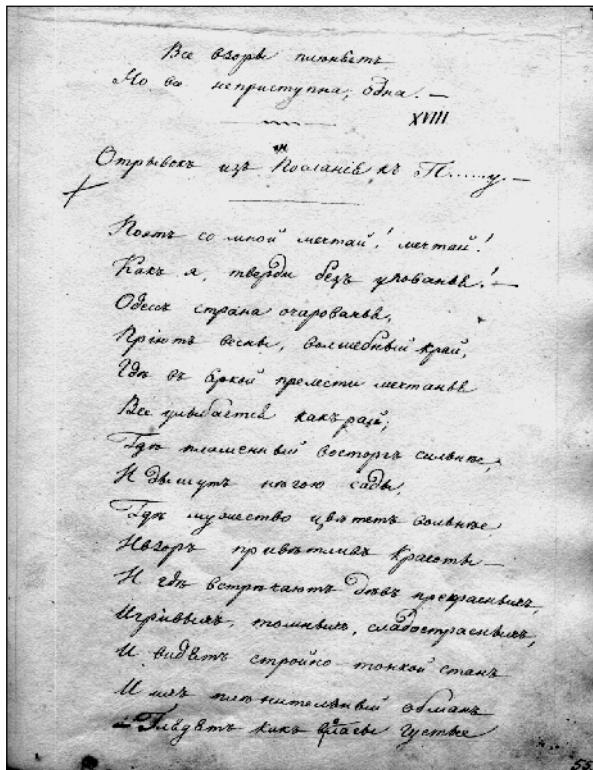
И дух благосклонный
Земное похитить хотел,
Взглянул, но, смущенный,
Назад отступил, покраснел.

И с каждой зарею
Все роза милее цветет,
Все с новой красою;
Но розу никто не сорвет.

И в небе есть розы
Прекрасны, и нежно цветут,
И сладкие слезы,
Взиная, там юноши льют.

Но роза земная —
Небесных прелестней она.
Все взоры пленяет,
Но все недоступна, одна.

XVIII²⁰

3. Отрывок из послания к П....у²¹

Поэт, со мной мечтай! мечтай!
 Как я, тверди без упованья! —
 Одесс — страна очарованья,
 Приют весны, волшебный край,
 Где в яркой прелести мечтанья
 Все улыбаются, как рай;
 Где пламенный восторг сильнее
 И дышут негою сады,
 Где мужество цветет вольнее
 И взор приветлив Красоты.
 И где встречают дев прекрасных,
 Игровых, томных, сладострастных,
 И видят стройно-тонкий стан
 И их пленительный обман.

Глядят, как волосы густые
Сплетаясь, вьются по плечам,
Как блещут очи голубые
В тени аллей, по вечерам...

.....

И как роскошными кудрями
Играет ветер, и покров,
Как ткань далеких облаков,
Волнуясь, вьется над грудями.
Он прелесть беззащитных дев,
Неумолимый, всем являет,
И, презирая тихий гнев,
Их ножки смело открывает.

.....

4. Желание

Быть может, в тишине ночной,
Когда луна над облаками
Вздойдет и трепетной струей
Прольет свет сладостный над нами,
Быть может, в этот час она
Прийдет и нежною рукою
Меня обнимет и, мила,
Опять с любовию живою
День жизни юной уладит
И счастье снова воскресит.

Настань! настань, желанный час!
Приди, минута роковая!
Приди! и съедини вновь нас
Любовь небесная, святая.

5. Мелодия

Прелестна лазурь и сиянье луны;
Но Эммы сапфирные очи
Прелестней лазури небесной горят,
Прелестней сиянья любовью блестят.
Прелестна и роза, когда на заре
Зардеет, как пурпур Авроры;
Но пурпур прелестней беспечных Харит,
Когда на ланитах у Эммы блестит ²².

6. Желание

Когда б она меня ласкала
И шелк пленильных кудрей
При мне, в безмолвии ночей,
Небрежно в косы заплетала
И белизну таинственных грудей
Покровами не прикрывала²³.

7. Элегия

Люблю один, в уединеньи,
Предавшись сладкому забвенью,
Бродить над бездною морской
Или, повиснув над скалой,
Внимать шеп[т]ливому волнению.
Оно приятно для меня,
Оно меня увеселяет.
И часто сердце услаждает,
Когда задумываюсь я.

8. Дивный кубок

Веселая пирает младость
Беспечно в тишине ночной,
Во взорах робких блещет радость
И ходит кубок круговой.

Но он... Зачем, певец веселья?
Зачем в твоей руке дрожит?
Пей!.. не расплескай!.. похмелье,
Как нам тебя развеселить?
Пей, друг, напиток драгоценный,
Держи! держи!... но хладный пот,
Но робкий взгляд и взгляд смущенья
Невольно к горестям влечет...²⁴

Веселая пирает младость
Беспечно в тишине ночной,
Во взорах робких блещет радость
И ходит кубок круговой!

Поднес с улыбкою презренья
К устам трепещущим, молчит!
Поднес опять, в мечтах забвенья,
И кубок, вырвавшись, — звучит!

Не слышно шумного веселья,
Не ходит кубок круговой,
И без друзей певец похмелья
Стоит, как камень гробовой.

9. Ода к Н. Н.

Настанет сладкая минута,
Когда в объятиях твоих
Засну я, славою забытый,
Как воин, на венках своих.
Меня утешит вдохновенье
Мечтою юности моей,
Как утешает на сраженьи
Полуумершего трофея.

10. Поэт из гроба

Путник, открыто грядущее мне... поведаю я,
Что будет. Страхись же нарушить слезами покой,
Но в ветхую урну чашей златой ударяя,
Священную тризну на гробе моем соверши²⁵.

11. К З.....

Люблю беспечные беседы
И шум за дружеским столом,
Когда поэты-домоседы
Сверкают пенистым вином.
Люблю их шум, люблю их споры,
Восторг, заветные мечты,
Как дев плениительные взоры,
Как ласки скромной красоты,
Как первые очарованья,
Как первые любови сны,
Как постоянные мечтанья
При блеске молодой луны.

12. Элегия

Когда любовный свет луны
Порой играет в влаге ясной
И плеск сонливых волн
Склоняет к неге сладострастной,

Тогда один не знаю сна.
Взор бродит в мрачном отдаленъи,
Ни свет луны и ни волна
Не склонит к сладкому забвенью.

Когда зардеет небосклон,
Блестит в цветах слеза Авроры,
Кружится резвый Арион
Над пышными коврами флоры.

Тогда один я незнаком
Любви волшебным упоеньям,
И утро резвым ветерком
Не склонит душу к восхищеньям.

Блистает солнце над рекою
И тонет в пламенных лучах.
Но вот уже день за горою.
Все движет лению в садах.

Но лень, но тень садов Тавриды
Отраду в душу не прольет,
Но образ юной Нереиды
Услады мне не принесет;

Всегда томим тяжелой думой,
Узнал и страсти, и любовь,
Мой равнодушен взор угрюмый
И не кипит младая кровь.

Анд. Магденко²⁶

13. Элегия

Блуждаю в тишине ночной;
Смотрю на пенистые волны;
Стою над дикою скалой,
Угрюмый, мрачный и безмолвный.

Волнуется море, и пена кипит,
И быстро волна за волною несется,
Утес отдаленный паденьем грозит,
И гул от ударов вдали раздается;
Сребристые брызги над бездной морской
Несутся, звездятся, как искры, сверкают,
И мрачные тучи ужасною мглой
И берег, и море от взоров скрывают.

Не буду пленяться улыбкой Харит
И песнью волшебной пленительной девы,
Когда в наслажденьях душа не хранит
И сладость восторга, и шум, и напевы.
Нередко в раздолье приятных ночей
Волшебные звуки и вещие струны
    На лире моей,
Как говор дубравы, как мощны перуны,
    Как шумный ручей,
Приятно рокочут и дивно ласкают
    Изнеженный слух;
Звучат и гремят и, гремя, поражают
    Встревоженный дух.
    Разлился пурпур золотой,
    И златом блещут волны,
    Стою над дикою скалой,
    Угрюмый, мрачный и безмолвный.
    Коснусь волшебных струн перстами,
    Они гремят, они звучат,
Несутся, вторятся горами
    И мрачно сердцу говорят.
    Звучите! гремите! о вещие струны,
    На лире моей!
    Как шумное море, как мощны перуны,
    Во мраке ночей!
    Не виден пурпур золотой,
    И им не блещут волны,
    Стою над дикою скалой,
    Мечтаний смелых полный.

19. К Эде

(По прочт. поэмы Е. Барат.)²⁷

Как бледный призрак полуночи,
Ты к своему певцу явись.
Закрой его недремлющие очи —
Целуй, целуй, целуй! и тихо удались.

20. Элегия

Мои прошли очарованья,
Час роковой разрушил все.
Теперь одни воспоминанья
И нет! и нет уже ее!
Куда стремишься, дух унылый?
Куда? к кому? кого зовешь?
Чей представляешь образ милый,
Уже той нет, а ты живешь.
Умолкли, лепет непонятный,
Зачем тревожишь прах немой —
Ужель твой звук, и слабый, и невнятный
Поднимет остов гробовой?

Я.²⁸

21. Невидимые

Без плоти с бытием, без чувств с страстью — и мрачно
В подземной им, как ночь; а там, где вечный свет, —
Еще темней! Еще мрачней!
Они всегда, везде, и общего — им нет.
Они живут ни в чем — и жили без начала,
Но то не жизнь, то жизнь смертей!

*

Все, все священное! Божественный весь пламень —
Святыни огнь и власть, и сила, и закон,
И сущее, как дух, — для них
Ничто, и им, как прах, и временно, как стон
Последний, тихий стон покойного при гробе;
Как глас — ни мертвых, ни живых.

*

Они неведомы, невидимы и сущи,
И их душа — сей луч — и искра Божества,
То вдруг поймет, то не поймет!
В них сила есть без сил и мир без естества;
А зло предвечное в невидимых, но сущих,
Как тлен, умрет и оживет!

24.

III. Проза.

Тобит XII. Конспект сонгкета из француз.

III. *Mon Dieu aidez-moi*

— Тасова иш, Сирт киотъ стокничасть со
какъ то подгубилъ изенъ и ишо дѣвъ
деху чинъ.

“Chaos in mundo, chaos in Copto,

— Когъ гурдасъ, то какъ то приводасъ;
алѣ дацка грекъ азъ, шивасъ ташъ
машъ, то сивасъ, то джинъ шишъ и
рѣдкіе панкъи чрезъ широпомъ ишевъ и
шиа. Давонскій Зуки въведеніе Зуки въведеніе

съ ногъ, земли, на коньѣ въ ахинеи,
“Principium identitatis,” — по-друго — ако-

всѣда въспоминается какъ “identitatis proprio
personalitatis, non est ha...”

стамъ, разнѣи тѣлеснѣи въ Сирии!!

“Все — Сиртъ”

63.

“Оно разнѣи въ предѣлахъ. — Изъ
противной стороны. За сплошной брикъ, широкъ
извонъ. Бѣхъ сюда разгѣбѣи и подѣбѣи,
что я, какъ я вѣда, попадъ на одну изъ тѣлесъ
и адѣкую панкъи тѣлеснѣи, где шахъ
бесъ бѣхъ. — Кемами....

“Нѣ, комами. Нѣ, слышишъ ли я? а
може породица Засѣбѣица въ Рѣбѣи.
— Не то!”

“А будиша, что то?”

“Душаи и хѣбѣи.”

Раздел «Проза». Страницы журнала «Ареопаг». Апрель 1828 г.

III. Проза

Быль XVI столетия (отрывок из романа)²⁹

III.

«*Mon Dieu aides moi*»

— Голова моя, сир Кнот, столкнулась с чем-то твердым, — и земля, и небо, и все закружилось.

— Chaos in mundo, chaos in Capite.

— Мне чудились то какие-то привидения, а вдалеке — яркие огни, мелькая там и там; то слышалось, что дикий шум и чудные напевы, и рев, и ропот, и плеск и все демонские заунывные звуки выходили из-под земли; наконец, все смешалось.

— Principium identitati, — потеряно — оно всегда основывается на identitalis proprio personalitalis, то есть на ...

— На том, чтобы ты молчал и слушал!!

— Bene, лорд.

— Не помню, долго ли был в таком жалком положении. Очнувшись, я увидел себя в каком-то адском вертепе; черные квакерские одеяния, развешанные симметрически, и кинжалы, разбросанные в беспорядке, приводили в ужас так, что зубы щелкали поневоле и дрожь проникала всего; в углу смиренно стоял стол на трех ножках, закрывая окно или маленькое отверстие в стене при самом ее основании, а под сводом здания висела лампа и освещала так, что чуть-чуть только можно было различать предметы. В противной стороне, за стеною, крик, шум и звон кубков гулко раздавался и показывал, где я; но как и когда попал на эту пирушку и адскую потеху черноголовых, для меня было загадочно. Кстати...

— Sic, кстати, лорд, — сказал сир Кнот, и пена портера засеребрилась в кубке. — Не то!

— А я думал, что то.

— Думать, а не делать.

— Нельзя делать, чтоб не думать, нельзя думать, чтоб не делать; думают для того, чтобы делать, делают для того, чтобы...

— Ни слова, думной и деловой! не то я из тебя сделаю рос[т]биф!

— Кончим! Смешение и говора, и криков утихло; и только один небесный голос, как звуки невидимых духов, как гармония надзвездных

жителей, раздавался в ночной тишине так сладостно и так приятно, что сердце от скорого волнения крови колыхалось то туда, то сюда в груди, как рыбачий членок на озере; но, наконец, и это одно утешение, и эта одна мелодия прервана была хриплым голосом, как будто волшебным звуком или мановением жезла — Игнатия Картерста.

— O terrrores magicos!

IV.

«Прекрасный вид
О прежних днях невольно говорит».
Из «Лары» Байрона

— Мрачные мысли, одна одной ужаснее, одна одной терзательнее, делали мое положение еще несносней, а незнание о будущем представляло страшную картину, соединяя настоящее с прошедшим. Если бы в то время преступная рука палача, ухватя за кудри, в беспорядке рассыпанные по плечам, грозила смертию, эта минута была бы утешением. Вдруг что-то послышалось. Нет! это не мечта, сир!

— Так, лорд, я знаю, я верю и клянусь святым Георгием, что это не мечта!

— Ожидая неведомого посетителя, благословлял минуту смерти
— Продолжайте, продолжайте!

— Кто-то приближался, но тихо, как будто страшась нарушить безмолвие ночи и вдруг...

— Уф!

— Не могу изобразить тебе мое удивление и радость — дева прелестная, как май, явилась, и я, повинуясь ее велению, вышел за ней из адского жилища. Но она мне неизвестна, хотя, сир Артур, ее прелести остались надолго в сердце и в памяти. И как позабыть это лицо, оттененное ярким румянцем невинности, черные глаза, стан, улыбка, груди — нет, ты должен ее увидеть, чтоб быть очарованным.

— Sic ego vidi...

— Этот носик — башня Мельрозы³⁰, около его порхает божок любви, как около башни Мельрозы — зловещий ворон; глаза блестящие, как шпиц при восхождении солнца, и оборачиваются, как флюгер, а два ряда зубов белеют, как два стада белых шотландских овец, — величественно произнес сир Кнот, расправил клок рыжих волос, приподнялся, и протяжное «fimi! fimi!» вылетело из рта, как грохот и рокотанье из широкого жерла вулканов.

1.

**2. Отрывок из романа сира Вальтера Скотта
«Замок Понтефракт»³¹**

«Он обещал мир совершенный,
населенный духами свободными,
говорящими языком общим
и составляющими как бы одно семейство.
Он утверждал даже, что
смерть не будет более иметь власти,
ежели только дух наши изгонит
сие чудовище. «Сей дух, — говорил он, —
есть владыка всех вещей,
начальник власти, богатства, роскоши
и красоты. Сей дух может
уровнять горы, повелевать громом,
останавливать дождь; ему покоряются
тьмы темь бесплотных
и трепещут от Гласа Его».

— Так когда-то персияне возвещали
царствование Миоры и возвращение
Золотого века».

La jeune fille de Renmore

— Итак, друзья мои, — сказал сир Артур Бомонт, — по обещанию моему я должен, как кажется, рассказать все, что только мне известно, о невидимых; но я не буду наскушать неуместными отступлениями о происхождении и свойствах древних тайнств, послуживших началом теперешним. Всем уже известно, что сии тайнства совершились и совершаются почти всегда в пещерах, подобных подземельям Св. Патриция³² в Ирландии. Там подвергались разным ужасным искусам, предания о коих находятся во многих старых балладах; но некоторые шарлатаны (*rose-eroix*), соединившись, как я думаю, с клубом философов-разрушителей, сами уверяют, что большой Некрополис, построенный на месте древнего Мемфиса³³, был главным местопребыванием прежних масонских сект, и что самая даже большая пирамида с своими внутренними, столь странными комнатами и рогатками, с своим гробом, или, лучше сказать, ящиком, слишком широким для трупа, служила первою большою ложей. Я вам только скажу то, что сам лично узнал и что явно относится к одному из остатков сего страшного сообщества, которое собрано поблизости к замку.

Возвращаясь из путешествий с сиром Кенельмом Дигби и подружась с ним, или, лучше сказать, посещая с ним в чужих краях незнакомых людей, получил такую страсть ко всему чудесному и непроницаемому, что она вскоре сделалась необходимою пищею моего сердца и воображения; и когда я был в таком расположении духа, приезд [одного] из близких и нежно любимых мною родственников сделал на меня глубокое впечатление.

Он всегда был погружен в беспрерывное уныние, и раз, когда ипохондрия его достигла до высочайшей степени, признался мне, хотя с заметным неудовольствием, что был связан клятвою, тяготевшею над его совестью. После этого признания долго упорствовал, не хотя более ничего объявить, — но в мучениях, разрушавших мало-помалу и спокойствие, и жизнь, он невольно открыл, что был членом тайного общества, в котором участвовали пронырливые, получившие хитростию защиту и покровительство правительства под видом поборников новосозданной Реформатской церкви против Папства. Они составляют новое учение, называются *невидимыми* и имеют множество сообщников и последователей даже из важнейших особ нашего Государства!

Лорд Фалкленд не был ни честолюбив, ни алчен к богатству, ни вздорного характера, итак, вы сами можете вообразить, что мне весьма любопытно было узнать причины, побудившие его связать себя столь безрассудною клятвой.

Родственник мой признался, после нескольких отговорок, что любовь, столь же безнадежная, как и непреодолимая, вовлекла его в тайно расставляемые сети. Однажды во время беспокойного сна он прошептал имя, которое я не могу ни слышать, ни произносить без внутреннего волнения, притом такое имя, о котором мне, как другу, должно умолчать.

Сир Артур Бомонт остановился, побледнел, затрепетал и, как бы страшась увидеть что-либо ужасное, робко, дико посмотрел вокруг себя и едва не произнес сего таинственного имени, но удержался; слова, готовые излететь, замерли на устах, и он почти не смел дышать, но, мало-помалу успокоившись, продолжал свое повествование.

Постепенно, внимательно присматривая за ним во время его болезни, я весьма подробно узнал о тайном обществе. Сии люди нового просвещения имели гораздо более отраслей, нежели можно было думать, под хитрым молчанием они скрывали дерзкие и преступные планы, употребляя всевозможные усилия, дабы просвещать своих

агентов, не иначе как понемногу. Расстраивали и помрачали воображение тех, которых они хотели употребить орудием к совершению своих намерений. Их главная характеристическая черта была смесь учения и фанатизма, он мимоходом дал мне заметить, что общество, восплеменившее мало-помалу пламя революции, было составлено из членов или присоединенных к Ареопагистам, или из самих Ареопагистов Тайного Совета. После сего открытия родственник мой неизвестно где был, никто, даже и самые служители его о том ничего не знали. Начали справляться, разыскивать, но все напрасно, и я только тогда вспомнил, что он с давнего времени был весьма беспокоен и предчувствовал, что скоро будет убит: ибо открывавшему таинства, рано или поздно, должно было страшиться смерти самой ужасной от невидимых, которые не оставляли обиды, нанесенной им, без наказания.

Характер, правила — все было тогда во мне более романическое, не жели теперь. Теперь не то, что было прежде, как говорит Гораций³⁴:

Senit albescens animos capitius
Sitium ex rixae cupidos proterus.

Более глубокое познание света научило меня смотреть на него, как на мрачную темницу; на многие вещи, как на печальные события в оной, украшенной всеми прелестями пламенного воображения. Я был пылок, стремителен, горяч, вспыльчив, тотчас начертал план, и опасности, соединенные с исполнением оного, еще более побуждали меня не оставлять его. Жажда к чудесному и мщению, которую лета и опытность уменьшили, овладела мною. Слепо искал средств удовлетворить моему бешенству, старался скорее сделать первый опасный шаг к цели. По указанию сих писем, я отправился к главному посту, расставленному на самом оконечном круге этого сорища демонов. Меня вели через множество, подобных первому, постов, тесно соединенных между собою, как тонко сотканная паутина доставляет скрывающемуся пацку все движения трепещущей добычи, так и тут ничего не скрыто от проницательного взора и слуха злодея.

Все эти посты соединены были между собою одинаковыми законами: я не захотел тогда дать клятву в молчании о виденном и слышанном, итак, почитаю себя вправе рассказать вам все, что происходило. Может быть, вы удивитесь, что, зная уже так давно о сих противозаконных таинствах, ничего не сказал об них; но благоразумие беспрестанно повторяет слова спартанца: «Друг, тебе недостает крепости для

подтверждения твоих слов», следуя сему правилу, теперь только находясь в Понтефракте, замке неприступном, и крепость которого испытали и время, и пушки, смело могу объявить вам о всем; но я уверен, что обречен смерти, и тайное предчувствие, которого не могу подавить в груди моей, твердит: ты погибнешь от кинжала гнусных и подлых убийц!

Когда Бомонт произносил сие голосом пророческим и томным, трепет обвязал всех слушателей и слезы оросили лицо Мориса, но сир Артур Бомонт, не показывая никакого смущения, продолжал: «Ежели таков должен быть мой жребий, я покоряюсь ему без ропота, не любя и не ненавидя жизнь; и происшествия, коих я был свидетель с недавнего времени, не возбудили во мне желание сделать что-либо к продолжению оной. Никто более меня не испил полной чаши удовольствий светских, но теперь нахожу в них одно безвкусие и горечь, только отвращение и суetu существий, так красноречиво описанную одним мудрецом; а не знание о судьбе Фалкланда довершило отвращение мое.

Извините, господа, частые отступления, — возвратимся к моей истории...»

/До следующей книжки./

IV. Критика

1. К Издателям

«Все гонят, все вредят — мучителей толпа».
(Г. от у.)³⁵

М. Г., публика не осудила ваше намерение, но пристрастно и очень пристрастно судила о вашем журнале. Вступая на сие обширное поприще, вы это предвидели, вы знали, что должно было встретиться много препятствий... всякой с своими причудами: что одному нравится, то другому не нравится, что один превозносит, то другой осуждает; а угодить всем можно ли? Хорошо, если займете какими-нибудь рассказами

Нескладных умников, лукавых простаков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками вздоров,
(Г. от у.)³⁶

W. Критика.

и к изданию.

Все счастья, все будущее — нынешнее
— начнётся

(Ст. том. V.)

М. Т. — Рукопись неиздания сама — самодовольна; но
проступают нюансы пристрастия Фридриха о высшем
существе. Всегда же обширное поприще
все для представления, все знания, что Дантесу было
всегда интересно читать преподавали..... включая
своими пружинами, что «длань правильна, то
другому за правильна, что «длань правильна»
подобен оружийделец, а угодил всем шахматам
горюче сию занятие таким пшибудь раз
занимал.

Следует видеть — что сколько бы ни было
Спартаковщины, соединяющей лот,

Дантесом он не поддается никакому
(Ст. том. V.)

амо заслуга от своего стояла! — придавший М. Т.
и Спартаку то превосходное имущество — научивши
самого Гоголя Архимедова, не допускавшего

столбов и мачт.

III

Все счастья — нынешнее и то, будущее все
равно изъ Сокровища Царства, изданного
Г. Дантесом и Г. Сокровищем на 1828.8.25
(Это показывает обширное сходство между
Архимедом, кстати С. Ч., они знают и
законе науки, что Сокровище попадает в
от Ареопага. Дантес же знает огнем и изг-
Сокровища Царства. Кстати — Пушкин же!
Stat ventus in angulo, ergo gemit... —

III.

Одесская края — сознание St. H. Tscherny

84.

Раздел «Критика». Страницы журнала «Ареопаг». Апрель 1828 г.

а то хоть с белого света! Признаться, М. Г., я слушал с трудом и только слушал ваших Гроздных Аристархов, не вступая с ними в полигматические перебранки, и вот толки о Журнале.

I.

Название журнала «Ареопаг» слишком непонятное (для них?!), слишком отвлеченное; Ареопаг был когда-то верховным судилищем (не ошиблись!! и наконец поняли!!), но, впрочем, журнал хороши и был бы превосходным, когда бы отдали в корректуру (не в их ли?!).

II.

Все статьи, помещенные в «Ареопаге», выбраны из «Северных Цветов», изданных б. Дельвигом и г. Сомовым на 1828 год (это показывает обширное сведение ваших Аристархов: не читая «С. Ц.», они знают, и знают наверно, что статьи, помещенные в «Ареопаге», должны быть взяты из «Северных Цветов». Милая логомания!!)³⁷. Itat baculus in angulo, ergo pluit...[?]

III.

«Одесская ночь» — сочинение Н. И. Гнедича (не оттого ли, что написана таким же размером, как его превосходная идиллия «Рыбаки»?? Несправедливо приписывать Н. И. Гнедичу стихотворение, в котором заметно только дарование поэта-юноши, а не гениальность переводчика «Илиады» и сочинителя неподражаемой «Идиллии»)³⁸.

Кажется довольно этого, М. Г., чтобы сказать вам, не краснея:

Вот уважать кого должны вы на безлюдье!

Вот ваши строгие ценители и судьи!!

(Г. от у.)³⁹

-X-

V. Смесь

В Л. появилась большая книга в маленьком формате (А. [? не-разборчиво]) — также изнанка ф. «Гильом — француз, подбитый ветерком»⁴⁰.

***

Качели в Одессе к Св. Неделе предполагают устроить подле Ботанического сада, для того, чтобы публика могла находить убежище от зноя и пыли в тени густых аллей⁴¹.

***

В Одессе в скором времени проведут в некоторые улицы канал из Днестра; тогда публика не будет твердить стихи А. С. Пушкина:

Еще есть недостаток важный;
Чего б вы думали? — воды.
Потребны тяжкие труды...
Что ж? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Без пошлины привезено⁴².

***

Модные обычаи

В большом употреблении клятвы и приговорки: 1. Клянусь квадратным уравнением! 2. Corpo di Bacco! 3. Dei immortalis 4. Formasanisches taufelchen и проч.

Вместо крепа щеголи носят лорнет на розовой или голубой ленте.

Вместо дубовых — грушевые палки, обвитые лиционом [?] à la Tirsy.

Заковывают пальцы в перстни и кольца, с надписями Souvenir d' amilié, d'amour, или с вензелями. Кланяясь, поднимают правую бровь выше левой à la Sir Knots Arthur.

Вместо запястья завязывают на руке креп, а на шее, вместо марсельских шалей — бухарские платки.

Прибавление

Песня

Заблестит на небе звездочка
И потухнет,
Как застонет сердце нежное,
Затрепещет!
Ах, зачем ты светишь, звездочка,
И не светишь?
Ах, зачем ты, сердце нежное,
Часто ноешь?

Заблестит на небе звездочка
И потухнет,
Как заплачет красна девица,
Зарыдает!

Ах, зачем ты светишь, звездочка,
И не светишь?

Ах, зачем ты, красна девица,
Горько плачешь?

Изменил ли друг любезный твой
Иль изменит?

Не в чужбине ли любезный твой,
Не в земле ль сырой?

Заблести на небе, звездочка,
Ярче! Ярче!

Ах, не плачь же, красна девица,
Горько-горько!⁴³

Мы надеемся, что публика благосклонно одобрит наше намерение помещать песни, написанные в духе народно-русской поэзии как б. Дельвигом, так и другими литераторами.

Оглавление

I. Изящная словесность

	Стран.
1. Виланд.....	1
2. Письмо XXX проф. Академии в Пекине	3
3. От Архонта Литоса к Гражданам	5

II. Стихотворения

1. Беспечность (Глинки)	9
2. Роза (XVIII)	—
3. Отрывок из послания к П....у	11
4. Желание (XVIII)	12
5. Мелодия	13
6. Желание	—
7. Элегия (XVIII)	14
8. Дивный кубок	—
9. Ода к Н. Н. (XVIII).....	16
10. Поэт из гроба	—
11. К 3.....	17

III. Presal

1 <i>Tribolium confusum</i> - " - " - "	24
2 <i>Ompelotus ussuriensis</i> <i>Savchenko novus specie</i> - "	28

W. Кримск.

- 1 K. redamens 1 - X - 1 " " " "

V. Concl.

Water Bassie.

4. Чемеринский холмистом.

M. muscomimus

Оглавление второго номера журнала «Ареопаг». 1828 г.

12. Элегия (А. Магденки).....	—
13. Элегия	19
14. К Эде	21
15. Элегия (Яворского)	22
16. Невидимые	—

III. Проза

1. Быль XVI столетия	24
2. Отрывок из романа «Замок Понтефракт»	28

IV. Критика

1. К Издателям (-Х-)	31
----------------------------	----

V. Смесь

Прибавление.....	42
------------------	----

Примечания

1. *Из сочин. Сталь-Голштейн* — продолжение публикации отрывков из книги Жермены де Сталь «О Германии». Начало см. в «Ареопаге» № 1 за 1828 г. в кн.: Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций / Одесский литературный музей. — Вып. 4. — Одесса: Моряк, 2007. — С. 22.
2. *Виланд* Кристоф Мартин (1733–1813) — немецкий писатель.
3. *Вольтер* /наст. имя и фам. Франсуа-Мари Аруэ/ (1694–1778) — французский писатель, философ, историк.
4. *Ариосто* Лудовико (1474–1533) — итальянский поэт эпохи Возрождения.
5. *Из сочин. Гольдшмита «Житель мира»* — Гольдсмит (Гольдсмит) Оливэр (1728–1774) — английский писатель. Лицеисты публикуют отрывок из его книги «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на востоке».
6. *Ментий* — Монтень Мишель де (1533–1592) — французский философ и писатель.
7. *Сократ* — (ок. 469 г. — 399 г. до н. э.) — древнегреческий философ.
8. *Сенека* Младший Луций Анней (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — римский философ-стоик и писатель.
9. *Дант* (Данте) Алигьери (1265–1321) — итальянский поэт.
10. *Галилей* Галилео (1564–1642) — итальянский физик, механик, астроном, философ, филолог и поэт.
11. *Картезий* — Декарт Рене (1596–1650) — французский философ-рационалист.
12. *Дiderot* (Дидро) Дени (1713–1784) — французский писатель, философ-просветитель.
13. *Д'Аламберт* (Даламбер) Жан-Лерон (1717–1783) — французский философ-просветитель.

14. Фонтенель Бернар Ле Бовье де (1657–1757) — французский писатель и философ.
15. *Архонт* (др.-греч.) — высшее должностное лицо в древнегреческих полисах (городах-государствах).
16. Гомер — легендарный древнегреческий эпический поэт.
17. Солон (ок. 640 — ок. 558 до н. э.) — афинский законодатель, политический деятель.
18. «*Россияда*» — первая русская эпическая поэма. Автор — М. М. Херасков (1733–1807).
19. Глинка Ф. Н. «Беспечность» — не удалось найти источник публикации. Стихи Ф. Н. Глинки рассыпаны по многим журналам и альманахам.
20. Автор — В. [Н.?] Золотницкий. Стихотворение (с изменениями и дополнениями) было опубликовано в издании: «Литературные листки, прибавление к «Одесскому вестнику» (Одесса, 1834. — № 1. — С. 11). Подпись: В. Золотницкий. Среди окончивших 14-й класс лицея в 1830 г. числится Николай Золотницкий. См: Исторический обзор сорокаletия Ришельевского лицея. — Одесса, 1857. — С. 154.
- Критик Н. И. Надеждин с одобрением упоминал стихи одесского поэта Золотницкого в «Литературной летописи Одессы». См.: Одесский альманах на 1840 год. — Одесса, 1839.
21. «*Отрывок из послания к П.....у*» — адресат послания, предположительно, — А. С. Пушкин. В тексте звучат скрытые цитаты из произведений В. И. Туманского («Одесса») и А. С. Пушкина («Евгений Онегин»).
22. «*Мелодия*» — в тексте стихотворение зачеркнуто.
23. «*Желание*» — стихотворение зачеркнуто.
24. «*Дивный кубок*» — начало стихотворения (12 строк) зачеркнуто.
25. «*Поэт из гроба*» — подражание стихам из греческой антологии.
26. Анд. Магденко — Магденко Андрей закончил 14-й класс лицея в 1828 году, позже служил в Киевском Гусарском полку. Его брат Алексей закончил курс наук в лицее в 1830 г., «писал и печатал разные стихотворения». См.: Исторический обзор сорокаletия Ришельевского лицея. — Одесса, 1857. — С. 153, 192. В 1837 году в Москве был издан сборник: Стихотворения Андрея Магденки. Издал А. Грен. — СПб.: В тип. Греч. — 1837. См.: Систематический реестр русским книгам с 1831 по 1846 год. Издание М. Д. Ольхина. — СПб., 1846. Н. И. Надеждин упоминал стихи Магденко в «Литературной летописи Одессы».
27. «*К Эде. (По проч[тении] поэмы Е. Баратынского)*» — Баратынский Е. А. (1800–1844) — русский поэт. Поэма Е. А. Баратынского «Эда» была опубликована в издании: «Эда», финляндская повесть, и «Пирь», описательная поэма Евгения Баратынского» (СПб., 1826). В 1827 г. в Москве вышло первое собрание сочинений поэта.
28. Я. — Яворский (см. «Оглавление»).
29. «*Быль XVIII столетия*» (*отрывок из романа*) — начало см.: «Ареопаг». — Одесса, 1828. — Ч. 1. — № 1 // Дом князя Гагарина. — Одесса, 2007. — В. 4. Вероятно, лицейская пародия на готические романы.
30. *башня Мельрозы* — Мельроз — старинный город в Шотландии, где находился замок Абботсфорд, принадлежащий писателю Вальтеру Скотту.
31. «*Замок Понтефракт*» — подделка под роман английского писателя, автора исторических романов Вальтера Скотта (1771–1832). Перевод с английского

- языка. Автор мистификации неизвестен. См.: Библиография // Московский телеграф. — 1826. — Ч. 11 — № 20. — С. 287.
32. *Св. Патрикий* (св. Патрик) — общехристианский святой, покровитель Ирландии. О нем сложено множество легенд. Одна из них легла в основу баллады английского поэта Р. Сауты «Чистилище Святого Патрикия» (1798 г.).
33. *Мемфис* — столица Древнего Египта периода Древнего царства.
34. *Гораций* — Квинт Гораций Флакк (65 г. до н. э. — 8 г. до н. э.) — римский поэт.
35. «*Г. от у.*» — «Горе от ума», комедия А. С. Грибоедова. Впервые отрывки из комедии (7–10-е явление 1-го действия и 2-е действие) были опубликованы в альманахе «Русская Талия» (вышел из печати 15 декабря 1824 г.). Первое полное издание пьесы вышло в Москве в 1833 г. с цензурными купюрами. См.: Фомичев С. А. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». — М., 1983. — С. 19, 22.
«*Все гонят, все вредят — мучителей толпа*» — цитата из ранней авторской редакции текста комедии (4-е действие, явление 14-е). В окончательном варианте: «*Все гонят, все клянут — мучителей толпа*». Цитата в «Ареопаге» совпадает со стихами из Жандровской рукописи (1824 г.), списки которой, вероятно, читали лицеисты. См.: Грибоедов А. С. Жандровская рукопись (1824): Горе от ума // Грибоедов А. С. Горе от ума. — 2-е изд., доп. — М.: Наука, 1987. — С. 270.
36. «*Нескладных умников, лукавых простаков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками вздоров*»
— неточная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (4-е действие, явление 14-е). Лицеисты цитируют текст по списку. 4-е действие комедии будет опубликовано лишь в 1833 г.
37. Все статьи, помещенные в «Ареопаге», выбраны из «Северных Цветов», изданных б. Дельвигом и г. Соловьевым на 1828 год — В «Северных цветах» на 1828 г. (ч. 4, ч. 5) этих текстов нет.
38. «*Одесская ночь*» — подражание идиллии Н. И. Гнедича «Рыбаки». См. примечание № 8 к «Ареопагу» № 1 за 1828. В кн.: Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций / Одесский литературный музей. — Вып. 4. — Одесса: Моряк, 2007. — С. 43–44.
39. «*Вот уважать кого должны вы на безлюдьи...*» — неточная цитата из «Горя от ума» (2-е действие, явление 5-е).
40. большая книга в маленьком формате — не удалось установить, о какой книге идет речь (возможно, об «Ареопаге»).
— «*Гильом — француз подбитый ветерком*» — неточная цитата из «Горя от ума» (действие 1-е, явл. 6.).
41. *Качели в Одессе к Св. Неделе* — праздничное гуляние в пасхальные дни.
42. *канал из Днестра* — проект не был осуществлен. Водопровод в Одессе был проведен лишь в 1870 году.
— стихи А. С. Пушкина: «*Еще есть недостаток важный...*» — сокращенная цитата из «Евгения Онегина» («Отрывки из «Путешествия Онегина»; строфы, посвященные Одессе»).
43. «*Песня*» («*Заблестит на небе звездочка...*») — предположительно, сочинение одного из лицеистов, написанное «в духе народно-русской поэзии».

АРЕОПАГЪ

1828

N.3^е

Май

L'impartialité est notre devise!

1. Издатель Соловьевъ.

1) Географическо-Статистическое описание
Греции.

(Второе и Составленное под ред. Н. Е. Мори)
(пер Р...)

Негропонитъ (Грец.) лежа Земли на северо-западе подородна, кинутъ Зодровой излучиной, горы покрыты лесами, гавани на западномъ берегу прекрасны и удобны для торговли —
Главный городъ Негропонитъ, расположенный на берегу, простираетъ окрестъ Земли, и со всемъ соединяется, имеющими, укрепленій не мало по городамъ, а здешней только 14. тысячъ, наименъ ее Аспуза.

91.

Начало третьего номера рукописного журнала «Ареопаг». Май 1828 г.

Ареопаг

1828

№ 3

Май

«*L'impartialité est notre devise*»

I. Изящная словесность

1. Географическо-статистическое описание Греции

(Выбранные и составленные из *Ken Moree*)

(*Par P...*)

Негропонт (Эвбея). Почва земли на сем острове плодородна, климат здоровый и приятный, горы покрыты лесами, гавани на западном берегу прекрасны и удобны для торговли.

Главный город *Негропонт* расположен на берегу, против матерой Земли, и с нею соединяется мостом; укрепления не так-то хорошие, а жителей только 14 тысяч, на всем же острове 40 тысяч жителей.

Андрос. Под правлением Султанши. Жителей 12 тысяч. Шелк, масло, вино и плоды в избытке. Он отделяется от Эвбей к югу горами и скалами.

Тинс (Тинос). Под 22°50' д. по Парижскому меридиану и 27°35' север. широты. Селений 40. Жителей 23 тысячи, плодоносные долины на средине острова; с моря же он представляет очаровательную и вместе ужасную картину, скалы висят над скалами и кой где между ними, высовываясь, зеленеют кустарники, везде синё, пусто, однобразно, и эта глушь, и эта однообразность пленяют невольно.

Эгина (Эгния). Дикие утесы делают его неприступным, а гора самая примечательнейшая — *Пангеллений*, на ней дряхлеет храм Юпитера Пангелентийского, во время лета реки от чрезвычайного жара высыхают, на скате крутого утеса расположено 400 худо построенных домов — вот нынешний Эгин, но на месте, где был старый город, зеленеют только фиговые деревья и белеют полуразвалившиеся столпы дорического ордена.

Идра. Между 37°20' 33" с. ш. славится торговлею, великолепием соборной церкви, искусствами мореходцами; город лежит на больших холмах, гавань мала, но безопасна.

Милоне. Под 37°26' с. ш. Почва земли хороша. Жители, которых не более 4000, занимаются мореплаванием, на западной стороне есть гавань *Турлон*.

Сифанто. Почва плодоносна, воздух чист, гавани не удобны. *Серай* — главное место, лежащее на скале.

Мелос. Воздух заразителен, жителей 500 человек, и то — беглецы из Мореи. При горе *Каломо* земля горячая и извергаются испарения. Селение *Касстро* худо выстроено и лежит на горе. Гавань на краю северо-восточном считается в Архипелаге почти из первых. На сем острове находятся развалины *Клима*, древнего города, и катакомбы, подобные Египетским.

Санторин. Богат и хорошо населен, жителей 12 тысяч, они трудолюбивы; берега составились из вулканических веществ. Хлопчатая бумага и вино находятся в изобилии. Домы есть не что иное, как пещеры в скалах, разделенные на несколько комнат. На сем острове бывают часто землетрясения.

Стахио [?] прекрасен, плодороден, изобилует вином, скотом, хлебом. В городе сего же имени жителей 4000, дома просты, но красивы; улицы тесны, но чисты. Есть удобная гавань, на берегу лимонные и померанцевые деревья в большом количестве. Платан посреди рынка расширяет густые ветви, столпы из мрамора — остаток древности — поддерживают тяжесть этого старого дерева, и источник чистой воды струит тихую зыбь близ его и делает местоположение восхитительным, очаровательным.

2. Клопшток

*(Из соч. б. Сталь-Голштейн)*¹

Творения Юнга и Мильтона воспламенили Гений Клопштока², заслуживающего истинное уважение сограждан за преобразование немецкой литературы, и все, что он писал, стремилось к одной цели — возобновить патриотизм и возвеличить религию, потому почти все его оды смело можно назвать псалмами, а поэта — Давидом. Но что более всего делает честь характеру Клопштока, не говоря о Гении, это священный гимн, двадцать лет почитаемый эпическою поэмой, — это «Мессиада», в которой он умел выразить чувства Христианина во всей чистоте.

Его мысли, его сердце, словом, все было посвящено божественному Искупителю рода человеческого: и если Данта³ одушевляли отцы церкви,

Мильтона — пророчества Ветхого Завета, то, без сомнения, вся прелесть, все красоты поэмы Клопштока взяты из Евангелия, ибо он знал, как можно истины Св. Писания, не изменяя, украсить прелестями Поэзии.

Клопшток всегда мыслил о любви, религии и свободе... Любовь и религию называл началом свободы, и ею одной возвышалась душа его... Во второй части «Мессиады» есть прекрасный отрывок: смерть Марии, сестры Марфы и Лазаря; она представлена как образ размышающей добродетели; также искусно соединена печаль с смелою чувствительностию в прощании Лазаря.

Когда недуг приковал Клопштока к смертному одру, он произносил слабым голосом стихи из «Мессиады», благословляя сень гроба, и повторял их, дабы убедить себя, что умрет, подобно праведному; и так чувства, выраженные юношою, не пременяясь, были утешением для старца.

3. Шиллер

Необыкновенный Гений и примерная честность должны быть в писателе, и вот те качества, которые соединялись в Шиллере⁴. Мысль не наравне с действием, когда не обновляет в нас образ добродетели; ложь еще отвратительнее в сочинениях, нежели в поведении, и посему обманчивые действия остаются теми же: мы или осуждаем их, или ими гнушаемся; между тем произведения писателей, когда не основаны на явных доказательствах, — пышный набор слов. Если последуем Шиллеру, то поприще литературы будет прекраснее всего. Любя поэзию, искусство драматическое, историю и словесность для нее самой, он удивлял всех как добродетелями, так и дарованиями. Шиллер не имел надобности призывать совесть, она была его музою, и глас ее был внятен тому, кто его хоть однажды слушал. Ни отличное уважение, ни успехи, ни своеенравная мода, ни предрассудки, словом, ничто не могло изменить сочинений сего писателя, в них виден был он, они изображали его душу до того, что Шиллер не постигал, возможно ли переменить какое-либо выражение, не переменив внутреннего чувства, им внушенного; следовательно, его творения были бы написаны с одинаковою тщательностию, если бы он и решился никогда не издавать их.

Непорочность в Гении и природная вольность в силе для нас имеют невыразимую приятность, а идея о слабости более всего вредит понятию о доброте, и сия доброта, соединяясь в высшей степени

с просвещением и выразительностию, внушает и объясняет слова Священного Писания; основываясь на этом, можно сказать, что Шиллер, вступая в свет, заблуждался от пылкости воображения, но с зрелостию возраста он приобрел божественную чистоту, которая происходит от возвышенности мыслей, и не изменялся от чувствований, противных нравственности.

Шиллер был превосходным супругом, отцом, и дружество не было чуждо его сердца, и никакое качество, никакая благородная привязанность не чуждалась характера мирного, кроткого, воспламененного одним Гением. Любовь к свободе, почтение к прекрасному полу, стремление ко всему изящному и таинство религии оживляли талант, которого каждое творение нашло отпечаток добродетели.

Я видела в первый раз Шиллера у герцога и герцогини Веймарской, где собралось общество столько же блестательное, как и просвещенное. Шиллер прекрасно читал по-французски, хотя редко изъяснялся. Я поддерживала с жаром преимущества нашей драматической системы: он не отказался меня убедить и, не страшась слушателей, противных его мнениям, также труда и медленности изъясняться на иноземном языке, говорил красноречиво. В таком случае я хотела употребить уловку, свойственную французам: живость и шутки; но вскоре открыла во всем, что говорил Шиллер, богатство мысли и, пораженная простотой характера в необыкновенном человеке, который пользовался ею, чтобы устоять в борьбе, когда слова изменяли его мыслям, и находя столь скромным и беспечным в успехах, как твердым и одушевленным в защите того, что казалось ему истиной, посвятила с сей минуты дружество, исполненное удивления.

II. Стихотворения

1. Отрывок из трагедии «Рогнеда»⁵

(Действие около гридницы Владимира)

Так, смерть ему! смерть! он убийца!

страшно!

Воспоминание — оно влечет

Отмстить и кровию его упиться.

Как сладостно! Я буду видеть — он
Воспрянет ото сна!.. рука не дрогнет,
И нож, преступный нож не соскользнет:
Удар! другой! Вот теплою струей
Кровь брызнула, вот дикое храпенье,
Вот из груди последний, тихий стон...

(останавливается)

Нет, нет!.. (бросается быстро)

Каратъ врага, карать злодея!
(медлит)

Но раздраженные утешатся ли тени?
Все дышит здесь, все веет гробовым.
Здесь душно мне, как там — в его могиле.
Иду, и кровь за кровь — и смерть за смерть.

2. Последнее прости

Прости, счастливая страна!
Тебя певец твой покидает;
Бежит мой челн, шумит волна,
И ветер парусом играет.

*

О ты! не родина моя,
Не здесь мне чувства стали внятны,
Тебя был чужд младенцем я,
И лепет мой полупонятный.
Но я люблю тебя сильней
Невинной детства колыбели:
Здесь голос сердца и страстей
Заговорил в ладах свирели.

Здесь вдохновения мои
Меня с мечтою подружили
И дивной песнею любви
Пустой тростник одушевили.
Здесь все к Поэзии влечет
И в сердце пробуждает думы —
Прелестный вид свободных вод
И часто ясный и угрюмый.

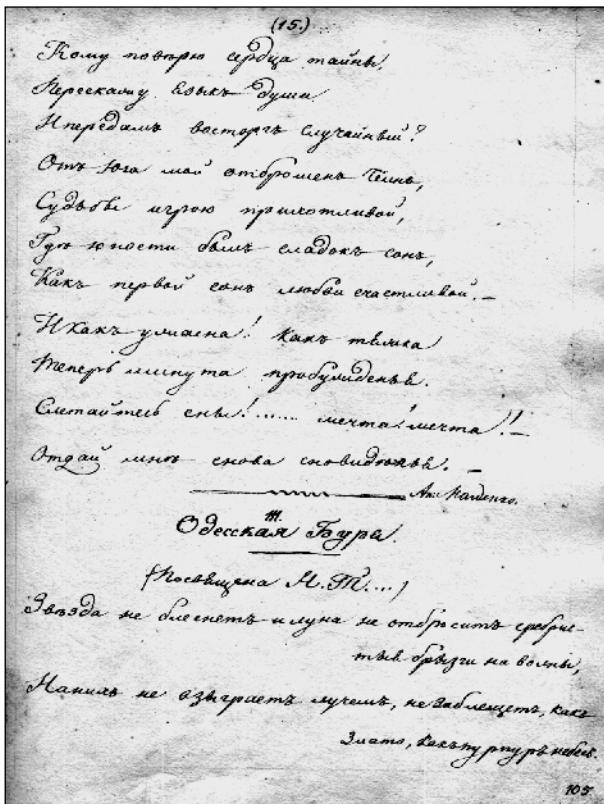
О! Как любил с твоих берегов,
В набегах бурной непогоды,
Внимать живой игре валов
И разбирать язык природы.
Бывало, в облаках луна
На небе южном трепетала,
Волной гонимая волна
У ног кипела и сверкала.
А я стоял, я жизнь вдыхал
В борьбе стихии непокорной,
Я забывался и мечтал
Не это ль жизни нашей волны?

.....

.....

Дни радостно текли. Порой
И я был данник грусти томной,
Но снова оживал душой
В объятьях грусти ненаемной.
Так нива, смятая грозой,
С улыбкой солнца оживает,
Так весть свободы дорогой
В обитель узника влетает.
Где вы теперь, друзья мои?
Кому поверю сердца тайны,
Перескажу язык души
И передам восторг случайный?
От Юга мой отброшен член
Судьбы игрою прихотливой,
Где юности был сладок сон,
Как первый сон любви счастливой.

И как ужасна! Как темна
Теперь минута пробужденья.
Слетайтесь, сны!...мечта! мечта!
Отдай мне снова сновиденья.

Ан. Магденко⁶

3. Одесская буря (Посвящена Н. Т...)

Звезда не блеснет и луна не отбросит сребристые брызги на волны,
На них не взыграет лучом, не заблещет, как золото, как пурпур небес.
А черные волны мрачнее, а черные волны мятеежней... и полный
Смятенья и трепета взор, на обломках скалы и на листьях древес
Покоясь, не тонет в тумане, не тонет во мраке ночном, как виденье,
Скрываясь, мелькая здесь, там — по холмам, по скалам, и мечтой,
Волшебной мечтой унесясь вмиг, как радость, как сладость
забвенья.

Небрежно виясь полосами и огненным кругом, сплетаясь змеей,
Как зарево, молния ярко на тучах и в тучах блеснула, сверкнула;
И тучи, сгустясь и чернея как ночь, расстилались вдали пеленой,

4. Песня старой волшебницы⁷

Сверкал огонь в ночной тиши,
    То вспыхивал — то тух;
Пред ним сидит одна, в глухи,
    Кудесница, как дух.

Она поет — она кричит,
Кудесница во мгле,
И песнь ее, как вал, гремит
Дробяся на скале:

«Шумит поток, ревет поток,
Свергаясь с горных скал,
И наша жизнь, и наш злой рок
Как бурный мчится вал.

Была пора — прошла пора!...
Тому уж много лет!
Как я росла, как я цвела,
Цвела как маков цвет.

Погас огонь! — Угасну я!
Погаснет огнь в очах —
Умру и я — и у меня
Замрут слова в устах!..

Тогда мой труп во гроб запрут,
Он скроется в Земле —
Не я одна, так все умрут,
Умрут, подобно мне!

И кто-нибудь меня в гробу
Недобрый помянет,
Тогда мой дух, как на борьбу,
Еще раз оживет!»

Она поет, она кричит,
Кудесница во мгле,
Как ветр шумит, как вал гремит,
Дробяся на скале.

5. Пиэриды⁸

Под сенью тополи, в тиши,
Меня вы часто посещали
И радость тайную души
Волшебством дивным чаровали;
Вы верны мне, я с вами был
Мечтой в Италии счастливой
И звуки смелые ловил
Непостоянно-говорливой.
Я с вами на пирах друзей
Делил порывы наслажденья
И поцелуй Л... моей,
И сладострастные волненья;
Когда за чашей круговой
Они толпились и шумели,
Вы тихо, с лаской неземной,
О радостях неясно пели;
Когда с участием немым
Лобзал Л... в час полночи,
Покровом темно-голубым
Вы ловко закрывали очи,
Смеялись тихо надо мной
И в тишине, давно спокойной,
Как серны легкие, толвой,
Очаровательной и стройной,
Бежали быстро от меня
Бывалых дней и вдохновений
Мои коварные друзья —
Опять в благословенной сени
Увижу ль вас вблизи себя?

6. Кубок⁹

Заветный кубок круговой,
Свидетель шумного преданья,
Звучит под бранною рукой
Друзей Олеговых стязаний.

Вино играет, пир шумит,
И чаша с влагою душистой
Угрюмых старцев веселит
И брызжет пеновою сребристой.

Настала битва, и Олег
Поплыл с дружиною свободной,
На греков острый меч извлек,
И кончен подвиг благородный.

И снова шумною толпой
У князя храброго гуляют,
И снова кубок круговой
Уста веселые лобзают.

И, вняв Кудесника сказанью,
Князь Вещий в мирной тишине
Пал, уязвленный, и преданье
Нам молвит о его коне.

Олега нет, а кубок снова
Звучит в беседе круговой
У князя Игоря младого,
Все тот же новый, молодой.

XVIII

7. Фантазия

Поэт.

Земное!

Ангел

Земное
На небе прелестно цветет,
И чувство святое
К земному невольно влечет.

Поэт.

От дум вдохновенья
Моею волшебной мечтой,
О призрак виденья,
Умчусь! унесусь за тобой!

Ангел

Лелея, лаская,
Ты розой пленился земной.
Но роза земная,
Надзвездных своей красотой
Невольно пленяя,
На небо невольно влечет.

Поэт.

О Ангел! Земная
Цветет там, на небе цветет,
Надзвездных пленяя;
Но розу никто не сорвет.

8. Последняя сцена из трагедии №.¹⁰

(А... одна стоит в роще, смотря на небо. Вблизи видны дикие берега Евксинского Понта. Немного в отдаленности Б. сидит в задумчивости с мечом над возвышенной скалою; не видят один другого).

А...

Как сладостно луна плывет над облаками,
Как сладостно ее лучи
Играют с волнами Евксина.
Но вот! вот там, меж яркими звездами,
Одна горит других ясней!
Как свет ее Луны милей!
Она звезда любви, надежд,
Звезда небесных наслаждений.
О юность! о любовь!
Так в сладостном забвеньи
Я вами наслаждаюсь вновь!

(Увидев Б., она восклицает)
Но кто! кто там над дикою скалою
Один в раздумии сидит!
Не он ли?

Б.

Меч, сей меч,
Он довершил мои страданья.
Удар, один удар — и с жизнью прощусь.
Умру!.. Нет! прежде обагрюсь
Я кровию желанной.

А. (*отступая немного назад*).

Чей голос? Это он!
О небо, — он!

Б. (*увидя ее, вскакивает и, приближаясь к ней*):

Жестокая, ты здесь.
О рок, о прорицанье!
Теперь я наслаждусь
Вполне желанным мещенем,
Теперь исполню я желания судьбы!

(*вонзая кинжал ей в сердце*)

Изменница — умри!

(А. — *упадает*.

Занавес опускается).

XVIII

9. Веселый Аид

Поэты, шумною толпой
Ко мне сберитесь на прощанье!
Пусть ходит кубок круговой!
Вино — беспечных достоянье!
Скорее! Лишний жизни час
Утратим весело в похмельи!
Скорее! я оставлю вас
И встречу там! на новосельи!
Но там! как радостный певец!
Певец вина! любви! веселья!
Как новый гость и как пришлец,
Сзову к себе вкусить похмелья
Всех дружественных мертвцев!
Ударив звонко чашей в чаши,
Припомню я проказы наши
И яркий блеск земных пиров!

*

Уже нет вещих струн на лире!
Уже разорван мой венец!
Свободен я! Я не певец!
Мечтать не буду о Темире!
Харит не буду призываТЬ,
И шумные мои досуги,
Беспечных ветреные други,
Не буду с вами разделяТЬ!

*

Певцы! Без слез и без томленья
Ко мне на камень гробовой!
Бывалые припомниня наслажденья!
Там кубком в кубок круговой
Ударьте крепче и дружнее!
Сверкая, влага зашумит,
И будет тризна веселее,
И позову я вас в Аид.

10. Невыразимое¹¹

Оно понятно мне, его я ощущаю
В восторгах пламенной мечтой;
Но то, что выражу душой,
Того уста не выражают.

XVII

11. Мечтание

Толпа друзей со мной пирует,
И ходит чаша по рукам!
Похмелье сладостно чарует,
И предаются все мечтам.
Былые вспоминают годы,
Свои проказы и любовь
И шумный глас на зов свободы,
И звук мечей, и дым, и кровь¹².

12. Водопад

Несется, пенится, кипит
И с грохотом с гор упадает,
И скалы в бездну вод сдвигает,
И волны шумные валит,
И пылью радужной сверкает;
Так буйство пагубных страстей
Волнуется в душе порочной
И нас — неопытных — сильней
Влечет к несчастью в час урочный.

13. Признание

Когда, раскинувшись небрежно,
Покоившись на ложе пуховом,
Я подхожу к тебе тайком
И в очи лобызаю нежно¹³.

14. Идеал

Скучая часто жизнью праздной,
Люблю в раздумья милых дев,
Их лепет и безжелчный гнев
И их наряд разнообразный¹⁴.

15. Мелодия

В туманном покрове на небе луна,
Как девы влюбленной ланиты, бледна.
И очи, пленяясь любимой звездой,
Пленяясь волшебной ее красотой,
Не к бледной луне, а к звезде золотой,
Любовью пылают, любовью горят,
И часто блистая жемчужной слезой,
О тайном волнены без слез говорят¹⁵.

*

На небе в лазури блестит хоровод
Пленительных звезд, но любимой звездой
Пленяются очи (так смелой мечтой
Пленяется сердце), и мрачен покой.
И тайное чувство к любимой влечет.

*

Есть девы бесчувственной в кудрях власы!
Есть Гурий волшебных под тканью красы.
Но это земное... в ночные часы
Звезда мне отрадней сияние льет,
То меркнет, то тухнет, то ярко горит;

*

Бессонного радость прилучно блестит
И днем, и под кровом безлунных ночей,
Слезою тумана всю ясность очей.

*

Бессонного радость счастливцу верна,
Бессонного радость невольно люблю,
Бессонного радость с звездою одно,
При ней мне вольнее и думам ясно.
Я к ней, как ко мне в час полночный она,
Пылаю небесным, небесным горю!

III. Проза

1. Отрывок из романа «Замок Понтефракт». Сочинение сира Вальтера Скотта¹⁶ (окончание)

«Я промину многие ничего не значащие обстоятельства и скажу только, что был отдан под присмотр Наставнику, которого имя вы не отгадаете, хотя оно известно во всей Европе. Меня ввели на середину пустого покоя, обитого черным и украшенного бесчисленным множеством непонятных для меня символов. Одни были извлечены из Св. Писания, другие были языческие, и множество масонских. Посреди комнаты находилась воспламененная жаровня на треножнике; огромный Феникс¹⁷, вышитый из чистого золота и окруженный змеевою, свившеюся кругом, стоял на столе, над ним вверху висело усеянное алмазами крылатое солнце.

Тайно-учитель начал тогда свое поучение, которое я вам перескажу, чтобы дать понятие о догматах сего общества.

(84)

III.

Проза!

1. Отрывок из Романа «Записки Понтифика»
Сочинение Адама Генриха Скотта.

(закончено)

«Я прошумел многое чисто познаний обще-
щества и склоняю только, что более отдана
под прошитую Распавику, которая ищет
бы покояется, так как это избранное Вседи Бог
на. Меня ввело в эту среду чистого пустыни покой,
единство германца и уединения безуспешности
личности символизирует душа Симеона
пол. Ошибки и фальшивы либо С. Никанор
Другие были забыты и мало нечто осталось
лично. Носящий коня один находился вспять
личинкой, за головой патримония, а германец
пресмыкался из-за спин Генриха; и когда
спиной Бенедикт, Святой Климент круговорот; смыка-
ла спина, надеялся Святому Бенедику уединя-
ть смиренную Крестоносцев. —

182.

(85)

«тогда свое погребение, Ка-
сану, Константии замечатель-
ных земель

столичного, научного года,
под руководством, коего
заслуживаю надеяния, коман-
дование которого, она про-
исходит со дняburgh, со днях Касану,
личиной. Бенедикт, это сень-дня, патримония
переводчице ее личину предстаёт, смиренной
также именем, какъ смиренна будущая личиной;
какъ различий, именем, на восточныхъ
подъ другимъ видомъ, именемъ Святого Симеона
имеетъ возвращение. Симеонъ кающихся въ Западномъ
Кругу, предстаёт патримоний Учителей, смирен-
ный образчикъ Адама Генриха, Константии Ка-
сану Кругу же именемъ Каанса именемъ Генриха
именемъ Конрада, патримоний Константии Учителей
Учителя Сорока, смиренной именемъ Генриха.

183.

Раздел «Проза». Страницы журнала «Ареопаг». Май 1828 г.

— Сей возженный треножник научает нас, что огонь есть начало и дух всеобщий; нет другого начала. Он воспарил над веществом и рассиял хаос с сотворения мира, он проникнул во все виды, во все части, во все изменения вещества; где есть оно, там и он нераздельно с ним пребывает, соединенный так тесно, как соединена душа с телом, и от разлучения не погибает, но возобновляется под другими видами, и это только единственное воскресение. Что же касается до змеиного круга, — продолжал тайно-учитель, — он есть изображение вечности вселенной, которая, как сей круг, не имела начала и не будет никогда иметь конца, потому что вещество, о коем уже говорил, не может уничтожиться.

Феникс, примечаемый вами посередине, представляет собою эпохи великих переворотов и новых возрождений всей вселенной, символом которой он был некогда. Феникс уже совершил шесть тысячных периодов и возникнул из своего пепла, чтобы возыметь новое бытие во Храме Солнца. Его седьмитысячный период теперь только начинается, но предсказан давно, как золотой век, как эпоха всеобщего покоя, *которую начался мир и после коей великая неделя годов будет возобновлена*.

Вы можете судить по сему первому учению о правилах и догматах сей опасной секты. Я видел, кроме сих вещей, множество других символов; одни подобны первым, а другие гораздо невиннее; то были Иудейские и относились к наказу Кира о восстановлении храма Зоровавеля¹⁸ и к возрождению евреев. В сем скопище сохранили множество старых и обманчивых преданий об Антихристе, о Звере Апокалипсиса¹⁹, о великой битве всех царей Земных по царствовании Бога; но все это было изъяснено так коварно, с такою хитростию, богохульством и лицемерством, что могло бы убедить многих недовольно еще просвещенных, но опытных людей. Даже самое падение человека низко было переделано в *рабство под игом царей и священников*; а искушение рода человеческого Мессию — в *изъятие от всякого рабства*. Это было возвращение равенства и братства Патриархального первых веков. Вообразите теперь сами, каковы должны быть предприятия и цель сих проповедников, скрывающихся во тьме. Я избавлю вас от объяснения всех гнусных фиглярств, коим согласился подвергнуться, чтобы продолжить мое мщение. «Кто добивается чего-либо, — говорит Мильтон²⁰, — тот должен унизиться до такой степени, как, напротив, цель искательств его высока». Чтобы проникнуть во внутренность мрачной ложи, необходимо делать то же, что делают путешественники, посещающие пирамиды: ползти, как змея,

и переходить через ржавчину и мусор. Вам надобно только сказать, что, раздраженный низостию учений, [я] яростно бросился с обнаженным мечом на того, кто так ревностно занимался моим изучением, он бы, наверно, погиб под моими ударами, ежели б в ту же минуту я не был окружен толпою замаскированных, бывших в засаде; они крепко связали мне руки на спине прежде, нежели я мог сделать малейшее им сопротивление, засадили в темницу, чтобы дать мне время раскаяться в моем неблагоразумии и сожалеть, что лишил себя средств удовлетворить и моему любопытству, и моему мщению. Мне трудно будет отдать отчет в том, что случилось после; с моей стороны было беспрестанное притворство, а с их — гнуснейшее лицемerie.

Почести, богатство, награды, власть, все, все было предлагаемо, дабы поколебать мою твердость, постоянство и заставить присоединиться к ним. Даже любовь, столь могущественная для души и не столь пламенной, как моя, даже она окружила меня всеми соблазнительными прелестями и обещала свои наслаждения.

При сих словах сир Артур остановился и после минутного молчания продолжал:

— Сия эпоха представляется памяти моей как ужасное сновидение; признаюсь, трудно было выдержать искушение, особенно, когда я вспомню о силе Его, о предложении, сделанном прекраснейшею женщиной в свете. Искус был ужасен: с одной стороны долг, с другой — страсть, которую не мог и еще не могу подавить — но обязанность превозмогла.

Благодарю небо, удержавшее меня на краю пропасти, в которую я едва-едва не низвергся! Долг восторжествовал — и испытание окончилось!..

Вы знаете уже, как я начал притворяться, чтоб выиграть то, чего не мог получить силою. Тайно, молча согласился с *невидимым* и непрерывно побуждал его допустить меня к последним таинствам.

Вы, может быть, слышали о древних испытаниях Трофониевой пещеры²¹, о таинствах Египетских мудрецов или, по крайней мере, подобных им, совершающихся в Ирландии в подземельях, называемых чистилищем *Св. Патрикия*²². Я не могу сказать утвердительно, что последние похожи на первых, но не совсем вероятно, что лицо испытавших проясняется улыбкой, признаком веселия и беззаботности.

Меня положили во гроб — как мертвого, с веревкою на шее, как на осужденном, голого, как дитя, только что родившееся, с повязкою на глазах. В таком положении молча внесли во внутренность пустого

подземелья, которое казалось бесконечным, оставили в сем гробе, хотя живым, но без всякой пищи, кроме хлеба и воды. Там, в могильной тишине, я считал часы один за другим — ни отрадного луча света, никакого утешительного голоса; один, с уныло-мрачными мечтами и жгучим огнем мщения, оставался до тех пор, пока время сего слабого испытания, в сравнении с другими, кончилось. Невидимая рука опять подняла меня и, несмотря на это, я был один-одинехонек. Неизвестный голос раздался позади, приказав идти вперед и, под опасением смерти, не оглядываться назад; повязка спала с глаз моих и, повинувшись повелениям *невидимого*, с помощью лампы и неробким шагом пошел по подземной дороге.

Глаз не мог видеть конца ее, мрачно, как склеп над могилою пирата, или как темница разбойника, а необъемлемая перспектива, так сказать, подавляла слабые лучи лампы, увеличившие слабым отблеском тени столбов, кое-где поддерживающих гранитный свод. Долго шли мы все дальше и дальше по сей однообразной дороге. Но вскоре совсем новый предмет поразил взоры. Высокая железная дверь преграждала путь. Поворота нигде не было — куда идти? ни назад, ни вперед!.. толкаю, не отворяется... вдруг *невидимый* сказал какое-то непонятное слово *пропуску*; дверь со скрыпом отшатнулась на заржавленных петлях, и я прошел. Наконец, в первый раз приметил на конце длинной дороги весьма живое и беловатое пламя и поспешил достигнуть до него.

Я вошел в комнату со сводом — вышиною и шириной, по крайней мере, в сто футов. Пальмы красноватого цвета, как будто объятые пламенем, с пригнутыми ветвями, казавшимися огненными языками, тянулись по обоям сторонам дороги, между ими, как будто бы для противоположности, стояли на кучах необтесанного базальта львы из рисованного железа. Густой дым серного запаха поднимался со всех сторон, но он не препятствовал продолжать путь, не обхватывая облаками паров середину, и был произведен многочисленными трубами, замеченными мною на дороге. Яркое отражение пламени, разливаясь по комнате, уподобляло ее огненной печи. На полу была раскаленная железная решетка, ее широкие перекладины лежали одна от другой довольно далеко, и с трудом можно было ставить на них ногу. По временам пламя поднималось из земли, подобно валам разъяренного океана, гонимым ветром, с ревом и шумом раздробляющихся о грудь гранитных скал. Я медлил, я хотел возвратиться, но голос *невидимого*, подобно грому, раздался в ушах моих: «Не оборачивайся! Ступай вперед!»

Нигде, кроме сей решетки, не было проходу вперед, но я повиновался страшному проводнику, собрал все свои силы и пошел по жгущим перекладинам. Острое пламя огня достигало до меня и нестерпимо жгло ноги, но я вытерпел это и вскоре был на другой стороне. Но в какое пришел удивление, увидя перед собою канал в 50 футов широты, стремящийся из одного конца комнаты в другой. Я попал из огня в воду. Рев пламени, мешаясь с шумом кипящих волн, почти заглушал. Я был подобен человеку, постигнутому внезапными судор[о]гами, но не останавливался: бросясь в воду, переплыл ее весьма скоро, выплыл на другой берег.

С помощью мелькающего слабого света разглядел перед собою мраморный свод, поддерживаемый ужасной величины колоннами. Внутренность сей колоннады представляла несколько ступенек; самая высшая терялась в темноте. Я был у лестницы из белого мрамора, взошел на нее по ступенькам, составлявшим ее, и увидел, что она оканчивалась платформою, около 6 квадратных футов. Единственное и страшное место!.. Пол трясясь под ногами; он казался движущимся и со всех сторон был окружен перилами, которые служили как бы рамою осям двух широких колес, нижняя часть коих была скрыта под низом, а верхняя была обременена тяжелыми цепями. Медная дверь, под наличником которой я приметил два больших стальных кольца, была предо мною. Не зная, каким образом пойти вперед и страшась оглянуться, наудачу схватил одно из колец и крепко дернул его, но действие, последовавшее за сим, оледенило кровь мою. Это было последнее и самое ужасное испытание: мне услышались скрып рычага, грохот пустых цилиндров, крутящихся колес, шум волн и рев пламени, смесь глухих, поразительных и противных звуков — разрушение всех стихий всего мира едва ли произведет подобный хаос. Посреди этого беспорядка тот же голос закричал: «Не упускай того, что ты держишь». В ту же минуту колеса завертелись со стуком и грохотом, подобным грому; пол поднялся, как подъемный мост, опустился, исчез, и я повис на кольце над пропастию, неизмеримою для глаз. Наличник двери поднялся, а я, против воли, весьма быстро пронесен был мимо. Движение сие ежеминутно делалось скорее и скорее и наконец понесло меня с такою быстротою, что потерял совсем почти употребление чувств, но, по счастию, держась за кольцо, крепко висел между небом и землею. Пришедши в себя, уже лежал на террасе, четырехугольной и ровной, перед дверью, похожею на ту, которую оканчивалась

беломраморная колоннада. В нее ударили три раза; другое слово *пропуску* было произнесено, и я вошел в необъятную пещеру, весьма богато увенчанную. Множество зажженных ламп ярко освещали ее.

Таковы были *главные испытания* или, лучше сказать, приготовительные искусы, которым подвергся, или, что почти все равно, меня подвергли. Между новичками, с которыми после познакомился, некоторые совсем иначе рассказывали мне все случившееся с ними. Я думаю, что меня покровительствовали или что не слишком полагались на мои силы. Я узнал после, что физика, химия и механика все вместе употреблены были для внушения новообращенным в их sectу, или новопросвещенным, страха или любопытства. Для испытания и поколебания их налагали на них не только самые строгие труды и телесные страдания, но еще умышляли против них самые ужасные видения, кои едва ли может вытерпеть человеческая натура, не впадая в сумасшествие.

Я слышал, что иные должны были восходить на лестницу, которая казалась висящей между землею и над пропастями, и по повелению неумолимого голоса, раздававшегося позади их, они должны были бросаться в бездну. Других низводили на дно высущенного колодезя и оставляли там в продолжение 40 дней беспрестанно запертными и связанными. Посредством разных пружин и машин, раздававшихся в сих подземельях, подобно сильнейшим трясениям и перекатам грома, их вынимали из сего преждевременного Ада бледными, измученными, изнуренными, с высохшим телом и духом, отягощенным заблужденным воображением. Избегнув сей гибели и прибывши наверх, они не были еще совершенно свободны, их заставляли выходить и нисходить еще раз посреди тысяч же мучений, и они не смели произнести ни малейшей жалобы, ни малейшего крика, который бы мог изменить их страху. Некоторые, слишком слабые нервами, чтобы перенести подобные мучения, так были изнурены сими ужасами, что принуждены были принимать крепительные лекарства, нарочно для них приготовленные, но которые, не подкрепляя собственных сил, увеличивали только волнение и упоение души их и давали им бодрость к перенесению новых испытаний. Рассказывавший мне это должен был сам играть довольно важную роль в ужасной драме. Тогда *невидимые* искали, на кого бы возложить честь отомстить убийце за поносную смерть Великого Магистра Ордена Тамплиеров²³. По сему случаю, вошедши в пещеру и получив в оной меч, он должен был отрубить голову сему монарху, потом выйти с сею

седою головою и вскричать на их варварском символическом наречии: «Я убил его! убил!» Тогда только его испытание окончится, он внесется в список избранных; тогда завеса ниспадает с глаз его и ему скажут, что царствование Государей и священников окончилось.

Я не видел более никогда того, кто сделал мне сию доверенность, и я не знаю, что последовало с ним. Может быть, сей страшный обряд превозмог его силы и он потерял рассудок, или в своем забытьи он произнес какую-нибудь угрозу (я не мог узнать этого), но вероятно то, что он сделался одною из жертв тайного сообщества, ибо тогда как меня почитали изменником и упрямым, то для поколебания моей решимости показали мне разные казни оскорбивших страшное общество. Я увидел отвратительную пещеру, дымящуюся кровию. Путеводитель мой указал мне на тело несчастного, о котором я говорил вам, лежащего распостертым на куче уже хладных трупов и только что умирающих. В то же время мне показали ужасающий низкий свод, в котором жертвы, кои не должны были умереть так скоро, как другие, предаваемы были медленным, но лютым и постепенным, одно другого сильнее мучениям. И, чтобы показать, что общество, к коему они присоединились, должны предпочитать всему на свете, вожатый мой не постыдился рассказывать мне перед ними условия, под коими они могут избавиться от смерти, но не от жесточайшего и примерного наказания. Прощаемого вводили в эту нечистую пещеру и там, посреди орудий для пытки, приводили брата его на коленях, который просил у него помилования и пощады. Но этот брат был осужден на смерть невидимыми, и ему повелевали пролить кровь его; ежели же он, содрогаясь при крике и воплях своего однокровного, показывал хотя самомалейшие знаки ужаса или нерешимости, то ему завязывали глаза, левую руку клали на сердце трепещущей жертвы; в правую давали кинжал, и страшный голос приказывал ему поразить ее.

Судите по этому примеру, друзья мои, о действиях и впечатлениях сей противузаконной власти, судите об этом *imperium in imperie*.

Сир Артур окончил, но рассказ его глубоко врезался в умы слушателей.

Он перестал говорить, но голос его все еще раздавался в ушах их, и казалось, что они внимательно слушали его.

— Ваш рассказ носит отпечаток магических ужасов, которые удивляют и вместе ужасают, — сказал Моррас; вы открыли нам *panolemonium*

in terra. В истине слов ваших я не могу сомневаться, ибо это *вы* говорите, а сего уже довольно для вероятия. Но вы нам не сказали, что последовало за тем, когда вы нашлись в комнате столь ярко освещенной, которая, по моему мнению, была преобразованием их Нового Света.

— Правда ваша, друг мой, — отвечал Артур, — но, признаюсь, мне так же утомительно рассказывать это, как вам, может быть, слушать сие сплетение безбожия и преступлений. Однако же я удовлетворю вашему любопытству, сколько мне позволит моя память.

То была зала, богато убранная и вся обитая черным; кресло для президента стояло в одном углу ея, за ним вдоль — предлинный стол, покрытый также черным сукном. Множество замаскированных сидели за ним.

Наряды всея наций, как на маскераде, странно перемешивались между собою. Бесчисленное множество символов, подобных прежним, рассеяны были по всем сторонам, но более всего меня поразил вид разбитых вдребезги короны и скипетра.

На некотором возвышении лежал в гробе скелет человека, к которому восходили по 4 ступенькам. На каждой стороне сего возвышения стояли по 2 человека, вооруженные с ног до головы, с обнаженными саблями.

Впрочем, мои чувственные органы и душевые способности так были утомлены усилиями, которые употребил я для прибытия в сие место, что окружавшие меня предметы произвели на меня весьма слабое впечатление. Но я был как бы пробужден голосом президента сего общества, который громко спросил:

— Кто привел сего раба?

И один из предстоящих отвечал:

— Он постучал в двери и добровольно пришел помочь господину своему в трудах его.

— Чего он хочет?

— Освобождения от рабства.

— Зачем не просит он сего у тех, кои наложили на него это иго?

— Они сего не сделают против своей пользы.

— Кто привел его в сие состояние?

— Осужденный.

— Желает ли он быть свободным?

— Да.

— Знает ли он средства?

— Он пришел дабы узнать их.

Сильный и продолжительный удар грома сопровождал слова сии, и тот же самый голос произнес следующее:

— Да отречется он от всех самых священных уз, самых тесных связей, от обязанностей Гражданина, подданного, отца, друга и родственника. Предложите ему дать присягу!

Бешенство овладело мною при сих словах; кровь кипела в жилах; я не мог удержаться, бросился, как сумасшедший, к трибуналу и с яростию обеими руками бил в лицо презренных, которые с такою дерзостию осмеливались поносить небо и старались разворачивать честных людей. Но тысячи кинжалов заблистали вокруг меня, крепко и со зверскою радостию схватили меня, повлекли, и я упал в обморок.

Пришедши в себя, опять находился в прежней моей темнице и в продолжение 8 месяцев, без всякой надежды на освобождение, призывая на помощь то смерть, то отчаяние, томился там. Признаюсь, я предпочитал тогда смерть присутствию и ненавистным предложениям *невидимых*. Они искушали меня всем, что богатство, почести и любострастие имеют в себе привлекательного, хвалясь, что все это они имели во власти своей. Но я отверг все и скорее бы согласился умереть, нежели осквернить себя соединением с ними. Долго, очень долго я бы томился в пленах у *невидимых*, ежели бы Ангел-Покровитель не защитил меня; но узы мои упали от одного прикосновения его. Этот Ангел был... — женщина, подобная, или лучше сказать, вторая *Una Spenuir*, творение небесное, которую не могла осквернить темнота, ее окружающая; женщина, могшая заставить пресмыкаться сильнейших и горделивых, так как говорят, что львы лизали руки девы.

Но, Боже мой! — для чего воображение мое представляет мне беспрестанно сей прекрасный образ, от коего я должен навсегда отказаться? Воспоминание сей эпохи одерживает верх почти над самой дружбой; и ревность... но я слишком унижаюсь, говоря так!

— О ком вы говорите, сир Артур, — вскричал Моррис, приближаясь к нему, — что было это за блестящее явление, исторгнувшее вас из мрачного жилища, из сего царства тьмы, и даровавшее вам свободу? Глаза ваши были устремлены на меня, говоря о ней, ваше восклицание относилось ко мне! — Я не могу более вытерпеть, отвечайте! — Кто был этот Ангел-избавитель ваш, который по какому-то

чуду очутился в вертепе разврата? Все счастье моей жизни зависит от вашего ответа. Я должен непременно узнать это. Заклинаю вас именем нашей дружбы, отвечайте мне!

— Это Матильда Коттерель, — тихо, как будто против воли, сказал Артур, закрывая лицо руками, — это она! Может ли другая заслужить похвалы, коими я ее осыпал; это Матильда, твоя Матильда, которой любовь — есть самое небо, а ненависть... я сам не знаю, что говорю... — несчастие без всякой надежды.

Сир Артур Бомонт бросился в кресла.

Моррис в величайшем волнении вышел из залы и заперся в своей комнате, где он провел весь вечер. Все общество разошлось.

Отрывок из нового Тристрама-Шанди

Глава XX Странность²⁴

«Non omnes».

Наблюдения раскрывают нам необыкновенное, и в одну минуту мы узнаем все, что было загадкой в целой жизни, которая, как волшебница, являет все предметы, только в каком-то таинственном тумане; но, по мере подстрекаемого любопытства непонятным и видимым, разум ищет открыть. Все туманные детища природы яснеют, раскрываются и разочаровываются видимостию в невидимом.

Это было со мною, когда в должности лицедея и зрителя, ныряя в сфере нашего подлунного мира, я бегал за приключениями, подобно рыцарю печального образа в манбриновом шишаке²⁵.

Кто не знает плениительных ночей под небом Юга? Они иногда наводят такую мечтательность на душу, что и настоящее, и прошедшее, и будущее сливаются в одно несущественное; глаза, отягченные жарким полднем и душным вечером, полузакрываются, лень и беспечность переносят в жилище фантазии и там сменяют мечты мечтами, играют по-своему обворожительным сном и клонят душу к упоительной неге. В такое время или в такую ночь я любовался всею прелестью Поднебесной. Луна... — «Мы знаем! мы знаем вас! Вы будете описывать, как луна то пряталась, то появлялась, плывя на облаках, прозрачной дымкой рассыпанных и пеленой свившихся на воздушном пространстве; как звезды гаснули в их тенях и опять зажигались, как тучи надвигались на небосклон и холмисто клубились, не отсвечивая на своих

краях сияния Геспера²⁶. Как тополи, полузакрытые полутемной сеткой сумрака, шептали листьями, как все дышало на утомленные чувства свежестию, веяло благовонием и проч.».

Отчего не другим образом? Я вам хотел сказать, что, подобно астроному, следил взорами луну и звезды, мало-помалу скрываемые тучами; подобно ботанику, пленялся *ночной красотой*, сталкивая нос с ея бледно-лазуревой чашечкой; в это время тихое дуновение, как звуки Эоловой арфы, вывело меня из мечтательных наблюдений; вслушиваюсь, шорох ближе... ближе... слышны «чмок! чмок! чмок!» — и сей таинственный «чмок» делался таинственнее, то ослабевая, то усиливаясь и звучно перечмокиваясь в тишине ночной. Я думал, что перенесен в какое-нибудь заколдованное место волшебницами-старухами, что они забавляются, кудесничая и обморочивая всего меня... вдруг все затихло... вдруг говор явственнее...

Еще одно, одно лобзанье!

.....
Одно... но боле... на прощанье
.....

1-й голос

Пора.

2-й голос

Постой.

1-й голос

Пора, мой милый.

2-й голос

Нет, нет, постой, дождемся дня.

1-й голос

Уж поздно.

2-й голос

Как ты робко любишь.

Минуты!

1-й голос

Ты меня погубишь.

2-й голос

Минуты!¹²⁷

Любопытство сильнее подстрекалось от чудного разговора; я, как длинная цапля, вытянул шею и выставил вперед голову: смешное мое положение представило того лютого, который в волшебных

повестях почтенных предков, выставя рога из-за густых ветвей и коварно улыбаясь, любуется влажными округлостями выплыvших русалок. Неподвижно, прямо выпучив глаза, хотел рассмотреть и узнать фигуры довольно странные; они мелькали впереди чинно-величественно; но еще чуднее были их движения; рука с рукою тихо переплетались, широкие и узкие губы, длинные и короткие носы — то толкались концами, то гладились по щекам, груди служили вместо тисков; подбородки также приходили в действие, скользя по лбам; а продолговато-тощие скелетовидные особы, приземистые, карликообразные, валтер-скоттовские существа беспрестанно жались друг к другу. Казалось, они силились выжать что-то из себя. Одни из них вздыхали, другие охали, из болезненной груди многих вырывалось протяжное «увы!» И все эти звуки, звучно отдаваясь в отголосках, походили на дикую гармонию древних магов, на волшебных жезлах вычисляющих все благополучие, все несчастье в уединенной башне.

За железными замками,
За чугунными вратами,
За гранитными стенами,
При сверкании огней,
При мелькании теней
В гробовой тиши ночной

— появлялись еще другие тени, но это не были тени предков Оссиана на облаках или души Платона, витающие вместе, это были существа полуэфемерные, странные, смешные. Не зная, как проникнуть в таинственное, как поднять покрывало невидимости, не изучаясь кабалистическим исчислением, еще более углубился, так углубляется антикварий в изыскании антиков и, глотая почтенную пыль древности, разбирает полуистертые надписи, дополняет их, ищет мудрость мудрости в иероглифах и, отыскав и разобрав, гордо сотряхает прах, налетший на его сандалии и тогу. Вдруг для меня прояснилось, и мне взбрело в голову, что эти тени, эти существа умножаются со дня на день, как трутни, и напрасные усилия истребить или умалить. Их ласки отправляют все нежные изгибы сердца, темнят чистоту души, но не ядовиты; под личиной искренности кроется у них что-то странное, но не ужасное, и если бы узнать все сокровенное, хотя и невинное, то название «врага» слишком было бы много, они не то, чтобы порочны, и не то, чтобы невинны, они есть смесь всего и хорошего, и

худого; они вдруг могут оставлять одного и броситься к другому. Ветреность, излишняя нежность, детство — вот все отличительное в их характере. Занятий они не имеют, а если и имеют, то это мало-важные, пустые; правда, что странные существа любят друг друга, но любовь их смешна для тех, которые любят, как должно любить.

Мои мысли были бы продолжительнее всего продолжительного, когда бы шушуканье странных, однообразные влечения в изъяснении чувств и какая-то таинственность не навели бездействие и сладостное забвенье. Гудковое храпение носа послышалось в дремоте, предметы неслись будто в тумане — сливались и, наконец, сливвшись, представили одни круги, одни тени видимости.

Мне чудится, существа расплелись, растолкнулись... — ярость в глазах, дикое остервенение, напряженные мускулы, сжатые пальцы, руки машут: противник на противника; один гонит другого и догнанный расшатывается... еще держится на ногах, но, поверженный силою на землю, без действия. Вот два столкнулись, запутались в одежде, ловят промах... силятся и падают от изнеможения. Новый натиск, новая устойка: один нападает, другой оставляет поле сражения; лоскутки от одежд кружатся в воздухе. Поединщики с новыми силами выбегают на побоище, и каждый член неистовой и неустранимой фаланги «fa l'amore com'un'gatto [?]», — выходят мирители из приверженцев папы или из людей, надутых глупостью и фанатизмом — важно, тихо, ничего не пропускают, взоры их обращены на всех, они, кажется, твердят *datemi...*

Опять новое существо! Оно ловко и легко прыгает по стебелькам ночной красоты, качается, соскользнет, и уже зацепилось и повисло. Голова Мома²⁸ едва видна между поднятыми плечами, лицо испещрено точками, подобными тем точкам, которые испещряют летом стекла в укромных лачужках, оно кривляется. Я силюсь его поймать, оно ускакивает, не могу удержаться, хохот раздается, и рука хватает что-то мягкое. Смотрю и едва могу рассмотреть странную фигуру, которая гордо подает мне предписание, оно на странице 121.

Восточное сказание

— Ты, Дева, прелестна, как Гурии²⁹ великого Пророка, твои глаза яснее ясных звезд неба безоблачного — сего крова из ткани лазуревой над страною правоверных; твои уста сладостнее финика, плода священного, созревшего и возлеянного руками благодетельных Дервишей,

твои кудри чернее гебена³⁰ и мягче шелковых пелен во храмине властителя властителей, твои перси — белая пена океана безбрежного, на волнах несущих корабли благоденственno, — повторял Омар, краса юношей востока, и грудь его колебалась, как струи млечной реки, напояющей правоверных в Раю Магомедовом, и слезы, крупными перлами падая из очей, возведенных к небу, сливались с каплями блестящей росы на стыдливой розе, любовнице соловья, воздыхателя ночного.

Старец, согбенный дряхлостию, как платан длинно-ветвистый под тяжестию лиственной одежды, величаво вышел навстречу юноше. Безволосая глава лоснилась, как выглаженный мрамор, седоволнистая брада закрывала грудь, не укraшенную камнями ценными: сапфиром, топазом огнистым и алмазом, сияющим блеском Геспера неподдельным. Чалма и одеяния из льна убеленного. Он приближился, и Омар бросился в объятия, как будто этим и только этим надеял облегчить тоску души, изнывающей от тайного волнения.

— Да будут с тобою невидимые духи добра, о Омар! о сын мой!.. но ты трепещешь!

— Цветок райский, роза небесная — дщерь Галеба. Нет! нет! нищета... — повторял юноша.

Старец успокоил его и побрел в Багдад.

Калиф Багдадский наслаждался прохладою утра светозарного, и руки, сложенные на груди, опустились и раскрыли Коран, и взоры, возведенные к небу, устремлясь долу, остановились неподвижно на священной книге. «Бог изрек: да будет мир, и мир красуется в лепоте Божественной, и я, Великий Пророк, пред ногами Его, яко былие при корне кедра ливанского, да прославится имя Господа моего властителями, единому Богу подвластными, и рабами, в нищете пресмыкающимися, ибо нет различия пред лицем Того, кто даяния благие ниспосыпает на все и на вся».

В это время проходил старец, и шорох шагов его прервал занятия Калифа.

— Да будет воля Пророка, — сказал он, — и да утешится дух мой мудрой беседою Дервиша.

Изумленный старец, которого подвели невольно к властителю, стоял неподвижно — так роскошь и пышность ослепила взоры, так нечаянность поразила его!

— Хвала тебе, Вседержитель! Правящий на престоле, недосягаемом Ангелами жизни и смерти, тебе поклоняемся и просим помощи. Настави нас на путь истины, на путь благоугодивших тебе, и уклони от пути носящих на себе гнев твой и ходящих путем строптивым. Во имя Аллы, приди муж Богоугодный в мир, и да сладость словес твоих прольется изобильно, а награда твоя там, где будут наслаждаться женами непорочными, пребывая eternally.

Властитель правоверных! Скорби земные, как тлетворное дыхание ветра в степях Аравии, угнетают жаром страстей, пучиною злополучия. Великий Пророк не избрал меня, пылинку тления, но повелел судьбами служить тебе! Не наслаждения небесные, но богатства земные, не от Равви-Лаламина*, но от тебя, зане нет сиротам крова, а мне приюта. О солнце правды! о луна святая! Услади дни старца немощного, и ты засияешь в тумане времен, и твоя награда Аль-Акеграт**, и я возвеличу тебя близ святого памятника Аль-Машер-аль-Горам*** за сторицу золата; ибо ты повелением твоим распределяешь ветрила кораблей и рассеиваешь тьму-темь неверных.

— Да будет по-твоему, сын тьмы!

И мнимый Дервиш, наделенный сторицей, не желал и вертограда вечного селения.

***

Радостен был Омар по возвращении отца, и дочь Галеба, стыдливая и боязливая, как горлица, улыбалась приветно на ласки юноши, и золото благодеяния посыпалось на потомство счастливых.

H. Orient

Предписание³¹

§ I. Сословие требует от вступающего в ревностные сочлены, чтобы он вздыхал, охал и повторял «увы!» громогласно.

§ II. Если возбудил к себе сожаление и расположение, должен беспрестанно забавлять.

§ III. Насмехающийся надо всеми движениями и действиями словесия ускользнет полюбовной сделки, и мы заблаговременно ему объявляем.

* Господь Правды.

** Царство Небесное.

*** Памятник Авраама на небе.

§ IV. Вступивший на все должен смотреть сквозь пальцы, дабы не возбудить ненависть и проч.

Что после со мною было, не помню. Но мне кажется, что я, как Смальгольмский Барон, —

раздражен, поражен,
и кипел, и горел, и сверкал³².

Критика **Современная русская литература**

В 1^м № «Ареопага» мы говорили о некоторых новых произведениях наших поэтов, также и о «Северных Цветах». Теперь мы взглянем на другие альманахи и журналы, которых число несколько умножилось в 1828 году.

Но к чему приписать умножение журналов — к упадку или к совершенству литературы? Нам кажется, что появление многих и притом хороших журналов обнаруживает, так сказать, желание публики знать постепенный ход образования, усовершенствования наук, художеств и т. п., как в своем отечестве, так и в других государствах. Следовательно, это можно приписать к совершенству литературы.

Альманахи составляются для любителей легкого и приятного чтения. Итак, мы начнем с альманахов как с легчайшего. После «Северных Цветов» по достоинству можно поставить «Альбом Северных Муз»³³, издаваемый А. И., и начавший свое литературное поприще с сего 1828го года.

Прозаические статьи в сем альманахе гг. Булгарина, Сенковского и других написаны хорошо.

В повестях действующие лица удерживают свой характер до самого конца. Главное же их достоинство состоит в том, что в них нет новых неуместных выражений и слов, которые полюбились нашим гг. рассказчикам, о чём мы скажем в своем месте.

Стихотворная часть альманаха наполнена сочинениями Пушкина, Козлова, Языкова, Подолинского и других, в особенности там есть прекрасное произведение Пушкина «Талисман». Наружность сего альманаха красива.

«Невский Альманах»³⁴, издаваемый г. Аладьиным, уступает в качестве и «Северным Цветам», и «Альбому Северных Муз».

Рассматривая «Невский альманах» прежних годов, мы заметили, что отдел прозаических статей состоял по большей части из повестей;

и *Onicostoma* сочный и соленый вкус блюда.
Далее, в это блюдо лучше не добавлять
3-4% *Бенгальской* соли. Довольно соленое при-
ческое пюре. Варите кипятком соленую в
тво и не сите ее через сито. Нарубите
морковь, раньше яблока. Свеклу и лук.
Варите пюре до конца. Сырое пюре
излучает неприятный запах.

Критика!

Cosmococcus Pycnus sumegawae

138 л. № Апрелас, иже създаденъ овѣдомл.
предъ кнѧземъ князь Федоръ Ивановъ
наименуемъ Салаградъ Ивановъ. — Многъ же
събоятъ на дружину Альбогардъ и Курганацъ
которые имена наименованы въ 1828 г.
но въ тиу времени земли Кургана-
хъ и Курганъ имъ Альбогардъ и Кургана-
хъ наименованы. Тамъ подъ именемъ Кургана-

169.

*Раздел «Критика».
Страницы журнала
«Ареопаг». Май 1828 г.*

1783
Нижнеша, одногодишина, махрово-
цв. сизоват., листья и стебель бледно-
желтые, цветки одиночные, венчик ярко-
желтый, около 2 см длиной, на коротком
стебельке, сидячие, синеватые, с
зубчатым краем. Цветет в мае.
Листья сизоватые, супротивные,
ланцетные, с острым кончиком, на
коротких черешках.

Санкт-Петербург, в Доме науки и культуры
имени С.С.Аксакова, № 50, залы
секции изобразительного искусства.
Санкт-Петербург, 1972 г.

но 1828-го. — Понадешил —
Было «Альбома» 1-го.

без сомнения, повести нужны для альманаха, но повести хорошие, а «Невский Альманах», кроме 1827 года*, не может похвальиться почти ни одной повестью.

Стихотворная часть сего альманаха также всегда была неизящна, а в 1826 году г. Издатель без всякой жалости поместил в своем альманахе явную насмешку на свой же альманах³⁶, единственное от того, что она была написана Пушкиным, и что, кроме сей насмешки, там не было ни одного сочинения с подписью Пушкина, — а это делает большой перевес в альманахе. Вот как сильно действует давление поэта на своих сограждан! Имя Пушкина есть как бы залог

* В 1827 году в «Нев[ском] Альм[анахе]» была помещена прекрасная повесть «Замок Эйзен»³⁵.

достоинства какого-нибудь альманаха: и справедливо, при появлении альманаха вы сей час услышите вопросы: есть ли там стихи Пушкина, Козлова, Баратынского и проч., и потому нельзя винить г. Аладьина, что он поместил насмешку на свой альманах — ее написал Пушкин: издатель прав! Но зачем толковать о старинном, что сделано, того не вернуши! Посмотрим, может быть, «Невский Альманах» улучшится на 1828 год. Посмотрим!

О наружности, хотя и хорошей, почти не нужно говорить, рассматривая хороший альманах. Это пустые слова без мыслей. Но, говоря об альманахе посредственном, нужно что-нибудь сказать и о его наружности, в особенности, если она хороша, это ему придает несколько блеску. Но как «Невский Альманах» мы почитаем не самым лучшим, то и поговорим о его наружности.

К нему приложен хорошо выгравированный портрет Великой Княгини Елены Павловны. Виньетку, по нашему мнению, не нужно было приклеивать к «Невскому Альманаху», она совершенно к нему не относится, и выгравировано худо. Картинка к трагедии «Борис Годунов», представляющая ночную сцену в келии, ежели не может понравиться по своему изображению, то, по крайней мере, по чистоте своей отделки; последующая за нею картинка, представляющая свидание супруги Смальгольмского Барона с Ричардом Кольдингамом³⁷, не заслуживает внимания ни по изобретению, ни по гравировке. На лице Ричарда Кольдингама нет жизни и не выражено никакой страсти. Вот наружность «Невского альманаха».

Теперь посмотрим на его содержание. Прозаические статьи довольно хорошие. «Письма об Америке» П. Свиньина любопытны по разным подробностям, касающимся до сей страны. «Исполнители закона» Н. П.* написано остро и в духе восточном. Небольшое сочинение Ф. Глинки «Локлинова арфа» исполнено какой-то унылости и мечтательности. Повести «Василий Воинко»³⁸ и «Кочубей»³⁹ оправдывают наши слова, что теперь в моде употреблять новые, но, к несчастью, смешные выражения. В первой из них действующие лица без всяких характеров, связь слаба и происшествие прервано на самом любопытном месте; притом же автор, как кажется, хотел напугать своих читателей то развалинами, то лесом, то мильными поговорками своих героев: «прах_побери» и т. п. Другая повесть «Кочубей», самого Издателя, хотя и не имеет странностей первой, однако же и в ней

---

* Кажется, г. Полевого.

характеры не сходны с историческими преданиями, и встречаются новые выражения, как напр., «дебристые души» и пр.

Стихи есть и хорошие, и худые. Первое стихотворение «Венгерский лес», баллада И. Козлова, написана звучными стихами, но происшествие в ней слабо. Есть еще хороший перевод стихов г. Шенье А. Пушкина; «Кудесник» Языкова; «А ветер выл» Ф. Глинки. При конце помещено превосходное стихотворение И. Козлова «Обврожение», взятое из трагедии Байрона «Манфред». Оно отличается мыслями сильными и истинно поэтическими, наприм.:

Есть думы — их не отогнать,
Есть тени — им не исчезать.

Этим оканчивается «Невский Альманах», и этим мы окончим свое суждение о сем альманахе.

«Памятник Отечественных Муз»⁴⁰ назван так как бы в насмешку! Доселе неведомые поэты, выведенные на сцену в сем альманахе, с своим неведомым талантом, с отрывками из поэм, трагедий, комедий, водевилей, не только не заслуживают отечественной памяти, но желательно, чтобы их творения никогда не выходили из мирных кабинетов своих авторов.

«Енисейский Альманах»⁴¹, как пришелец из страны далекой, в которую недавно начало проникать просвещение, хотя и имеет некоторые литературные недостатки, но ему можно уважить их. Впрочем, в нем есть довольно хорошие статьи, относящиеся до Сибири, жаль только, что некоторые из них были уже напечатаны.

О прочих альманахах: «Драматическом Альманахе», «Московском Альманахе», «Эвтерпе», «Терпсихоре» и других⁴² — мы ничего не скажем, потому что об них уже довольно было говорено в разных журналах. При том же «Эвтерпа» и «Терпсихора» назначены — один для любителей пения, а другой для любителей танцев, что, кажется, не составляет важной отрасли в литературе.

Рассмотрение журналов мы оставим для следующего номера.

Смесь

Общество Ненюфара⁴³ действует смелее, и действия его опаснее для Китая, однако же правительство, преследуя законами и силой, надеется истребить злоумышленников. Р. С.⁴⁴

* * *

За перевод сочинений Роберта Сутея⁴⁵, придворного поэта Англии, которые составляют 40 томов, Французская Академия предлагает 35000 франков.

P. C.

* * *

Ежели ничто не может сравниться с восточную роскошью, то также ничто не может сравниться и с восточным раболепством: ибо там, где Государь по произволу уничтожает бытие своих подданных, они поневоле будут раболепны. Эта мысль пришла нам в голову, когда мы читали в «Voyage par P.» турецкую песню такого содержания:

«После ста тысяч бомб, брошенных на Видин, я, Пассевенд-Оглу, собака Султана и раб Султании Валидии, водрузил Знамя независимости!

Я, Пассевенд-Оглу, собака великого Государя, ляю на его министров, хочу быть подвластным своему Повелителю и лижу прах ног Его, я, Пассевенд-Оглу!»

* * *

Мы с большим удовольствием прочли в «Одесском Вестнике», что знаменитый романист Купер желает посетить Россию и, между прочим, заедет и в Одессу. Любопытно увидеть творца стольких превосходных романов и познакомиться с его характером на самом деле, а не судя по его сочинениям⁴⁶.

* * *

Кто без причуд? Кто без странностей? Недавно г. Остоловов грозил, что вся Лета запруженна сочинениями романтиков, и теперь является один из них с стихами, только не с такими грозными, как г. О., напротив того, неизвестный поэт приглашает своих собратий в Лету, будто на пирушку. Участь незавидная!

Беспечно резвою толпой,
Ко берегам широкой Леты,
Неситесь радостно за мной,
Мои печальные поэты! ⁴⁷

* * *

Слюдя теперь очень редка, пуд нечистой стоит 500 рублей, а хорошая продается за пуд по 800 руб.

— Гарпиуса во всей России не более как на 1000000 р.⁴⁸

* * *

Порадуем публику не тем, что собрались: новый Нинетти, Роберстон, Сен-Мартин, Пинчипе-Репото, Пинтор, Фраза, Шванценберг и другие самоименнованные физики, химики, механики, несгорающие люди, — словом, фокусники, но тем, что один из делающих книги грозит написать путешествие в Китай, не путешествуя по Китаю, и напишет он на досуге с объяснением всего, и это объяснение будет значительно-обширно: статистически — исторически — географически — антикварически — пийтически; у французов сие не редкость! Желаем хорошего успеха делателю книг, и прочтем вместе с публикой его полупутешествие, или *ouvrage Semi-periodique*.

Мысли

Верность для многих — результат некоторых математических задач, т. е. ноль, а эти многие в отношении к результату также ноль.

* * *

Иным можно сказать: проспрягайте глагол «*ато*», и мы согласимся вам дать, как школьникам, *Licentiam eacundi* [?]. Р. 147. LV [?].

* * *

От трения двух тел производится огонь, от сталкивания двух миров рождается новый мир. Пролаз верит и беспрестанно трется с образованными, и иногда что-нибудь вытрется, выжмется и прилипнет к его неучености; в таком случае бывает и налипание; но Федулин тщетно карманы своей особы сталкивает с карманами, в которых кошельки потуже набиты — они все остаются пустыми.

* * *

Друзья — совершенно отличные существа, их никто не может разгадать; они взыскательны в малостях, раздражительны в пустяках, все их в другом печалит и все радует; действия, движения, как у китайских теней, то есть непроизвольные, разговоры о предметах до бесконечности малых; словом, это мыльные пузыри, в которых блестят все цвета радуги, — дунет ветер — и их как будто не бывало!

* * *

Журналы когда-то составлялись от скуки, от нечего делать, а теперь, по большей части, напротив, — для скуки или для чего-нибудь.

* * *

С сочинениями бывает то же, что с куклами: прежде публика, как дитя, забавляется, кажется, все внимание ее привлечено; наконец, когда любопытство удовлетворится, — бросает с презрением.

* * *

И счастье, и несчастье приносят немалую пользу — счастье возводит нас на высокую степень достоинства, а несчастье унижает, если делаемся чрезмерно честолюбивыми.

* * *

Ужасно рабство, ужасны последствия его, но еще ужаснее бездействие народа, или нравственное усыпление.

* * *

Где только есть справедливость и надежда на самого себя, там наверно сохранены права прежних времен.

Модные обычаи

Серый демикотоновый сюртук и панталоны из той же материи; хлысты, или длинные гибкие прутья, палочки с стальным молоточком; кожаная темно-зеленого цвета шапка с заворотами и отворотами — вот все необходимое для щеголя.

Самый модный цвет комнат — светло-зеленый, шкафов — голубой, на котором пестреют кривые полосы и крапины, то светлые, то темные, с отливами и переливами, на разливе краски.

* * *

Если волосы обстрижены à la Mingcaud [?], то есть догола, тогда прослышишь милым (*charmant*), — что ж делать, теперь везде

«Как платье, волосы, так и умы коротки!»⁴⁹

* * *

Жилеты из материи, на которой соединены цветы: темно-вишневый, темно-голубой и белый длинными полосами с отливами. Заменяют при щегольском неглиже черного цвета *trou-trou*.

Некоторые модисты появились без шейных платков, воротник рубашки служит им оплечьем, как древним рыцарям Ливонии в буднишнем уборе.

Лорнет заменен камертоном (разумеется, чтоб задавать тон!).

Теперь все гнилое, но дешевое, заменяет прочное, но дорогое!

Прибавление

«Non nobis sed a Liis... » [?].

Стихотворения Григория Попандопуло⁵⁰, рано похищенного смертию от Муз и друзей, по разнообразности предметов, по легкости, по непринужденности и гармонии стихов заслуживают внимание почтенной публики. Мы будем помещать некоторые из них, а на первый случай помещаем в нашем ежемесячном издании «Элегию»; в ней безнадежность поэта доходит до отчаяния, он, очаровываясь, медлит себя разочаровать, но страсти действуют сильнее, и невинный упрек невольно вырывается.

(89.)

А, չուզօյց գիլակ յշաւ աշօնաս
Տի ու խծնիս արեցի՞ Եօլո սպասաւս
Նա յայիս ու յառեցի քամ օվալաւան
Իոն կալակուր արաբօս և ից խծնիս դ'ահօն
Տուշե յ' օդու եղի՞ն չիս ու յիշածօն
Ռես յայլաց ան ենակա ու ու սպես դ' սպիզ
Իոն կակոս, ու շնորհ, ու անց չ' պիզ
Իոն ու սպօն բառ շնորհ դպին և՛ այս.
Դասօն յանոս և՛ օդու ու մա մարտինոս,
Իոն շանէ մա' և՛ ոչ յա' և՛ պահն ու.

Եւ յից ու անօն ու, Այս ես սպօնս դ' ահօն,
Ես յունու զըդուն նուկ և և և յան
Ք' մայիսօն լուսն, ու յանոս, ու յարոս,
Ես են բայօն Եւ սըդոն բայս ու սըդոն,
Իոնն և՛ յաստան յան! ու յոն եւ յըդոն
Ենց օսու զըդոյց նայուն ու յոն

179.

(90)

Ильинец ёк о' агаю ёк дэ' о' садан
Балок сороджес соргас нуорс жир.

Аху наорол ёк о' ёлл наи ёлеа жиге жир,
Кай ёк парчиме о' би сарбас жир сир.
Ти салавар г' айла фурунж, эзя э' ж' дарынж,
Кай жиге ёк о' жи сарбак куронжес!
Суарни дэй ж' авли ёк ёк о' жалери,
Кай би жиге жир асаңа ёк биа о' садан;

«Хо юндан пытала жири амбасан
Ти ви шадна артыпш? о' жело шамарсан
На' жиге жи рашында жиас би сорас ой биа о' садан
На' о' жор ёк ўзүүрдү садан.

Ти иш дарын иш күрдүндүз жильтар иш жиге жир.
Ах! Иш сори жир ыратып жи жир о' иш жиге жир
Иш аюанс болгарын жирбайланыш иш жир.
Ти! Күрдүрдүн жири мордеш жиге жир...»

180

Песня

Не шуми, волна,
Не плескай в брегах,
Не плыви, луна,
Стройным лебедем.

Унеслись мечты,
Изменило все,
Что любил в мечтах
Сердцем пламенным.

В тишине ночной
При плесканье волн
И томит печаль,
И грустнее мне.

Не шуми, волна,
Не плескай в брегах,
Но раскинься вдруг
Белой скатертью.

Не плыви, луна,
Стройным лебедем,
Но затмись, — затмись
Черной тучею!

* * *

Порадуем наших читателей известием, что многие русские сочинения лучших авторов переводятся на новейший греческий язык, и уже переведены «Марфа Посадница», соч. Карамзина, «Марьина роща», соч. Жуковского и другие.

Для знатоков греческого языка мы здесь предлагаем отрывок из «Марьиной рощи», когда Ольга, подруга Марии, встретившись с Усладом, рассказывает ему судьбу его Марии, которая уже сделалась супругою свирепого Рогдая.

На греческий язык сие место переведено таким образом:

(93.)

Ἔτι ωραῖδη ἐσῆρε τὸν γῆ αἰδίωνας φυτόν, οἱ δύοσσιν
ορφωτοῦσιν ἀπό την πρόμην, ὑγραῖσι πάρει, ἐγκατέ έπειτα
ὑπάνθισαν! Νέος νά τηρούραψε τὴν μητέραν; Τινὲς σοιαν ἵπποι
ζήκονται οἴδησαν τὸν γεγονότον τηρούραπε τηρούραπε!

· οἱ ερωτεῖται μητέραν, οἱ ἄρδαριοι δὲ γαλαπούρειοι; προ-
μήντης τῆρας τὸν οὐραῖτας δεινός. Εὐραῖδης ἔριναρε αὐτόν,
ἀσθενῶν αἵτοι εἶχεν, εἰσὼς τὸν τὸν οὐραῖταν? Η τηρούραψε;

ni flacia que éla dianas. Si nodando éla ó Peñón
izquierdo quedó muerta; éla píjama "que" éla dianas
lo fui de la píjama. Si qui quedó n'igual condición que?
Si ésta se separó de la píjama. No sé lo que;
que ésta se separó de la píjama; ésta píjama que la píjama
separó n'igual condición que éla dianas. La dianas la dianas
que éla dianas se separó de la píjama q' lo dejaron q' q' q'
de la píjama. q' q'

(94)

Brigandine bow. It looks just like you. "Euloh, Dugdale
Sir! "Sa Sir! Major! just . . . .

Приятно думать, что с восстанием Эллинов, на поприще греческой литературы являются русские авторы!

Греческая литература будет постоянной статьей нашего журнала!

P. D. K.⁵¹

Оглавление первой части «Ареопага»

I. Изящная словесность

	Стр.
От издателей	1
О классической и романтической поэзии	3
Виланд	45
Письмо XXX През. Акад. в Пекине	47
От Архонта Литоса к Гражданам	49
Географическо-статистическое описание Греции	91
Клопшток	95
Шиллер	97

II. Стихотворения

Стансы (А. Пушкина)	6
Звездочка (В. Жуковского)	7
К изображению Бога (XVIII)	9
Одесская ночь	—
Мелодия	10
Горе	11
Элегия к Н. Н.	11
К Н. Н. (А. Магденки)	12
К Н. Н.	—
Беспечность (Ф. Глинки)	53
Роза	—
Отрывок из послания к П....у	55
Желание	56
Мелодия	57
Желание	—
Элегия	58
Дивный кубок	—
Ода к Н. Н.	60
Поэт из гроба	—
К З.....	61
Элегия (А. Магденки)	—
Элегия	63
К Эде	65

Элегия	66
Невидимые	—
Отрывок из трагедии «Рогнеда»	101
Последнее прости (А. Магденки)	102
Одесская буря	105
Песня кудесницы	107
Нереиды	109
Кубок	111
Фантазия	113
Последняя сцена из трагедии N.	114
Веселый Аид	116
Невыразимое	118
Мечтание	118
Водопад	119
Признание	—
Идеал	120
Мелодия	—

III. Проза

Быль XVI столетия	13
Быль XVI столетия (окончание)	68
Отрывок из романа «Замок Понтефракт»	79
«Замок Понтефракт» (окончание)	122
Отрывок из нового Тристрама-Шанди	147
Восточное сказание	156

IV. Критика

Современная русская литература	20
События литературы	35
К издателям	81
Современная русская литература	162

V. Смесь.

(на стр.: 36, 83, 171)

В № 3^м «Ареопага» на стран. 17^й ошибкою поставлено в заглавии вместо «Песня кудесницы» — «Песня старой волшебницы».

Примечания

1. *Из соч[инения] б[аронессы] Сталь-Голштейн* — продолжение публикации отрывков из книги Жермены де Сталь «О Германии». Начало см. в «Ареопаге» № 1, 2 за 1828 г.
2. *Юнг Эдвард* (1683–1765) — английский поэт. *Мильтон Джон* (1608–1674) — английский поэт, мыслитель, политический деятель. *Клопшток Фридрих Готлиб* (1724–1803) — немецкий поэт, автор эпической поэмы «Мессиада».
3. *Дант* — Данте Алигьери (1265–1321) — итальянский поэт.
4. *Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих* (1759–1805) — немецкий поэт, драматург, теоретик искусства, философ, историк.
5. *Рогнеда*, княжна (ум. ок. 1000) — дочь полоцкого князя Рогволда, супруга Великого князя Владимира. Сюжет о попытке мести Рогнеды своему мужу за смерть отца и братьев использовал в своем творчестве К. Ф. Рылеев в думе «Рогнеда» (1821 или 1822 г.).
6. *Ан. Магденко* — см. Ареопаг № 2, 1828 г., примечание № 26.
7. «Песня старой волшебницы» («Песня кудесницы») — автор — Н. Г. Тройницкий. См. также редакторское примечание после оглавления первой части «Ареопага». Опубликовано со значительными изменениями и дополнениями под названием «Песнь кудесницы» в издании: «Литературные листки, прибавление к «Одесскому Вестнику» (Одесса, 1834. — № 12–15. — С. 99). Н. Г. Тройницкий (1811–1892) — в будущем известный одесский журналист и культурный деятель. Закончил 10-й класс лицея в 1832 году; позже служил управляющим Одесской Сухопутной Таможне. «Помещал прозаические и стихотворные сочинения свои в «Одесском вестнике» и литературных прибавлениях к нему, а также в Одесском альманахе». См.: Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея. — Одесса, 1857. — С. 154, 193. Н. И. Надеждин с одобрением упоминал стихи Н. Тройницкого в «Литературной летописи Одессы».
8. *Пизиды* (греч. мифол.) — музы.
9. «*Кубок*» — подражание А. С. Пушкину. См. «Песнь о вещем Олеге» (1822 г.).
10. «*Последняя сцена из трагедии Н.*» — Ср.: Пушкин А. С. «Цыганы» (1827 г.), заключительная сцена.
11. «*Невыразимое*» (автор — «XVIII») — написано по мотивам одноименного стихотворения В. А. Жуковского, впервые опубликованного в альманахе «Памятник Отечественных Муз, изданный на 1827 год Борисом Федоровым» (СПб., 1827. — С. 262–263).
12. «*Мечтание*» — стихотворение зачеркнуто.
13. «*Признание*» — стихотворение зачеркнуто.
14. «*Идеал*» — стихотворение зачеркнуто.
15. «*Мелодия*» — зачеркнуто до слов: «На небе в лазури блестит хоровод».
16. Продолжение публикации отрывка из романа «Замок Понтефракт». Начало см. в «Ареопаге» № 2 за 1828 г.
17. *Феникс* (др.-греч. миф.) — птица, обладающая способностью сжигать себя и возрождаться из собственного пепла. Поэтический символ возрождения.
18. «*к наказу Кира о восстановлении храма Зоровавеля*» — в 536 (?) г. до РХ персидский царь Кир разрешил евреям, плененным Навуходоносором, вернуться

- в Иудею и восстановить свой храм. Зоровавель, возглавивший вышедших из плена, по возвращении в Иерусалим приступил к восстановлению храма. Работа не была завершена.
19. *Антихрист* — противник Христа, персонаж «Нового Завета». *Зверь Апокалипсиса* — персонаж книги «Откровение». В христианском богословии считается одним из названий антихриста в «Новом Завете».
  20. *Мильтон Джон (1608–1674)* — английский поэт, политический деятель, мыслитель.
  21. *Трофониева пещера* (миф.) — оракул Зевса в Беотии. Все, побывавшие в пещере и услышавшие прорицания, приходили в состояние ужаса.
  22. См. примечание № 32 к «Ареопагу» № 2 за 1828 г.
  23. *Орден Тамплиеров* — духовно-рыцарский орден, основанный в 1119 году в Святой земле небольшой группой рыцарей во главе с Гуго де Пейном после Первого крестового похода. Упразднён и распущен в начале XIV века папой Климентом V.
  24. «*Отрывок из нового Тристрама-Шанди*» — пародия лицеистов на книгу Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди». Возможно, пародируются главы из 8-го тома книги Стерна, посвященные любви капрала («...ведь любовь, с позовения вашей милости, точь-в-точь как война»).
  25. *мамбриновый шишак* — Мамбринов шлем. См.: Сервантес Мигель де. «Хитроумный иадальго Дон-Кихот Ламанчский» (Ч. 1, гл. 21). Любопытно, что «Дон Кихот» был запрещен для чтения в Ришельевском лицее. Сохранилась записка, написанная в 1822 г. директором лицея Гейнлетом: «Препровождая у сего 5 книг Сервантесова дон-Кихота, в русском переводе, мною у воспитанников класса словесности отобранных, предписываю Вашему благородию впредь подобных <...> сочинению книг вверенным надзору Вашему пансионерам не давать» (ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. № 46 (1822). Л. 196). Цит. по: Полевщикова Е. В. Библиотека Ришельевского лицея в 1817–1828 гг. (по материалам Государственного архива Одесской области) // Вісник ОНУ. Сер. Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. — Одеса, 2007. — Т. 12. — Вип. 4. — С. 43.
  26. *Геспер* (греч.) — название планеты Венера как вечерней звезды.
  27. Сокращенный отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». Лицеисты цитируют стихи по первому полному изданию: [Пушкин А. С.]. Цыганы: Писано в 1824 году. — М., 1827.
  28. *Мом* (др.-греч.) — в древнегреческой мифологии бог насмешки, злословия и глупости.
  29. *Гурии* (арабск. миф.) — по «Корану», прекрасные девы, услаждающие правоверных в раю.
  30. *гебен* (эбен /устар./) — черное дерево.
  31. «*Предписание*» — лицейская шалость: пародийное окончание «Отрывка из «Нового Тристрама-Шанди».
  32. Неточная цитата из баллады В. А. Жуковского «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» (перевод баллады Вальтера Скотта «Канун святого Джона»). Баллада была впервые опубликована в 1824 г.
  33. «*Альбом Северных Муз*. Альманах на 1828 год, изданный А. И.» (СПб., 1828). Издатель А. А. Ивановский.
  34. «*Невский Альманах*» — издавался в Петербурге в 1825–1833 гг. (всего вышло 9 книг). В 1846–47 гг. вышло еще 2 книги. Издатель Е. В. Аладъин.

35. «Замок Эйзен» — повесть А. А. Бестужева.
36. Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина: «Примите Невский Альманах...» Опубликовано: Невский Альманах. — СПб., 1826. — С. 59.
37. супруга Смальгольмского Барона, Ричард Кольдингам — персонажи баллады В. А. Жуковского «Замок Смальгольм, или Иванов вечер».
38. «Василий Воинко» — повесть В. Д. Троицкого (? — 1833), адъюнкт-профессора Царскосельского лицея.
39. «Кочубей. Историческая повесть» — автор: В. Е. Ал. (Е. В. Аладьин).
40. Альманах «Памятник Отечественных Муз, изданный на 1827 год Борисом Федоровым» (СПб., 1827).
41. «Енисейский Альманах на 1828 год» (М., 1828). Издатель И. М. Петров.
42. Перечислены альманахи: «Драматический Альманах для любителей и любительниц театра, изданный на 1828-й год Ардалионом Ивановым» (СПб., 1828); «Московский Альманах на 1828 год, истории, словесности и нравственности. Изд. Сергеем Глинкою» (М., 1828); «Эвтерпа. Подарок любительницам и любителям пения на 1828-й год. Собрание новейших романсов и песен» (М., 1828); «Терпсихора. Альманах музыки и танцев, посвященный любящим сии искусства» (М., 1827).
43. Общество Ненофара — тайное общество. См. заметку в «Московском телеграфе» (1828. — Ч. 19. — № 1. — С. 145 /раздел «Смесь»/): «...Огромная Китайская Империя вся, кажется, приходит в смятение. Доныне власть Маньчжурских государей поддерживалась их силою; но втайне всегда тлилось пламя ненависти Китайцев к их горделивым завоевателям. Тайные общества, и особенно Общество Ненофара, издавна преследуемые Правительством, ныне начали явно действовать».
44. Р. С. — не удалось расшифровать сокращения.
45. Роберт Сутей — Саути Роберт (1774–1843) — английский поэт-романтик, представитель «озерной школы».
46. «Мы с большим удовольствием прочли в «Одесском Вестнике», что знаменитый романист Купер желает посетить Россию и, между прочим, заедет и в Одессу». — В «Одесском вестнике» (1828. — № 29. — 11 апреля) было опубликовано письмо А. Л. [евшина] издателям «Одесского вестника», написанное: «Париж 18/6 февраля 1828».
- Левшин А. И. (ок. 1792–1879) — чиновник канцелярии М. С. Воронцова, в 1831–1837 гг. одесский градоначальник; писатель, историк, этнограф.
47. Возможно, ироническая реплика на стихи «Веселый Аид», помещенные в этом номере «Ареопага».
- Остоловов Николай Федорович (1783–1833) — поэт, переводчик, автор книги «Словарь древней и новой поэзии» (тт. 1–3, СПб., 1821).
48. гарниус — канифоль.
49. «Как платье, волосы, так и умы коротки!» — цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «Как платья, волосы, так и умы коротки!...» («Горе от ума», 3-е действие, явление 22-е). 3-е действие с цензурными правками и сокращениями впервые было опубликовано в альманахе «Русская Талия на 1825 год» (СПб., 1825).
50. Возможно, лицейский поэт.
51. Р. Д. К. — предположительно, — «редакция». Редакторы «Ареопага» — Н. Г. Тройницкий и А. Ушаков.

O. M. Козаченко

ОДЕСА В ЖИТТІ М. І. КОСТОМАРОВА

*Т*удь-яка історична доба вирізняється неповторними і самобутніми подіями, явищами, процесами. Саме вони складають унікальний візерунок епохи, який залишається в пам'яті прийдешніх поколінь. Та найприкметнішою рисою кожного часу є видатні постаті, з якими асоціюється певна історична доба. Однією з таких знакових постатей XIX сторіччя був Микола Іванович Костомаров (1817–1885).

Ім'я видатного історика, письменника, етнографа, фольклориста відоме багатьом. Протягом всього життя М. Костомаров працював з повною віддачею. Найплодотворнішим періодом у творчості Костомарова називають 1875–1885 роки. Саме в цей час у його життя увійшло кохання. Одеса безпосередньо причетна до цієї історії любові.

Микола Костомаров побував в Одесі двічі — 1846 року і влітку 1870. Його поїздки до нашого міста докладно висвітлені в «Автобіографії», в спогадах Аліни Леонтіївни Костомарової¹ та в романі Віктора Платоновича Петрова-Домонтовича «Аліна і Костомаров».

Вперше М. І. Костомаров приїхав до нашого міста на початку літа 1846 року². На цей час він став ад'юнктом Київського Імператорського Університету Святого Володимира. Переїхав він в Одесі до середини серпня, наймав собі затишний куточек на одній із приміських дач, поєднуючи морські купання з творчою роботою.

Саме в цей час, наприкінці 1845 — на початку 1846 року, в Києві було засновано Кирило-Мефодіївське товариство³. Одним із засновників товариства став М. І. Костомаров. Діяльність Кирило-Мефодіївського товариства мала важливе суспільно-політичне значення. Кирило-мефодіївці ставили за мету передбувати тогочасне суспільство на принципах братерства, рівності, свободи, справедливості тощо. Перетворення суспільства мало здійснюватися на реформаторській основі, зокрема, через ліквідацію кріпацтва, проголошення станової рівності, гармонійне співіснування народів та їх культур. Програмні положення товариства були викладені у «Книзі буття українського народу»⁴ і «Статуті Слов'янського братства св. Кирила і Мефодія», основним автором яких був Микола Костомаров. Поряд з створенням програмних документів його члени доклали багато зусиль для поширення ідей через прокламації, лекції в

учбових закладах, художні і публіцистичні твори, бесіди, суперечки і дискусії, на зібраннях і літературних вечорах. До практичної діяльності відноситься налагодження зв'язків Кирило-Мефодіївського товариства з зарубіжними діячами слов'янського визвольного руху.

У літку 1846 року уже розгорнулося підпілля товариства, а в Одесі на цей час жило багато болгарських студентів, царський уряд направляв сюди польських засланців. Цілком можливо, що Микола Костомаров не лише насолоджувався морськими ваннами і писав вірші, але й шукав зустрічей з волелюбними людьми, спілкувався з ними, цілком розподіляючи їх погляди.

В Одесі він випадково зустрів у міському театрі свою випускницю Київського приватного зразкового пансіону Де-Мельян, у якому викладав загальну та російську історію з 1845 до 1847 року, Аліну Крагельську, яка стала зрештою його дружиною, хоча цьому шлюбу передували дуже драматичні обставини. Саме з цього часу і починається залицяння М. Костомарова до Аліни, а Одеса входить в сюжетне коло однієї з найромантичніших «love story» в історії української літератури.

Історію кохання Миколи Костомарова і Аліни Крагельської яскраво описує український письменник, літературний критик, археолог та етнограф Віктор Петров (1894–1969) в біографічному романі «Аліна і Костомаров»⁵, де в художній формі висвітлив почуття М. Костомарова до А. Крагельської.

Петров стверджував, що, будучи людиною упереджень і літературних стилізацій, Костомаров волів би бачити у жінці «святу» і визнавав лише «велике і спасенне значення духовного шлюбу»⁶. Автор приходить до висновку, з яким важко не погодитися. Він вважає, що для М. Костомарова кохання це «молитва серця», «знесення душі на небо»⁷.

Варто зазначити, що для Віктора Петрова, одного з кращих представників модернової української прози 1920-х років, Одеса — місто дитинства. До Одеси сім'я Петрових переїхала

Аліна Крагельська

М. І. Костомаров

в 1902 році. Батько Віктора був учителем закону Божого Одеського казеного реального училища й настоятелем церкви при училищі. В 1907 р. сім'я переїхала до Холма. Після від'їзду з Одеси Віктор Платонович протягом життя не раз бував у місті свого дитинства. Про зиму 1919–1920 років згадував: «В Києві їли пшоняну, в Одесі того ж року ячну кашу. Це далеко гірше. Ячна крупа багато остогидливіша за пшено. Уже не можна було витримати!.. Одного разу одесити на бюсті Маркса, що замінив на гранітному цоколі пам'ятника Катерині, побачили паперову торбинку. В торбинці була ячна крупа, і на ній — торбинці — напис: «Їж сам!»⁸.

Петрова-Домонтовича вразила історія кохання Аліни і Костомарова, їй присвятив він однойменний ліричний роман.

Ця любовна історія розпочалася 1 серпня 1845 р., коли старший вчитель історії 1-ї Київської гімназії Микола Костомаров, що одночасно почав викладати історію в приватному зразковому пансіоні Лаури Йосипівни де Мальян, прийшов на перший урок у випускному класі цього пансіону. Тут і відбулося його знайомство з майбутньою нареченою, яка була ученицею випускного класу цього пансіону. Аліну, її старшу сестру Стефанію, котра навчалась разом з нею, та інших юних слухачок, зацікавив «блондин із свіжим обличчям, тонким носом, ледь помітно піднятим, з прекрасними губами, через які при читанні часом виднілися бездоганної чистоти і білизни зуби, симпатичною посмішкою, був уже непоганий собою»⁹. Та полонив дівчат викладач не лише приемною зовнішністю, а «силою і живістю свого викладу... хоча ми ще не могли одразу проникнутись повагою до розумової висоти «нового вчителя» і оцінити його даровитість»¹⁰. Тоді Костомарову було 28 років, і Аліна згадувала: «...це був молодий чоловік зі свіжим лицем, середнього зросту, міцної, навіть кремезної статури. Через золоті окуляри світились розумні голубі очі»¹¹.

П'ятнадцятирічна Аліна (народилася в серпні 1831 р.) — красива, смугліва, рум'яна, тендітна брюнетка, насмішкувата, пустотліва, весела і сміхотлива, була відмінницею. Згадуючи свою молодість, Крагельська писала: «Одного разу вчитель поставив Аліні за відповідь 5 балів. Микола Іванович подивився, які в неї оцінки з інших предметів і промовив: — А ви добре вчитесь!

— Я ніколи не вчуся! — заперечила Аліна. — Вчуся, але не так добре, а злегка, доки вчитель у класі; потім граю на роялі, вишиваю,

бігаю, пустую»¹². У гуморі учениці виявлялися перші вияви симпатії і ніжності, початок закоханості.

Аліна була надзвичайно музично обдарована. Про це свідчить такий факт: на гастролях у Києві великий угорський композитор, піаніст, диригент Ференц Ліст одного разу випадково почув прекрасну гру Аліни в графині Меліної і був зачарований. Удень Ліст одвідав Крагельських в їхньому будинку і особисто запросив Аліну на свій концерт. Він ще раз побажав послухати гру Аліни. Після уважно прослуханої вибраної ним увертюри, він поцілував її і розсипався в похвалах перед матінкою про музичний хист і незвичайні здібності її доночки, пророкуючи їй велике майбутнє, і запропонував продовжити навчання у Віденській консерваторії. Мати Аліни, Анеля Устинівна, була горда за доночку, але відмовилася від пропозиції¹³. На останньому концерті Ліст спустився з підмостків, підійшов до Аліниного крісла, взяв її за руку, повів на естраду, посадив біля себе і попросив пильнувати за його грою, даючи їй урок на згадку про себе. Після концерту Ліст потис обидві руки Аліни, а публіка в перервах між окремими п'єсами губилася в догадках чи то наречена Ліста, чи то грали вони в чотири руки¹⁴.

В своєму романі В. Петров переповідав цей випадок, інтерпретуючи його таким чином, що саме романтика музики винна в подальшій довгій розлуці закоханих. Він вважав, що надмірна захопленість романтизмом культує трагічну, містичну любов.

13 лютого 1847 року Аліна заручилася з М. Костомаровим, на 30 березня було призначено їхне весілля¹⁵. Старшим боярином Микола Іванович запросив свого кращого друга Тараса Шевченка. Але доля розпорядилася інакше. 28 березня Миколу Костомарова заарештували за участь у Кирило-Мефодіївському товаристві. Цілий рік просидів Костомаров у Петропавлівській фортеці, а потім опинився на засланні в Саратові, де провів 12 років. Аліна клопоталася про покращення долі нареченого, їздила в Петербург на побачення. Таємно від матері листувалася з Миколою впродовж двох з половиною років. Мати, Крагельська-Мазурова, як і вітчим, який служив у комісаріатській комісії (згодом — інтенданство), рішуче виступили проти шлюбу з Миколою Костомаровим і з часом видали її заміж за полковника Марка Дмитровича Кисіля. Прожила з ним 19 років, супроводжуючи його всюди, куди йому доводилося переїзджати у справах військової служби.

Зиму 1864–1865 років Аліна Леонтіївна з чоловіком провела в Санкт-Петербурзі. Там вона випадково зустріла на вулиці М. Костомарова,

який через короткозорість не помітив її. Але вона не шукала зустрічей зі своїм колишнім обранцем, зберігаючи вірність у шлюбі¹⁶. Про цю раптову зустріч Аліна розповіла чоловікові. Марко Дмитрович Кисіль був доброю, чуйною людиною, шанував почуття Аліни до Костомарова, а по приїзді до Києва купив і подарував їй книжку Миколи Івановича «Кремуцій Корд». Цей твір мав авторську присвяту Аліні Крагельській: «Присвячується незабутній А. Л. К. на згадку 14 червня року 1847»¹⁷. Це була дата останнього побачення Костомарова з Аліною перед довгою розлукою. До драми надано епіграф польською мовою з поеми «Конрад Валленрод» Адама Міцкевича:

«Я в серці, друже, зберегла донині
Ту саму постать, в тих часів одежі.
Метелик так, потонувши в бурштині,
Свою красу навіки зберігає»¹⁸.

Тяжко хворий Марко Кисіль весною 1865 року з сім'єю переїжджає з Києва до Дідівець у свій родовий маєток. Тут родина жила до смерті Марка Дмитровича у 1870 році. Аліна Леонтіївна цілком присвятила себе вихованню дітей: Олександру (1855 р.), Юлії (1857 р.) та Софії (1863 р.).

Промайнули роки. Костомарову було вже далеко за п'ятдесят. Він став професором, видатним письменником. З-під його пера виходять праці з історії України, Росії, Польщі. Наукові заклади і товариства Європи і Росії присвоюють їйому ряд вчених ступенів і звань. Та в серці залишається пустка, нудьга і байдужість. Він і досі не може забути своє перше кохання.

На початку серпня 1873 році М. Костомаров приїхав до Києва на Археологічний з'їзд. Випадково дізнався, що Аліна також у Києві. І тут трапилася довгоочікувана зустріч закоханих. Люблячі серця оживають. Вже літні люди, через все життя пронесли почуття, вирішили одружитися, але одружились не відразу. Деякий час вони переписувались. Обвінчались 9 травня 1875 року в Дідівцях і прожили разом десять років. За описами сучасників, які близько знали А. Крагельську, вона швидко перейнялася науковими інтересами М. Костомарова, стала його помічником у роботі, його секретарем, його читцем і радником у працях. Після смерті Костомарова особисто здійснювала коректуру перевидань його творів. А. Крагельська записала зі слів Миколи Івановича його «Автобіографію», присвятила їйому спогади.

Існує два варіанти «Автобіографії» М. Костомарова. Перша її редакція була продиктована ним в 1868 р. Надії Олександрівні

Білозерській (1838–1912), але не була ним переглянута. Н. Білозерська була дружиною друга й соратника М. Костомарова Василя Білозерського. З Костомаровим познайомилася в 1867 році, коли він уперше приїхав у Санкт-Петербург із заслання. Ця автобіографія була опублікована в 1885 році в журналі «Русская мысль» з передмовою В. Семевського і примітками Н. Білозерської, являє собою цінне джерело, однак потребує критичного ставлення¹⁹.

Другий варіант своєї автобіографії Микола Іванович продиктував дружині Аліні Леонтіївні в 1875 р., доповнюючи і редакуючи власноручно впродовж 1875–1881 рр. На рукописі, що складається з 15 розділів, напис — авторська присвята: «Присвячується любій моїй жінці Галині Леонтіївні Костомаровій від Іеремії Галки» [Іеремія Галка — псевдонім М. Костомарова]. До опублікування у повному обсязі (1922 р.) вона друкувалася зі скороченнями і пропусками у різних виданнях та журналах: «Литературное наследие Н. И. Костомарова» (1890 р.), «Юбилейный сборник Литературного фонда общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (1909 р.), «Вестник Европы» (1910 р.), «Голос минувшего» (1917 р.). Пояснюється це тим, що «Автобіографію» було незручно публікувати через близькість до описуваного часу. Наприкінці 80-х — на початку 90-х років ХХ ст. було здійснено перевидання «Автобіографії» у книгах: «Самі про себе: Автобіографії видатних українців XIX століття» (1989 р.), «Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография» (1989 р.), «Костомаров Н. И. Автобиография. Бунт Стеньки Разина» (1992 р.) В «Автобіографії» постає не тільки особа самого Миколи Івановича, а й докладно висвітлено світогляд, побут та звичаї суспільного середовища, в рамках якого він сам формувався й розвивався. В талановитому, гостро полемічному нарисі велику увагу приділено багатьом відомим ученим і літераторам, характеристиці істориків та історичних праць взагалі, можна сказати — стану і розвитку тогочасного суспільства.

Саме в автобіографії М. Костомарова знаходимо матеріали стосовно його перебування в Одесі, описи нашого міста. Незважаючи на те, що першому перебуванню в Одесі в «Автобіографії» присвячено лише декілька речень, воно надовго закарбувалося в його пам'яті. Про це свідчить такий факт. Влітку 1857 року під час поїздки за кордон Костомаров відвідав італійське місто Тріест. Свої враження він виклав в «Автобіографії»: «Город этот показался мне с типическим характером новых торговых городов и во многом напомнил мне Одессу...»²⁰

Яскраві описи Одеси цього часу знаходимо у романі «Аліна і Костомаров» В. Петрова: «Одеса влітку — голе, розпечено, порожнє, без дерев і садків місто з блідо-сірого жовтуватого вапняку, де курява, що її приносить вітер із спалених бессарабських степів та здіймає з незабрукованих піскуватих вулиць, тонким шаром висить у повітрі, а липнева нестерпна спека примушує сидіти вдень в кімнаті з причинами жалюзі»²¹. «...в 40-х роках минулого століття осіб, що потребували морського кліматичного лікування, лікарі посилали до Одеси. За тих часів Одеса користувалася правами porto-franko і закордонний крам можна було придбати там за надзвичайно дешевими цінами. Отже з'їзд особливо дам і дівчат на купальний сезон завжди був дуже великий, бо жінок Одеса приваблювала не так своїм морським купанням, як можливостями розважитись, послухати в опері італійських співців і придбати собі прикрас. Купальний сезон в Одесі був, власне, сезоном купівлі та міряння модних туалетів. До Одеси їхали купатись і шити вбраяння. Через це тамтешні модистки були зовсім не приступні, навіть найпростіші з них були завалені працею і брали за роботу, що хтіли, знаючи, що мало хто наважиться везти в своїх валізах шматок купленого в Одесі краму або ж мережив. На митниці оглядали валізи і нічого незшитого в середину країни без великого штрафу вивезти не можна було»²².

Про легендарні одеські акації, садженці яких були куплені за власні кошти герцога де Ришельє, В. Петров пише: «...купи зела не псують струнких архітектурних перспектив, що відтворюють зразки простого стилю, і рідка акація на тлі блакитного неба здається ніби викресленою пишною, величною, чорною і неживою»²³.

Друге перебування в Одесі Микола Костомаров описує детальніше, незважаючи на те, що воно було нетривалим. Вдруге він побував у нашому місті вже в ранзі петербурзького професора у червні 1870 року. Вирушив до Одеси вчений на пароплаві після відвідування Криму. Пробувши тиждень в Одесі, він поїхав до Санкт-Петербургу через Київ. На думку М. Костомарова, Одеса 70-х років XIX ст. до того змінилася, що ледь можна було відізнати в ній ту Одесу, яку він бачив колись: «Вся она отстроена, как любой европейский город, освещение газом не уступает петербургскому, а мостовая лучше столичной»²⁴.

Приїзду до Одеси передувало знайомство М. Костомарова з Федором Івановичем Леонтовичем (1833–1911/12) — ректором Новоросійського університету, який запропонував історику оселитися в його квартирі в будинку університету, оскільки сам ректор проводив

літо на дачі. Відвідуючи його дачу, М. Костомаров здивувався надзвичайній бідності рослинного одеського клімату. Про це він детально описує в своїй «Автобіографії»: «...искусственные цветники и тощие кусты айлантуса да акаций составляли всю обстановку дачной жизни. Только дача графини Ланжерон, обычное общественное загородное гулянье на берегу моря, да немецкая колония Люстдорф, где, между прочим, устроено водолечебное заведение, — несколько живые и сравнительно приятные местности»²⁵.

З приводу одеської спеки Костомаров пише, що в «летнее время Одесса живет и веселится только по ночам; весь приморский бульвар кишит разнородною толпою, которая наиболее стекается в кондитерские есть мороженое, что дает Одессе характер итальянского города»²⁶.

В Одесі М. І. Костомаров знайомився зі станом освіти, культурним життям міста. Звернув увагу на місцеве населення: «....иудеи составляют самый сильный класс общества, владея капиталами и торговлею. За ними стоят греки, не уступающие иудеям в меркантильности, но не в силах будучи состязаться с ними в первенстве, остаются их вечными непримиримыми врагами...»²⁷.

Міністерство народної освіти мало намір призначити М. І. Костомарова викладачем в Новоросійському університеті. Про це повідомляється в одному з листів М. Костомарова до Н. Білозерської: «Министр мне объявил, что назначит меня на будущий год в Одессу»²⁸, однак цього не сталося. Харківський університет неодноразово запрошуває Миколу Івановича посісти кафедру російської історії, а 5 грудня 1864 року одноголосно обрав його професором. Але і цьому не судилося. Тодішній міністр народної освіти О. Головнін з політичних міркувань не затвердив його в жодному університеті.

Про призначення М. Костомарова на посаду викладача до Одеси повідомляється і в бібліографічному словнику під редакцією А. А. Половцова²⁹, а також в спогадах Івана Андрійовича Линниціченка (1857–1926)³⁰.

І. Линниченко був професор Новоросійського університету. Вперше він побачив М. Костомарова в 1874 році на Археологічному з'їзді у Києві. На той час історику було п'ятдесят сім. Доповідь М. Костомарова «Про білоцерківський універсал Богдана Хмельницького» залишила незабутні враження у Івана Андрійовича. Однак познайомилися вони лише в останні роки життя Миколи Івановича, у 1881 році, коли той вже був слабким та хворобливим. І. Линниченко

згадує, що М. Костомаров різнився поміж інших своєю релігійністю, а також досконалим знанням Біблії³¹.

Одеса також була причетною до появи у світ книжок видатного письменника. Ще за життя автора, у 1875 році, в Одесі побачив світ «Збірник творів Ієремії Галки»³². До цього збірника увійшли поезії з другої поетичної збірки М. Костомарова «Вітка», яка вперше була надрукована в 1840 році у Харкові, а також твори «Переясловська ніч», «Загадка», «Сава Чалий» та інші. А майже через 50 років, уже за радянських часів, відомий літературознавець Юліан Григорович Оксман (1895–1970) випустив у світ заборонені на той час твори Костомарова-історика. Ю. Г. Оксман опублікував цей текст М. Костомарова в 1921 р. в Одесі окремою брошурую («Костомаров Н. И. «Украинский сепаратизм»: неизвестные запрещенные страницы»)³³.

У квітні 1885 році на похороні М. Костомарова в Санкт-Петербурзі була депутація з Одеси. Про це говорить у своїй доповіді, на зборах Одеського слов'янського товариства св. Кирила і Мефодія, одеський історик XIX ст. Олексій Іванович Маркевич (1847–1903): «Я видал и ту массу венков и хоругвей, которая, растянувшись на версту, шла вперед гроба. Из этой массы, особенно много было от нашего юга, и в том числе от Одессы»³⁴.

О. Маркевич ще з дитинства захопився художніми творами М. Костомарова. На археологічних з'їздах вступав з ним в особистій дискусії. В С.-Петербурзі бував на «вівторках» Костомарова — культурних вечорах, на яких обговорювалися різноманітні питання науки, творчості, політичного і громадського життя країни. Основні проблеми, до яких він звертався у своїй творчості, торкалися не лише історії формування державного апарату Російської держави, історії літописання, історії України XVII–XVIII ст., але й вивчення місця і значення в історії та культурі М. Гоголя, Т. Шевченка, М. Костомарова.

Постать М. Костомарова з тим величезним, як на одну людину, добріком вражає багатогранністю духовних обширів і діяльності. Його організованість, дивовижні пам'ять та ерудиція, знання багатьох мов, плідність його праці викликають неабиякий подив і захоплення.

Одеса залишилася в пам'яті видатного історика містом, в якому йому приємно і затишно відпочивалося, містом, де він зустрів своє єдине на все життя кохання, містом, де вийшла збірка його художніх творів українською мовою. Одесі М. Костомаров передрікав «великі перспективи розвитку».

1. Автобіографія Н. И. Костомарова. — М., 1922. — 442 с.
2. Там само. — С. 191.
3. Сергієнко Г. Я. Т. Г. Шевченко і Кирило-Мефодієвське товариство. — К., 1983. — 206 с.
4. Костомаров М. І. Закон Божий: (Книга буття українського народу). — К., 1991. — 39 с.
5. Петров В. Аліна і Костомаров. — Х., 1929. — 192 с. У приватній колекції Т. Максим'юка (Одеса) зберігається нездійсненна обкладинка до книги художника М. І. Жука, датована 1929 р. Див.: Михайло Жук: Каталог виставки. Одеський державний літературний музей. — Одеса, 1995. № 117 — С. 50.
6. Домонтович В. Проза : В 3-х томах / Ред. й супр. ст. Ю. Шевельова. — Мюнхен, 1988. — С. 220.
7. Там само. — С. 227.
8. Домонтович В. Болотяна лукроза // Київські неокласики. — 2003. — С. 288.
9. Николай Иванович Костомаров: По воспоминаниям Алины Леонтьевны Костомаровой // Автобиография Н. И. Костомарова. — М., 1922. — С. 12.
10. Там само.
11. Там само. — С. 10.
12. Там само. — С. 14.
13. Там само. — С. 28–30.
14. Там само. — С. 30–31.
15. Там само. — С. 32.
16. Там само. — С. 78
17. Костомаров Н. Кремуций Корд. — С.-Петербург, 1862. — 80 с.
18. Костомаров М. І. Твори. — Київ, 1967. — С. 291.
19. Автобіографія Николая Ивановича Костомарова // Рус. мысль. — 1885. — № 5–6.
20. Там само. — С. 245.
21. Петров В. Аліна і Костомаров. — Х., 1929. — С. 13.
22. Там само. — С. 13–14.
23. Там само. — С. 13.
24. Автобіографія Н. И. Костомарова. — М., 1922. — С. 395.
25. Там само.
26. Там само. — С. 395–396.
27. Там само.
28. Николай Иванович Костомаров в 1857–1875 гг. : Воспоминания Н. А. Белозерской // Рус. старина. — 1886. — № 5. — С. 331.
29. Русский библиографический словарь / Под .ред. А. А. Половцова. — Т. 9. — С.-Петербург, 1903. — С. 311.
30. Линниченко И. А. Н. И. Костомаров (к 25-летию со дня его кончины) // Одесские новости. — 7 апреля. — 1910. — 16 с.
31. Там само. — С. 7.
32. Збірник творів Ієремії Галки. — Одеса, 1875. — 127 с.
33. Костомаров Н. И. Украинский сепаратизм: неизвестные запрещенные страницы / Под. ред. Ю. Г. Оксмана. — Одесса, 1921. — 16 с.
34. Маркевич А. И. Н. И. Костомаров и его значения. — Одесса, 1885. — С. 2.

А. И. Божко

ВЛАДИМИР ЖАБОТИНСКИЙ В ИТАЛИИ

К истории одного малоизвестного сонета

*Ж*рудно переоценить решающую роль, которую сыграла Италия в духовном становлении Жаботинского. В то время как Берн почти не оставил отпечатка на его личности, Рим оказал огромное и разностороннее влияние.

«Если есть у меня духовное отчество, — говорил Жаботинский, — то это Италия, а не Россия»¹. В 1897 г. 16-летний Жаботинский сделал свою первую попытку «завоевать» ежедневную прессу Одессы. Он обратился сперва во влиятельную либеральную газету «Одесские новости», основанную в 1895 г. Ее главный редактор И. М. Хейфец вспоминал, как однажды «юноша с оригинальным, несколько агрессивным лицом принес ему статью против использования отметок в школе и, «без осторожности, обычной в таких случаях», спросил, приемлемо ли это для печати». По мнению Хейфеца, это было невозможно.

Позже, однако, статья была напечатана в другой одесской газете «Южное обозрение» под псевдонимом «Владимир Иллирич» — первая литературная продукция Жаботинского, появившаяся в печати.

Хейфец сказал, что он был изумлен «простотой и яркостью стиля и серьезным подходом к такому элементарному и незначительному вопросу»². Несколько дней спустя Жаботинский принес ему довольно приемлемый отрывок, «своего рода легенду или сказку». С тех пор, вспоминает Хейфец, ««Одесские новости» начали публиковать периодически короткие фельетоны, подписанные неизвестными инициалами, но привлекающими общее внимание своей интересной формой и смелыми темами»³.

Ободренный этими первыми успехами, Жаботинский в начале 1898 г. принял серьезное решение. Он пришел к Хейфецу и попросил у него четверть часа для разговора.

— Я уезжаю в Италию, — сказал он. — И я хочу спросить вас, не нужны ли вам там корреспонденты?

— Но вы — гимназист последних классов, — аргументировал Хейфец, — и я понимаю, что вы уже заканчиваете гимназию. Какой смысл уезжать из России сейчас, за один год до окончания?

— Извините меня, господин редактор, — сказал Жаботинский, — я не пришел к вам за советом; я просто прошу вас о должностях корреспондента⁴.

Хейфецу понравилось это возражение, но он не решился поручить неопытному юноше представлять свою газету в другой стране. Жаботинский обратился в соперничающую газету «Одесский листок», которая была основана раньше (в 1880 г.) и была несколько более консервативной. Ее главному редактору В. В. Навроцкому он был тепло рекомендован известным русским беллетристом и поэтом А. М. Федоровым. Федорову очень понравился перевод «Ворона» Эдгара Аллана По, сделанный Жаботинским.

Когда Навроцкого спросили, будет ли он принимать статьи Жаботинского из-за границы, он ответил: «Возможно. При двух условиях: если вы будете писать из столицы, в которой у нас нет другого корреспондента, и если не будете писать глупостей»⁵.

«Весной 1898 года я оставил гимназию и отправился в Швейцарию, и этим завершился период моей юности и созревания», — писал Жаботинский в «Повести моих дней»⁶ (родился Владимир 18 октября 1898 г., т. е. ему не было еще 18 лет). Дело в том, что у Хейфеца были корреспонденты во всех городах, кроме Берна и Рима, но мама Владимира просила: «Только не в Рим! Поезжай с Богом, раз ты уж решил оставить гимназию, но на худой конец в Берн, там среди студентов есть дети наших знакомых»⁷.

В. Жаботинский. Шарж М. Линского.
Одесса, 1900-е гг.

В Бернском университете юноша записался вольнослушателем на отделение права. Университет располагался в том же здании, что и главное полицейское управление.

В среде «русского» студенчества, состоявшего в основном из молодых евреев, царили социалистические идеи. От профессора — еврея по фамилии Рейхсберг — Жаботинский впервые услышал об учении Карла Маркса.

В Берне молодой человек произнес «сионистскую речь» о необходимости переселения евреев в Палестину, после чего приобрел репутацию антисемита.

«В то же лето я начал свою литературно-сионистскую деятельность, избрав на сей раз более подходящую форму: в петербургском ежемесячном журнале «Восход» я напечатал стихотворение «Город мира», — писал он в «Повести моих дней»⁸.

Осенью 1898 г. Жаботинский переехал учиться в Рим. Приезжает он туда и как корреспондент «Одесского листка». Он писал для этой газеты под псевдонимом «В. Орел», «Вл. Орел», «Орел», «В. Е.». Вопреки широко распространенному мнению, малоизвестный период работы в «Листке» продлился более года.

Корреспонденции «Орла» прослеживаются до 17 декабря 1899 г., т. е. до тех пор, пока «Одесский листок» не перестал выходить.

Согласно Хейфецу, эти репортажи, живые, остроумные, вызывали сожаление по поводу излишнего скептицизма, который был причиной отказа Жаботинскому от службы в «Одесских новостях». Хейфец вспоминал, что позднее он получил письмо от Жаботинского, в котором говорилось, что он стремился писать для «Новостей», не требуя постоянного жалованья, и был готов сотрудничать на основе обычновенного очередного гонорара. «Нужно ли говорить, — писал Хейфец, — что я немедленно телеграфировал о своем согласии?

По меньшей мере через месяц я собственноручно был рад платить ему жалованье с тех пор, как его корреспонденции становились более яркими и значительными, более интересными и захватывающими»⁹. Одновременно, хотя менее часто, Жаботинский писал из Италии для либеральной газеты «Северный курьер» в Санкт-Петербурге.

Он начал изучать итальянский за 6 месяцев до своего отъезда в Рим, и через полгода в Риме говорил по-итальянски очень хорошо.

В Риме он не нашел никакой русской колонии. Италия в то время еще не привлекала политических эмигрантов и еврейских студентов в значительных количествах; они предпочитали хорошо изученные страны — Швейцарию, Германию и Францию, отчасти потому, что русские колонии уже были там основаны. Переходя из «Одесского листка» в «Одесские новости», Жаботинский также изменил свой псевдоним на Altalena («качели» — думая, правда, что это слово означает «рычаг»). В письме к Хейфецу он объяснял, что он чувствовал себя скорее колеблющимся и балансирующим, поэтому псевдоним «качели» подходил ему очень хорошо (некоторые из его статей были подписаны «Владимири Altalena»).

В «Повести моих дней» Жаботинский писал: «Со дня прибытия в Италию я ассимилировался среди итальянской молодежи и жил ее жизнью до самого отъезда. Все свои позиции по вопросам нации, государства и общества я выработал под итальянским влиянием. В Италии научился я любить архитектуру, скульптуру и живопись, а также литургическое пение, над которым в те времена потешались приверженцы Вагнера, и теперь потешаются приверженцы Стравинского и Дебюсси»¹⁰.

Писал Владимир и о том, что учителями его в университете были Антонио Лабриола и Энрико Ферри, и именно от них он «заразился» верой в справедливость социалистического строя и сохранял эту веру до тех пор, пока она не разрушилась при взгляде на красный эксперимент в России. Также упоминал он и историю Гарибальди, сочинения Мадзини, поэзию Леопарди и Джусти, которые «обогатили и углубили мой практический сионизм и из инстинктивного чувства превратили его в мировоззрение»¹¹:

В большинстве театров или музеев молодой человек чувствовал себя как дома, и не осталось ни одного заброшенного уголка в предместьях Богго или по ту сторону Тибра, который не был бы знаком ему, поскольку в каждом из этих предместий ему довелось снимать квартиру, так как через очень короткий промежуток времени хозяйки неизменно восставали против «непрерывной сутолоки в моей комнате, визитов, песен, звона бокалов, криков спора и перебранок и, наконец, всегда предлагали мне подыскать себе другое место, чтобы разбить там свой шатер»¹².

В вечном городе у Жаботинского почти не было русскоговорящих друзей. Он был абсолютно обособлен. Рим и Италия были его

предметом изучения, увлечением и любовью. И 18-летний юноша воспользовался сполна предоставленным случаем.

Итальянский период в жизни Жаботинского был наиболее важным также и для формирования его интеллектуального мира. В автобиографических рассказах («Диана», «Улица Монтеццо 48», «Бичетта», «Кафе студентов») он говорил очень тепло о своем обучении в Римском университете и как бы стараясь создать впечатление, что он был только бездельником, что он избегал какого-либо умственного усилия и редко читал серьезные книги. Но все это было намеренным самоуничтожением.

Он не добился получения диплома из Римского университета, и ему было тяжело придерживаться регулярного университетского курса обучения. Но Владимир наслаждался свободой после бюрократическо-чиновничей России, и даже его небрежность оправдывалась очень либеральными университетскими правилами.

Нужно сказать, что сперва он утолил свою интеллектуальную жажду большим разнообразием предметов, которые были особенно интересны для него: социология, история, право, филология. Жаботинский самостоятельно разработал свой собственный курс обучения, выбирал профессоров, установил свое расписание. Также он в совершенстве изучил древний Рим, его институты и систему законов¹³.

Будет справедливым сказать, что на протяжении трех лет жизни в Италии Жаботинский не только учился — он жил весело, и эта жизнь была счастливой и полнокровной. У него было множество друзей среди студентов университета, в литературных и артистических кругах и среди простых людей — молодых и старых, лавочников, рабочих и даже нищих. В этом счастливом возрасте он легко завязывал знакомства и заводил друзей.

О фрагментах своей жизни в Риме Жаботинский повествовал на страницах «Повести моих дней»: «Не изобразил ли я <...> коммуну, которую мы основали с компанией таких же сумасбродов, как я сам? Не рассказал ли я о деле Пренады, невесты моего друга Уго, которую мы выкупили из публичного дома и вывезли оттуда в торжественной процессии с мандолинами и факелами? А спор, который вспыхнул между мною и Уго <...> и как я послал двух «секундантов», чтобы вызвать его на дуэль от моего имени, и как уже было назначено утро для нашей встречи на вилле Борджиа <...> Или появление мое

в официальном качестве свата, в черном фраке и желтых перчатках, когда я уселся перед синьорой Эмилией, прачкой и женой извозчика, и от имени своего товарища Гофридо просил «руки» ее старшей дочери Дианы?»¹⁴

Молодой, беззаботный, легко добывающий средства к существованию своей журналистской работой, не обремененный никаким политическим кредо или обязательствами, он наслаждался жизнью во всех ее проявлениях. Владимир почти полностью забыл, что он был евреем, в равной степени как и то, что он родился в России. Он выучил итальянский настолько, что говорил на нем безо всякого акцента, тем не менее позже он признался, что южные итальянцы принимали его за северянина и наоборот и что он никогда не встретил ни одного человека, который принял бы его за итальянца из своей провинции. Он достиг совершенства не только в литературном языке, но и изучил все двенадцать акцентов итальянского языка, как он описал это в своем очаровательном рассказе «Диана»:

«Венецианцы ласково и наивно припевали и называли свой город “Венессия”, неаполитанцы с азартным и страстным томлением затягивали ударяемую гласную и глотали окончания слов, сицилийцы надували губы, говорили тоном обиженного ребенка и произносили “патшиот” вместо “патриот”»¹⁵.

«Altalena и Гарибальди». Сознаться, я тоже не прочь бы стать Гарибальди. Но как это делается?
В. Жаботинский. Шарж Ф. Сегала. Крокодил, № 4, 1912

Жаботинский был свободен от обычного предубеждения против сленгов: «Жаргоны всегда более интимные, более живые, чем официальные книжные идиомы; они вбирают в себя атмосферу жизни...»¹⁶

В статье об украинском поэте Шевченко он вспоминал о великом римском поэте Белли, жившем в сороковые годы девятнадцатого столетия: «Его сонеты на romanеско изумительны, его итальянские элегии водянисты, риторичны и позабыты. Тоже, очевидно, крепко заупрямился человек: так заупрямился, что и сам Бог его покидал, как только он в своем творческом порыве переступал через какую-то едва заметную межу, — и Белли, по сю сторону межи большой поэт милостью Божией, по ту сторону внезапно превращался в жалкого писаку...»¹⁷

Владимир помнил несколько итальянских диалектов до конца своей жизни.

Один из его друзей-писателей живо вспоминал обед с Жаботинским в большом итальянском ресторане на площади Сохо в Лондоне в 1932 году, где тот обращался к каждому из пяти официантов на соответствующем провинциальному диалекте, вызывая у них счастливое удивление. Они оставили всех остальных посетителей и собрались вокруг стола, восхищенно разинув рты при виде этого великолепного полиглota — иностранца, который делал что-то такое, что никакой из урожденных итальянцев не смог бы сымитировать. И сам Жаботинский был счастлив как ребенок, которому предоставили случай снова поиграть с любимой игрушкой¹⁸.

По его собственному признанию, он также пробовал писать стихи на итальянском. В 1900 г., после горького разочарования в любовной связи с одной очаровательной, но не «обремененной интеллектом» итальянской девушкой, он провел бессонную ночь — «ужаснейшую ночь в моей жизни!» и, в конце концов, сел за свой письменный стол и написал сонет:

E' lungi omai quel qionario. Di zaffiro
pareva il mar che voi chiamate Nero.
La zingara dagli occhi di vampiro
chiese: «Dammi la man — ti svelo il vero».

Disse: «Tua madre e' morta. — In un ritiro
di calma e pace svolgerai intero
il filo della vita. — Hai nome Piero. —
Darai a donna indegna il tuo sospiro».

Disse e fuggi. Molti anni poi fuggiro:
mamma e' sorretta ancor dal sanque fiero
della Tribu; il mio nome e' Vladimiro;
fra tempeste serpeggia il mio sentiero...
Pur ella non menti: folle, deliro,
per una indegna donna io mi dispero¹⁹.

Вот подстрочник этого сонета:

Давно минул тот день. Сапфиром
сияло море, которое вы называете Черным.
Цыганка с глазами вампира
попросила: «Дай мне руку — открою тебе правду».
Сказала: «Твоя мать мертва. В уединенном месте
покоя и мира размотаешь всю
нить жизни. — Твое имя Петр.
Отдашь недостойной женщине твой вздох».
Сказала и убежала. Много лет минуло с тех пор.
Мама еще жива гордой кровью
моего народа. Мое имя Владимир;
Сквозь бури вьется моя тропинка...
Но цыганка не согала, безумно влюбленный, я брежу,
из-за одной недостойной женщины я впал в отчаянье.

(А. Б.)

А вот перевод:

Давно минул тот день. Чистым сапфиром
сияло море, которое вы называете Черным.
Цыганка юная с глазами вампира
«всю правду» мне рассказала проворно.
Сказала: «Мать твоя умерла. И в месте затишья,
покоя и мира ты ляжешь на одр,
размотав всю нить твоей жизни. Тебя зовут Петр.
Женщине подлой подаришь ты вздох излишний».
Сказала и убежала. Минули года незримо:
мама еще жива гордой кровью, как жив и бодр
народ наш. Имя мое — Владимир.

Тропинка моя идет сквозь грозные бури...
Но цыганка не соглашалась: любовью томимый,
из-за женщины подлой я гибну в бредовом сумбуре.

(Пер. А. Б.)

Жаботинский признался, что впоследствии он послал сонет нескольким редакторам, которые никогда не напечатали его; это, однако, не уничтожило его «собственного восхищения маленьким шедевром». Беспристрастный читатель мог бы, вероятно, склониться к тому, чтобы согласиться с редакторами скорее, чем с юным автором относительно поэтической ценности сонета, который скорее незрел как по форме, так и по содержанию (Джозеф Шехтман)²⁰. Тем не менее он является свидетельством мастерского владения языком.

Владимир вернулся в Россию пароходом, следовавшим по маршруту Венеция—Константинополь—Одесса, в июле 1901 г. Этот отъезд ознаменовал конец итальянского периода, одного из наиболее важных в личностном становлении Жаботинского. Его роман с Римом был подобен любовному роману: если бы он был продолжен, внутренние конфликты, недоразумения и разочарования могли бы свести его на нет и уничтожить все очарование. Тем не менее он вовремя уехал от объекта своего обожания, и на расстоянии Рим остался в его памяти таким прекрасным, блестящим и великолепным, каким он увидел его в своем юношеском восторге. В Риме не было случая испытать разочарование. Для Жаботинского Италия навсегда осталась жизненным символом всего великого и замечательного в его собственной жизни — «духовным отечеством, если я когда-либо его имел». Италия сохраняла глубокое и продолжительное влияние на духовное развитие Владимира Жаботинского.

1. Жаботинский В. Е. Повесть моих дней. — Израиль: Библиотека-Алия, 1989. — С. 24.
2. Joseph B. Schechtman. Rebel and Statesman. — New York: Thomas Yoseloff. — P. 43.
3. Там же. — С. 43.
4. Там же. — С. 43.
5. Там же. — С. 44.

6. Жаботинский В. Е. Повесть моих дней. — Израиль: Библиотека-Алия, 1989. — С. 21.
7. Там же. — С. 20.
8. Там же. — С. 24.
9. Joseph B. Schechtman. Rebel and Statesman. — New York: Thomas Yoseloff. — P. 58.
10. Там же. — С. 24–25.
11. Жаботинский В. Е. Повесть моих дней. — Израиль: Библиотека-Алия, 1989. — С. 25.
12. Там же. — С. 25.
13. Joseph B. Schechtman. Rebel and Statesman. — New York: Thomas Yoseloff. — P. 50.
14. Жаботинский В. Е. Повесть моих дней. — Израиль: Библиотека-Алия, 1989. — С. 31.
15. Жаботинский В. Полное собр. соч. в девяти томах. — Т. 1. — Минск, 2007. — С. 465.
16. Там же. — С. 59.
17. Жаботинский В. Е. Урок юбилея Шевченко // Чуковский и Жаботинский. Сост. Евг. Иванова. — Москва—Иерусалим, 2005. — С. 222.
18. Joseph B. Schechtman. Rebel and Statesman. — New York: Thomas Yoseloff, 1989. — P. 60.
19. Там же. — С. 60.

Фонетика этого сонета такова:

Э лунджи омаи квел джиорно. Ди заффиро
парева ил мар, ке вои къямате Неро.
Ла зингара дальи окки ди вампиро
киезе: «Дамми ла манн — ти звело иль веро».

Диссе: «Туа мадре е морта. — Ин ун ритиро
ди калма е паче звولدжераи интеро
иль фило делла вита. — Аи номе Пьеро. —
Дарай а донна инденъя иль тую соспиро».

Диссе е фуджи. Молти анни пои фуджиро:
мамма е сорретта анкор даль сангве фиерио
делла Трибу; иль мио номе э Владимиро;
фра темпесте серпеджия иль мио сентиерио...
Пур элла нон менти: фолле, делиро,
пер уна инденъя донна ио ми дисперо.

(А. Б.)

20. Там же. — С. 62.

M. Ю. Волянська

Спогади Б. М. Комарова є продовженням публікації його рукописів, розпочатих у четвертому випуску «Дом князя Гагарина»: Б. Комаров. Мої університети. — Од., 2007. — С. 73–85. У наступному тексті мова йдеється про навчання у Новоросійському, Львівському та Віденському університетах.

Публікація підготовлена внучатою племінницею Б. М. Комарова.

Б. М. Комаров. Мої університети

Вікно було відчинене, і з саду добре було видко все, що діється в авдиторії. Калишевський накинув на плечі скелета студентську тужурку, а на череп одяг картуз і запалив з обох боків два газових пальника. Картина вийшла дуже ефектна. Коло вікна почали збиратись перехожі...

Аж ось до авдиторії увійшов професор. Пальники біля скелета були миттю загашені, тужурка і картуз зірвані з скелета і скелет поставлено на належне місце. Професор нічого не сказав, але видко було, що його образив цей жарт, бо перші хвилини він не міг читати спокійно.

Але ми і в думці не мали ображати професора. Ми хтіли просто посміятысь над самими собою: мовляв, кожний з нас колись обернеться на кістяк. Після лекції прохали пробачення у професора.

* * *

Вступаючи до університету більшість з нас, студентів, йшло не тільки вчитися, засвоювати основи науки, але й брати участь (і то в перших рядах!) в боротьбі «за волю, за блага для усього трудящого народу» і, в першу чергу, проти дикої сваволі царського уряду. На жаль, попередня підготовка наша до цього у більшості з нас була зовсім недостатньою. Скажу за себе. Будучи ще в гімназії, я багато читав позаучбових книжок. Але це були переважно або твори красного письменства, або книжки природничого змісту. Середня школа наших часів, крім курсу фізики, не давала своїм вихованцям нічого з обсягу природництва, зокрема — нічого з біології, очевидно, через те, що по суті своїй біологія наука антирелігійна. «Закон Божий»

був тоді трохи не головним предметом на всьому протязі навчання в гімназії з 1-ої до 8-ої (останньої) кляси.

Життя звірят і рослин цікавило мене якнайбільше, і я самотужки, поза школою, перечитав багато книжок з природознавства. Отож прийшов я до вищої школи з деяким запасом біологічних відомостей (аж до теорії Дарвіна), а запас знань з наук суспільних і з історії був у мене надзвичайно мізерний. Я пам'ятаю, як я пробував самоосвітою поширити його в перші місяці перебування в університеті.

У моого товариша і друга Володі Сигаревича був старший брат Дмитро Дмитрович Сигаревич, молодий, талановитий вчитель історії. Він якось в кінці 1900 року запропонував прочитати коротенький нарис історії України у себе вдома для мене, Володі і ще двох-трьох студентів-українців. Ми з радістю прийняли пропозицію і в призначений день з'явились до Дмитра Дмитровича в складі п'яти чоловік. Нас прийняли дуже гостинно, але Дмитро Дмитрович повідомив, що він не дістав одного дуже важливого саме для першої лекції літературного джерела і тому мусить відкласти початок лекцій з історії України на три тижні, на протязі яких те літературне джерело до нього прибуде, а сьогодні він може прочитати нам, якщо ми згодні, лекцію з історії французької революції. Ми з вдячністю на це погодились.

Лекція Дмитра Дмитровича захопила нас. Він спромігся прочитати її так рельєфно і з таким ентузіазмом, що ми наче бачили на свої власні очі ті події, за які оповідав лектор. Дуже сумно, що далі все склалося не так, як гадалося. За участь в «студентських розрухах» слухачам довелось примусом покинути Одесу.

А ще раніше, на самому початку навчального року, у вересні, Дмитро Дмитрович радив мені і Володі прочитати книгу відомого українського політичного діяча М. Драгоманова: «Историческая Польша и великорусская демократия». Нам дістали цю, видану в Швейцарії, книжку, і ми з Володею почали її студіювати. Але книжка нам не сподобалась — щоб її добре розуміти, треба було б попереду пройти якісь «Vorstudien». І зміст її здався нам занадто далеким від того, що в даний момент цікавило нас.

А, безумовно, студентство тих часів було найбільше зацікавлене політичною економією і марксизмом. Один з моїх товаришів, студент-українець Гуссов, який вважав себе за дуже дотепного, казав: «Всі так захоплені політичною економією, що можна сказати — ми живемо не в

Європі, а в політичній економії» (Гуссов писав своє прізвище через два «с», бо, як запевняв, він був родом зі Швеції, де звався Гуссоном).

Про «Капітал» Маркса ми всі чували, навіть співали в заздравній пісні:

Выпьем, брат, за того,
кто писал «Капитал»,
За работу его,
за его идеал!

Але поняття про марксизм мали здебільшого обмежене. Трудно було дістати відповідну літературу. Один примірник «Капіталу» в російському перекладі був в бібліотеці Новоросійського університету, але переховувався він не в загальному відділі, а в кафедральній бібліотеці катедри богословія! Вчені попи тримали його у себе не для пропаганди ідей Маркса, а для того, щоб зручніше цікувати одного з найбільших своїх ворогів — атеїста Карла Маркса.

Хтось порадив нам простудіювати твір з політичної економії німецького вченого Шеффле (не пам'ятаю назви того твору). Ми засіли з Володею студіювати того Шеффле. Кілька років пізніше я дізнався, що Шеффле належав до тих вчених, які лагодили між соціалізмом і капіталізмом, хтіли будувати соціалізм при капіталізмі. В кожному разі книжка Шеффле познайомила нас з численними новими для нас поняттями з царини суспільствознавства. Але ми встигли познайомитись лише з початковими розділами книги, бо настали «студентські розрухи», які вимагали від нас не студій, а безпосередніх виступів «на поле брані».

Уже в перші дні перебування в університеті я дізнався, що там функціонує нелегальна загальностудентська організація, яка має свої відділи по окремих факультетах і окремих курсах. Більше того — по окремих курсах студенти поділялись на десятки, на чолі яких стояли вибрані на сходинах «десятирікі».

Більш того, я сам відразу попав у «десятирікі».

Загальностудентська організація здається мені тепер чимсь на взір чутливого термометра, який зараз же відчуває всі події в політичному чи суспільному стані країни, і не тільки відчуває, але й реагує на них ділом і публічними виступами, маніфестаціями, масовими сходинами, забастовками, виготовленням і поширенням прокламацій і таке інше. В усіх цих діяннях студенти виступали, як оборонці правди «простого люду» від злочинств царнату та багатіїв. Не даром

в широких масах з пошаною ставились до студентів. Студентський картуз був символом боротьби за правду.

Пройшли роки і стерлись з пам'яті більшість імен товаришів-студентів. Пам'ятаю, що чільну участь в справах загальностудентської організації приймав грузин Чічінадзе, студент не молоденький, з бородою. Не пам'ятаю окремих подій, але ясно бачу в думках своїх привітну постать цієї людини, завжди ласкаву до молодих студентів, які дивились на нього, як на батька.

Старостою нашого курсу обрали студента Нікшіча. Родом він був з Сербії (або, як би тепер сказали, з Югославії). Заступником його був студент Городецький, родом з Середньої Азії, з яким я знову зустрівся через 30 років, коли він став доцентом ботаніки в Середньоазіатському Плодоовочевому Інституті (САПОІ) в Ходженті (Ленінабад). Мій «десяток» збирався звичайно у мене вдома, один раз — у члена десятка Чекерського, мого давнього знайомого, з яким разом вчилися в гімназії на протязі восьми років. На своїх зборах члени десятка обговорювали ріжні події нашого студентського життя і загальнополітичні події в Росії. Завданням десяткової організації було вплинути на всю масу студентів, на кожного студента, в напрямі росту загальної революційної свідомості усього студентства.

Часи були бурхливі. Царський уряд затвердив так звані «Временные правила», згідно з якими студентів за участь в політичних виступах стали «отдавать в солдаты». Шпиги усякого роду пильно стежили за студентами. Як приклад, пригадую такий випадок. Мій десяток зібрався у Чекерського. Коли ми вже кінчали свою нараду, хтось з наших запримітив крізь вікно людську фігуру за дверима кімнати, в якій ми засідали і яка безпосередньо виходила на зовнішні сходи. Фігура прислухалась до наших розмов і підглядала в замкову щілину. Ми раптом вискочили на сходи, але фігура вже прожогом втікала на вулицю. «Шпіон! Него-дяй!» — кричали ми, біжучи за невідомим, але спіймати і набити його не вдалося. Треба визнати, що ми зовсім не вміли додержувати правил конспірації, і слідкувати за нами шпигунам, певно, не було важко.

Зберіглась в пам'яті подія, зв'язана з постановкою в театрі п'єси одеського письменника Федорова «Бурелом». На жаль, я не пам'ятаю, яке саме місце в п'єсі викликало обурення наших студентів. Було вирішено з'явитись на виставу і те фатальне місце в п'єсі зустріти масовим посвистом. Багато студентів з'явилося тоді на спектакль і позаймали місця і на галерці, і в партері, і в ложах. У відповідний момент пролунав

у театрі могутній посвист. Поліція була напоготові і кинулась арештовувати окремих студентів. Декілька студентів потрапило до їх рук.

* * *

До 5-го грудня професори закінчили читати свої лекції (деякі ще в листопаді), і 5 грудня відбувся щорічний так званий «студентський бал». Відбувся він в пишній салі «Біржи». Спочатку концерт, а потім бал, на який з'являлось багато горожан, головне «мамаши» з молоденськими (і не молоденськими) дочками. На вечір з'явився і одеський «царьок» — всевладний градоначальник граф Шувалов. Він намагався здобути собі репутацію «друга студентів», та не вдавалося йому це. Не вдалось і на цьому вечорі. Коли при закінченні концерту оркестр заграв, а студенти заспівали міжнародний студентський гімн «Gaudeteamus igitur», студенти, а за ними і всі гості встали з своїх місць. Лише граф продовжував сидіти в креслі. «Его сиятельство» звик вставати лише при звуках державного гімну «Боже, царя храни». Але тут з десятків студентських грудей залунав потужний крик: «Встать!», і бідне сіятельство мусило встати і стояти на протязі виконання цього гімну. Після концерту граф, очевидно, не вважав зручним залишатись на балу, подався до дому.

Під час балу одну з кімнат ресторана, що містився на першому поверсі будинку «Біржі», студенти зайняли під «Мертвєцьку», себто кімнату, куди містяться «мертвецьки» п'яних. Видима річ, що серед студентів на тому балу дехто й справді здорово випивав. Але призначення «Мертвєцької» було зовсім інше. Це була маскировка, а фактично «Мертвєцька» призначалась для агітації і пропаганди революційних ідей. Тут лунали гарячі і сміливі промови. Тут навіть виступали іноді і професори. Я був свідком, як до «Мертвєцької» зайшов професор ботаніки Рішаві. Ця висока на зріст, надзвичайно поважна, з великою, ефектно утриманою бородою, людина не була революціонером. Але трималась із студентами, як з молодшими товаришами. Зате й любили його студенти. Отже коли Рішаві з'явився до «Мертвєцької», його зараз же оточили студенти, десятки рук протяглися до тучної постаті професора, підняли і поставили його на стіл. І професор казав про дружбу студентів і професорів, про те, що їм разом треба будувати науку і разом вести боротьбу за щастя народне. Промова була витримана в загальних рисах, жодних конкретних завдань промовець не назначав, але й за таку промову була вдячна молодь. Щиро плескали старому, і так само обережно і лагідно зняли професора з імпровізованого п'єдесталу. «А як би він покликав до конкретних вчинків? — думалось мені, — всі би пішли за ним»...

Крім загальностудентської організації були в університеті й інші угруповання і гуртки. Були ріжні національні організації; серед них і гурток українських студентів. Український гурток займався, головним чином, вивченням української літератури і мистецтва, в меншій мірі — питанням про політичне становище України.

Особливо поширені були гуртки студентів-земляків, так звані «землячества», які об'єднували студентів, що прибули з одного якогось краю.

Там були землячества Вознесенське, Ананіївське, Херсонське та багато інших. Головною метою землячеств була взаємодопомога і матеріальна, і моральна.

Одірвані від сім'ї приїзжі студенти часто дуже бідували. Гарних гуртожитків не було. Наприкінці Наришкінського узвоза був поганенький гуртожиток, так зване «Общежитие», позбавлений примітивних зручностей. Койка в кімнаті, де жило 6–8 чоловік, коштувала, як не помиляєшся, два карбованці на місяць. Більшість заробляла уроками, ставали репетиторами буржуйських синків-гімназистів. Одержанували копійчану платню. Один мій товариш давав п'ять уроків, ганяв по тих уроках цілими днями, а заробляв ледве 25 карбованців на місяць.

Але землячества мали й інші значення. Вони потроху втягали товаришів до інтересів колективу, до заінтересованості долею народу, до революційних настроїв. На мій погляд, землячества були школою революційної діяльності. Може, я й помиляюсь частково — не всі землячества були однакові. Пишучи оті записки, я зацікавився взагалі питанням про землячества і, в умовах Ленінабада, не знайшов нічого. Але мене надзвичайно дивує, що в такому багатоінформованому виданні, як ВРЕ, немає навіть предметного слова: «Землячества». А тим часом немає сумніву, що в історії революційного руху Вищої Школи вони мали неабияку вагу.

* * *

Закінчились зимові канікули, в кінці січня почався весняний семестр, надійшла та пора, коли революційні настрої студентів набувають особливої сили. Прийшла звістка з університетів Петербургу, Москви, Києва, Тифлісу — усюди шумно, усюди нарощують виступи студентів проти репресій царського уряду, проти «отдачи студентов в солдаты». Нарешті в кінці лютого загальностудентська одеська організація оголосила, як знак протеста, загальну забастовку.

В університеті шумно, народу багато, але аудиторії здебільшого порожні, або в них відбуваються сходини («сходки»). Більшість

студентів забастовали, але знайшлись штрайкбрехери-боягузи, або «маменькини синки», або «белоподкладочники», які не послухали наказу студентської організації і пішли на лекції. Треба було зробити заходи проти них, умовити їх залишити лекції, а як не послухають, то вигнати їх з аудиторії. Я теж вступив до групи «обструкціоністів». Ми пішли оглядати аудиторії. В більшості з них було пусто, але в деяких сиділо по декілька (2–5) студентів. На чолі нашої групи обструкціоністів стояв надзвичайно симпатичний студент українець Комличенко, людина одночасно і добра до своїх товаришів, і сувора при виконанні своїх обов'язків. Він ввічливо пропонував студентам залишити аудиторії, закликав не порушати загальностуденських вирішень, не зраджувати спільноті справи. Здебільшого «зрадники» слухались, залишали аудиторії і приєднувались до забастовки.

Але в аудиторії проф. Чижова (юридичний факультет) сиділо з десяток штрайкбрехерів. Вони одмовились залишити аудиторію і продовжували сидіти, бліді, схильовані, такі нікчемні на вигляд. Тоді всі ми (чоловік 15) теж зайняли місця в аудиторії. Зайшов проф. Чижов. Коли він зайняв місце на катедрі, піднявся Комличенко і від імені студентської організації попрохав професора не читати лекції, поки проводиться забастовка. Проф. відповів, що відповідного наказу від ректора він не має, а тому просьбу забастовщиків виконати не може. Він почав читати лекцію, а ми тоді почали дружно плескати в долоні. Професор зійшов з катедри і з словами: — «При таких умовах я, конечно, вести занятия не могу» — залишив аудиторію.

В другу половину того ж самого дня я, як і багато інших студентів одержали наказ з'явитись увечорі в кабінет ректора. Ми з'явились, і нас поодинці пускали в кабінет. В кабінеті сиділи ректор, інспектор по студентських справах, а також декілька професорів. Точно, хто саме, не пам'ятаю. Коли дійшла черга, мене впустили в кабінет і «допрос» почався.

«Вы участвуете в забастовке?

— Участвую.

Принимали участие в обструкции на лекции профессора Чижова?

— Принимал.

Зачем вы это делали? Кто вас подговорил?

— Я выполнял постановление общего собрания студентов.

Все. Можете идти».

Може, я неточно передаю слова і речення, ужиті під час допиту, але зміст був саме такий. Може, треба було відповідати більш дипло-

матично? Вони ж домагалися довести, що студенти, які брали участь в «безпорядках», діяли не на свій страх, а виконували постанову нелегальної організації. Можливо. Не знаю.

Події того дня на цьому не скінчились. Вночі, коли я уже ліг спати, почувся в нашому помешканні дзвінок. Батько ще не спав і сидів за письмовим столом, опрацьовуючи свої бібліографічні записи. Попечувши дзвінок, він підійшов до вхідних дверей.

«Хто там? — запитав.

Телеграмма».

Батько відчинив двері і побачив на сходах синьомундирного ротмістра, двох поліцай і нашого двірника в ролі понятого.

«Здесь живет студент Комаров?

Здесь. Я его отец.

Укажите комнату сына».

Я займав окрему невеличку кімнату. Синьомундирник і один поліцай увійшли до моєї кімнати. Мій молодечий сон був порушений. Страховиті постаті, що іноді привиджуються вночі, стали переді мною в дійсності. Почався обшук, або так званий «трус». До шуфляд стола, до книжок, до убрання і постелі потяглисся ворожі руки, розгортаючи папери, листи, і ворожі очі роздивлялись листки щоденника, аркушки з автовіршами, яких автор і друзям ще соромився показати.

Дещо забрали, що саме, не знаю, бо жандарм наказав мені під час обшуку сидіти і не рипатись. Обшук закінчився.

«Оденьтесь и захватите постель! Вам придется оставить дом!»

Заплакана мати, схвильоване обличчя батька, перелякані сестри...

«До побачення, дорогі!»

Поїхали...

Синьомундирник їхав окремо, а мене посадили на звичайні візникові дрожки разом з двома поліцаями, один — поруч, другий — напроти.

Ніч була холодна. Нерви напружені. І я трохи здригався. Поліцай, що сидів напроти мене, звернувся до мене і спитав:

«Вам холодно, господин студент?»

І якась приязнь почулась мені в цих словах.

«Спасибі! Нічого», — відповів я.

Видно, і серед поліцай були люди, які співчували так званим «політическим преступникам». Мене везли до в'язниці.

Одеська в'язниця, що велично йменувалась «Одесский тюремный замок», далеченько була від осередку міста. Дорога йшла повз міське кладовище. Проїжджуючи тепер «під охороною поліцій» проти брами кладовища, згадав я свою любу бабусю, під доглядом якої я був увесь час свого дитинства і юнацтва, і яка 4 місяці тому упокоїлась і лежала на тому кладовищі «під тихими вербами», і подумав: «Прощай, люба буся! Спасибі за все». Почув ясно, що скінчилось мое дитинство і юнацтво, а почалась молодість, свідома пора громадянської (нерозбірливо ...?).

Отже, замість університету — «тюремний замок»! В цій установі я розпочав свій другий семестр. Спершу провели мене в кімнату, що була, певно, урядовим осередком в'язниці. Зняли з мене помочі (щоб часом не завішався!), відібрали гаманець з грішми (їх, правда, при мені порахували), годинник, записну книжку і олівець. Посадили в одиночну камеру. На протязі багатьох років я пам'ятав її номер, а оце забув. Здається, № 310.

Заарештували тоді щось коло 200 студентів. Це все народ молодий, палкий, веселий, повний надії на кращу будучину. По камерах повільзали на столи, поодчиняли кватирки, тюремне подвір'я заповнилось криками і співами. Викрикували свої прізвища, вітали один одного, співали «Марсельезу». Я дізнався, що у в'язниці сидить і наш любий Чичінадзе. В моїй камері була не кватирка, а так звана «фрамуга» — частину подвійної віконної рами можна було трохи відхилити верхнім краєм в середину камери, і тоді утворювалась у вікні вузенька щілина. Крізь яку проходило повітря, але руку просунути не можна. А крикнути можна.

«Здравствуйте, Чичинадзе!

Кто говорит?

Комаров!

Здравствуйте, Комаров! А где ваш «alter ego»?

Не знаю».

Під «alter ego» Чічинадзе розумів мого товариша і друга Володимира Сигаревича. Виявилось, що арешти студентів продовжувались ще кілька днів. Володю заарештували в один з таких днів.

Караульні бігали по камерах, стягали в'язнів зі столів, кричали на них, але вони не встигали оглянути одразу всі камери. Поки караульний пішов до другої камери, а в'язень з першої знову на столі і кричить у вікно.

Сидячи у в'язниці, я в розpacн не вдавався. Мене тішила думка, що я теж хоча трохи допоміг революційній справі. Цілими днями я ходив

туди і назад по діагоналі своєї камери і декламував вірші Надсона. Коли я після обіду в перший день приліг на койці, я почув, як хтось з сусідньої камери стукає до мене в стінку. Я ще до арешту знав з книжок, що в'язні звичайно «перестукаються» між собою, але техніки цієї справи я не знав. На стук сусіда я відповів також стуком, але без якогось порядку; я хтів цим показати, що я хочу відповідати йому, але не знаю, як це робиться. І ось, через деякий час, слухаючи ті стуки, я запримітив, що в стуках сусіда помітно якийсь лад: спочатку один міцніший удар, а потім 5 слабеньких, далі 2 міцніших і знову 5 слабеньких, потім 3 міцніших, 5 слабеньких і так далі. Я зрозумів: треба абетку поділити на групи по 5 літер; для кожної літери подати треба спочатку групу міцними ударами, а потім — місце в групі, дрібненькими ударами. Наприклад, літера «К» — 2 міцних удари і 5 дрібних; «С» — 4 міцних удари і 2 дрібненьких. Добре було б записати цей поділ літер на групи, бо трудно цей розподіл увесь час тримати в умі, але у мене одібрали олівець. Через це наші переговори з сусідом йшли досить поволі і з помилками. Особливо важко було мені зrozуміти прізвище сусіда. Це був грузин і мав прізвище «Джорджкая».

Їсти ми мали що, бо крім загального для всіх в'язнів борщу та каші і хліба, ми мали право замовляти собі додаткові страви у караульних. Я замовляв собі молоко або котлету. За цю додаткову страву в'язні платили з тих коштів, що їх одібрали у нас в управлінні під час прибууття. Крім того, товариші, що залишились на волі, присилали нам «передачі». Я, наприклад, в перший же день одержав від товаришів (принесла, казав караульний, якась дівчина) пакетик чаю, цукор, паляницю і апельсини. Мене так схвилював цей подарунок від незнаних людей, що я трохи заплакав, а апельсини здалися мені такими смачними, що, здається, ніколи, ні до того, ні після того таких не кушував.

В камері на стіні висіла маленька гасова лямпка. Горіла вона на протязі цілої ночі, і гасити її в'язні не мали права. Звичайно, вона трохи чадила. У мене ще й досі, як зачую чад від гасової лямпки, зараз же пригадується моя камера в одеському тюремному замку.

До камери зайшов якось старший доглядач — старий жандарм. Він спитав мене, чи хтілось би мені щось почитати. Я відповів, що дуже хтілось би. «Так я вам принесу з тюремної бібліотеки». Він приніс доволі грубий том — якесь число «Журнала Міністерства Народного Просвіщення». Журнал був офіційним органом МНП і мав у своєму змісті багато наказів, постанов і повідомлень того

міністерства, але були надруковані там і дві статті етнографічного змісту, досить цікаві, які я з інтересом прочитав. Не пам'ятаю, за який народ там була мова, але про якийсь з численних народів колишньої Росії (офіційно званих тоді «інородцями»). Пізніше я чув, що у цього старого жандарма був син — студент.

Неприємна річ в камері була «параша». Її виносили раз на день. Закривалась вона покришкою, але дух від неї почувався завжди. Я пам'ятаю, як першого ранку після першої ночі, проведеної у в'язниці, мене в 6 годин розбудив караульний і звелів винести «парашу». Живучи в місті, я звик завжди користуватись ватер-клозетом і ніколи не задумувався над тим, що хтось мусить іноді і виносити сміття і мусор. І я, наче отою «барчук», запитав караульного, хіба я повинен виносити парашу. На це караульний відповів мені просто і цілком справедливо: «ваши испражнения, вы и выносить их обязаны». Ці слова караульного я прийняв, як урок соціальної моралі. Мені стало дуже соромно, що я виступив таким «барчуком», я раптом скопивсь з ліжка і, під провідництвом караульного, поніс ту парашу до вбиральні, де опорожнив духовиту посудину і гарненько вимив її під струменем чистої води. З того часу оті «походи» з парашею стали для мене чимось на взір розривки: іноді побачиш що цікавого, наткнешся на товариша, що теж несе таку парашу, а то й слово цікаве почуєш і дізнаєшся, кого «свіжого» ще привезли.

Я не пам'ятаю, щоб мене допитували у в'язниці. Лише якось сам граф Шувалов прибув до в'язниці, щоб відвідати в'язнів. В'язнів, в тому числі й мене, приводили в управління в'язниці, де пребував «сіятельний». Він не сидів, а стояв коло столу. Мене підвели до нього. Він постарається набрати добродушного вигляду, взяв мене за гудзик тужурки, наче добрій приятель, і почав: «Как это вы, сын уважаемого в городе нотариуса, приняли участие в студенческих волнениях?» «Его сиятельство» почав мене поучати (не пам'ятаю, як саме) і нарешті запитав, чому я взяв участь у забастовці і обструкції? Хто мене підмовив? Я відповів, як і на допиті в університеті: «Я выполнял постановление общего собрания моих товарищей». Рука «сіятельного» залишила мій гудзик, обличчя графське стало похмурим, він дав якийсь знак, і караульний відпровадив мене знову в мою камеру.

Студентів здебільшого не тримали у в'язниці довго. Через 7 чи 8 днів мені сказали, що я звільнений з університету і мушу виїхати з Одеси. В супроводі жандармів мене відвезли на вокзал, провели

в якусь кімнату, де сталося мое побачення з батьками. Від батька дізнався я, що мене висилають з Одеси, але місце висилки можу обрати я сам. Батько сказав, що він уже списався з нашими родичами в Куп'янську, і я поїду до Куп'янська. Білет був уже взятий, чемодан з речами привезений. І от я попрощався з батьками, взяв білет в кишеню, а чемодан в руку і вийшов на перон. Проводжати мене не дозволили нікому, але я вже був «вільний» і без участі жандарма сів у вагон. Я бачив, що на вокзал привезли ще й других студентів.

Разом зі мною у тому ж самому вагоні їхало ще два студенти, мені незнайомі, з інших факультетів. Присутність товаришів трохи розігнала мій сум. Один з них — українець — чудесно читав нам напам'ять байку Леоніда Глібова «Вовк та ягня». Байка підійшла до нашої ситуації.

Поки стояв потяг, до нас несподівано зайшов незнайомий мені студент-медик Данський. Він не був репресований і опинився на вокзалі по своїй якісь справі. Побачивши в потязі трьох студентів, він, дізнавшись, що це «изгнанные правды ради», увійшов у наш вагон, потиснув нам руки і сказав, що це велика честь для нього бути з нами при нашему від'їзді. Він сказав, що з великою пошаною ставиться до нас. Запевнив, що наша справа не загине. Прохав нас не падати духом, бути веселими, бадьорими. Перед нами, казав він, ще ціле життя. Не будьте похмурими, будьте жадними до життя. Під кінець, щоб звеселити нас, проспівав дві шансонетки. Пролунав 3-й дзвінок. Данський розцілувався з нами і скочив з потягу.

Цікаво, що через 30 років я зустрівся з ним в Ходженті. Він був лікарем і заправляв якоюсь медичною установою. Він залишився таким же живим і жартівливим, як колись в молодих літах. Кілька літ тому він помер. Пухом тобі земля, друже!

Коли мене було заарештовано, батько мій звернувся із питанням в ректорат Новоросійського університету, за які вчинки виключено із університету його сина? Ректорат відповів. На цю відповідь батько написав свої заперечення і знову подав у ректорат. На цей раз відповіді «не последовало». Було б дуже цікаво прочитати це листування з ректоратом. Я дізнався за нього лише далеко пізніше від родини, не читав його, не пам'ятаю, що там оповідали рідні. Збереглось в пам'яті лише одне місце. Відповідаючи батькові, ректор, характеризуючи мої вчинки, починає так: «Еще в начале учебного года Ваш сын обнаруживал некоторую возбужденность». Батько в своєму другому листі

до ректорату відповідає: «Вы пишите, что сын мой обнаруживал возбужденность. Но скажите, что же преступного в возбужденности? Кроме того, Вы сами пишете «некоторую возбужденность»; «некоторую», т. е. незначительную, малую, следовательно такую, что не стоит говорить о ней»...

Батько не хтів погодитись з думкою, що я буду позбавлений вищої освіти. Він почав енергійно клопотатись за мене. Клопоти закінчились успішно. В кінці літа мені дозволили повернутись до Одеси (ля лікування на лимані!), а восени мене прийняли знову до університету все на той же перший курс.

Я вирішив цей рік не брати участі ні в яких організаціях, не бував на сходках, а коли в кінці лютого-березня почалися, як звичайно, «студенческие волнения», я сидів дома і не брав участі ні в демонстраціях, ні, тим більше, в обструкції. І тим часом мене чекало повторення тогорічних пригод. Мене знову закликано в кабінет ректора. Мене звинувачували в тому, що з палицею в руках я, на чолі юрби забастовщиків, ходив по автодоріях, силою викидаючи звідти «достойных студентів». Це була цілковита неправда, я сидів в ті часи дома. Так я і заявив на допиті у ректора. Мені не повірили і поставили в особливо тяжку провину, що я хтів «утатити истину». Я був виключений по ст. 3, себто без права вступу в який-будь університет Російської держави.

Я не знаю, як могло статись таке. Пізніше товариші студенти догадувались, як це сталося. Студент Г., дуже схожий зі мною фігурою і тим, що носив, як і я, велику бороду і ходив, як і я, з палицею, справді був в числі обструкціоністів. Певно його прийняли за мене. Можливо.

В кожному разі вночі того дня, коли я був на допиті, пролунав у нас в помешканні дзвінок, знову обшук, знову: «Оденьтесь! Возьмите постель!», знову далекий шлях до «тюремного замку», знову заслання. На цей раз до міста Літіна на Поділлі. Весь цей час — з осені 1901 р. до березня 1902 р. пройшов для мене в якомусь тумані. Уважно і докладно переглянути і описати цей період у мене не вистачає ні пам'яті, ні охоти.

Великий сум огортає душу. Скільки відібрано енергії, ентузіазму, скільки загинуло молодого задору, скільки попсовано ясних надій...

Але будьмо байдорими! Оце побували на Східній Україні, а тепер побачимо і Західню. Хай поповнюється життєвий досвід — це буде добрий додаток до університетської науки...

Ленінабад, 28.10.68, Б. К.

БМП, VII, 2

Львівський університет

Про мое перебування у Львові на протязі 1902–1903 рр. я подав вже відомості в БМП, V, 7. А цьому, VII-му відділі, маю оповідати лише про львівський університет та мое навчання в ньому.

Прибуття

Весною 1902 р. мене в другий раз виключено з Одеського університету — на цей раз «по ст. 3», себто без права вступу до якого-будь російського університету. Отож для закінчення вищої освіти треба було мені їхати за кордон. За порадою батька і дякуючи його постійним турботам за мене я восени 1902 р. виїхав до Львова, де мав вступити до Львівського університету.

На другий день після приїзду до Львова я вирушив до університету. У вестибулі було чимало студентів. Я швидко знайшов групу, де чулася українська мова, підійшов до тієї групи, відрекомендувався і попросив допомогти мені вписати до університету і знайти помешкання. Товариші поставились до мене надзвичайно ласково, привітно; того ж дня я встиг вписатись до університету і знайти помешкання. Про помешкання я записав у відділі V, 7, а тут оповім про впис до лекцій.

Впис до лекцій

У Львівському університеті існувало 4 факультети: філософічний, юридичний, медичний і теологічний (богословський). Виявилось, що мені треба вписатись до факультету філософічного. Цей факультет був дуже великий обсягом, до нього були зараховані всі предмети, які в російських університетах належали аж до трьох ріжних факультетів: до фізико-математичного, до природничого (вірніше, до природничого відділу фізико-математичного факультету) і до історико-філологічного. Я вивчав природничі науки, тому вписався до факультету філософічного.

В Австрії закінчення університету офіційно не давало особливих прав або переваг. Щоб одержати особливі права, треба було або тримати особливі іспити на звання вчителя «Lehramtskandidat», або захищати докторську дисертацію. Ось тому в австрійських університетах не було обов'язкового розкладу лекцій, на які треба студентам записатись; кожний може записуватись на які хоче лекції і в якому хоче розпорядку. Це так звана «свобода выбора предмета», за яку в Росії наші студенти тільки мріяли. Я записувався на лекції, пристосовуючись до

тих вимог, що ставляться в російських університетах, бо знав, що рано чи пізно доведеться складати державні іспити в Росії.

Ще до запису на лекції я одержав так звану «матрикулу» — свідоцтво про зарахування мене в число студентів Львівського університету. Цей документ, як і деякі інші документи з Львівського університету, написаний латинською мовою. У мене зберігся цей документ, і я передаю тут його дослівний текст:

№ 246 ex 1902/3. Nos Rector et Decanus facultatis philosophicae in Universitate case.-Reg. Leopoliensa. Lectoris salutem a Domino! Notum ac manifestum esse volumes omnibus et singulis, Dominum Komarov Bogdanum oriundum e Kijow in Russia in Album Universitatis et Facultatis philosophicae rite relatuum esse. Idgund manu propria et Sigillo universitatis presentibus adpresso testamur Leopoli, die 16 mensis Decembris Anno 1902.

h.t. Rector Universitatis (підпис нерозбірливо)

h.t. Decanus Facultatis philosophicae Bолос. Antoniewiez!

Запис на лекції і оплата гонорара професорів відбувалась в «квастурі» (щось на взір бухгалтерії). Я одержав студентський білет, що мав вигляд акуратної книжечки в оправі. Текст і там був латинський, от як той білет називався:

№ 598. Index lectionum. Studiosus nomire Komarov praenomere Bogdan, cuius origo Kijow in Russia inscriptus est in Facultate philosophica c.r. Universitatis Leopolitane in 5 November 1902, quod testator questor (підпис).

Далі в білеті записано всі лекції, які студент слухав кожного семестру. Назва лекцій і практичних вправ, на які записується студент, вписує в білет сам власник білета, користуючись тією мовою, на якій оголошено читання того чи іншого курсу. Коли студент починає слухати якийсь предмет, він повинен з'явитись на очі відповідного професора, який ставить в білет свій підпис і тим свідчить, що отої студент розпочав слухати його курс. Після останньої лекції в якомусь семестрі з цього предмета студентові треба знову з'явитися до професора, який другим своїм підписом свідчить, що студент справді прослухав весь його курс. Таким чином студентський білет стає своєрідним альбомом автографів, серед яких зустрічаємо підписи видатних діячів науки. Наприклад, я можу похвалитися, що в моєму Index lectionum є підписи ботаніка Вінера, ботаніка Веттштайна, хіміка Ольшевського, зоолога Дибовського, фізики Больцмана, мінералога Чермана.

Окремі предмети

На протязі першого і другого семестрів я записався у Львівському університеті на ряд лекцій, про які подаю нижче короткі відомості.

Ботаніка

Ще бувши в Одеському університеті, я прийшов до переконання, що моїм фахом повинна стати ботаніка. Я цікавився всіми об'єктами, всіми явищами природи, але якось почував, що до рослин особливо лежить мое серце. Тож і у Львівському університеті перш за все вписався на курси ботанічні.

Професор Цесельський (Ciesielsky) читав на першому семестрі курс систематики рослин (*Botanika szczegółowa*), а на другому семестрі — анатомію і фізіологію рослин (*Anatomia i fiziologia roślin*). Читав Цесельський дуже змістовно, давав силу цікавих відомостей. Як лектор, мав ту ваду, що говорив надзвичайно швидко, тому слухачам було тяженько записувати за ним.

Для мене викладання на польській мові не складало великих труднощів. Я знов укрایнську і російську мову, чував в дитинстві від своєї бабусі оповіданнячка і віршики польською мовою, і через це, певно, вже за один тиждень цілком розумів всі лекції. Сприяло цьому і те, що лекції з природознавства завжди провадились в супроводі демонстрування наочного пристроя, таблиць і живих, чи консервованих об'єктів природи. Записувати було нелегко, особливо за Цесельським, бо я записи робив на початку російською мовою.

Цесельський мав звичай розпочинати свою лекцію в той момент, коли він входив до аудиторії, і, переходячи від дверей до катедри, встигав уже висловити два-три речення. Це робило трохи комічне враження. І, розпочавши таким способом свою лекцію, він продовжував до дзвінка читати її рівною і поспішеною говіркою. Але зміст лекцій був дуже цікавим.

В другому семестрі я вписався ще на лекції професора Залевського (Zalewski) з систематики рослин явноштабних (*Ukladnictwo roślin jawno...нерозбірливо!*) Проф. Залевський мав небагато слухачів, але зато силкувався зав'язати з ними більш тісні відносини. Декілька разів заводив після лекцій балачку і зі мною, розпитуючи мене про мої справи і про відношення до ботаніки. Він запитав мене і про мою національність і, дізнавшись від мене, що я українець, помітно розчарувався:

«To pan rusin! Myslalem, ze pan moskal!» Залевському, як і деяким іншим польським викладачам, певно, приємно було б, щоб в них вчився саме «moskal», себто представник тої «московської держави», що раніш змушувала поляків вчитися російською мовою, а тепер «москалі» мусили вчитись у поляка по-польському.

Підручника ботаніки польською мовою не було. Я користувався німецьким підручником, так званим «Bonner Lehrbuch». Цей славетний підручник був відомим під назвою «Боннський підручник» через те, що вчені, які колективно склали його, були професорами університету в Бонні. Це були: Е. Страсбургер, якому належала анатомічна і морфологічна частини підручника; проф. Нолль, що склав для цього підручника нарис фізіології рослин; проф. Шенк розробив систематику нижчих рослин і проф. Тімпер — систематику вищих рослин. Я користувався першим виданням цього підручника; пізніше він багато разів перевидавався, останніми роками вже під керівництвом інших вчених.

Зоологія

Я вписався на лекції проф. Дибовського. Товариші розповіли мені, що Бенедикт Дибовський був у свій час учасником польського повстання 60-х років. Російський уряд заслав його до Сибіру. Тут Б. Дибовський розпочав дослідження місцевої фауни і першим описав фауну озера Байкал. За свої дослідження Б. Дибовський одержав золоту медаль «Русского Географического Общества». Приємно було слухати лекції такого визначного вченого і революційного борця за волю рідного йому краю. І зверхній вигляд його був монументальний: високий, міцний, сивий старикан 70-х років. Недавно (1968) я дізнався, що Б. Дибовський помер 1930 року, 97-ми років від народження.

За годину до призначеної лекції Б. Дибовський приходив до аудиторії і на трьох-четирьох звичайних шкільних дошках записував дрібним, але надзвичайно чітким письмом короткий конспект майбутньої лекції. Ми мали змогу точно записати в свої зшитки весь конспект, який в значній мірі заступав нам польський підручник. Друкованого польського підручника не було; поруч із згаданим конспектом ми користувались німецьким підручником О. Гертвіга (я мав підручник О. Гертвіга в російському перекладі).

Конспект старого дослідувача був своєрідним: в склад його увіходили і таблиці для визначення тварин тої чи іншої систематичної групи. Чомусь мені запам'яталось речення, яким проф. Дибовський

закінчив свої лекції з відділу риб і переходив до відділу земноводних (амфібій): «Na tem zakonchymy, a teraz przystempiemy do tego dzialu, co nazywa sie skrzeksi». Мені здається, що це речення може дати читачеві уявлення про весь характер лекцій Дибовського: детальний план лекцій по відділам і підвідділам (1, 2, 3...або а, б, с...), сумлінне виконання цього плану в деталях, деякий формалізм у викладанні.

На протязі першого і другого семестрів професор читав систематику тварин (*Zoologia systematiczna*). Старий був ярим прихильником теорії Дарвіна, яка тоді щойно набирала сили. Він роздавав студентам надруковані ним свої брошюри: «O pochodzenju czlowieka» і «O teoryjach mutacijnych». На другому семестрі я слухав його курс «Budowa czlowieka jako swiadectvo jego pochodzennja».

На жаль, Б. Дибовський, як і славетний тоді послідувач Дарвіна Е. Геккель, теорію Дарвіна, без будь-яких змін, переносив і на людські раси. Отож були у нього і «визші» і «низші» раси. Він навіть перед студентами не ховався зі своїм твердженням, що «русини», як брахіцефали, стоять нижче поляків — доліхоцефалів. Прикро було це чути русинам від такого поважного вченого! А польські національ-демократи раділи.

Серед львівської суспільності проф. Дибовський був добре знаний також, як завзятий ворог алкоголю. Він організував товариство боротьби з алкоголізмом, яке він назвав «Ерлеутерія» (*Erleuteria*); так, начебто, називалась у давніх греків богиня повздерливості. Цікаво, як з цим товариством намагався боротися дуже популярний у Львові власник ресторану якийсь Нафтуда. В ті роки в Австрії не було монополії на горілку, і кожний охочий мав право випустити свій ґатунок «вдохновляючого напою». Отож, Нафтуда випустив свою горілку майже чорного кольору, пахучу і міцну, і назвав її «Ерлеутерія»! Горілочка нафтудова дуже сподобалась п'янничкам, а головним чином приваблювала їх назва, що висміювала прихильників тверезості. Я не знаю, чим закінчилася боротьба між «Ерлеутерією» професора Дибовського та «Ерлеутерією» Нафтуди.

3. Біологія

На першому і другому семестрах я слухав також лекції з загальної біології проф. Нусбаума (*Nusbaum, Biologia ogolna*). Це був надзвичайно цікавий курс, до того ж майстерно прочитаний. Курси Цесельського і Дибовського мали перш за все описовий характер

і знайомили слухачів із численними деталями. А проф. Нусбаум розповідав про природу, як про щось ціле, де всі об'єкти, всі явища зв'язані між собою; торкався загальних біологічних теорій і висвітлював проблеми, що стояли тоді перед біологічними науками. У всіх своїх твердженнях проф. Нусбаум виступав, як матеріаліст, в дусі моністичної філософії Ернста Геккеля.

На лекціях Нусбаума я постійно бачив «госпітантів». Згідно з університетським статутом, до слухання лекцій могли вписатися і особи, що не мали «матури» і рахувались як «госпітанти» (тобто гості, на зразок наших вільнослухачів). На жаль, мені невідомі умови, які ставилися перед особами, що бажали відвідувати лекції якого госпітанти. Певно, далеко не всім можна було стати госпітантами. При найміні серед госпітантів я не зустрічав робітників або селян, лише представників інтелігентських кіл, а також ріжних служителів культу, ксьондзів або патерів, часто приходили елегантно вдягнені дами. На лекції Нусбаума, здається, була «мода» в місті. Так само пізніше у Віденському університеті мені доводилось бачити багато госпітантів — панків, духовних осіб, елегантних дам — на лекціях «натурфілософії» проф. Больцмана.

4. Мінералогія

Я вписався на курс мінералогії у проф. Дуніковського (Dunikowski, Mineralogia). Метода читання курсу у цього професора була своєрідна. Прибувши до аудиторії, він сідав за стіл, витягав з портфелю німецький підручник мінералогії славнозвісного професора Чермана, розгортає його на потрібній сторінці і читав зміст підручника, перекладаючи його польською мовою. Це було вигідно для тих студентів, що записували його лекції, бо переклад йшов поволі, з зупинками там, де треба було підшукати найбільш відповідне слово для перекладу. Але взагалі нудно було на лекціях надзвичайно! Невже не міг професор зробити переклад завчасно, дома, і на лекціях читати вже готовий текст?

Я купив собі в якогось студента уживаний вже підручник Чермана, розкладав його перед собою, і, використовуючи його і усний переклад Дуніковського, писав у зшиток текст російською мовою. Так курс мінералогії обернувся у мене на суцільну філологію. Можливо, я б зовсім перестав вчащати на «лекції» проф. Дуніковського, коли б не те, що він приносив на свої лекції зразки мінералів і цікаві таблиці.

З гірким почуттям слухав я нудні переклади Дуніковського, загадуючи чудесні лекції з мінералогії проф. Михайла Дмитровича Си-

доренка, які я слухав ще учнем 8-ї класи в Одесі, в «Народному університеті»! Цей популярний курс дав мені більше, ніж всі премудрі переклади проф. Дуніковського.

Щоб захистити польських мінералогів, мушу додати, що два роки пізніше мені пощастило слухати в Krakowі лекції по кристалографії і мінералогії у проф. Морозевича і проробити в його лабораторії практичні практики з цих предметів. Це були лекції і вправи, що цілком захоплювали молоду душу (про це я докладно описую у від. 7, 4).

5. Геологія

На першому і другому семестрі слухав я лекції проф. Зубера по геології (Zuber, Narys geologii dla poczatkujasych). Професор давав матеріал, головним чином, з геології динамічної і давав його яскраво, я би сказав «динамічно». Невисокий на зріст, стрункий, рухливий, він оповідав надзвичайно жваво. Слухаючи його оповіді про вулканічні вибухи і землетруси, про трансгресії моря, про повіні, про ерозійну діяльність води і повітря, ми, слухачі, якось наявно, неначе самі бачили і чули все те, про що оповідав нам лектор, все те, що діялось колись на нашій кулі земній. І страшно, і якось весело ставало на душі!

Крім курса «Геологія для початкуючих», я записався ще у проф. Зубера на невеличкий курс (одна година на тиждень) «O wodach podzemnych». Ще в Одесі, де проблема водопостачання завжди була актуальною, я цікавився природними джерелами і штучними колодязями. Цікаво було чути, що під землею існують величезні запаси води...

6. Хемія

На другому семестрі я слухав лекції проф. Радзішевського з органічної хемії (Radziszewski, Chemia ogolna organiczna). Професор читав непогано (з точки зору молодого студента), але не виклад лектора, а самий зміст предмета захопив мене. Я знов, що природа складається з окремих об'єктів, з незчисленою кількості окремих тварин, рослин, мінералів, речовин, і мене цікавили описи цих поодиноких об'єктів, але я знов, що цікавішими за них стають ті узагальнення, ті уявлення, які всю цю різноманітність об'єктів об'єднують в загальну якусь теорію, укладають в узагальнену систему.

Рік тому, ще в Одеському університеті, я пізнав періодичну систему елементів; вона зробила на мене велике враження, а тепер, студіюючи органічну хемію, я пізнав структурну теорію, теорію будови незчисленних органічних речовин. Під довжелезними іноді назвами складних

органічних речовин я бачив наче очима стрункі моделі молекул, побудованих з певних атомів і певних радикалів. Весь світ органічних речовин виступав, наче якась фантастична будівля, в котрій всі частини укладені до речі, в певному ладі, хоча й в найрізніших варіаціях. І я відчув ще тоді безсумнівний зв'язок ботаніки з хемією.

Я швидко звик до польської мови, і слухання лекцій на цій мові не складало мені жодних труднощів. Звернув я увагу на те, що в науковій мові поляки намагаються міжнародні назви і терміни також перекладати по-польському. Так, наприклад, слово «система» перекладають «uklad»

«систематика» — «ukladnictwo»,
«спеціальний» — «szczegolowij»,
«лабораторія» — «pracownya»,
«натрій» — «sod»,
«калій» — «potach» і т. ін.

(Колись і в російській науці вживали назви «садій» і «потасій»).

Правда, не всі професори «полонізували» терміни. Так, проф. Залевський казав «ukladnictwo», а проф. Дибовський — «систематика».

Коли я їхав до Львова, то сподівався слухати лекції і на українській мові. Це мене дуже приваблювало. Справді: на Україні царський уряд не дозволяв навіть маленькі брошури науково-популярного змісту надруковувати українською мовою (в наказі 1874 року сказано: особливого «малоросийського языка не было, нет и быть не может»; є лише «наречие»), а тут, в Галичині на цьому «наречии» читаються наукові лекції.

На жаль, на той час всі курси з наук природознавчих читались лише польською мовою. Однак, бажання почути українське слово з університетської катедри не давало мені спокою, і я записався на два курси з обсягу наук історично-філологічного змісту, аби послухати їх українською мовою. Професор М. Грушевський в той семестр не читав загального курса з історії України, а оголосив до читання курс «Вибрані питання з історії Східної Європи». Я почав відвідувати лекції М. Грушевського, але курс виявився дуже спеціальним, призначеним для студентів-істориків старших курсів. Мені було трудно розуміти як слід цей курс, і я не був акуратним його відвідувачем.

Другий український курс, на який я записався, вів професор О. Колеса. Цей курс звався «Історія української літератури», його я з цікавістю прослухав з початку до кінця.

* * *

Вступаючи до закордонного університету, я був повен рішучості не брати участі в «політиці», а лише пильно вчитись, щоб з якомога меншою втратою часу закінчiti курс вищої освіти і перейти на Україні до «школи життя». Але виявилось, що без «політики» вчитись і в Львівському університеті ніяк не вдається. Ворожнеча між польськими і українськими студентами відчуvalась в усіх проявах університетського життя. В авдиторіях польські і українські студенти сідали окремо одні від одних: поляки «одесную», а українці «ошуєю» (або навпаки). Навіть такі поважні польські вчені, як, наприклад, професор Дибовський, «науково» пояснювали існування вищих і низких рас.

Більшість польських студентів належало до «народовців». Соціал-демократів і радикалів було небагато. Між тими і другими «народовцями» починались вічні суперечки. Стояти якимось стороннім, байдужим глядачем мені було трудно, можна сказати — неможливо. А вмішатись в ці суперечки активно — це значило розпощатись з думкою як найскоршого закінчення вищої школи. За всі мої політичні виступи доводилось розплачуватись батькові. І хоч батько ніколи і жодним словом не згадував за матеріальні його витрати на мене, сумління мое не давало мені покою. Я вирішив залишити Львівський університет і перейти до Віденського університету, що здавався мені осередком справжньої науки. І от восени 1903 року я помандрував до того осередку.

БМП VII, 3 3. Віденський університет.

Вихід з Львівського університету

Відомості про мое перебування у Відні я подав в БМП , від. V, 8. А в цьому відділі оповідатиму лише те, як і яким наукам вчився я у Віденському університеті, про віденських професорів та студентів.

* * *

В 1903 р. я одержав «свідоцтво відходу» зі Львівського університету і третій семестр розпочав уже в Відні. Навожу дослівний текст «свідоцства відходу» (оригінал зберігся у мене):

«Swiadectwo odejscja. My, Rektor c.k. Uniwersytetu we Lwowie i Dziekan Wydziału filozoficznego poswiadczały niniejszym ze Pan Komarow Bogdan, rodem z Kijowa w Rosyi, i matrykulowany na Wydziale filozoficznym Uniwersytetu tutejszego na podstawie Swiadectwa dojazłozci

4-tego gymnasium w Odesse z dnia 1 czerwca 1900, l. 483, uczeszczał na wykłady od polrocza zimowego roku akademickiego 1902/1903 do polrocza letnego roku akademickiego 1902/1903 włącze bez przerwy, razem przez dwa polrocza. Zachowanie się akademickie kandydata było zupełnie zgodne z przepisami akademickimi. We Lwowie dnia 13-go grudnia 1903. \ Pідписи ректора і декана\»

Вступ до Віденського університету

Восени 1903 р. я одержав дозвіл слухати лекції у Віденському університеті, про що свідчить «Матрикула», яку я наводжу дослівно:

«Matrikelschein. Wir, Rektor k.k. Universität zu Wien und Dekan der philosophischen Fakultät beurkunden hiermit daß Herr Bohdan Komarow, geboren zu Kiew in Russland, an gieser universität ordnungsmaßig inserbiert werde und angelobet hat, sich akademischen Gesetzen und Behorden unterworfen zu wollen, worauf derselb an Dezember 1903 in die Matrikel Universität eingetragen wurde. [Підписи ректора і декана]».

* * *

Окремі предмети

На протязі трьох семестрів (III, IV і V) я прослухав у Віденському університеті ряд курсів, список яких подаю далі.

Ботаніка

Курс загальної ботаніки (властиво, анатомії і фізіології рослин) я прослухав у видатного австрійського ботаніка проф. Ю. Візнера (Wiesner), значного фахівця з анатомії та фізіології рослин. На III семестрі він викладав Allgemeine Botanik, а на IV Physiologie der Pflanzen. Лекції професора Візнера дали мені дуже багато. Цьому сприяло також і те, що рівнобіжно із слуханням лекцій я проробляв лекційний матеріал дома, користуючись друкованим підручником самого Ю. Візнера «Anatomie und Physiologie der Pflanzen». (Мій примірник цього підручника передано до бібліотеки катедри ботаніки ЛГПУ.)

Коли, після першої лекції професора Ю. Візнера, я підійшов до нього, дав йому на підпис свій студентський білет, він розглянув його і спитав, чи знаю я професора Баранецького, з яким він знайомий. Я тоді лише починав так-сяк розмовляти по-німецьки, крім того, я страшенно зхвилювався таким товариським обертанням славетного вченого до студента-першокурсника, наче рівного до рівного питав про спільногого знайомого. Та й треба визнати, що я тоді нічого не

знав про Баранецького і навіть не чув раніше його прізвища. Я до кінця розгубився і щось таке прощебетав, що не знаю Баранецького. Пізніше я дізnavся, що Баранецький — видатний фітофізіолог, прославлений тим, що, разом зі своїм вчителем проф. Фамінціним, опрацював теорію опрісників (= лишайників), як комплексних організмів (гриб + водорость). Мене ще й досі бере досада, що я не використав тоді цієї розмови з Візнером для розвитку більш близьких стосунків учня до славнозвісного вчителя.

Не вдалось мені проробити і практичні вправи в лабораторії проф. Візнера. Я записався на них на 4-му семестрі, але в квестурі мені цей запис викреслили. Виявилось, що в лабораторії Вінера лише 24 робітних місця, і що записуватись треба в чергу за 1,5–2 роки. Таким чином, я міг би одержати місце в лабораторії проф. Вінера лише на 7-й або 8-й семестр. Чекати так довго я не міг. І тоді вперше у мене виникла думка перейти на останні три семестри до іншого університету. (Про це дивись також в кінці від. VII, 3).

Однак, творчий зв'язок з працями проф. Візнера на слуханні лекцій у мене не скінчився. Справа в тому, що я ще з останніх класів гімназії цікавився питанням про практичне значення рослин в житті людини. І ось я дізnavся, що Ю. Візнер спеціально займається вивченням сировинних рослинних матеріалів. Разом з групою товаришів-вчених він опублікував двохтомну збірку: «Die Rohstoffe des Pflanzenreich». Я пізніше придбав її собі і увесь час в своїй пізнішій діяльності вчителя, а пізніше — викладача вуза і дослідника-флориста, звертався до цієї книжки за порадою, обравши собі за фах «ботанічне ресурсознавство». Спасибі старому Візнерові!..

Другим моїм вчителем я вважаю проф. Р. Веттштейна (R. Wettstein). У Віденському університеті я слухав його лекції: «Vebersicht der Entwicklung und des systems der Angiospermen» («Загальний огляд розвитку і системи покритосеменних») і «Systematische Botanik» («Ботаніка систематична»).

Мені не доводилося слухати другого такого університетського викладача, який би так просто і в той же час так зрозуміло і переконливо передавав слухачам свої наукові побудування. Надзвичайно цікаво викладав він свою теорію походження двустатевої квітки вкритонасінних від суцвіття голонасінних.

Огляди окремих родин вкритонасінних давав проф. Веттштейн не тільки на морфологічній основі, але й всебічно освітлюючи кожну

систематичну групу й з боку генетичного. Замість сухої морфології перед слухачами виникав і розвивався процес.

Проф. Веттштейн видав і свій підручник — двотомовий «Handbuch der systematischen Botanik». Перший том цього підручника я мав на руках у Відні. Я відразу став прихильником того поділу рослинного світу на «штами» (stanm) — стовбури, який подає автор в своєму підручнику. Це, правда, промовляло за поліфілетичне походження світу рослин. Мені, як і деяким моїм товаришам, хтілось би почути, що ці окремі «штами» споріднені між собою і мають єдине, монофілетичне походження.

Виявилось, що і до лабораторії проф. Веттштейна треба записуватись за 1,5–2 роки раніше. А я ж хотів закінчити всю вищу освіту через 2 роки! Очевидно, треба переходити до іншого університету!

У Відні я прослухав лекції з ботаніки ще кількох професорів. Подаю відомості про них.

У проф. Шіффнера (Schiffner) я прослухав курс: «Ueber auslandische Heilpflanzen» («Про чужоземні лічничі рослини»). Завжди цікавило питання про вживання рослин в житті людини. Ось тому я і записався на лекції проф. Шіффнера. Рівнобіжно до слухання цих лекцій я студіював у міській публічній бібліотеці великий «Handbuch» з фармакогнозії (автор його дуже значний фахівець, але я позабув його прізвище).

Лекції проф. Шіффнера я слухав з великою увагою.

* * *

Доктор Бургерштейн (Burgerstein) читав «Physiologische Anatomie der Haut — und Stranggewebe» («Фізіологічна анатомія шкірної і провідної тканин»). Фізіологічна анатомія рослин мене дуже зацікавила. Я озбройвся великим фоліяном творця фізіологічної анатомії рослин професора, доктора Габерландта (Haberlandt) «Physiologische Pflanzenanatomie» і почав рівнобіжно слухати і читати. Лекції доктор Бургерштейн читав з властивою німцям систематичністю, акуратністю і деталізацією досить монотонно і без ентузіазму, зато книга Габерландта була написана так живо і цікаво, що молодий студент читав її з таким інтересом, з яким звик читати пригодницькі романі. І через багато років, вже сам викладаючи ботаніку студентам, я не раз радив слухачам почитати габерляндтову фізіологічну анатомію. (Примірник цієї книги є в бібліотеці Ленінабадського державного педагогічного інституту, від мене.)

* * *

На п'ятому семестрі я прослухав великий курс микології, який провадив професор Шиффнер (Schiffner): «Morphologie, Entwicklungsgeschichte und Systematik der Pilze» («Морфологія, історія розвитку і систематика грибів»). Проф.Шиффнер ілюстрував свої виклади примірниками з величезної колекції грибів, засушеними або законсервованими в рідині.

Восени, а часто навіть і взимку, я в дні, вільні від лекцій, не раз шпацерував в Пратері. В цьому величезному паркові на протязі цілого року можна було знаходити численних представників мікофлори, звичайно не юстивних, а дрібних, належних до різних груп. Цікаво було порівнювати зібрани піримірники з такими, яких показував нам проф. Шіффнер, або з тими, що я оглядав їх в державному природоісторичному музеї (про цей музей див. у відділі У, 8).

Поруч з вищими рослинами мене цікавили і нижчі, водорості, гриби і обрісники. Особливо цікавими здавались з низших рослин гриби. Зв'язок водоростей з вищими рослинами відчувався дуже ясно, а гриби, за винятком фактаміцелів, стояли якось останньою від усіх інших рослин, низчих і вищих, і здавались представниками якогось іншого, своєрідного світу організмів. Тому я з таким інтересом слухав лекції проф. Шіффнера.

2. Зоологія

З царини зоологічних дисциплін я слухав у Віденському університеті 5 ріжких курсів. Видатний німецький (чеський?) вчений проф. Гачек (Hatschek) читав «Vergleichender Anatomie der Wirbeltiere» («Порівнююча анатомія хребетовців»). Ще в Одеському університеті я прослухав у проф. Лебединського курс анатомії людини, багато попрацював над цим курсом і тепер з великим інтересом прослухав курс порівнюючої анатомії у такого визначного вченого, яким був проф. Гачек. Добре зрозуміти цей курс допомогли мені знання з анатомії людини, засвоєні в Одесі. Порівнюючу анатомію нервової системи хребетовців проф. Гачек відокремив у спеціальний курс, прочитаний в 5-му семестрі.

* * *

По цитології і гістології я записався на лекції «Morphologie und Physiologie der tierischen Zelle» («Морфологія і фізіологія тваринної клітини»). Мав читати цей курс Шнайдер (Schneider), але чомусь курс було знято з розкладу.

* * *

Я прослухав три курси з обсягу систематики тварин :

а) проф. Вернер (Werner) читав «Systematik der Wirbeltiere» (Систематика хребтовців).

б) у д-ра Пінтнера (Pintner) я прослухав курс «Specielle Zoologie der Wirbellosen» («Спеціальна зоологія безхребетів»).

в) у проф. Гроббена (Grobben) курс «Specielle Zoologie: Mollusca» (Спеціальна зоологія: Молюски). Я записався на цей курс, бо ще з шкільних літ цікавився м'якунами, черепашки котрих у великий ріжноманітності форм зустрічаються в копальному стані в покладах Хаджибейського лиману. Цікавили і наші садові форми слимаків та лавриків, а каракатиць я бачив в магазинах на Грецькому базарі в Одесі.

Мінералогія і геологія

З царини мінералогії і геології мені перш за все вдалося відвідувати лекції славетного австрійського мінералога проф. Чермака. Я мав на руках його підручник з мінералогії, з яким ознайомився ще у Львові, коли слухав лекції проф. Дуніковського (див.). Підручник Чермака легко засвоювався, чому сприяли і лекції професора, і великі колекції мінералів, що він їх демонстрував під час викладів.

Чермак, завжди під час лекцій одягнений в чорний робітній халат, читав досить сухо, ніколи усмішка, здається, не з'являлася на його обличчі. З перших же лекцій я звернув увагу на те, що професор під час викладанняувесь час дивиться на мене. Спочатку я подумав, що помиляюсь. Але це продовжувалось і надалі і ставало мені неприємним. Я звернувся до товаришів за порадою, що мені робити. Товариши багато сміялися, казали що це ж честь для мене, що турбуватися мені не слід і що всім добре знайома звичка проф. Чермака вибрati під час лекцій обличчя якогось одного студента і увесь час дивитися на нього, начебто йому одному викладаючи лекцію. Не знаю, як кому, а мені така «честь» дуже псуvala настрій, і кожного разу, приходячи до мінералогічної авдиторії, я силкувався зайняти в авдиторії інше місце.

Проф. Чермак читав «Загальну мінералогію» («Allgemeine Mineralogie»), а у проф. Беке (Becke) я прослухав ще курс «Specielle Mineralogie».

* * *

На V семестрі я прослухав дуже цікавий курс, що його провадив відомий вчений проф. Уліч (Uhlig): «Allgemeine Geologie».

4. Метеорологія

Слухав я і лекції з метеорології. Читав проф. Ганн (Hann) «Ausgewahlte Kapitel aus der Physik den Atmosphaere» («Вибрані розділи з фізики атмосфери»). Курс був, здається, призначений для фахівців. Але я з великою охогою слухав лекції видатного вченого, привітної сивої людини. Приємно було сидіти взимку, коли на дворі холодно, в теплій, привітній авдиторії, освітленій лямпами з контрабажурами, відбиваючими світло на блискучебілу стелю, яка озаряла всю авдиторію, неначе б то зверху лилося тепле сонячне світло. Я слухав професора, і здавалося я чую чудесну казку, що її розпрвідає старенький дідусь...

* * *

На III і IV семестрах я слухав курс «Експериментальної фізики» («Experimentalphysik fur Philosopher und Mediziner»). В Одесі я на протязі семестра слухав лекції з фізики проф. Шведова. Але я не міг закінчити слухання їх «по независящим от меня обстоятельствам», тому мені цікаво було заслушати знову курс фізики, але тепер у повному обсязі.

Проф. Лянг (Lang) вживав на своїх лекціях *minitum* математичного апарату, зате налягав на дослідну частину, що для мене було дуже корисно.

Проф. Лянг читав свій курс в якомусь старому приміщенні університету, в невеликій авдиторії, дві третини якої містили розташовані амфітеатром місця для слухачів, а одну третину кімнати займав довжелезний дослідний стіл, на якому професор і його асистенти демонстрували всілякі досліди. В авдиторії було дуже привітно, і слухачі з неослабною увагою спостерігали ті «дива», що творилися на експериментальному столі, а іноді навіть виходили поза рамці столу просто в авдиторію, серед самих студентів.

Особливо цікаві були досліди з оптики та електрики. Вони не тільки повчали, але давали і естетичне задоволення.

Рівнобіжно до слухання лекцій я студіював дуже гарний німецький підручник Ліммеля. Цей підручник допомогав мені гарно орієнтуватися в лекціях проф. Лянга, бо, на жаль, професор іноді зловживав своєрідним віденським діалектом, який складав для мене зайві труднощі.

* * *

У проф. Лібена (Lieben) я прослухав курс неорганічної хемії («Experimentalchemie, Teil I, Die anorganische Chemie»). Ці лекції

доповнили мої знання з неорганічної хемії, які я одержав в Одесі, слухаючи лекції проф. Танатара.

Особливих спогадів, зв'язаних з лекціями проф. Лібена у мене не збереглося. Проф. Лібен читав, як і належало німецькому професорові: з добрим сумлінням, докладно, не відхиляючись від теми, без пауз, але й без ентузіазму, трохи монотонно і трохи одноманітно.

* * *

Славетний фізик проф. Л. Больцман оголосив на IV семестрі курс «Ausgewahlte Kapitel aus Naturphilosophie» («Вибрані розділи з натурфілософії»). Я давно відчував потребу пізнати якусь загальну теорію, якусь загальну систему, яка б об'єднувала спостережені і вивчені об'єкти і явища природи. Тому я записався на цей курс, чуючи від товаришів, що проф. Больцман вважається за видатного і прогресивного вченого, який за свої матеріалістичні погляди постійно наражається на переслідування і утиスキ з боку духовенства і ідеалістично настроєної буржуазії.

З якихось причин оголошений Больцманом курс не відбувся, але на наступному V семестрі Больцманові вдалося прочитати курс: «Prinzipien der Naturphilosophie» («Принципи натурфілософії»). Українською краще було б перекласти назву цього курсу «Принципи філософії природи», бо лекції проф. Больцмана не мали нічого спільного з німецькою, так званою «натурфілософією» Шеллінга або Окена, наскрізь ідеалістичною.

На жаль, я не міг записувати за лектором. Причини: 1) лекції з природничих наук я легко розумів німецькою мовою, бо вони йшли в супроводі наочних засобів, а без них було не легко, та й мова Больцмана була для мене занадто «вищукана»; 2) я був ще мало підготовлений до вивчення філософії природи, бо погано знав фізику, та й взагалі до філософії.

Лекції проф. Больцмана відбувалися у великій авдиторії, певно на 250–300 осіб. Слухачів на лекціях було звичайно дуже багато; серед них чимало госпитантів — «служників бога» і елегантних дам. Видно, в певних ідеалістичних колах була «мода» на «професора-матеріаліста і атеїста».

Далено пізніше, за часів Великого Жовтня, прочитав я в творах В. Леніна згадку і за Больцмана. Ленін відмічав позитивне його значення, як матеріаліста (хоча й досить «обережного» в своїй діяльності).

* * *

Щодо філософії, я вважав себе майже «непідкованим» в цій царині, а тому вирішив прослухати який-небудь курс з історії філософії. Проф. Єрусалем (Ierusalem) оголосив на IV семестрі курс: «Die Hauptrichtungen in der Philosophie der Gegenwart» («Головні напрямки в філософії сучасності»). Я записався на цей курс і з великою цікавістю прослухав його якомога уважніше. Проф. Єрусалем належав до «ідеалістичного» напрямку, але викладав дуже об'єктивно. Мені стало легше «орієнтуватися у філософії», чому допомогло і студіювання дуже гарного підручника того ж проф. Єрусалема «Einleitung in die Philosophie». Куплений тоді примірник цього підручника і досі (1969) переховується у мене.

* * *

Студенти Віденського університету

У Віденському університеті в ті часи було багато студентів-українців («русинів»), особливо на старших курсах. Пояснюється це тим, що два роки до того декілька сот студентів-українців мусили залишити Львівський університет за виступи з вимогою формування у Львові Українського університету. Цей масовий вихід студентів зі Львова одержав назву «сецесії».

Перебуваючи торік у Львові, я багато чув про цю «сецесію», але тепер багато що позабулося з тих оповідань, і я не маю змоги систематично і як слід розповісти про всю цю подію.

Більшість «сецесіоністів» перейшли до Віденського університету, і я таким чином у німецькому місті опинився серед своїх одноплеменників. Я постійно був у їхньому оточенні і за весь час перебування у Відні не мав нагоди близьче познайомитися з студентами-німцями. Тому і не вправлявся як слід в німецькій мові і, хоча розумів лекції добре і зовсім звик до німецького підручника, але розмовляти вільно по-німецьки так і не навчився. Мої німецькі «конверсації» обмежувалися простими розмовами під час виконання студентських обов'язків. Випадки, коли мені доводилось довгий час пробути в товаристві студента-німця, бували дуже рідко.

Пам'ятаю, наприклад, один такий випадок. Весною, у неділю, я, як завжди, вирушив на екскурсію на правий берег Дунаю, в так звану «Inundationsgebiet» («обшар затоплення» = плавні). Тут було так цікаво блукати з ботанічною папкою і лопаткою, збираючи чудесні болотяні і

побережні рослини. І от я побачив на віддалі від себе якусь людську постать, що блукала, як і я, серед пишних рослин, раз у раз схиляючись до землі, щоб вийняти ту чи іншу рослину. Як і я, та людина була озброєна папкою і лопаткою. Ми зустрілися. Це був теж студент-природник, по нації — німець. Ми познайомилися і цілий день провели в спільному вивчені місцевої флори. День пройшов гарно.

* * *

«Січовики»

Студенти-українці організували у Відні товариство «Січ». «Січовики» намагались влаштовувати якнайкраще товариське життя. Тут, на чужині, вони організувалися в товариство, яке мусило заступити студентам-«січовикам» і сім'ю, що її залишено на батьківщині, і саму батьківщину. «Січовики» провадили широку культурну працю, влаштовуючи зібрання, доповіді, вечірки. Поділили товаришів і за фахом. Був, наприклад, і гурток природників. Всі гуртки жили повним життям.

* * *

Українські «січовики» були тісно зв'язані і з об'єднанням студентів-росіян, яке було чималеньке і складалося, головне, з молодиків «пострадавших правди ради», учасників студентського руху в Росії.

Я пам'ятаю, як в якийсь з новорічних днів, я, разом з гуртком українських студентів побував «в гостях» у росіян. Гарно пройшов вечір, було весело, здавалося, що ми всі повернулися додому, на цей вже раз вільними людьми. Вечір закінчився співом «Інтернаціоналу». «Это будет последний и решительный бой» — урочисто дзвеніло в грудях, коли ми розходилися по домівках. Холодне, свіже повітря наче гріло душу передчуттям якогось щастя...

* * *

«Довірочне зібрання» слов'янських студентів

Між студентами-слов'янами були налагоджені постійні зносини. Я пам'ятаю великі збори, організовані слов'янськими товариствами студентів «для агітації за слов'янські університети». Це було так зване «довірочне зібрання». В Австрії на таке зібрання легко було дістати дозвіл. Зібрання звалося «довірочним», бо організатори його мусили дати поліції підпис, що всі учасники зібрання знайомі організаторам і запрошені ними на збори. Ось на такому «довірочному» зібранні побував і я.

Засідання відкрив представник чешської організації. Свій виступ він розпочав такими словами (передаю їх, як чув, але не латинськими літерами, бо чешської мови не вивчав):

«Ту схузи дуверни зволялисъмо целем маніфестації за словянскі універзити і чеського в Брну на Моравском, словінського в Любляне, а руского [українського] — ве Львове». (Ці довірочні збори ми скликали з метою маніфестації за слов'янські університети: чешського — в Брно — Моравія, словінського — в Любляні і українського — у Львові.)

Було багато гарячих промов, але були і виразно націоналістичні виступи. Націоналістичні ноти яскраво звучали у виступі представника словінців. Треба сказати, що тодішня ріжноплеменна Австрія була «кількаповерховою» державою: на самому верху стояли німці, нижче, на середньому поверсі стали більш привілейовані народи: угорці, чехи, поляки і італійці, а найнижче розмістилися найбільш упосліжені словаки, українці (русины) і словінці, яки опинилися таким чином не лише під чоботом німецьким, але й під чобітьми привілейованих націй: словаки під чехами, українці під поляками, а словінці під італійцями. І от виступив тут словінець, могутній і красивий молодик, і обвинуватив італійців, що вони систематично ставлять перепони на шляху розвитку словінської культури, і закінчив свою промову націоналістичним вигуком[^] «Крв (кров) романська то не ест крв словянска!» Очі промовця палали, і боязно ставало від думки, до чого може довести ця національна ворожнеча!..

* * *

Ворожнеча між німцями і чехами

А національна ворожнеча відчувалась і у Віденському університеті. Тут осередком її були взаємовідносини між німцями і чехами, певно через те, що з народів Австрії найбільшої сили в боротьбі за політичні, економічні і культурні права виявив чешський народ.

Німці взагалі тримались зухвало, наче провокуючи активні бойові сутички з слов'янами, головним чином — з чехами.

Німецькі студенти поділялися на ріжні «корпорації», які, здається складалися на принципі «землячества». Корпоранти по суботах влаштовували так званий «бумель» і, поєднавши в стройові групи, наче жовніри, шпацерували з гордим виглядом по коридорах університету і стежках університетського подвір'я. Представники

кожної корпорації одягали тоді особливі картузики з кольоровими стрічками: рожеві, зелені, блакитні та інші; кожна корпорація мала свій кольор.

От з цими «буршами» і зав'язалися якось справжні бої із студентами-слов'янами. Я не пам'ятаю безпосередньої причини, що дала привід до цих бойових сутичок, але я був свідком справжніх рукопашних баталій.

У вестибюлі університету німці посунули слов'ян на величні мармурові надвірні сходи, і баталія продовжувалась і там, і то так енергійно, що мармурові бильця сходів не витримали натиску борців і порушилися з другого поверху, разом з живими людьми. Багато хто з них одержали серйозні пошкодження.

Boї відбувалися і в студентській ідалальні, що звалася «mensa academica». Під час обіду тут завжди було повно народу? і обіди були дуже гарні і дешеві — шість гульденів на місяць обіди з трьох страв. Звичайно, тут годувалися сотні студентів, спокійно вживаючи страву за одними столами німці і слов'яни. А от на сей день велика ватаха німецьких студентів почала виганяти чехів з ідалальні. В обід на «друге» в той день були смачні так звані «кнідлі», щось на взір пампушок з повидлом. Німці, схопивши чеха, розтягали йому рота і силою вгanyaли в ротовий отвір ті кнідлі.

Росіян і українців німці чомусь не чіпали.

Boї були такі жорстокі, що ректор оголосив університет на деякий час закритим для лекцій; студентів не пускали до авдиторій і кабінетів.

Ці студентські розрухи набрали такого поширення, що про них писали і за кордоном. Батько мій, прочитавши про ці розрухи в місцевій російській пресі, звернувся до мене із терміновим запитанням про те, як відбився на мені цей заколот. Я відповів батькові, що зі мною все гаразд, і дуже докладно описав цілу картину цієї події. Я б з охотою прочитав би тепер цей мій опис, бо за 65 років багато з того забув...

Були, однак, і серед німецьких студентів такі товариші, з якими українські студенти поступового напрямку підтримували жваві зв'язки; це були німецькі соціал-демократи.

Живучи за кордоном, я свідомо уникав всякої участі «в політиці», щоб мати змогу як найскорше повернутися додому; ось тому я і не робив кроків до близчого ознайомлення з діяльністю студентів

соціал-демократів. Але один раз я разом з нашими українцями побував на зборах студентів — німецьких соціал-демократів.

В гості до студентів прибув сам голова австрійської соціал-демократії тов. Віктор Адлер. Збори відбулися в залі одного з віденських ресторанів. В залі були розташовані великі столи, за якими сіли разом з почесним гостем студенти-німці і запрошені представники національних організацій університету.

Я пам'ятаю, що був дуже гордий тим, що сиджу за одним столом з таким видатним керівником народу. Лише багато років пізніше, вже за часів нашої революції дізnavся я, що В. Адлер був одним із стовпів так званого «австромарксизму», що являв собою ревізіоністську, опортуністичну течію в марксизмі. Але тоді, в ті студентські мої часи, я кепсько орієнтувався в ріжких течіях соціалістичної ідеології, і В. Адлер здався мені привабливою фігурою, справжнім «борцем за права народу». Він здався мені людиною простою, привітною. Виступаючи з промовами, пильно вдивлявся в обличчя присутніх. Раз, а то й два глянув на мене, і я досі пам'ятаю той погляд, наче хтось зазирнув мені в саму душу («хто ти? За ким ідеш?»).

Забувся зміст промов і розмов на тому засіданні, згасли в пам'яті дні і події того часу і ті конкретні питання, що виникали серед учасників зборів, — але збереглося почуття якогось піднесення, почуття єдності з товаришами і майбутнього щастя на землі.

* * *

А. В. Бакунцев

«...ПРЕПЯТСТВИЙ НЕ ВСТРЕЧАЛ БЫ...»

*Новые материалы о несостоявшемся назначении И. А. Бунина
редактором газеты «Южное обозрение» (1898–1899)*

«*П*олитическая, научная, литературная, торгово-промышленная и финансовая» газета «Южное обозрение» издавалась в Одессе с 1896 по 1906 г. За 10 лет своего существования газета сменила нескольких издателей и редакторов, не раз бывала на грани финансового краха. Однако причиной ее прекращения в 1906 г., в разгар Первой русской революции, стали не экономические трудности и не «кризис менеджмента» (как сказали бы сейчас), а ее «вредное», по определению одесского генерал-губернатора, направление, т. е. откровенное сочувствие революционерам.

Н. Цакни, Одесса,
конец 1890-х–1900-е гг.

В 1898 г. редактором «Южного обозрения» едва не стал И. А. Бунин. Он начал печататься в газете с июля того же года, во время своего очередного (четвертого по счету) пребывания в Одессе. Не исключено, что к сотрудничеству в этом издании Бунин привлек одесский литератор и художник А. М. Федоров, который сам публиковал в «Южном обозрении» свои многочисленные поэтические, прозаические и критические произведения. С Федоровым Бунин познакомился в Петербурге в 1895 г. и в каждый из своих первых четырех приездов в «южную Пальмиру» неизменно останавливался на его даче в Люстдорфе (под Одессой).

По-видимому, он же, Федоров, свел Бунина и с владельцем «Южного обозрения» Н. П. Цакни, который купил газету у некоего К. Н. Новосельского в январе 1898 г.

Вскоре Бунин стал входить в дом Цакни, познакомился с его семьей и, влюбившись в его 19-летнюю красавицу-дочь Анну, только что окончившую гимназию, сделал ей предложение, которое сразу было принято¹. Явно испытывая большую приязнь к будущему зятю, Цакни сам

однажды предложил ему взять на себя редактирование «Южного обозрения», «устроить дела на компанейских началах» и собрать «компанию хороших сотрудников», с тем чтобы «можно было, наконец, создать хорошую литературную газету в Одессе»². Можно не сомневаться в том, что если бы решение этого вопроса целиком зависело от Цакни, то Бунин непременно стал бы редактором «Южного обозрения».

Однако в то время редакторов утверждали не издатели газет и журналов, а высшее цензурное ведомство Российской империи — Главное управление по делам печати. Именно туда в ноябре 1898 г. официально числившийся издателем-редактором «Южного обозрения» А. В. Лазарис («по совместительству» адвокат и родственник Н. П. Цакни) обратился с просьбой утвердить вторым редактором газеты «потомственного дворянина Ивана Алексеевича Бунина». Главное управление по делам печати запросило Департамент полиции и одесское градоначальство, не имеются ли у них какие-либо сведения, препятствующие удовлетворению ходатайства Лазариса. Департамент полиции и исправлявший в то время должность

А. Цакни — справа. Одесса, 1890-е гг.

одесского градоначальника П. П. Шувалов ответили, что таковых сведений у них не имеется. Сам Бунин по требованию Главного управления по делам печати представил вместе с копией паспорта заявление, в котором выражал готовность принять на себя редактирование «Южного обозрения».

Казалось бы, шансы на утверждение в этой должности у Бунина были велики: несмотря на свою молодость, он был уже довольно опытным и известным (по крайней мере, в столицах) писателем и поэтом. Однако цензоры рассудили иначе. На заявлении Бунина начальник Главного управления по делам печати М. П. Соловьев наложил резолюцию: «Отклонить вследствие отсутствия удостоверенного образовательного ценза» (имелось в виду, что Бунин не получил высшего образования). Эта позиция отразилась и в докладе Соловьева

И. Бунин, Одесса, 1902

министру внутренних дел И. Л. Горемыкину по поводу назначения Бунина вторым редактором «Южного обозрения»: «Принимая во внимание, что г. Бунин не обладает образовательным цензом, соответствующим званию редактора, Главное управление по делам печати полагало бы более осторожным ходатайство г. Лазариса отклонить»³.

Перипетии этого дела и его вполне абсурдный исход нам известны, главным образом, благодаря двум публикациям ленинградского филолога А. В. Блюма⁴. В их основу легли документы, которые исследователь обнаружил в конце 1960-х гг. в тогдашнем Центральном государственном историче-

ском архиве СССР (ныне — Российский государственный исторический архив — РГИА, Санкт-Петербург). Среди буниноведов статьи Блюма долгое время считались едва ли не единственными источниками сведений об обстоятельствах несостоявшегося назначения Бунина редактором «Южного обозрения». Между тем, как недавно выяснилось, отображеный в них архивный «комплект», при всей его неоспоримой ценности, является далеко не полным, так как он представляет собой лишь часть соответствующей документации — часть, которую условно можно назвать «столичной». Другая

же, «местная» часть до сих пор оставалась неизвестной. Она находится в Государственном архиве Одесской области (ГАОО) и состоит из шести писем, содержащихся в делах канцелярии одесского градоначальника, по «секретному столу» (хотя, чем была обусловлена их секретность, понять трудно). Из этих писем явствует, что одесские чиновники, в отличие от их петербургских коллег, не имели ничего против редактирования Буниным «Южного обозрения»: таким образом, провинция оказалась несравненно либеральнее столицы.

Что же касается самого Бунина, то, несмотря на отказ Главного управления по делам печати утвердить его в звании второго редактора «Южного обозрения», он продолжал печататься в газете и следить за ее судьбой — по крайней мере, до весны 1900 г., когда писатель окончательно расстался с женой — А. Н. Буниной-Цакни.

И. Бунин, Одесса, 1902

* * *

Публикуемые ниже документы приводятся в хронологическом порядке. Орфография приведена в соответствие с современными нормами русского правописания. В квадратных скобках восстановлены сокращения и пропуски, существующие в первоисточниках, а также помещены необходимые пояснения.

Автор публикации выражает искреннюю благодарность сотрудникам Государственного архива Одесской области и Справочно-библиографического отдела («Одессика») Одесской государственной научной библиотеки имени М. Горького за оказанную ему неоценимую помощь.

**1. Главное управление по делам печати —
исправляющему должность одесского градоначальника⁵**

3 декабря 1898 г.

№ 8485

Конфиденциально.

Господину и[справляющему] д[олжность] одесского градоначальника⁶.

Издатель-редактор выходящей в г. Одессе газеты «Южное обозрение» коллежский секретарь Алексей Лазарис обратился в Главное управление по делам печати с ходатайством об утверждении в звании второго редактора этой газеты, вместо г. Новосельского⁷, дворянина Ивана Бунина, проживающего в гор[оде] Одессе, по Херсонской улице, в доме Диалегмено⁸.

Вследствие сего Главное управление по делам печати имеет честь покорнейше просить Ваше сиятельство почтить Вашим заключением по изложенному ходатайству.

Временно исполняющий обязанности
начальника Главного управления

по делам печати

М. Соловьев⁹

Заведующий делопроизводством

член Совета

В. Адикаевский¹⁰

2. Исправляющий должность одесского градоначальника — одесскому полицеймейстеру¹¹

Декабря 12 дня 1898 г.

№ 2133

Секретно.

Г[осподину] одесскому полицеймейстеру.

Издатель-редактор выходящей в Одессе газеты «Южное обозрение» коллежский секретарь Алексей Лазарис обратился в Главное управление по делам печати с ходатайством об утверждении в звании второго редактора этой газеты, вместо Новосельского, дворянина Ивана Бунина, проживающего по Херсонской улице, в доме Диалегмено.

Ввиду требования Главного управления по делам печати от 3 сего декабря за № 8485 о доставлении ему заключения по изложенному ходатайству, предлагаю Вашему высокоблагородию собрать и доставить мне сведения: об образовательном и имущественном цензге Бунина, отчестве, летах, занятиях и времени пребывания в Одессе, небытности под следствием и судом и вообще подробные, по возможности, о личности его сведения.

И[справляющий] д[олжность] градоначальника

Полковник

Шувалов

Управляющий канцелярией

Осетров¹²

[Отметка о получении:]

Декабря 14 дня 1898 г.

[Резолюция на полях:]

Поручить исполнение местному приставу.

[Другой рукой:]

Пр[истав] Херсонского уч[астка] 15 дек. [18]98 г.

№ 1883

3. Пристав Херсонского участка — одесскому полицеймейстеру¹³

№ 1883

17 декабря [1898 г.]

Секретно.

Имею честь доложить Его высокородию, господину одесскому полицеймейстеру, что потомственный дворянин Орловской губернии

Иван Алексеевич Бунин, как оказалось по собранным сведениям, от роду имеет 27 л[ет], вероисповедания православного, окончил курс гимназии, лично принадлежащего имущества не имеет, а имеет не разделимое имение с братьями в Елецком уезде, Орловской губернии, состоит сотрудником газет и журналов «Русское богатство», «Сын отечества» и «Вестника воспитания», приблизительно зарабатывает литературным трудом до 200 руб[лей] в [нрз.] Бунин постоянно жил в г. С[анкт-]Петербург, а последнее полугодие в Одессе, поведения он за указанное время был хорошего, в образе жизни ничего предосудительного замечено не было и судимости не подвергался. 17 декабря 1898 года.

Пристав

Лысенко¹⁴.

4. Одесский полицеймейстер — исправляющему должность одесского градоначальника¹⁵

21 декабря [1898 г.]

№ 1883

Секретно.

Переписку эту с собранными сведениями имею честь представить Его превосходительству, господину исправляющему должность одесского градоначальника. 20 декабря 1898 г.

Полицеймейстер

Полковник Бунин¹⁶.

Секретарь В. Толмачев¹⁷.

5. Начальник Жандармского управления Одессы — исправляющему должность одесского градоначальника¹⁸

30 декабря 1898 г.

№ 5124

Г. Одесса

По отношению

за № 2133

Секретно.

О неблагонадежности Ивана Бунина сведений не имеется.

Полковник Бессонов¹⁹.

Господину одесскому градоначальнику.

6. Исправляющий должность одесского градоначальника — Главному управлению по делам печати²⁰

Января 9 дня 1899 г.

№ 2133

Одесса

Конфиденциально.

В Главное управление по делам печати.

Вследствие отношения от 3 декабря минувшего года за № 8485 имею честь сообщить Главному управлению по делам печати, что к утверждению дворянина Ивана Алексеевича Бунина в звании второго редактора выходящей в Одессе газеты «Южное обозрение», вместо губернского секретаря К. Н. Новосельского, я с своей стороны препятствий не встречал бы.

И[справляющий] д[олжность] градоначальника

Полковник [Шувалов]

Управляющий канцелярией [Осетров]

Примечания

1. Подробнее о Н. П. Цакни и о драматических отношениях И. А. Бунина с А. Н. Цакни см.: Выскребенцева С. Т. «Душа готова вновь волненьям предаваться...» (по материалам архива А. Н. Цакни) // Дом князя Гагарина: Сб. статей и публикаций. — Одесса, 2001. — Вып. 2. — С. 70–84.
2. Письмо И. А. Бунина к Ю. А. Бунину между 17 и 19 июля 1898 г. Цит. по: Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. — М., 2003. — С. 257, 258.
3. Цит. по: Блюм А. В. Цензура о раннем Бунине // Русская литература. — 1970. — № 3. — С. 133.
4. См.: Блюм А. Бунин и «Южное обозрение» // Дружба народов. — 1968. — № 7. — С. 283–284; Блюм А. В. Цензура о раннем Бунине // Русская литература. — 1970. — № 3. — С. 131–133. Первая из этих работ цитируется в книге «Бунин в Одессе» (Одесса, 2005), с. 27–28.
5. ГАОО, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 2980, л. 1. Письмо отпечатано на бланке Главного управления по делам печати. На обороте — рукописный текст, который воспроизведен в письме № 2 (начиная со второго абзаца).
6. В конце 1898 г. «исправляющим» эту должность был назначен «числящийся по гвардейской конной артиллерии полковник граф Павел Павлович Шувалов» (Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1899 год. — Одесса, 1898. — С. 35).
7. К. Н. Новосельский был издателем «Южного обозрения» до января и редактором до сентября 1898 г. С 8 сентября того же года издателем-редактором официально стал А. В. Лазарис.
8. Ныне ул. Пастера, 44. Флигель, в котором жили Бунин и семья Цакни, частично уничтожен пожаром.

9. Соловьев Михаил Петрович — в 1898 г. временно исполняющий обязанности начальника Главного управления по делам печати, член Совета Главного управления по делам печати, действительный статский советник (см.: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлением в Российской империи на 1899 год. — СПб., 1899. — Ч. 1. — Стб. 137).
10. Адикаевский Василий Семенович — исполняющий обязанности правителя дел, член Совета Главного управления по делам печати, тайный советник (там же).
11. ГАОО, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 2980, л. 3. Письмо написано каллиграфическим почерком на бланке Канцелярии одесского градоначальника.
12. Осетров Александр Александрович — управляющий канцелярией одесского градоначальника, чиновник особых поручений V класса при Департаменте полиции, статский советник (см.: Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1899 год. — С. 35).
13. ГАОО, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 2980, л. 5–5 об. Письмо написано от руки на простом листе писчей бумаги.
14. Лысенко Эраст Михайлович — пристав Херсонского участка, надворный советник (см.: Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1899 год. — С. 41).
15. ГАОО, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 2980, л. 6. Письмо написано от руки на простом листе писчей бумаги.
16. Бунин Яков Иванович (очевидно, однофамилец Ивана Алексеевича) — одесский полицеймейстер, полковник (см.: Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1899 год. — С. 39).
17. Толмачев Владимир Дмитриевич — секретарь канцелярии одесского полицеймейстера, надворный советник (там же).
18. ГАОО, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 2980, л. 2. Письмо написано на бланке начальника Жандармского управления г. Одессы.
19. Бессонов Владимир Александрович — начальник Жандармского управления Одессы, полковник (см.: Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1899 год. — С. 43).
20. ГАОО, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 2980, л. 4. Письмо написано каллиграфическим почерком на бланке Канцелярии одесского градоначальника. Воспроизведенный текст представляет собой, по-видимому, черновик, т. к. в нем есть карандашные исправления (изменен порядок слов в последнем предложении, которое до правки выглядело так: «...не встретил бы препятствий») и отсутствуют подписи Шувалова и Осетрова.

Мирья Лекке, Георг Шомахер (Бохум)

«И У ДЕРИБАСОВСКОЙ ЕСТЬ ПОЭТЭССА»¹

*Размышления об одесских альманахах
в свете «Юго-Запада» Шкловского*

Статья В. Шкловского *Юго-Запад* (ЛГ № 1 от 5 января 1933 г.)² оказала, как известно, весьма большое влияние на историю восприятия и исследования одесской литературы. Несмотря на то, что статья Шкловского подвергалась резкой критике как попытка отрицания единства советской литературы, а сам Шкловский отказался от своих тезисов через три месяца после публикации статьи, теория о Юго-Западной литературной школе сохранилась и существовала, став негласной, но общепризнанной. Одесса как самостоятельный, отличающийся от столиц центр культуры с середины 1980-х годов привлекала возрастающее внимание зарубежных экспертов, прежде всего в США. Значительным импульсом к дальнейшим исследованием, однако, стал распад СССР, вследствие которого общественность нуждалась в альтернативных, не советских, толкованиях собственной истории. При изучении региональной культуры связываются попытка децентрализации сосредоточенной в советский период в Москве общественной жизни с желанием назвать имена жертв системы и рассказать их историю, которая до тех пор замалчивалась.

Большинство работ о *Юго-Западе* отличает следующий исследовательский нарратив: исходная точка почти всегда статья Шкловского, на основе которой упоминается более или менее постоянный круг лиц, творчество которых связано с Одессой. Описываются их происхождение, первые публикации, социальные контакты в Одессе. Потом обязательно упоминаются столкновения литераторов с советской властью, будь то переезд в Москву с целью повышения шансов на литературный успех, репрессии, преждевременная физическая или творческая смерть³. Многие научные работы, подобно Шкловскому, обобщают эстетические характеристики текстов Ильфа и Петрова, Багрицкого, Бабеля и других, приписывая их черты одесской литературной жизни в целом. В связи с этим и альманахи *Шелковые фонари* (1914), *Серебряные трубы* (1915), *Авто в облаках* (1915), *Седьмое покрывало* (1916) и *Чудо в пустыне* (1917) можно охарактеризовать как первое проявление Южнорусской или

Одесской школы.⁴ Тем самым возникает впечатление плавного перехода через грань двух эпох — от одесской предреволюционной литературной сцены к роли одесситов в советском литературном процессе. Но возникает вопрос: действительно ли одесситы в Москве продолжают уже оформленвшуюся литературную традицию? Не грозит ли опасность мифологизации и вместе с тем упрощения сложного явления культуры? Для решения этих вопросов необходимо, с одной стороны, тщательное исследование истории местной культуры на основе мемуаров, писем и архивных материалов, а с другой стороны, литературоведческий анализ дошедших до нас художественных текстов. Существует уже множество исследований отечественных, в частности, одесских, ученых, в которых весьма подробно рассматриваются биографии и взаимоотношения литераторов⁵. Используя итоги этих работ, задачей данной статьи будет литературоведческий анализ ранних одесских альманахов на фоне тезисов Шкловского. Для достижения этой цели мы сначала составим каталог критерiev, с помощью которых Шкловский и другие исследователи описывают литературу Юго-Запада. Затем применим эти же критерии к отдельным произведениям и к альманахам в целом. При необходимости сформулируем дополнительные специфические черты. Это позволит нам более четко определить связь между альманахами и тем феноменом, который Шкловский назвал Юго-Западной школой.

Юго-Запад Шкловского

Одной из главных особенностей одесских писателей и поэтов Шкловский считает их принадлежность к культуре «Средиземного моря — [они] были, конечно, западниками» (Шкловский 1990: 472). Бросается в глаза, что Шкловский характеризует Юго-Западную литературу довольно широко как западную, объединяя средиземную, особенно левантинскую, с англоязычной культурой. При этом он находит влияние западной литературы не только в изображении героев, но даже в манере поведения таких авторов, как Ильф и Петров (которых он просто называет Гек Финн и Том Сойер, см. Шкловский 1990: 474). Однако традиции, которые Шкловский имеет в виду, говоря о западе, являются достаточно отдаленными друг от друга.

Самый важный признак — особый менталитет левантинца, его мировоззрение и способность выразить его в литературных произведениях совершенно нового типа. Кажется, что Шкловский употребляет понятие левантинца не только в географическом смысле⁶. Но на самом деле, он считает «левантинство» менталитетом этнического и

религиозного меньшинства, которое отличается космополитическим мировоззрением и городской культурой. С одной стороны, Шкловский тем самым намекает на еврейское происхождение одесских литераторов; с другой стороны, его аргументацию можно также понять как полемику с советской культурной политикой, которой присуще антибуржуазное направление.

Согласно Шкловскому, второе западное влияние — традиция английской баллады. Здесь его интересует лирика, которая отличается от других течений лирики авангарда явно выраженным сюжетом. Особое значение фабулы является и признаком плутовского романа, который, как считает Шкловский, влияет на одесскую литературу прежде всего «типом» своего героя. У литераторов Юго-Запада этот же тип превращается в одесского контрабандиста, налетчика и сутенера. В отличие от традиционных плутовских романов XVII века, в соответствующих произведениях одесских авторов приключение хотя и является главным мотивом, но отсутствует нравственная перемена главного героя. Место нравоучения занимает юмористическое отношение к миру, которое часто выражается местным, одесским языком.

Большинство исследователей перенимают от Шкловского вышеуказанные черты Юго-Западной литературы, выделяя то одни, то другие, или же дополняют его список новыми особенностями. Например, в немецкой славистике Эрвин Ведель упоминает местный колорит, самобытную связь натурализма с романтикой, т. е. сочетание физиологических деталей с «пестрым», экспрессивным описанием необыкновенного, а также юмор, сюжетность, стремительный темп повествования и языковые особенности⁷.

Бросается в глаза, что исследователи ссылаются — expressis verbis или между строк — на очерк Одесса Бабеля и его же предисловие к неосуществленному сборнику одесских авторов 1925 года, применяя итоги своих анализов одновременно к произведениям других авторов и жанров⁸.

Одесские альманахи на фоне критериев Шкловского

Перелистывая альманахи, создается впечатление, что в них преобладает несколько иная атмосфера, чем та, которую обычно называют «одесской». Уже сравнение тематики стихотворений показывает, что большинство отличается (само-) созерцательным, несюжетным характером, и только меньшая часть хотя бы частично соответствует критериям Шкловского. Это соответствие ярче всего выражается в стихотворениях

Серебряных труб, а меньше всего — Шелковых фонарей. При более подробном рассмотрении наблюдаются следующие элементы:

Одесса — море — местный колорит

В альманахах мир одесской жизни, ее атмосфера и колорит являются главной темой не в таком уж большом количестве стихотворений. В *Седьмом покрывале* П. Сторицын уделяет топографическим местам Одессы особое внимание. В то время как его *Памятник Пушкину* и *Памятник Ришелье* являются традиционными панегириками, посвященными статуям, стихотворение *Люстдорф* отражает атмосферу легкости летнего дня на пляже. Формально это стихотворение с его ямбами и перекрестными рифмами продолжает романтическую традицию, а образы отличаются подчеркнутой чувственностью. В последней строке упоминаются «загорелые тела», что придает стихотворению оттенок характерной для литературного образа Одессы телесности. В том же году И. Бабель охарактеризует Одессу именно этими признаками: «атмосфера легкости и ясности, которые окружают Одессу [...] блестят на солнце мускулистые бронзовые фигуры юношей»⁹.

Э. Багрицкий (под псевдонимом Нина Воскресенская) в двух стихотворениях, включенных в альманахах *Авто в облаках*, непосредственно ссылается на Одессу. *Дерибасовская ночь* (*Авто в облаках*, 21) — это красочный портрет города, живущего, якобы, самим по себе. Звуки автомобилей сравниваются с жалобным мяуканием котов «с придавленными хвостами» (стр. 3–4), трамваи «краснорыжие» (стр. 7), памятник Пушкина просит закурить у фонаря (см. стр. 11–12). Всё пахнет, звучит, светится своими цветами. Люди выступают только в виде неизменных protagonists яркой одесской жизни того времени: женщины, курящие дешевые сигары (см. стр. 14), и сутенеры. Багрицкий продолжает и варьирует употребление нестандартных приемов в стихотворении *Порт* (*Авто в облаках*, 22). И снова мир наполнен оживленными, взаимодействующими предметами — паровозами, телеграфными столбами, кораблями, маяками и прочим арсеналом морского мира; люди же выступают в качестве матросов и проституток. Создается впечатление, что морской город — вероятнее всего, имеется в виду тоже Одесса — живет своей жизнью, будто для этого люди даже не нужны.

Культура Средиземного моря

Пространство Средиземного моря в альманахах ассоциируется с историей культур Италии, древней Греции и с еврейским наследием. В стихотворении Г. Цагарели *На закате* (*Шелковые фонари*, 31) наблюдаются

и элементы средиземноморского региона, а также морские мотивы и элементы натурализма. Тема стихотворения — закат солнца над Венецией. После первой строфы, посвященной «горящей» (стр. 1) под золотыми лучами солнца Венеции, во второй строфе происходит поворот в прошлое («Спокойно шли века», стр. 5), и упоминаются «веселые пираты» (стр. 8), «тяжелые гондолы» (стр. 9), влюбленные рыцари и уличные певцы (см. стр. 11), а также утонувшие в каналах остывшие мертвцы (см. стр. 14). Поэт выражает не только традиционный образ Венеции как города тленности (признак, который, тем не менее, ярко выделяется благодаря тому, что им завершается стихотворение после перечисления более положительных свойств), но и передает особое обаяние, которое свойственно только местностям Средиземного моря и которое в данном случае воплощается именно в упоминании Площади Святого Марка, дворцов и гондол, а также «протагонистов моря» — пиратов.

Э. Багрицкий в своем стихотворении *Мудрец, занявшийся великим мастерством* (*Седьмое покрывало*, 7) тоже описывает океан (см. стр. 5–8), но упоминанием храма и псалмопевца (см. стр. 6, 9) добавляет к описанию средиземноморской культуры еще один оттенок: наследие еврейской истории, которое является неотъемлемой частью этого региона. В *Пляске Саломеи* (*Седьмое покрывало*, 27) П. Сторицьина еврейско-библейский образ Саломеи возобновляется в духе образа роковой женщины, столь типичного для эпохи *fin de siècle*.

Из круга средиземных культур античности также следует выделить тематику языческой Греции и Рима, которая отражается в стихотворениях Дионис (*Серебряные трубы*, 8) и Заботливый ключарь угрюмой старины Э. Багрицкого (*Седьмое покрывало*, 8). В описании храма или музея преобладает впечатление окаменевшего прошлого, в котором «Люди молятся торжественной и грубой / Из пены каменной рожденной красоте». Былые времена здесь превращаются во что-то застывшее, нуждающееся разве что в страже. Тем не менее, это прошедшее играет роль в истории человечества, и поэт эту роль четко осознает. В стихотворении И. Бобовича *Гомер* (*Седьмое покрывало*, 11–12) античный мир, наоборот, кажется наполненным жизнью, цветами и ощущениями. Несмотря на то, что сам Гомер охарактеризован как угрюмый, слепой певец (см. стр. 5–12), впечатления тем ярче воспринимаются: пастухи, пахнущие «острым запахом козьяго сыра» (стр. 13), почерневшие «от бурь и смолы» руки моряков (стр. 19–20), «залитые кровью столбы» (стр. 24); лбы рудометов — обуглены, плащ пастуха — пыльный, земля — от помета золотая, и скалы поседели

от мха (см. стр. 25–28). Здесь античный мир — живой, пестрый, чувствственный. В его центре находится рапсод (см. стр. 39). Бобович подчеркивает роль современного поэта тем, что он сопоставляет ее с ролью древнего поэта средиземноморской античности.

Экзотика

Наряду с ярким солнцем Одессы и исторически-углубленной перспективой взгляда на культуру Средиземного моря во всех альманахах наблюдаются мотивы и признаки ориентализма в более узком смысле. Речь идет о красотах заморских далеких стран, которые изображаются альтернативой к европейской повседневности, а также дополнением к уже без того пестрой Одессе. Э. Багрицкий экспериментирует обилием восточных мотивов в своей *Креолке* (*Серебряные трубы*, 5). Кроме того, он в двух стихотворениях адаптирует форму газеллы из классической арабской поэзии (*Серебряные трубы*, 9 и 12). Ту же самую форму можно найти и у Г. Цагарели в первом альманахе *Авто в облаках* (47). Цагарели самый выдающийся ориенталист опубликованных в альманахах поэтов. В то время как в *Серебряных трубах* (54–57) преобладают кавказские мотивы, в *Седьмом покрывале* (49–51) бросаются в глаза заимствования из колониальной литературы, в частности, изображения караванов, городов Ближнего Востока и Индии, эмблем экзотических культур (гейши и т. п.). Явный оттенок колониализма в сочетании с экзотикой мы находим и в стихотворении *В стране Монтецумы* И. Бобовича (*Серебряные трубы*, 19–21). Сюжет заключается в том, что европейцы прибывают в Центральную Америку, добывают там руду и интенсивно воспринимают экзотическую природу и величие чужой культуры, внушающей в равной степени страх и отвращение.

Юмор — одесский или не одесский?

Если Г. Цагарели — ориенталист, то А. Фиолетов — юморист сборников. Из всех рассмотренных в исследованиях особенностей Юго-Запада комичность и юмор теснее всего ассоциируются с местной культурой Одессы. С одной стороны, это касается жанра анекдота, с другой стороны, *одесского языка* с его специфическим мультинациональным оттенком и фигурой современного плута (см. ниже). Однако анализ альманахов несколько изменяет картину. Фиолетов в *Авто в облаках* представляет ряд навеянных фольклором произведений о природе, временах года и т. п. В них местами проскальзывает то тонкое чувство юмора, которое в *Седьмом покрывале* (41–46) значительно усиливается и разрабатывается. Его стихотворения описывают с якобы детскo-простодушной перспективы (Слоним: «стилизация в духе примитивов»¹⁰) сцены,

в которых выражается глубокая симпатия к природе и окружающему миру. В стихотворениях о природе *Как холодно розовым грушам и Осень на даче* юмористический эффект достигается неожиданными персонификациями: груши со своими розовыми щеками и носиками напоминают мерзнувших детей, которым следовало бы сшить «хоть маленький китель, пальтишко»; остывающая природа ассоциируется с простудой («На утро закашляли тягостно хмурые ветры»). В других произведениях (*Обои, Художник и лошадь*) проглядывают элементы авангарда, например, фантастика и абсурд (овечка в обоях) и пересечение разных уровней реальности и ее отображения (японская лошадь прячется от крестьян в рисунке). Объединенные под заглавием *О лошадях* два стихотворения следует выделить из-за простодушного взгляда автора, смотрящего на животных как на людей. Лошади Фиолетова к концу тяжелого рабочего дня радуются «овес сначала скушать, утомившись, / Затем уснуть, к коллеге присклонившись». Строки «О, сколько самообладания / У лошадей простого звания» стали крылатыми словами.

Детские образы преобладают и в героически-комическом стихотворении *Щелкунчик и Мышиный князь*. Здесь Фиолетов перенимает сюжет из цикла *Серапионовы братья* романика Э. Т. А. Гофмана, который можно найти и у А. Дюма-отца и, конечно, Петра Чайковского. По-детски игривый тон характеризует и *Агаты и лягушки* (*Серебряные трубы*, 45) — чисто шуточное произведение, создающее впечатление, будто бы оно написано для детей. Литературными мотивами играет стихотворение *Виконт* (*Серебряные трубы*, 47), в котором пародируется персонаж экстравагантного дэнди. Его яркий наряд («манто из лягушачьих лапок»; «красный зонт», «монокль на ленте лиловой») мы находим потом у Бени Крика и Остапа Бендера. Поведение виконта иронически преувеличено. В напрасном ожидании своей возлюбленной Нелли он со своим пуделем «Парис» гуляет по бульвару.

Юмор в похожей степени наблюдается только в одном произведении *Шелковых фонарей*, а именно в *Львах* И. Дальгонина (13). Здесь изображен цирковой номер укротителя львов, причем вплетается добродушная шутка о Льве Толстом («Косматый лев, похожий на Толстого»).

Подводя итоги, можно сказать, что в рассмотренных стихотворениях юмор не играет главную роль, а в тех случаях, когда комичность преобладает, она является в первую очередь простодушной, лишней злости и горькой сатиры. Следует обратить внимание на то, что специфика одесского сленга и анекдота полностью отсутствует.

Сюжетность

Не менее удивительно, что в сборниках не очень развита много раз упоминавшаяся сюжетность, выделенная Шкловским как один из самых значительных признаков одесской литературы. Шкловский, наряду с другими исследователями, употребляет этот термин, чтобы охарактеризовать лирику, которая содержит описание ряда действий, «функционирующих» (т. е. «захватывающих» логично-последовательных) повествовательных сюжетов»¹¹. Но прежде всего признак сюжетности задуман как противодействие индивидуально-рефлексивной лирике начала XX века. У Багрицкого мы наблюдаем сюжетность позже, в его сборнике *Юго-Запад* (1928), а в одесских альманахах только в отдельных стихотворениях, как, например, *Рудокоп* (*Серебряные трубы*, 13–14). Упомянутая Шкловским традиция английской баллады прозвучит в *Зимней гравюре* С. Кесельмана (*Шелковые фонари*, 24), однако без развернутого, законченного действия.

Единственный яркий пример сюжетной поэзии — *Искатели жемчуга* И. Бобовича (*Серебряные трубы*, 17–18). Здесь мы находим не только множество восточных мотивов (танцы, музыка, экзотические персонажи), но и связывающее эти элементы действие. Описывается рейс небольшого парусного судна, переполненного контрабандным товаром. Экипаж по пути ныряет за жемчугом и борется с разными опасностями. Приехав к месту назначения, они отдыхают в таверне, курят гашиш, смотрят на танец бенгалки. В завершающей строфе описывается конфликт «неловкого европейца» с контрабандистами.

Стихотворение, состоящее из 12 строф, представляет собой типичный рассказ об обитателях Ближнего Востока. Многочисленные, пестрые и пышущие жизнью мотивы связаны между собой действием, носителем которого являются матросы-контрабандисты на фелюге. Они представлены не как индивиды, но, скорее, как «типы» из морской культуры Востока.

Плут

Следующая характерная черта одесской литературы — фигура плута. Плут становится центральным явлением у Бабеля и, конечно, у Ильфа и Петрова, но в альманахах он полностью отсутствует.

Романтическая экспрессивность

Упомянутую Э. Веделем романтическую экспрессивность «одесских произведений» можно найти лишь в *Пристани и Конце Летучего Голландца* Багрицкого (*Серебряные трубы*, 7, 11). *Пристань* является стилизованной под английский пиратский романтизм трактирной сценой

с характерным «инвентарем»: скелеты старых кораблей, шпаги, корсары, шкиперы, юнги и, разумеется, пушки. В *Летучем Голландце* Багрицкий развивает традиционную тему морской романтики, которая отличается фантастическими элементами. Несмотря на эти произведения, в общем, признак романтизма относится к более позднему творческому периоду Багрицкого. Кроме того, романтическое пристрастие к пестрому характерно также для прозы (прежде всего, Бабеля). Однако в альманахах преобладает иной оттенок романтизма, отличающийся цинизмом, мотивами смерти, ночи, убийства. Еще одна весьма распространенная тема стихотворений — романтическая, несчастная любовь (напр., в стихотворениях И. Дальгонина в *Серебряных трубах*, в Э. О. Л. Канеля, *Шелковые фонари*, 19 и многих других). В общем и целом, многие одесские поэты черпают настроения и мотивы из неоромантической поэзии рубежа XIX и XX веков.

Натурализм

Натурализм, т. е. эстетика отвратительного, изображение чисто физической стороны существования и чувственности в деталях сильно повлиял на литературу авангарда. В рассказах Бабеля мы находим его в фигуре наблюдающего, но не осуждающего рассказчика в стиле Мопасана. В альманахах такого рода явлений очень мало. Самый наглядный пример — стихотворение *Человек И. Бобовича* (*Серебряные трубы*, 22–24). В нем автор рисует часть предыстории человечества, в частности, начало зарождения городских культур Месопотамии. Человек спускается с гор и осваивает природу. Но возникновению городов и, в особенности, торговле сопутствует дегенерация окружающего людей мира. Так, последние строфы изобилуют мотивами отвратительного: грязные кварталы предместий, зловонные каналы, белая слюна, покаженные и т. п. Происходит всеобщий упадок человечества.

Итак, как промежуточный результат можно утверждать, что сформулированные Шкловским типичные признаки Одесской школы не способны четко охарактеризовать ранние одесские альманахи. Чаще всего встречается атмосфера юга в разных формах проявления: описание одесских местностей и колорита, особенности жизни на море, наследие античности Средиземного моря (включая библейскую культуру) и экзотики далеких стран. Формальные критерии сюжетности и фигуры плута, однако, намного слабее выражены.

Но если это так, то следует определить иные признаки, которые позволяют более ясно определить свойства первых четырех альманахов Юго-Запада.

По ту сторону Шкловского: предварительные выводы

Главная черта альманахов, помимо указанных выше, их футуристическое направление, которое усиливается с каждым выпуском. Нынешнему читателю футуризм стихов отнюдь не кажется преобладающим явлением, но «современники сразу же окрестили молодых поэтов футуристами»¹². Следует отметить, что авторы-футуристы были не одесскими, а столичными поэтами. Все же и стихи одесситов содержат множество элементов этого модернистского направления. Например, характерное для футуризма восхищение прогрессом, воплощенное в стремительном развитии техники, сказывается также в произведениях одесских литераторов, например, в *Бензиновом пегасе* П. Сторицына (*Авто в облаках*, 25). Поводом для сочинения стихотворения служило восхищение достижениями летчиков Уточкина¹³ и Хиони, чьи имена связаны с Одессой. Выражается в нем и энтузиазм по поводу прогресса как такового и связанного с ним нового восприятия мира, в частности, способность поэта показать мир с новой точки зрения и описать его новыми словами. Поэты, садясь в «бензиновый Пегас», слагают «далям поэметты». Образ самолета в дальнейшем превращается в несколько раз повторяемое «розовый авто» (см. *Мертвая петля*; *Авто в облаках*, 26). Несмотря на эти футуристические мотивы, одесситы не принимают новшеств столичных коллег в области стихосложения.

Другое связующее авторов альманахов с другими модернистскими поэтами страны звено — городская поэзия. Она также основана на чутком восприятии радикально и обширно меняющегося мира. В городской поэзии выражается индивидуальное восприятие современности с ее весьма многосторонними проявлениями. Это могут быть новые реалии (трамваи, асфальт, электричество) или, нередко в натуралистическом духе описанные социальные явления (босяки, проститутки, фланеры). В альманахах особенно часто встречается мотив бродящего по улицам поэта, воспринимающего окружающее его городское пространство, размышляющего о своей судьбе. В *Вечернем городе* С. Кесельмана (*Шелковые фонари*, 23) герой внемлет визуальным и звуковым впечатлениям улиц и дворов, причем ему снится мировая печаль. Иногда стихотворения с городской тематикой связывают наблюдение новой техники с неоромантическими чертами (типичны в этом отношении *Электрические сумерки* А. Фиолетова; *Серебряные трубы*, 46; *Проносились моторы, мчались вдаль экипажи* Я. Галицкого; *Серебряные трубы*, 30). Общая обстановка городского вечера, воспринимаемая одиноким поэтом, у одесситов весьма похожа на мотивы стихотворений Валерия

Брюсова того же периода, напр. *Вечером, Вечеровая песня, На вечернем асфальте* (1910–1912 гг.)¹⁴. Кроме того, наблюдаются интertextуальные связи с Блоком. В стихотворении *Авиатору* (1916 г.) П. Сторицына есть отголоски блоковского *Авиатора* (1912)¹⁵. У Сторицына, как и у Блока, с большой чувственностью описаны воздух, шум двигателя и энтузиазм «современных Икаров». Произведение Блока, однако, значительно сложнее по конструкции перспектив героя в отношении к говорящему. Оба стихотворения кончаются смертью летчика, но, в отличие от Сторицына, у Блока герой размышляет о причинах аварии, в связи с чем произведение получает метафизическую окраску. Уже М. Слоним указал на заимствования из Мандельштама и Бунина (см. Лущик? 2004: 186).

Еще одним связующим звеном одесских альманахов является графический дизайн — прежде всего единообразный шрифт в заглавиях в стиле модерн. Кроме того, короткие стихотворения расположены в нижней части страниц, что производит впечатление пространственной широты. На внешний вид альманахов *Авто в облаках* и *Седьмое покрывало* сильно повлиял С. Фазини¹⁶, хотя и в его работах существуют разные стилистические тенденции. Иллюстрации *Авто в облаках* сделаны в стиле кубизма и коллажей Брака и Пикассо. По сюжету они не связаны со стихотворениями, а связь изображенных современников между собой не очень выступает на первый план. Всего лишь один персонаж рисунков из *Авто в облаках* снова появляется в *Седьмом покрывале*, а именно, Жанетта Рибо. Стилистический ключ произведений, однако, в *Седьмом покрывале* иной: здесь преобладает фривольный стиль постимпрессионизма à la Toulouse-Lautrec.

Если сравнивать одесситов со столичными поэтами того времени, то у всех ярко выражено пристрастие к восточной стилизации. Она часто присутствует в связи с библейской или античной тематикой (Греция, Рим, Египет). Из всего этого явствует, что одесские альманахи в эстетическом отношении отнюдь не так далеки от главного русла русской поэзии начала XX века.

Значит ли это, что одесская литературная жизнь 1914–1917 гг., которая отражается в альманахах, еще не отличалась той независимостью, о которой пишет Шкловский в своей статье? Если говорить об имперской России начала XX века, то следует отметить, что культура, как и большинство сфер общественной жизни, определялась разделением центра и периферии. Одесса находится в некотором смысле вне их границ. С одной стороны, она всегда считалась третьей столицей, культурным центром¹⁷. Но с другой стороны, некоторые веские причины

говорят о ее периферийности: она была основана в результате имперской экспансии России на юг, отличалась разнообразным этническим составом и, конечно, географически находилась на окраине страны. Во всяком случае, в восприятии современников отношения между местной культурой Одессы и представителями столичной культуры играли значительную роль. Так, сборник *Шелковые фонари* был встречен одесской критикой как подражание литературной моде Москвы и Петрограда (см. Лущик, 2004: 169). Этому соответствует и оценка доброжелательного московского рецензента, цитированная Лущиком (2004: 179). Критик удивляется, что «в провинции» все еще выходят футуристические сборники, хотя это направление ему уже кажется устаревшим. Он призывает одесситов к большей самостоятельности¹⁸. Асимметричное отношение между центром и окраиной выражается и в путешествии по стране ведущих футуристов, в том числе Д. Бурлюка и В. Маяковского в 1914 году, с целью ознакомления жителей вне столиц с новейшими направлениями поэзии. Возможно, как следствие этого, П. Сторицын позже, начиная с *Авто в облаках*, дает альманахам все более ощутимое направление в сторону футуризма путем привлечения к сотрудничеству известных поэтов-авангардистов (см. Лущик, 2004: 177 и на следующих страницах). Тем не менее, футуризм представляет собой только одну из нескольких противоречивых эстетических тенденций альманахов, которые включают в себя такие различные направления, как символизм и юмористический фольклоризм. Итак, трудно найти в альманахах единую художественно-стилистическую концепцию, которая свойственна выдающимся столичным сборникам. И футуристы, и символисты составляли более однородные сборники¹⁹, тогда как одесские альманахи носят почерк рук разных литераторов.

На фоне этих итогов можно сказать, что одесские альманахи скорее всего предвосхищают некоторые черты пропагандируемой Шкловским Юго-Западной школы, прежде всего морскую атмосферу, солнце и теплоту. По сравнению со столичными сборниками их тон действительно игривее и светлее. Однако выделяемая Шкловским плутовская традиция отсутствует и относится только к более поздней прозе. Скрытые еще в одесский период отличительные признаки становятся доминантой одесситов только после переселения некоторых авторов в Москву. Именно в этом и следует искать причину того, что Шкловский так четко подчеркивает специфику Юго-Запада как альтернативу к господствующим тенденциям унификации советской культуры. В основе Юго-Запада Шкловского лежит скорее культурно-политический замысел, чем чисто

литературно-критические наблюдения. Шкловский употребляет ось «центр—периферия» в обратном от советских идеологов направлении, и неслучайно он находит главного представителя своей теории именно в Бабеле. Ведь эстетика Бабеля играет периферийностью (как карнавализация в смысле Бахтина, пародии, крайне обостренные сюжеты, антигерои, языковая и физическая деформация). Тем, что Бабель в своих текстах этими отклонениями от нормы подвергает сомнению сам процесс возникновения норм, его проза становится типичной для авангарда. Видимо, Шкловский интерпретирует тексты, упомянутые в своей статье, на фоне именно этой, критической бабелевской периферийности и под ее влиянием тем сильнее воспринимает их якобы нерусские, европейские, левантинские черты.

Вернемся к оценке значения одесских альманахов. Их неоднородность наряду с отклонениями от перечисленных Шкловским признаков Юго-Западной литературной школы приводят к выводу, что альманахи в чисто литературно-эстетическом смысле не являются основой однородной школы и даже определенного течения. Но как социальный факт литературной жизни они весьма значимы. Одесские альманахи свидетельствуют о возникновении гражданского культурного самосознания молодой интеллектуальной элиты вне столиц. И в этом отношении Одесса отнюдь не «скверный город»²⁰, а — чудо в пустыне²¹.

1. Багрицкий Э.: Дерибасовская ночью. В сб.: Авто в облаках. Одесса, 1915, 21.
2. Шкловский В. (1990): Юго-Запад. В кн.: Гамбургский счет. Статьи — воспоминания — эссе. 1914–33. Москва, 470–475.
3. Так построена, например, аргументация в диссертации Риты Фельд (Feld, Rita [1987]: The Southwest School of Writers [Юго-западная школа писателей]. Diss. Georgetown University). Она хочет доказать существование Одесской литературной школы и систематически и на основе самих произведений авторов (см. Фельд, 1987: 5–6). Она приходит к выводу, что южно-русская школа существовала как литературное единство («literary entity», Фельд, 1987: 192), охарактеризованное тесной связью с городом, изображением множества разнообразных типичных для Одессы характеров, употреблением народного языка, юмором, иронией, преувеличением, метафорами. Но Фельд основывает свой тезис на более поздних произведениях, и не обращает достаточного внимания на альманахи, которые она все же считает ключевыми.
4. Яворская А. Л. (2008): В кн.: Независимый Фазини. Ильф, А. (сост.) (2008): Фазини 1893–1944. Москва, 2008, 7–41, здесь: 9.
5. Александров Р. (1993): Прогулки по литературной Одессе. Одесса; Лущик С. (2002): У истоков южно-русской литературной школы. В кн.: Дерибасовская — Ришельевская. Литературно-художественный, историко-краеведческий

- иллюстрированный альманах. Вып. 3 (10), Одесса, 186–197; Лущик С. (2004): Чудо в пустыне. Одесские альманахи 1914–1917 годов. В кн.: Дом князя Гагарина. Сборник статей и публикаций. Вып. 3, часть 1, Одесса, 166–236; Яворская А. (2001–а): Книги и авторы издательства «Омфалос». В кн.: Дом князя Гагарина. Сборник статей и публикаций. Вып. 2, Одесса, 161–210; Яворская А. (2001–б): Искреннее чувство «Неискренних стихов». В кн.: Дерибасовская—Ришельевская. Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах. Вып. 5, Одесса, 156–171; Яворская А. (2006): Забытые и знаменитые. Одесса; Яворская А. (2008): Осколки. Одесса; Каракина Е. (2006): По следам «Юго-Запада». Новосибирск.
6. Левант означает страны Средиземного бассейна восточнее Италии, в частности, между южной Турцией и Синайским полуостровом — территории, от которой Одесса не так далеко находится.
7. Wedel, Erwin (1998): Odessa als Wiege und Schauplatz der südrussischen Literatur im ersten Drittelpart des 20. Jahrhunderts [Одесса как колыбель и арена южно-русской литературы первой трети XX века]. В кн.: Koschmal, Werner (сост.): Odessa. Kapitel aus der Kulturgeschichte. Regensburg, 96–131.
8. Бабель И. Э. (2006–а): Одесса [впервые: Журнал журналов 51, декабрь 1916]. В кн.: Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Москва, 43–48 и Бабель И. Э. (2006–б): В Одессе каждый юноша... [впервые: Литературная газета, 1962, 1 января]. В кн.: Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Москва, 58–59. Так аргументирует и А. Яворская в своей статье: Одесса–Москва–Одесса. Письма и воспоминания 1923–1925. В кн.: Яворская 2008 (см. примеч. 5), 11–32, здесь: 11–12, 31–32.
9. Бабель 2006–а: 43, 45. Бабель объясняет специфическую атмосферу города влиянием «бедных евреев из Одессы», от которых «многому научатся» (43). О творческих взаимоотношениях русских и еврейских литераторов подробно пишет Владимир Хазан в своей книге: Особенный еврейско-русский воздух. К проблематике и поэтике русско-еврейского литературного диалога в XX веке. Иерусалим / Москва 2001.
10. Лущик, 2004 (см. примеч. 5), 169.
11. Hansen-Löve, Aage (1983): Zur Diskussion um die narrative Kurzform in der russischen Prosa der frühen zwanziger Jahre [По поводу дискуссии о краткой нарративной форме в русской прозе ранних двадцатых годов]. В кн.: Miscellanea Slavica, Amsterdam, 317–339, здесь: 323.
12. Лущик 2004: 166.
13. См. Таубеншлак А. А.; Шурова Т. В. (сост.) (2005): Сергей Уточкин. Изгой и баловень судьбы. Одесса.
14. Брюсов В. Я. (1973): Собрание сочинений в семи томах, т. 2. Москва, 9, 47, 165–166. В стихотворении *Вечером* речь идет о мертвой петле, которая служит Сторицуну названием собственного стихотворения (*Авто в облаках*, 26).
15. Блок А. А. (1997): Полное собрание сочинений в двадцати томах, т. 3, кн. 3. Москва, 20–21.
16. См. Ильф А. И. (2004): Фазини: Одесса — Париж. В кн.: Дом князя Гагарина. Сборник научных статей и публикаций. Выпуск 3, часть 2. Одесса, 258–301; Ильф А. И. 2008 (см. примеч. 5); Яворская А. (2006): Ах, Александр Сердцевич... В кн.: Яворская, 2006 (см. примеч. 5), 119–137.

17. См. Koschmal, Walter (2003): Ein russischer Traum von Europa? Petersburg, Odessa und andere [Русская мечта об Европе? Петербург, Одесса и другие]. В кн.: Nordost-Archiv N. F. XII, 43–69. Людмила Сауленко характеризует Одессу как «универсальную провинцию [...] город, основанный как южные ворота Российской империи в Европу, типологически близка к Петербургу как городу, изначально ориентированному на открытость вовне». По мнению автора, очевидна западническая культурная ориентация «молодых, свежих, художественных сил на западные образцы»; Сауленко, Людмила (2005): Одесский корреспондент петербургского *Аполлона*: К вопросу о провинциальном Серебряном веке, его импульсах и типологии. В кн.: Мория 3, 152–155, здесь: 154.
18. Согласно результатам исследований Б. Верниковой (Vernikov, B. [2001]: Russian Jewish Writers of Odessa in the second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Century: Towards a Definition of Russian-Jewish Literature as a socio-cultural Phenomenon. Dissertation Hebrew University) Александр (Арон) Соломонович Изгоев с целью создать независимую местную литературу в 1902 г. издал *Южно-русский альманах с собственной статьей Молодые одесские беллетристы* (163–172). Изгоев уже в самом начале двадцатого столетия выступил за развитие региональной культуры, чтобы умственная энергия «не уходила в один центр, объединяясь при этом и оставляя в запустении провинцию» (Верникова, 2001: 275). При этом Изгоев, с одной стороны, признает возможную выдающуюся роль, которую Одесса, «этот крупнейший центр всего юга России» сможет играть в истории русской литературы, если «откроем двери областным местным начальам»; город, по мнению Изгоева, станет «умственным и общественным центром» всего юга России и сыграет «важную и интересную роль в истории умственного развития России» (Верникова, 2001: 276). С другой же стороны, он критикует, nota bene в 1902 г.: «Одесса не выдвинула ни одного крупного литературного художника. [...] Одесситы не выработали еще даже своих оригинальных дополнений к литературному языку. Надо же быть справедливым и признать, что Одесса, кроме порчи русского литературного языка, совершающейся, к сожалению, в очень больших размерах, может подарить России не один десяток звучных красивых слов, частью заимствованных, вследствие отсутствия дома тождественных выражений, у иностранцев, частью образованных путем слияния в одно многих инородных корней» (Верникова, 2001: 276). Опубликованные в это время книги одесских издательств даже в самой Одессе воспринимались как «товар третьестепенный, который без столичной марки в виде одобрения петербургских рецензентов идти не может» (Верникова, 2001: 276).
19. Богомолов Н. А. (1999): Глава из истории символистской печати: Альманах *Цветник ор.* В кн.: Русская литература первой трети XX века. Портреты, проблемы, разыскания. Томск, 323–342, здесь 325, 327.
20. Бабель, 2006-а: 43.
21. Лущик, 2004: 196.

M. I. Кнеллер

ЖУРНАЛ «БОМБА» В ФОНДАХ ОЛМ

Журнал «Бомба» выходил в Одессе с 1917 по 1919 гг. Изначально журнал издавали Симон Копелев Цесарский, купец 2-й гильдии, владелец типографии «Порядок», и Борис Давидович Флит¹, сын провизора, одесский журналист, выступавший в прессе под псевдонимом Незнакомец. Он же являлся главным редактором журнала.

«Бомба», № 1, 1917 г.

С 30-го номера к ним присоединился А. В. Дистель, а в 1919 году журнал издавал Б. Д. Флит совместно с Г. Ю. Телишевским. В 1917 году вышли номера с 1-го по 30-й, в 1918 году — с 31-го по 40-й, в 1919 году вышло всего 3 номера, с 41-го по 43-й, причем № № 41 и 42 в настоящее время не обнаружены. Таким образом, журнал просуществовал более двух лет, что для того времени является довольно-таки приличным сроком.

«Бомба», № 1, 1917 г.

В фондах ОЛМ хранятся следующие номера «Бомбы»: № 1 — поступил в музей из архива Н. А. Брыгина² в январе 1978 г.; № № 11,

12, 17 за 1917 год — поступили в музей из архива Оганесяна Г. А. (одесского коллекционера и бизнесмена) в сентябре 2009 г.; и № 37 за 1918 год — поступил в 1981 г. от анонимного дарителя.

Публикации, приводимые в данной статье, относятся именно к этим пяти номерам, находящимся в фондах Одесского литературного музея.

Обложки журнала «Бомба»

Полную же подшивку журнала «Бомба» можно найти в фондах Одесской Национальной библиотеки им. Горького.

Журнал был очень интересным и достаточно острым. Недаром его главный редактор и издатель Б. Д. Флит признавался, что в своих изданиях он «заикается абсолютно обо всём» (это высказывание, как и всякое истинно одесское, имеет двойной смысл — Б. Д. Флит действительно страдал от заикания).

Незнакомец вёл в журнале Почтовый ящик «Бомбы», отвечая на письма читателей (хотя больше это напоминало шутки, придуманные самим Незнакомцем). В любом случае, кто бы ни был автором вопросов, ответы Флита всегда остроумны.

Почтовый ящик «Бомбы»

Д'Ориолю (Николаев). — Вы пишите: «Имею честь предложить вам ещё на злобы дня. Ещё хочу печататься».

То есть как это ещё?

Вы уже печатались или уже «хотели»?

А она «большевичкой» была
И коварной и дерзкой слыла
И кричала порой:
— Всё долой, всё долой
Платья — грех,
Юбки вверх, юбки вверх!..

— Из вашего хотения ничего не выйдет.

А. Шевченко. — Только из уважения к памяти вашего великого однофамильца, который тоже недурно писал стихи, — приводим стихотворение, да и то в «Почтовом ящике».

Україні

Україно, Україно,
Моя рідна мати
Не цурайся ти Росії,
Треба почекати:
В цю годину дуже тяжко
Буде тобі жити,
Пропадеш сама, бідняжко,

І твої всі діти.
Будуть гірко вони плакати,
Ще й Бога молити,
Як прийде на них германець,
Стане їх громити.
Не побаче ніхто в світі Вільну Україну,
Як вона в годину тяжку
Москалів покине.

Стихотворение недурное, но лучше всего обратитесь в Центральную Раду, к секретарю по делам поэтическим.

Лирику

*«В деревья сумрачные пьются
В пространство темени ночной»...*
Эх, дать бы вам по темени, чтобы не смешивали его с тьмой!
И ещё вы добиваете нас:
— «Я пробежался по аллее»...
Бегите дальше!

Херсон. Автору «Феерического дубка»

Ни по размеру, ни по характеру не подходит к сатирическому журналу. И неужели вы думаете, что мы можем печатать произведения только для того, чтобы «дать возможность автору зафиксировать за собой право собственности на его постановку»? Присылайте краткие, юмористические вещи.

Ст. Папычу. (Киев). — Вот образец вашего гейневского юмора.

Проект.

— Куда вы опрометью...
— Ленина арестовали
— ???
— Бегу на митинг лоботрясов внести предложение: отправить Ленина в запломбированном вагоне обратно в Германию... по Балтийскому морю!

Недаром вы сообщаете о себе биографические справки:

«Я состою сотрудником «Армянского вестника» в Москве, «Жала» и «Света правды» в Харькове, «Республиканца» в Киеве и др.»

Неудивительно: при такой разносторонности, где уж тут состоять ещё сотрудником и в Одессе.

Пошлите в «Армянский вестник», благо и юмор ваш в роде юмора армянских загадок!

Незн.

«Бомба», № 17, 1917 г.

Почтовый ящик «Бомбы»

Гимназисту Сёме. Стихи для журнала «Огоньки» не следует направлять в редакцию журнала «Бомбы».

Это так же не разумно, как, желая ехать в Лондон, брать билет в Копенгаген.

Павлу Хмарину. В виду ли плохих почтовых сообщений, — в виду ли дорожевизны марок, — Павел Хмарин хочет переписываться с одной поэтессой посредством журнала «Бомбы».

Вас воспитал изящный свет
И выхолила Вас Одесса.
Поэтому вы поэтесса,
Утонченница и эстет.
Вы неживы, как тон пастели,
Вы романтичны, как Рэнэ.
Чисты, как сон. — О неужели
Вы старая и Вы в пенсне?!

Вам надо обратиться в Брачную Газету, Paul Chmarin!

Nemo. «Гонорар по вашему надсмотрению» — пишет Nemo.

Наше подсмотрение не в вашу пользу. Лотайдите!

Грицию. Гриць извиняется:

«Может, моя поэма нехороша, так это не вполне моя, а подражание Байрону».

Хорошо, Грицю, а? Если хороша — так его, а если не очень, так Байрон виноват. Шли бы вы, Грицю, соби на вечерницю. Знаешь английскую пословицу: Чья згуба, в того и гриха повна губа?..

Перову. «Я сам знаю, что есть и недостатки, но я страдал долгое время аппендицитом» — пишет Перов.

А разжижением мозга вы не страдали?

А-чү.

Из Надсона

Не говори, он умер! Он живёт
И носит даже он ботинки!
Пусть талон сорванный. Он
Право ещё даёт...

Ну вот, а говорили, что Надсон хорошо писал! Кто же поверит?

Незн.

«Бомба», № 37, 1918 г.

Кроме того, Флит публиковал в журналах свои произведения.

История мидян

(развесёлые куплеты)

Как это началось?..
С Распутина, конечно!..
Когда им всем жилось
Привольно и беспечно,
И двор был глуп и пьян,
Вдруг гром ударил знатно!
История мидян
Темна и непонятна.

И вдруг, вдруг слухов тьма:
На слухи все ведь падки!
Россия без ума
От тайны и загадки.
Но стелется туман
От Мойки и обратно:
История мидян
Темна и непонятна.

Нашли автомобиль,
Собаку, шубу, тело...
И слухи, словно пыль,
Летят повсюду смело...
Но кем свершён сей план?
Твердит молва невнятно:
История мидян
Темна и непонятна.

Как серячок сумел
Попасть в царей салоны?..
Как проводить он смел, —
В Ликурги и Салоны

Тех, кто его карман —
Набили неопрятно?
История мидян
Темна и непонятна.

Но почему весь бум,
Сенсация и крики?
Что значит этот шум
Во дни войны великой?
Народный ли титан
Погиб иль рыцарь знатный?
История мидян
Темна и непонятна.

Европа смущена,
Где ей понять, Калеке?
И думает она:
«В каком живут там веке?
А впрочем, c'est charmant!
В России всё занято...
История мидян
Темна и непонятна»...

Но сразу прорвало
Вулкан народный гнева...
Ушло России зло
От нового напева.
Народ от счастья пьян!
И мир воскликнет внятно:
История мидян
Прекрасна и понятна.

Незнакомец,
«Бомба», № 1, 1917 г.

Рисунок Скифа
«Бомба», № 1, 1917 г.

К моменту выхода «Бомбы» Флит был опытным журналистом и редактором. За его плечами была работа в журнале «Крокодил» (1911–1912 гг.) Практически одновременно с журналом «Бомба» выходит журнал «Огонёк» — издатель всё тот же Б. Флит, в 1919-м выходит популярная в Одессе газета «Перо в спину» (об остроте освещаемых в ней событий можно судить по одному только названию!), также редактируемая Незнакомцем. Благодаря такому обширному опыту работы в разных изданиях, Борис Флит был близко знаком со многими одесскими писателями, журналистами, художниками, которых он привлек и для работы в «Бомбе». Среди них уже известные Дон-Аминадо³, Эмиль Кроткий⁴; рядом с ними — совсем молодые Валентин Катаев⁵, Юрий Олеша⁶, для которых «Бомба» стала началом долгой и успешной литературной жизни.

Здесь путешествие по Одессе 1917 года уже олешинского Евгения Онегина⁷.

Новейшее путешествие Евгения Онегина по Одессе

Я жил тогда в Одессе пыльной
(«Евгений Онегин»)

Об удивительном эксцессе
Я в звучных строфах расскажу...
Опять я в солнечной Одессе
По шумным улицам брожу...
В жабо, во фраке старомодном,
Но всё же денди благородным, —
Я стал посмешищем для всех!
То слышу сзади скрытый смех,
То сожалеющие вздохи,
То чай-то глупый разговор,
Что я, мол, выгнанный актёр! —
Но, впрочем, гость другой эпохи
Своим костюмом рассмешит
Не только тех, кто одессит...

Как изменилось всё... Одессу
Узнать теперь огромный труд, —
Да. Впрочем, прежнего повесу
Во мне ведь тоже не найдут,
Того скучающего франта,
Что без особого таланта

Умел прельщать дебелых дам
Иль по неведомым следам
Лихим героем из картинки
Врывалясь в девичьи мечты,
Как плевел в девичьи цветы,
И друга в глупом поединке
Убил рассеянной рукой...
О, нет! — Я стал совсем другой.

Меж всеми уголками мира
Меня особенно всегда
Пленяет Южная Пальмира.
Слегка ажурится вода,
У берегов звеня жемчужно...
Конечно, выкупаться нужно, —
И в семь часов прервавши сон,
Душою тих и беспечален...
Иду по берегу... Бычки
Так вкусно жарят рыбаки,
А у Синицынских купален
(О современность, это ты!)
Стоят безмолвные хвосты...

Заняв прохладную кабинку,
Освобождаю телеса,
Потом на стройную блондинку
Гляжу сквозь щёлку полчаса.
Ей от воды свежо и бодро,
Загар целует грудь и бёдра, —
Из пены, кажется, она,
Как Афродита рождена!
С ногами тощими юнец
И толстый грек, его отец,
Обросший до и ниже пупа,
Лежат, где влага так светла,
Подняв прыщавые тела...

Потом легко по косогору
Взбираться в этот жаркий час,
И так приятен в эту пору
В «буфете» благодатный квас...

Один стакан — за шесть копеек!
Ах, время жареных индеек,
Пирожных, водки (сладкий звук!)
И «Salve» — 6 за десять штук!
Ни о войне, ни о свободах
Не слышал в эти дни никто, —
Но тридцать стоило пальто,
И даже в «Минеральных водах»
(Какая сладостная быль!)
Пятак — вода и ром-ваниль!

Иду, с надрывом вспоминая
Невозвратимые года,
Об изобилии трамвая,
Сновавшего туда-сюда...
Теперь смотрю: у остановки
Семейство, франты и торговки
Стоят, обедают и спят,
Собой являя редкий клад
Для предпримчивых мальчишек...
Но вот проносится вагон,
Облепленный со всех сторон
Крикливой массой из людышек, —
Мелькнёт, как гений быстроты, —
И все стоят, разинув рты...

Дошёл до парка... Так приятно
Дорогой теневой идти.
Узорят солнечные пятна
Трескучий гравий по пути...
Тут смотрит в небо неуклонно
С целковым мраморным колонна,
И рядом (кой-кому урок!)
Гниёт чахоточный дубок...
Направо, вознесаясь сурово,
Увитый гнёздами ворон,
Стоит, как призрак, павильон —
Остаток жертвы Толмачёва.
Что тихо гасла от чумы,
Взбурлив трусливые умы...

Вот я и в городе... Тут кони
По звонким мостовым стучат,
И аппетитно у Фанкони
Дымит горячий шоколад...
О, время прежнее... Как было
Здесь в этом городе всё мило
Для Пушкина и для меня!
Тогда мы с ним, с начала дня,
Искали чувственных гармоний —
То у Отона, где всегда
Бонтонны гости и еда,
То там, где дивная Тальони
Вложила силу и талант
В неподражаемый пуант.

Но, распрошавшись с днями теми,
Я возродился там, где в новь
Сочла по карточной системе
И хлеб, и сахар, и любовь!
Вот общий вывод (буду краток):
Невероятный недостаток
Во всём в последние лета
Заел одесский tiers-etat...
Хоть, дыры прежнего заштопав,
Они хотят на лучший путь
С размаху сразу повернуть, —
Но здесь от разных там «Основопов»
В воле царственной руки
Есть много мук и нет муки...

И вот, в карманах хоть не пусто,
(Чтоб быть богатым есть война)
Сидят за столиками густо
В cafe у Поля Робина,
И в ожиданье лучшей доли
Сухие трескают франзоли...
Тут, между прочим, я бы мог
Заметить вкратце между строк,
Что Робина — одесский форум,
Где всякий кажется иным,
Где жизнь по клавишам пустым

Бренча усиленным мажором,
Выводит пошленький мотив,
Двуногих в пляске закружив...

Двенадцать... Жарко... Душный запах
Льёт раскалённая смола...
Тут спекулянты в жирных лапах
Решают «чистые» дела...
(Порода их едва открыта:
Так что-то вроде паразита,
И там лишь водится оно,
Где сено, сахар и сукно)...
Бранятся, путаются в счётах
И, наслюнив карандаши,
Записывают барыши
В своих засаленных блокнотах...
И слышно: «Хлеб», — «Беру», — «Фасоль»,
«Есть франко-Гомель», «Счёт-онколь!»

Висит туманом дым табачный,
Не умолкает разговор.
В углу о сделке неудачной
Грустит над кофе мародёр...
Тут кто-то в промежутках торга,
Захлёбываясь от восторга
И затопив слюною рот,
Рассказывает анекдот...
А после франтик лопоухий,
Влетев с разбега на крыльце,
Состроит страшное лицо
И шёпотом разносит слухи,
Что будто с Марса на Фонтан
Упал немецкий гидроплан...

Потом, когда в усталом тоне
Растает жёлтый горизонт, —
У Робина и у Фанкони
Блестит нарядами бомонд...
И офицерики, и дамы,
И журналист, и земгусар...
Смешался аромат сигар
С духами, пылью и угаром...

По улице летят в театр
Кареты здешних Клеопатр,
И вдруг мелькнёт мясистым шаром
Пыхтя, как порченный мотор,
Известный фарсовый актёр...

Тут шум и говор целый вечер,
Как в день базарный на шоссе.
Но ёжатся под шёлком плечи
От холода cafe-glace
Да и от сырости... Наглее
Становятся ночные феи.
В надежде каждая на то,
Что кто-нибудь с собой в авто
Её возьмёт... cafe пустее...
Ещё мне слышен вялый крик
Мальчишки, продавца гвоздик...
А вдалеке бульвар чернеет,
И Дюк с протянутой рукой
Стоит во мгле, как часовой...

Но как я глупо многословлю
(А это худшее, ей-ей) —
Когда-нибудь я изготовлю,
На удосуженности дней,
Роман огромный, глав хоть на сто,
(Такие были прежде часто) —
Там в многоречье пущусь
И в волю уж наговорюсь...
Но ведь сказать я должен много —
Одессу-маму, как-никак,
А описать ведь не пустяк, —
И, кроме этого, ей-Богу,
С уничтоженьем буквы ять
Всем стало так легко писать!

Какой своеобразный город...
Здесь не тревожась ни о чём,
Хоть мрак прожектором распорот
В ночи, как огненным мечом, —
Все спят у вражьего порога
В одесского поверив Бога.

И, право, помните, — не раз
Он их спасал в тяжёлый час —
От злонаправленных орудий,
В пятидесятые года
(Соврал ли цифру?) и когда
На мине сгинул Месаксуди...
Pardon! — «Меджидие», — но тут
Его евреи так зовут.

Aх, одесситы все готовы
На новый лад слова менять —
Здесь лишь разводятся коровы,
Написанные через ять...
Не спекулянт, а спекулятор,
Не симулянт, а симулятор, —
Понтий — здесь значит вратарь,
Взамен форсить — фасон ломать;
Увы, к последнему примеру
Нам не добраться — их полно,
И ведь не ново: уж давно
Себе блестящую карьеру
На этом сделал, мстя за свист,
Небезызвестный юморист.
Но всё же милая Одесса,
Где так сиренева сирень,
И от зелёного навеса
Листвы не жарок летний день,
Где в шуме греческих кофеен
Сидишь, экзотикой овеян,
Где на концертах, и в кино,
И в ресторанах — всё полно;
Где у брекватера несменно,
Направив жерла в дальний лоб,
Стоит решительный «Синоп»,
И где горят попеременно
(Беру для рифмы «падекатр»)
Сибиряков или театр⁸.
Где слышит запоздалый путник
Кондукторское «нет местов»,
Где биржевой оратор Гутник,

Когда свободы путь готов,
И там, где Финкель благородный
Собрал в поток нежнейших слёз
Окурки царских папирос;
Где с одинаковым подъёмом
Готовы всем ура кричать
И с поклонением бежать
Ко всем прославленным хоромам:
Лишь кто-нибудь воздвиг алтарь —
Керенский, Линдер или царь!

Пора кончать. В моём рассказе
(О непростительный пробел!)
Я о Хари и Ашкинази
Сказать ни слова не успел.
Но, впрочем, лишняя услуга:
Они ведь с севера до юга
Известны каждому (увы!),
От Аргентины до Москвы,
От Гонолулу и до Марса...
Ах, что об Анатра сказать?
Умеет кой-куда летать,
Пилот, любимец Каульбарса...
Я умолкаю и на том
Поздравлю вас, друзья, с концом.

Ю. Олеша.

«Бомба» № 12, 1917 г.;

А вот и библейские заповеди, пересказанные Эмилем Кротким на новый лад.

Новые заповеди

(Издание неофициальное)

Посрамление собственности ради —
Не укради:
Ни каравая, ни каравайчика,
Ни у хозяина, ни у «хозяйчика»,
Ни у прочего люда разного,
Даже у буржуазного.
Не поминай всуе Прудона —
На предмет испрошения «пардона»,

В оправдание поступка оного —
Незаконного
И псевдокоммунистического.

Не убий — без суда и следствия,
Во избежание бедствия:
В повременных изданиях оглашения
И всяческого от них поношения
И прочих моральных неприятностей...

Чти слепо
Предписание районного «совдепа»
И прочих властей законных,
Областных и районных, —
Их же звериное число.

Чти твою управу зело.
Чти, для поддержания субординации
И прочия продовольственные организации,
Не собирая о них сплетен, —
И будешь ты долголетен
По мере питательности пайка твоего.

Не пожелай супруги приятеля —
Ни коммуниста, ни соглашателя,
Ни пайка его, по карточке, хлебного,
Ни его преждевременного, внесудебного,
Перманентно-предварительного заарестования,
Ни развода его зело, —
Он-же — зло, —
Аще не удостоен благодати,
Отпускаемой в комиссариате —
По запискам товарища Шпинцберга.

Не пожелай платья твоего ближнего,
Яко верхняго, тако-же и нижнего,
Ни кошелька его «керенками» скучного
(паче-же — средь места безлюдного),
Ни его остальной «амуниции»:
Тако мстя буржуазной юстиции,
Думать втуне,
Что сие — во благо Коммуне.
Ты кирпич пролетарского дворца

Положи не с того конца.
И... не будь, вообще, лодырем!

Эмиль Кроткий
«Бомба», № 37, 1918 г.

И тут же остросатирическое, обличающее стихотворение Дон Аминадо. Здесь не добродушный юмор, здесь сатира, острая критика. Тема, довольно часто встречающаяся в «Бомбе» — о неограниченном влиянии Григория Распутина на царскую семью.

Распутиниада

Вершители судеб

Была война. Была Россия
И был салон графини И.,
Где новоявленный мессия,
Смеясь, потягивал Аи.
Как хорошо дурманит дёготь
— «Скажите, можно вас потрогать?» —
Хозяйка дома говорит.
— «Ах, вы такой необычайный,
Что я не в силах усидеть...
Вы сверхъестественною тайной
Должны наверное владеть!
Вы — квинтэссенция эротик,
Вы — страстный мистик по уму!»
Сложивши в дудочку свой ротик,
Графиня тянется к нему.
Она, как бабочка, трепещет
В шелках расставленных сетей —
И маникюр графини блещет
На фоне траурных ногтей.
В салоне тихо. Гаснут люстры.
Войдя в мистическую роль,
Мужик находчивый и шустрой,
Ведёт себя, как Рокамболь.
Его пластические позы —
Вне этикета, вне оков.
Смешался запах туберозы
С ядрёным запахом портков.

И даже бедному амуру
Глядеть неловко с потолка
На титулованную дуру,
На бородёнку мужика.
... Но что ж такое происходит
В высоких сферах, господа?
Какая новая восходит
Во тьме египетской звезды?..
Какая тайная причина
Вершит успех в ряду причин
Пускай для дам — он был мужчина,
Но он — не дама для мужчин?!
А между тем пустяк малейший,
Одно движение бровей —
И даже сам синод светлейший
Ложится скопом у дверей
И ждёт, покуда скажет — встаньте!.. —
Высокомилостивый хам!!!
Какая ж сила в сем Атланте?!

Не отпущение ль грехам,
Не глас ли истинного Рока,
Чьи совершенья все благи, —
Но кто избрал себе пророка
В лице бродяги из тайги?!

О, нет!.. Не в том причина скрыта
И не по воле алтаря
Склонился жезл митрополита
И даже скипетр царя!..
Причина в том, что фрау Гессен
Земли возжаждала сырой —
И стал ей Гришка интересен,
Как кучер барыньке иной.

... Medames... Не нужно щурить глазки,
Браня рассказчика за стиль.
Я не рассказываю сказки,
Но повествую только быль.
Пусть говорят: «война, стихия»
Пусть грозный рок трубит: пора!
Но что такое вся Россия,

Когда у власти кучера?!

Надев искусственную челюсть,
Вся власть болтала: «Ah, contesse!..

Да он ведь, в самом деле прелесть,
Сибирский этот геркулес!..»

...И вот, medames, сквозь дымок кровавый,
Превыше всех светил и звёзд,
Он был затейливоу славой
Взнесён, как гибельный нарост.

И Русь была, что скот убойный.
Народ израненный алкал —
И только яд по капле гнойной
В живые раны проникал...

Дон-Аминадо;
«Бомба», № 1, 1917 г.

Недавняя сцена из
придворного быта
«Бомба», № 1, 1917 г.

Как видим, содержание журнала разнообразно: тут и политические события мирового масштаба, и широкая палитра одесской жизни, дающая достаточно ясные представления о том, чем жила Одесса 1917–1918 годов, и одесские анекдоты...

В Одесской гимназии

Учитель: Скажите, Кошкер, как будет повелительное наклонение от глагола «молчать»?

Ученик (подумав): Ша!

Вал. К. [Катаев]
«Бомба», № 12, 1917 г.

Анекдот до сих пор с удовольствием приводится как пример одесского юмора, хотя мало кто сейчас вспомнит, что у этого анекдота есть вполне конкретный автор — Валентин Катаев

Вот ещё несколько афоризмом, принадлежащих В. Катаеву.

Афоризмы

Плоха та острота, которая определённо тупа.

* * *

Раньше между цензурой и цезурой была маленькая разница.
А теперь и эту уничтожили.

* * *

Если у тебя есть фунт гвоздей, — спекулируй!

* * *

Если у тебя нет фунта гвоздей, — всё равно спекулируй!

* * *

Подписывайся на «заём свободы».

* * *

Была бы публика, а остальное пойдёт, как по нотам.

* * *

Присоединяюсь к мнению предыдущего оратора.

* * *

Любишь кататься, — люби и за концы платить.

* * *

Конец концу рознь.

Вал. К.
«Бомба», № 11, 1917 г.

И, конечно же, в «Бомбе», как в любом сатирическом журнале, в большом количестве присутствуют всевозможные рисунки, карикатуры, картинки, иногда с достаточно хлесткими подписями.

Рисунки Алеко⁹

По новому.

Рис. Алеко.

«Женщинам будет дано равноправие»
Она: Молодой человек, я вас люблю и прошу вашей руки.
Он (смущенно): Ах, я не знаю, переговорите с мамашей.

«Бомба», № 1, 1917 г.

Интересно знать, кто я: пролетарий или буржуайка? Орудия производства у меня свои, — капитала нет, и работаю по 8 часов в сутки. Надо будет спросить.

«Бомба», № 11, 1917 г.

Ночная фея.

Рис. Юнга.

Рисунки Скифа¹⁰

Ленинец. Еще один удар, и
я добьюсь своего.

«Бомба», № 11, 1917 г.

Наконецъ-то мы дожили, что и нам
завидуют, ну хотя бы Украина!

«Бомба», № 11, 1917 г.

Рисунки Крокодилова¹¹

Кронштадтская республика.

Рис. О. Крокодилова.

Учебное заведение.

— Ты, кажется, смеёшься надо мной, глупая баба!
— Хуже. Я плачу по тебе!
Я вижу германские броненосцы!

«Бомба», № 11, 1917 г.

Удивительный человек этот Александр Петрович: кричит о недостатках учебных заведений в России и вместе с тем проклинает вновь учреждаемый институт урядников

«Бомба», № 37, 1918 г.

В журналах «Бомба» под псевдонимом Mi-fa¹² работал художник Михаил Файнзильберг, родной брат Ильи Ильфа.

Рисунки Mi-fa

«Бомба», № 11, 1917 г.

Букет одесситов.

«Бомба», № 12, 1917 г.

Встречаются здесь и рисунки старшего из братьев Файнзильбергов — Александра, выступавшего под псевдонимом Сандро Фазини¹³ (S. Fasini, S. F., С. Фазини, С. Фасини).

Рисунок S. Fasini

«Бомба», № 1,
1917 г.

Здесь же карикатуры Сигизмунда Олесевича¹⁴, друга и коллеги С. Фазини (кстати, они же работали вместе и в одесской газете «Яблочко», выходившей в одно время с «Бомбой»).

Рисунок Олесевича

Она. Скажите, эфенди. Почему ваши женщины пользуются таким успехом у иностранцев?

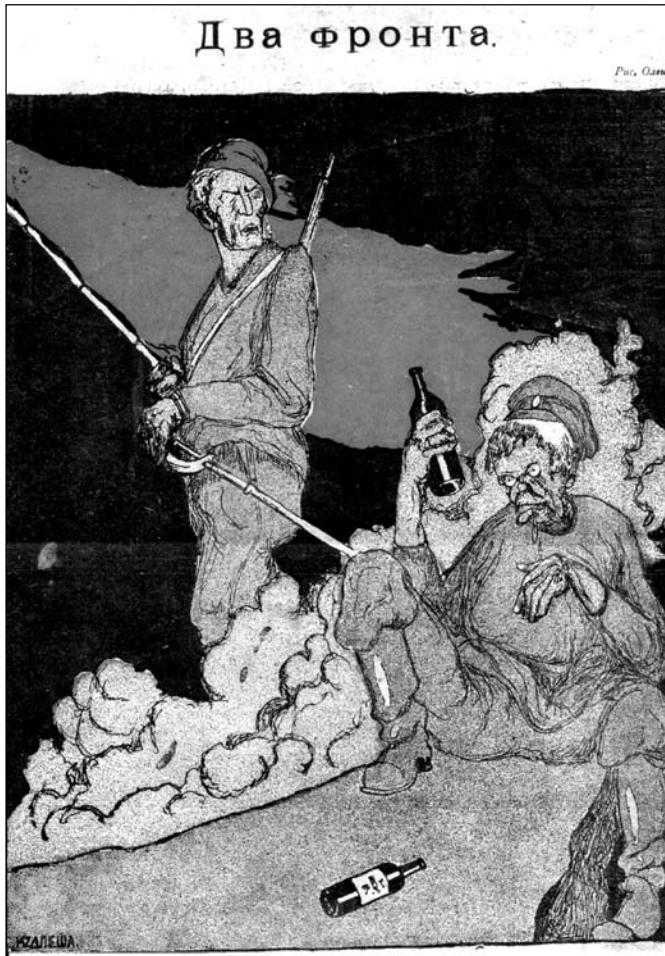
Он. Потому, что они предстают перед ними с закрытым лицом.

«Бомба», № 37, 191

Кстати, Юрий Олеша в журнале «Бомба» проявил себя не только как литератор, но и как художник. Так что его рисунки и тексты к ним встречаются в журнале не менее часто, чем литературные произведения.

Рисунки Ю. Олеша

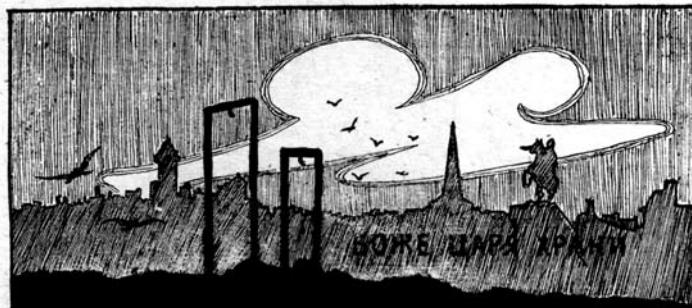
Один: Что же ты сидишь? Идём уничтожим нашего внешнего врага...
Другой: Обожди, надо сначала уничтожить внутреннего.

«Бомба», № 17, 1917 г.

Три цвета.

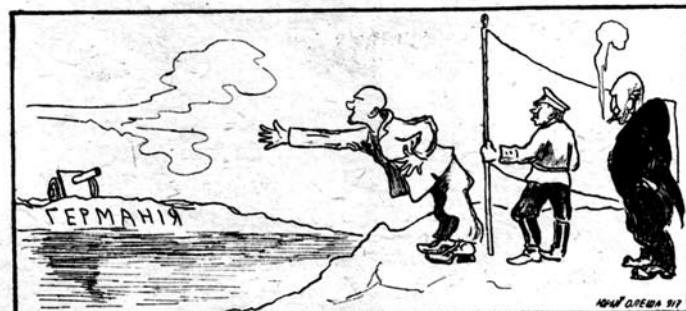
Рис. Юрий Олеша.

Когда у нас было самодержавие, мрачно и темно было в сердце нашем; наши души облекались в черные одежды — черный цвет.

Мы свергли самодержавие, и ярко зажглись наши души.
Мы воздвигли багряные флаги — красный цвет.

3 И теперь некоторые из нас протягивают руку немцам, выбрасывая мирные флаги — белый цвет. Что же сие, граждане?
Белый, красный, черный — это немецкий флаг...
не миритесь с немцами!

«Бомба», № 11, 1917 г.

Осложненіе.

Рис. Юрия Олени.

Вильгельм:
Доннерветер! Я перепутал, где у меня какой
фронт!
С Запада — марсельеза,
с Востока — марсельеза!

«Бомба», № 11, 1917 г.

Вильгельмъ: Доннерветтеры Я перепуталъ, где у меня какой фронтъ! Съ Запада —
марсельеза, съ Востока — марсельеза!

Так как «Бомба» была журналом сатирическим, содержание произведений, публикуемых в ней, носило в основном обличительный характер, критикуя и высмеивая окружающую жизнь.

Бедлам

Никифор за республику,
Онуфрий наш за публику,
А Спекулянтов рублику
Хвалу поёт весь год.
Кирилл за федерацию,
Иван за оккупацию,
Антон за пертурбацию,
Евстафий за народ.

Лаврентий за распитие,
Сысои за мордобитие,
Демьян за складов вскрытие,
Лука за белый хлеб.
Сергей за буржуазию,
Корней за безобразие,
А Жорж — «Долой гимназию!» —
Владимир за «совдеп».

Игнат за речи сложные,
Маруся за пирожные,
Кондрат за слухи ложные,
Мишель за милых дам.
Святая Русь — отшельница,
Речистая бездельница,
Гудит. Шумит, как мельница —
Один сплошной бедлам!

Жак Нуар¹⁵.
«Бомба», № 37, 1918 г.

Об Иване Поликарповиче и Рубле Копеечном («Во имя свободы»)

Жил-был на свете русский человек Иван Поликарпович. Жил, как все, и был как все.

Любил сладко поесть, любил мягко поспать, поменьше поработать, побольше погулять.

А чтобы можно было поспать да погулять, приходилось ему, как и всякому другому, работать. Служил Иван Поликарпович в конторе, получал сорок рублей и кое-какправлялся.

Так дожил он до великой войны. А там и до революции.

Закружила революция, завертела, не успели люди очнуться, оглянуться, а они уже и не люди, а граждане, и каждый гражданин старается, как бы ему поскорей себя определить, чтобы поменьше дела делать и побольше жалования получать.

Стал и Иван Поликарпович самоопределяться, — чем он хуже других!

Потребовал жалования пятьсот рублей в месяц, а то, говорит, забастую.

Узнало об этом низшее начальство, удовлетворило, а для себя потребовало пять тысяч в месяц, не то, говорит, забастую. Узнало об этом высшее начальство, удовлетворило, а для себя потребовало пятьдесят тысяч, не то, говорит, забастую.

А самый главный начальник потребовал миллион, и, как это слово выговорил, так сразу тут же и забастовал.

Испугалось государство, начало деньги печатать. Не ест, не спит, не торгует, не воюет, дни и ночи печатной машинкой стучит, русским людям деньги готовит, чтобы все довольны и богаты были.

А русские люди денежки получат, побастуют и прибавки просят.

А государство никому не перечит, знай только деньги печатает. Всю бумагу, какая в русской земле нашлась, всю на деньги перепечатало. Стали казначеи по улицам ходить, обёртки от леденцов подбирать, и тут же печать пришлёпывали: «Государственный кредитный — пять миллионов».

Разбогател народ.

Деньги не копит, за всё платит не торгуясь. Разбогател и Иван Поликарпович не хуже других.

Одно только неприятно было: стал он замечать, что денег у него много, а живёт беднее прежнего. Хлеба нет, мяса нет, без сапог сидит. А хлопот больше чем прежде: за каждым пустяком по трое суток в хвосте стой и деньги за собой мешком волоки.

Пошёл как-то булку купить, взял чемоданчик с деньгами — ровно на пять миллионов, стоял в очереди четыре дня, а как пришёл рок получать, объявили ему, что булка на два миллиона дороже стала.

Обиделся Иван Поликарпович и пошёл домой бастовать, чтобы ему на дороговизну прибавили.

Два дня бастовал, на третий есть захотел.

Кликнул слугу своего.

— Пойди ты, слуга мой неверный, купи мне хоть селёдку, коли хлеба нет!

А слуга ему и отвечает:

— Не могу. Я бастую.

— Ну, ладно, — говорит Иван Поликарпович — Предъявляй требования!

— А требования мои — шесть дней выходных, пятьсот тысяч жалованья и почёт от хозяев, как родному папеньке.

Подумал Иван Поликарпович недолго да и согласился. Чего тут, денег и так прятать некуда, хоть отдельный амбар на них нанимай.

Пошёл слуга неверный за селёдкой. Три дня пропадал, без селёдки вернулся.

— Мне, — говорит, — ещё в хвосте 10 дней достоять осталось. А селёдка, сказывали, восьмизначное число стоит. Я столько и считать не умею. Я лучше бастовать буду.

Подтянул брюхо кушаком, и лёг бастовать.

Потужил Иван Поликарпович, потужил да вспомнил, что ещё до последней прибавки не добастовал, и также завалился.

Не успел он глаза закрыть, глядь перед ним — сон не сон — девица! Круглая, красная, взор проворный, нос задорный!

— Здравствуйте-с!

— Кто такая?

— Россия.

Иван Поликарпович глаза выпучил.

— Извините-с, только раз мне вас показывали, да и то давно, — да и то в участке. И были вы как будто не такая: ростом велики и называли вас «Федора».

Покраснела девица ещё больше.

— Мало ли что. Было тако, а стало иначо. Я к вам по делу пришла, — давай мне денег взаймы.

Возмутился Иван Поликарпович.

— Да что ты, мать, аль спятила, такое ли теперь время! Самому еле хватает; вон сижу, бастую, прибавки жду.

— Ну, дай мне взаймы хоть пятьдесят рублей!

— Эка хватила! Да я, если три недели в хвосте простою, за пятьдесят рублей могу — знаешь, что? — четверть ложки сахарного песку купить.

Девица усмехнулась.

— Нет, миленький мой, через три недели и за полтораста не купишь! А скажи ты мне, Иван Поликарпович, знаешь ли ты, что такое патриотизм?

Иван Поликарпович рассердился.

— Нет, уж ты меня, пожалуйста, этими шутками не донимай.

— Ну, так знаешь ли ты, Иван Поликарпович, что такое выгода?

— Выгода? М...да...м... Это рассчитать легко.

— Так вот скажи, — сколько нонешний рубль целковый по чести стоит?

— Да всё-таки, пожалуй, гриненник стоит.

— Так вот дай ты мне, Иван Поликарпович, этих нынешних рублей, а я тебе потом настоящими верну и проценты заплачу, как за настоящий. Ладно?

Усмехнулся Иван Поликарпович, усмехнулся, проснулся.

— Эй, вставай, слуга мой неверный! Веди в банк патриота — твоего хозяина. Поклонимся матушке России рублями нашими копеечными. Возвращать-то ведь она нам будет настоящими!

Тэффи¹⁶

«Бомба», № 11, 1917 г.

И хоть с момента выход «Бомбы» прошло (страшно сказать!) почти сто лет, мало что изменилось: люди и сейчас мечтают так «себя определить, чтобы поменьше дела делать и побольше жалования получать», как в рассказе Тэффи, а в окружающей нас жизни зачастую творится подлинный бедлам, как в одноименном стихотворении Жака Нуара.

Высмеивается излишняя конспиративность того времени.

Рисунок Л. М. [Лазаря
Митницкого]¹⁷. «Бомба», № 1

Твердят газеты без конца
Насчёт известного лица,
Молвой взволнованы сердца.
(Образец подцензурной сатиры)

Лицо сидело у лица,
Когда мотор примчал к крыльцу,
Лицо к известному лицу.
Войдя, вручило письмо-цо
Лицу при лицах двух лицо.
Лицо с взволнованным лицом
К лицу поехало с лицом.
Сто лиц сидело за винтом.
Лицо пред трапезы концом
Лицом к лицу сошлось с лицом,
Пустив в присутствии лица
Лицу в лицо заряд свинца.
Потом увидело лицо
Пять лиц, сошедших на крыльце,
И увезла быстрее птиц
С лицом автомобили лиц.

Пропажа с лицами лица
Лиц огорчила без конца.
Хоть о лице немало лиц
Пускало много небылиц,
Но всё ж лицо перед лицом
В грязь не ударило лицом
И опознало в мертвце
Лицо в лице и при лице.
Лицо ж... о, дальше не могу —
Ей-ей, распутница в мозгу,
И можно, право, стать глупцом
От лиц в истории с лицом.

М-с.

«Бомба», № 1, 1917 г.

Образец адреса в недалёком будущем

Здесь. Мало-Арнаутская республика, дом № 10, конспиративная квартира № 6, товарищу-переплётчику Z.

Вал. К.

«Бомба», № 11, 1917 г.

Невольно вспоминается популярная в 70-х годах XX века песня из сериала «Следствие ведут знатоки», в которой встречаются слова «...Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет...» — всё тоже крайне законспирировано.

Здесь рассматривались вопросы внешней и внутренней политики.

Так было

Так будет

Не всегда оценки авторов на окружающую действительность со-впадали. В двух приведённых ниже стихотворениях — Н. Топуза¹⁸ и В. Катаева — наблюдается совершенно разный подход к одной теме: если у Н. Топуза в стихотворении «1917» это действительно искренний призыв к революции, то у В. Катаева в его «Революционном рассказе» — явное высмеивание таких стихотворений.

Революционный рассказ
Подарок молодым беллетристам
Экспромт.

В 140 строчек «баррикад»
Влить строчек 10 «марсельезы».
Взболтать. Прибавить «грустный взгляд»,
По вкусу «грохот ми ральезы»,
15 строчек про «ней» —
Курсистку. 8 — про студента,
13 строчек про «него»,
«свободного интеллигента».
Затем «толпу», «плакаты», «мглу»,
В «победу над врагом» вмешайтесь,
На керосинку!.. — И к столу
В горячем виде подавайтесь!

Валентин Катаев.
«Бомба», № 11, 1917 г.

1917

Рвитесь, последние звенья
Цепи, сковавшей народ!
В эти святые мгновенья
Клич раздаётся: «Вперёд!»

Воды прорвали плотину
Братья, вздымайте мечи!
Только склоняющий спину
Трус одинокий, молчи.

Долго рабами мы были...
Старым тревогам конец.
Радость нахлынувшей были
Льётся в миллионы сердец.

Нет колебаниям места
В славный семнадцатый год...
Русь, молодая невеста,
Твой наречённый народ...

Рвите последние звенья,
Мощь ощущивши в руках.
Слабому духом — презренье,
Сильному — слава в веках!

Н. Топуз. «Бомба», № 1, 1917 г.

И уж совсем антиреволюционное стихотворение:

Рифмы

«Удивляюсь, почему это
Ленин на свободе?»
(Голос из провинции)

Херсон объявил себя республикой...
(Из газет)

Революцией вспенена
Гладь «незыблемых» вод
И crescendo растёт
Слава «мудрого» Ленина.

Слышины возгласы публики:
«Мы теперь не рабы!»
И растут, как грибы,
Повсеместно «республики».

Шепчут рыцари чёрные:
«Вот наделали бед:
Ни свобод, ни побед»...
И ползут слухи вздорные.

Бьют отчизну по темени...
Но не бойся, не трусь,
Достославная Русь:
Это веянье времени.

Пусть копают, пусть роются, —
Будь себе на уме!
Час пробьёт, и во тьме
«Скверны всякие скроются...»

Тузини¹⁹. «Бомба», № 11, 1917 г.

Особенно интересно сравнить стихотворение Н. Топуза «1917» со стихотворением Тузини «Рифмы», учитывая при этом, что писал их один человек, только под разными псевдонимами. Очевидно, создателям «Бомбы» хотелось, чтобы на страницах журнала присутствовали разные мнения, пусть даже они высказываются одними и теми же людьми. Такой подход говорит о своеобразном, можно сказать, философском отношении к окружающей действительности, ну и, в некотором роде, о демократичности издания. Хотя, следует отметить, что заметок, стихотворений и рассказов, высмеивающих царский режим и славящих революцию, намного больше, чем произведений, высказывающих противоположное мнение.

Но, несмотря на всю политизированность журнала, «Бомба» касалась и других тем. Здесь затрагивались и вопросы искусства.

Мои сценарии

Безработные беллетристы — а таких нынче немало — занялись новым делом: пишут сценарии для кинематографа.

И при этом чего-чего только не инсценируют!

В жертву «Великому Немому» приносятся и сокровища русской литературы, и пошлейшие романсы.

Нет такого печатного и даже непечатного материала, который не пошёл бы впрок.

И — кто знает! — может быть, скоро начнут инсценировать даже расписание поездов, даже похоронные объявления...

А там и ещё дальше пойдут — до живых людей доберутся.

Родного отца переделают в «видовую фильму» в 500 метров.

Или растянут престарелую бабушку на 1200 метров и снабдят каждую часть захватывающим названием!.. <...>

Мих. Линский²⁰
«Бомба», № 37, 1918 г.

Кстати, эта публикация и сейчас читается весьма актуально, сразу вспоминаются нынешние «осовремененные» постановки классики, бесконечные «улучшения» уже существующих сюжетов, модное в последнее время «раскрашивание» старых черно-белых фильмов и т. д.

Иногда в «Бомбе» публиковались и лирические стихи.

Каждый год

Каждый год, когда пьянят акации
Ароматом сладким и густым,—
Я ловлю в душе своей вибрации
Нежной грусти, трепетной, как дым...

Я давно смеюсь над «сантиментами»,
Называю бреднями мечты.
Перевиты траурными лентами
Юных грёз увядшие цветы...

Все они давным-давно засушены
От безверья, злобы и тоски...
И жестоким временем разрушены
К прошлой жизни хрупкие мостки...

Я сказал. Что слёзы — декорации,
Называю дружбу — шулерством...
Каждый год, когда цветут акации,
Я проникнут сладким волшебством...

И порой тревогой плохо скрытое
Беспокойство чувствую в груди:
Вспоминаю прошлое забытое,
И готов шепнуть ему: — приди...

Жак Нуар.
«Бомба», № 37, 1918 г.

Часто в этих лирических стихотворениях воспевалась Одесса, её природа, море...

У моря

(Картинка с натуры)

Полдневным зноем выпит воздух,
Я обморочен гулом пчёл.
И с моря просится на розых
Неповинующийся челн.
А солнце свой обычный опыт
Свершает, словно водомер...
Цветных купальщиц вызывал ропот
Прелюбопытный кавалер.
А за скалою рассечённой,
Где быстрых пяток брошен след,

Давлением воды смущённый,
Вздыхает мокрый Архимед...
Я пролежу в песках измятых,
Как раковина, мал и строг,
Чтоб ввечеру в рыбакских хатах
Сбирать обеденный оброк.

A. Гамма.²¹
«Бомба», № 37, 1918 г.

Бульвар

Из цикла «Стихов об Одессе».

На небе догорели янтари,
И вечер лёг на синие панели.
От сумерек, от гаснущей зари
Здесь все тона изящной акварели...

Как всё красиво... Над листвой вдали,
Театр в огнях на небе бледно-алом.
Музей весь синий. Сумерки прошли
Между колонн и реют над порталом...

Направо Дума. Целый ряд колонн
И цветники у безголосой пушки,
А дальше море, бледный небосклон
И в вышине окаменелый Пушкин...

Над морем умолкающий бульвар
Уходит вдаль зелёною дорогой.
А сбоку здания и серый тротуар
И всё вокруг непостижимо строго.

Здесь тишина. И лестница в листве
Спускается к вечернему покою...
И строго всё: и звёзды в синеве,
И чёрный Дюк с простёртою рукою.

Юрий Олеша.
«Бомба», № 11, 1917 г.

И в заключение небольшой диалог, показывающий отношение настоящего одессита ко всем политическим коллизиям того времени. Ведь именно в такой особой, полной юмора жизненной позиции и кроется секрет оптимизма и жизненной стойкости Одессы.

«Одесса»

(Диалог)

- Вы одессит?
- Ясно, как шоколад, и понятно, как самый обыкновенный тюлень.
- Тюлень?
- Да. Животное такое есть.
- Ну, что же у вас слышно? Как протекают события?
- Как протекают события! Что значит, как протекают? Стремятся, а не протекают...
- Какого вы мнения об учредительном собрании?
- Определённо хорошего.
- В Петрограде или в Москве?
- Конечно, в Одессе!
- Как?
- Конечно, в Одессе. У нас этот план уже разрабатывался, и в самом ближайшем будущем мы отправим председателю Совета министров соответствующее заявление...
- И вы думаете...
- Не думаю, а уверен.
- А если Львов отклонит?
- Не смешите мне лысину. Как он может отклонить? Ведь всякому, даже малому ребёнку, понятно, что учредительное собрание должно заниматься именно в Одессе. Прекрасный климат, море, купанье, воздух,
- словом, учредительное собрание может быть только в Одессе.
- А всё-таки если?
- Никаких «если»! А если они не захотят, так мы плюнем им в борщ и устроим себе маленькие одесские Соединённые Штаты.
- Однако...
- У нас есть флот, у нас есть армия, у нас есть оперный театр, у нас есть Фанкони, Рабина...
- Но подобный сепаратизм может только повредить...
- Повредить? Так пусть они согласятся, и поймут, что учредительное собрание можно комбинировать только в Одессе.
- Это ваше последнее слово?
- Это не моё слово, а слово нашего города, а ведь вы знаете старую поговорку: «глас Одессы — глас Божий».

Бор. Мирский²²
«Бомба», № 17, 1917 г.

Примечания

1. Флит Борис Давидович (1883–1937(?)) — журналист, издатель. Писал под псевдонимом Незнакомец, Маллори (1920-е годы). С середины 1920-х годов жил в Москве.
2. Брыгин Никита Алексеевич (1927–1985) — журналист, литературовед, краевед, писатель; создатель и первый директор ОЛМ.
3. Дон Аминадо (1888–1957) — настоящее имя Шполянский Аминадав Петрович (Пейсахович); поэт, сатирик, мемуарист, адвокат. Родился и вырос в Елисаветграде. Учился на юридическом факультете Новороссийского, затем Киевского университетов. Первую книгу — «Песни войны» — опубликовал в 1914 г., будучи солдатом. В 1920 г. эмигрировал в Париж.
4. Эмиль Кроткий (1892–1963) — настоящее имя Герман Эммануил Яковлевич; поэт, сатирик. Жил в Одессе до 1918 г.
5. Катаев Валентин Петрович (1897–1986) — писатель, поэт, драматург. Родился в Одессе. Начал печататься с 1910 г. В 1922 г. переехал в Москву. Автор произведений «Белеет парус одинокий», «Алмазный мой венец», «Трава забвения» и др.
6. Олеша Юрий Карлович (1899–1960) — писатель, поэт, драматург. Родился в Елисаветграде. В 1902 г. семья переехала в Одессу. Учился в Новороссийском университете на юридическом факультете. Начал печататься с 1918 г. С 1922 г. жил в Москве. Автор произведений «Зависть», «Ни дня без строчки», «Три толстяка» и др.
7. Опубликовано: Олеша Ю. Облако. — Одесса, 1999. — Тираж 100 экз.
8. В 1913 году здание театра сгорело. «Каких-нибудь две недели назад торжественно праздновали десятилетие Сибиряковского театра. А. Н. Сибиряковым высказывались пожелания отпраздновать 25-летие. И вот в какой-нибудь час 7 ноября от театра осталось одно воспоминание, одни голые стены: театр сгорел, что называется, дотла». (Одесские новости. — 1913. — Ноябрь).
9. Алеко — настоящее имя А. Костюкевич. Работал в журналах «Бомба», «Огонёк».
10. Скиф (1896–?) — настоящее имя Фикс Семён Осипович (Самуил Аронович); живописец, график, плакатист. Учился в Одесском художественном училище (ОХУ).
11. Крокодилов (1890–?) — настоящее имя Сегаль Фёдор Бернгардович; художник. Работал в журналах «Бомба», «Крокодил» под разными псевдонимами: Ф. Крокодилов, Ф. С., «Бернгардов».
12. Mi-fa (1896–1942) — настоящее имя Файнзильберг Михаил Арнольдович; художник. Старший брат Ильи Ильфа. Работал под псевдонимами Миф, Ми-фа, Mi-fa.
13. S. Fasini (1892–1942) — настоящее имя Файнзильберг Александр Арнольдович; художник. Старший брат Ильи Ильфа. Учился в ОХУ. Иллюстрировал одесские альманахи 1915–1917 гг., журналы. В 1922 г. эмигрировал в Константинополь, а затем в Париж. С 1930 г. серьёзно занимался фотографией. Погиб в Освенциме в 1942 г.
14. Олесевич Сигизмунд (Сигма) Станиславович (1891–1972) — художник. Жил в Одессе с 1898 г. В 20-х гг. эмигрировал в Париж.

15. Жак Нуар (Яков Викторович Окснер) (1888–1941?) — поэт, фельетонист. Печатался в «Сатириконе». После революции переехал в Кишинев, работал в газете «Новое слово», с 1922 г. жил в Берлине, печатался в «Голосе эмигранта». Автор книги «Сквозь дымчатые стекла» (1922). С 1936 г. жил в Бухаресте, сотрудничал в газете «Наша речь», «Бессарабское слово». Погиб в кишиневском гетто.
16. Тэффи (1872–1952) — настоящее имя Лохвицкая Надежда Александровна. Родилась в Санкт-Петербурге. Публиковалась с 1901 г. В 1918 г. приехала в Одессу с литературными выступлениями. Осенью 1919 года эмигрировала.
17. Митницкий Лазарь Давидович (1891–1972) — карикатурист, литератор. Дебютировал в журнале «Крокодил» в 1911.
18. Топуз Наум (Николай) Исаевич (1888–?) — поэт. Писал как под своим настоящим именем, так и под многочисленными псевдонимами, самый известный из которых — Тузини.
19. См. прим. № 14.
20. Михаил Линский (1878–1840) — настоящее имя Шлезингер Михаил Семенович (Моисей Самойлович); художник, карикатурист. Работал в газете «Одесский листок», «Одесские новости», журнале «Звон» (под псевдонимом Де-Линь). Занимался также театральной антрепризой и журналистикой, писал сценарии для кино. В 1919 г. эмигрировал в Париж. Был расстрелян немцами в оккупированном Париже.
21. Анатолий Гамма (189?–1918) — одесский поэт. Умер от испанки.
22. Борис Мирский (1892–1955) — настоящее имя Миркин-Гецевич Борис Сергеевич; журналист, правовед. Закончил юридический факультет С.-Пб. университета. В 1920 г. эмигрировал в Париж. Опубликовал большое количество работ на русском и французском языках. Под псевдонимом «Борис Мирский» издал книгу «В изгнании. Публицистические очерки. С предисловием П. Н. Милюкова» (Париж, 1922 г.), публиковал серии статей и рецензий в различных газетах и журналах.

Список литературы.

1. Журнал «Бомба», № № 1, 11, 12, 17, 1917; № 37, 1918.
2. Одеська періодична преса років революції та громадянської війни 1917–1921 р. / под ред. С. Л. Рубинштейна. — Од., 1929.
3. Бельский М. Р., Ижик Л. В. Журналы старой Одессы. Справочник. — Одесса, «ВМВ», 2008.
4. Щурова Т. В. «...И красный гимн поют свирели» // Дерибасовская — Ришельевская: Одес. альманах. — Од., 2007. — Вып. 29.
5. Яворская А. Л. «Ах, Александр Сердцевич...» // Фазини 1893–1944 / Сост. А. Ильф. — М., 2008. — С. 7–41.
6. Соминский Э. И. Рождённые бурей// Где обрываются Россия... / Сост.: А. Таубеншлак, А. Яворская. — Од., Оптимум, 2002. — С. 189–195. Рукопись хранится в фондах ОЛМ.
7. Научная консультация главного библиографа Одесской государственной научной библиотеки им. М. Горького О. М. Барковской.

E. A. Шабельская

ЖУРНАЛ «ЖИЗНЬ» В ФОНДАХ ОЛМ

В фондах Одесского литературного музея хранится подборка литературно-художественного и политического еженедельника «Жизнь»¹, издававшегося в Одессе в 1918 году.

Издание уникальное, журнал выходил в сложное время, когда Одесса была оккупирована австро-немецкими войсками. Для более детального анализа периодической печати этого времени, период нужно разделить ещё на два, а именно: Центральная Рада — от 15.03 до 30.04 и Гетманат — от 30.04 до 26 ноября 1918 г².

При австрийцах издаются 116 периодических изданий: 68 газет и 48 журналов³, при этом появляется значительное количество новых, в том числе журнал «Жизнь».

Журнал выходил в течение 9 месяцев (июнь–декабрь 1918 г.). Редактор-издатель Сергей Федорович Штерн, почетный гражданин, он же — фактический редактор газеты «Одесский листок»⁴.

«Жизнь» печаталась в типографии «Одесского листка», как и газета, придерживалась политических взглядов партии кадетов. Журнал выходил на 16 страницах (плюс обложка). Содержание номера публикуется на второй странице обложки. Журнал с многочисленными фотографиями и иллюстрациями.

В фондах музея хранятся 12 разрозненных номеров журнала: от № 1 (июнь 1918 г.) до № 28 (декабрь 1918 г.). Это экспонаты основного фонда (КП 18957/1–12 Г-3028–3038).

№ 1, июнь

Обложка утрачена.

В рубрике «Стихотворения» публикации А. М. Федорова, В. Ка-таева, М. Бертенсона.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНЫ
с пересыпкой на города
1 рубль. 25 коп. на 50—90.
Ссыпка в 100 кг. — 10 коп.
Журнал издается именем товарища
Тараса ОГУНЬКОВА, который тираж
издания — 2000 экземпляров. В 100 кг. за
шрифт обложки, 100 кг. для писем и т. д.
Цена подписки — 100 кг. для писем и т. д.
Члены общества — 100 кг. для писем и т. д.

ЖИЗНЬ

ЛИТ. Р. ТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ИЮНЬ 1918 ГОДА

РЕДАКЦИЯ И КОНГРАГА:
Омска, Лангер-на-М. № 8
телефон 60-32

Принят по земле — редакции сдано
изданию от 2—7 час.

Рукописи разысканы на 1 пе-
ничтоженного листа не возвращаются

№ 1

№ 1

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Л.

На подушечки пуховых,
Чешуекамень, горностаевый,
В заспившей тиши,
Шелковый лес, усни.

Лад из цветиков блесток,
Узел из сбивных саж, синегор,
Все в тебе матэ
Сквозь складчат.

Ложиться будут птички,
Чтоб спалил тебя росинки
Синий азот ска.
Сини, идет волна.

Л.
А на руках бережу сини,
Бережу волнику и бахчак.

День гаснет надея золота,
Я брошу солнце пред разумок.
Он на руках бережу сини.

Бою ноту я и пес,
Бою, что волчак, что холмок,
Бедына письмо моя руко,
Что ил под балкой тихо шестется.

Бою ноту я и пес,
Барабасил, кто я — дядя, стени,

Слышу на руках синя лодыжка.
Скальнулся волк в двух колод.

И спало гризли волк наизнанку.
Барабасил, кто я — дядя, стени.

И будто сердце на руках
Бережу в тихо и барабак,
Синя фе сердце, все в синях,
В кроватях ранах письмо луков.

Синя фе сердце на руках;

Бою слы: усни, усни,
В твои пойд, в тебе прощанье,
Надежд больничные огни,
Бесовы сны вспахаю.

Усни, дитя мое, усни.

Все то, что бывало дадас,
В тебе спирь програничанс,
Надея в тебе парализас
Улью стало затяжнее.

Все то, что бывало дадас.

За будем фаня твоя сбыта,
Богт волка в деревней бессмыслицы,
Ногот вола волчака.

В синях лица все синя фанси.

За будем фаня твоя сбыта.

ад. Седорбье.

СОНЕТ.

Точи свой стих, как федоский кинжал
От времена залубренный и ржавый,
И осенни своею новой еланью
Его холодны, голубой эзак.

На рукотяжку — дымчатый опал,
Омерченный серебряной оправой:
Нелепый образ, скованый в меч-
тала.

Стрига, ветившего пажегой лапой.
Но для любви забудь стальной сонет,
Любовь полна неверности смирькою,
В любви горю трехгранный трюмо.

И множим лепень писни колдунькою.
Любви светло. Будь белокнеенно
прост.

Как шелест трав, как брохъ
весенних звезд
Валентин Катев

Я вновь стою у тайной двери,
У тайной двери все, как встарь,
Молюсь в неугасимый иерб
На вновь изведенный вазарь,

Данно извертланкою гетречей
Замкнут неумолимый круг

Весь мир — моей любви предтеча,
Весь мир в сиблении держаких рук.

Была, есть и будет этот вечер:

В околях строгого стиха
В скрижалих вечности отмычен

Босторгом первого грбка
Трепещут дашния рбенцы,

Цзялум темные глаза,
Уходят дни мельчают лица —

В душъ весенних грбов.

Марк Верховин

А. М. Фёдоров

1.

На подушечке пуховой,
Черноглазый, чернобровый,
В ласковой тени,
Мальчик мой, усни.
Как из цветиков веночек,
Из любовных слов, сыночек,
Будет тебе мать
Песенку сплетать.
И молиться будут птички,
Чтоб смежил тебе реснички
Светлый ангел сна.
Спи, идёт весна.

2.

Я на руках держу дитя,
Держу малютку и баюкаю.
День гаснет, небо золотя
И кротко солнце пред разлukoю.
Я на руках держу дитя.
Его ношу я и пою,
Пою, что вздумаю, что хочется.
Подобна песнь моя ручью,
Что из-под камней тихо точится.
Его ношу я и пою.
Забылось, кто я — дед, отец,
А на руках дитя любимое.
Сомкнулись звенья двух колец,
И стало зримым вновь незримое.
Забылось, кто я — дед, отец.

Писатель и поэт Александр Митрофанович Фёдоров был душой общества литераторов и художников того времени. В его доме собирались художники южнорусской школы живописи Е. Буковецкий, П. Нилус и другие, бывали писатели И. А. Бунин, А. И. Куприн.

В. Катаев

Сонет

Точи свой стих, как дедовский кинжал,
От времени зазубренный и ржавый,
И освежи своею новой славой.

Его холодный, голубой закал.
На рукоятке — дымчатый опал,
Очерченный серебряной оправой:
Неясный образ, вкованный металл
Стиха, застывшего тяжёлой лавой.
Но для любви забудь стальной сонет.
Любовь полна неверности предельной.
В любви хорош трёхгранный триолет
И нежный лепет песни колыбельной.
Любви светло. Будь бесконечно прост.
Как шелест трав, как дрожь весенних звёзд⁵.

Марк Бертенсон

***

Я вновь стою у тайной двери,
У тайной двери все, как встарь.
Молюсь в неугасимой вере
На вновь изведанный алтарь.
Давно начертанною встречей
Замкнут неумолимый круг
Весь мир — моей любви предтеча
Весь мир — в сцеплении дерзких рук.
Был, есть и будет этот вечер
В оковах строгого стиха
В скрижалях вечности отмечен
Восторгом первого греха.
Трепещут длинные ресницы,
Целую тёмные глаза.
Уходят дни, мелькают лица —
В душе весенняя гроза.

В этом же номере помещен и рассказ А. М. Фёдорова «Кошка». Автор рассказа «Белка в колесе» (из цикла о Дудьке Рабиновиче) — Семён Юшкевич. Публикуется рассказ Л. Знойко «Из студенческих настроений (по кружкам)», статья Леонида Гроссмана «Русская ориентация». Уже в 1918 году Л. Гроссман предсказывал ведущую роль русской литературы в формировании эстетических взглядов в европейском сообществе. Интересна статья лейтенанта Гр. А. Гессенштейна «Впечатления австрийского офицера об Одессе»⁶: «Город, естественно, много перенёс от различных произошедших социальных переворотов, пронесшихся волной над всей Россией».

Помещена статья Н. Клименко (Иретов) «Быть или не быть украинской мове государственным языком?».

В разделе «В мире литературы» — очерки о новых книгах Г. Гауптмана и Г. Сенкевича с портретами авторов. Станислав Радзинский представлен «Фельетоном о фельетонистах», «Гуинплэн» — «Жизнь. Фельетонная философия». Петр Нилус в статье «Кое-что о перелицованных пиджаке и незаплатанном доме»⁷ пишет о жалком состоянии квартир и необходимости реформы, в рубрике «Впечатления». Л. Фл. публикует очерк «Поколение неврастеников»⁸ — о влиянии событий гражданской войны на психику людей.

В номере — объявление и условия конкурса поэтов — тема «Душа России». Опубликованы стихи Михаила Гитермана «В саду (из цикла «В пространстве)», «Я шут...» Виктора Гофштанда, Николай Лепетича «Монахиня».

В номере — фото австро-венгерской армии в Одессе и похода австро-германских войск на Украину, карикатура Mada (Михаила Дризо) «Восстановленная ограда».

№ 2, июнь

На обложке фото «Наши писатели на даче». На снимке: А. М. Федоров, С. Юшкевич, А. И. Куприн и Г. А. Яблочкив.

В рубрике «Стихотворения» снова А. М. Федоров — «Одиночество», здесь же его рассказ «Книга». Помещены стихотворения М. Гитермана «Из осенних мотивов», В. Овчаренко «Старые рифмы» и В. Катаева «Романс»⁹, с посвящением «Сиреневой» [Ирине Алексинской], Вл. фон Дитрихштейна «Веселый хмель», Ив. И. Мадробурского «В тумане», М. Бертенсона «Белая ночь. Из петербургских

мелодий», Вл. Кривцова-Федорова «В будуаре». В номере рассказ С. Юшкевича «Дудька забавляется» и Н. Клименко «В поисках протодьякона». В разделе «В мире литературы» — «изложение новеллы Артура Шницлера «Слепой Гeronимо и его брат» и «схематический пересказ» трилогии А. Стриндберга «В Дамаске» с портретами авторов. Здесь же сообщение о смерти Г. В. Плеханова. В номере статья Л. Гроссмана «Стихи смутного времени» (о творчестве Вяч. Иванова). В разделе «Художественная жизнь» статья Петра Нилуса «Детское творчество» — о выставке детского рисунка, сообщение о предстоящей выставке картин Южно-русских художников и общества Независимых. В рубрике «Страница театра» статьи Кудеяра «Грезы жизни» и Стани [С. Радзинского] «Театральное». Помещены фотография и небольшая заметка к 50-летию Бродской синагоги. Гуинплен — автор фельетона «Спекуляция и борьба с нею»¹⁰. В номере карикатура МАДа «Хлеб».

Рис. МАДа.
Совнарком —
Дайте же утопаю-
щему ухватиться
за соломинку!

№ 3, июнь

Обложка утрачена.

В рубрике «Стихотворения»: А. М. Федоров «Женщина» с факсимile автора.

Напечатаны рассказы: Георгия Гребенщикова «Из их числа», В. Катаева «Нервы», продолжается публикация рассказов С. Юшкевича из серии «Дудька забавляется». Помещен очерк Л. Знойко «На солнце».

В номере стихи: В. Овчаренко «На пляже», Г. Долинов «Странное. Из цикла «Паутина», М. Бертенсон «Письмо», В. Страхов «У камина. Вечернее», В. Айя «Фавн», В. Катаев «Псалом. Сонет 12».

В. Катаев

***

При свете звёзд бесплотны наши лица.
Вода цветёт темна и тяжела.
И, каплями сбегая вдоль весла,
Звенит, журчит, мечтает, фосфорится.

Над головою млечный путь струится
Рекою бледно-синего стекла.
Как хорошо в такую ночь молиться
И как молитва радостно-светла.

И я молюсь: — Земле, Воде, Каменьям.
Траве, пьянящей солнечным цветеньем,
Мерцаньем звезд... И тяжкий стих кую.

Из золота любви и увядания
Забытый Бог! Я чувствую твою
Святую волю в бездне мироздания.

Печатается небольшое стихотворение М. Гитермана «С Севера»:

Дни на Юге томительнее, жарче.
По утрам голубее небеса.
Но закаты на Севере ярче
И темней и дремучей леса.
Я люблю этот край. В нём и долги
Вечера и милее досуг.
Но повсюду — из Дона, из Волги
Мне мерещится солнечный Юг.

Статья Л. Гроссмана о взрывах пороховых складов в Киеве «Художественные сокровища Киева»: «Гибельное поветрие военной и

революционной эпохи, ненасытно пожирающее ценности творческой культуры, еще не улеглось. Новый Молох наших дней еще не насыщен погибшими соборами и музеями. После Лувра, Реймса, Москвы пришлось и Киеву бросить свою жертву в пасть этого идола-истребителя. Какой новый город теперь на очереди?»

Фельетон Ст. Радзинского «Causerie de dimanche» посвящен интеллигенции в дни перемен:

«— В самом деле, ведь это так просто. Это что? «Русские Ведомости». Там, несомненно, доказывают, что большевизм — это невежество, и что невежество — это вредно. Эти желтенькие странички — «Новая жизнь». Следовательно, там тихо скучит Горький о том, как хорошо, когда культурно, и как плохо, когда культуры нет, и что все произошло от того, что вовремя не записывались в устроенную им, Горьким, «Лигу пролетарской культуры». Вот уже целый год, как он упрямо ноет о том, что ученье — это свет, и дважды два равно четыре. И ноет об этом так настойчиво, что все начинают сомневаться.

<...>

— Не может быть, — воспламенился мой приятель. — Не может быть, чтобы цвет нашей интеллигенции не создал ничего нового.

— Этот цвет не может ничего создать, чтобы быть новым — надо меняться. А русский интеллигент меняться не может. Для того, чтобы уметь вечно меняться, принимать новые формы, он должен перестать быть интеллигентом. Для того, чтобы менять старое на новое, нужно усомниться в старом. А вы знаете, я надеюсь, что то, подслеповатое, неряшливое и мечтательное существо, которое зовется «интеллигентом», всегда способно верить и никогда не способно сомневаться. Ведь с ранних лет, с первых же прочитанных книг, оно умеет только слепо служить, и обязательно одному богу, выкрикивая:

— О, веди нас, Михайловский.

— Мы следуем, мы следуем за тобой, наш Маркс.

— Соединяйся же, соединяйся, о святой пролетарий.

— Нет бога, кроме Ленина, и Горький — непокорный пророк его.

<...>

О революция, какую скверную шутку сыграла ты с интеллигентом. И не потому, что, усыпив в своем дворце, заставила проснуться в жалкой лачуге, другим принадлежащей. Нет, ты поступила страшнее. Ты наделила интеллигентскую душу самым страшным для нее даром: опытом.

«Будущность русского театра». Ответы сопровождаются фотографиями и факсимиле. Судьба профессора Новороссийского университета Бориса Варнеке в годы Великой Отечественной войны и позже — трагична. Оставшись в оккупированной Одессе, он в 1944 г. был арестован за то, что преподавал при румынах, и умер в тюрьме.

Появляются разделы «Музыка» и «Страница юмора». В разделе «Музыка» сообщение об аресте в Петрограде актрисы М. С. Марадудиной.

Продолжен раздел «Художественная жизнь», дополнены правила «Конкурса поэтов».

В номере карикатура Mada «Печать... молчания», фото «На полях Франции» и «На Украине».

№ 5 ИЮНЬ

В рубрике «Стихотворения»: И. Бунин «Спутница» с факсимильной подписью автора.

Шёлковой юбкой шурша,
Чётко стучат каблучками,
Ты выбегаешь дышать
Утром, морскими парами.

Мать еще спит, ты одна.
Палубу моют, смелою,
Темная, пахнет она,
Море — соленою мглою.

Свежесть тумана кругом
Смешана с золотом жарким
Раннего солнца, с теплом,
С морем цветистым и ярким.

Только что вымытых рук
Крепкое нежно пожатье...
Сядь на скамейку, мой друг,
И подбери свое платье:

С шваброй разутый матрос
Смотрит, не высавшись, чортом...
Льется, горит купорос,
Сине-лиловый, за бортом.

Скоро Афины. Взгляни:
Вон они — смутно белеет
Город в долинной тени,
Древний Акрополь желтеет...

Как ты мила и бойка!
Как я жалею, что скоро
Приподниму я слегка
Шляпу с опущенным взором.

Проза представлена рассказами Л. Знойко «Спиро Янаки», Методия Кузнецова «В парке (Осенняя картинка)» из цикла «В дни войны и революции». Рассказ «Сапоги» переведен с итальянского «К. Р. Кровопусковым».

Помещены стихи Веры Инбер «Сердце мое и душа ждут...», Василия Галахова «С китайского», Михаила Гиттермана «Вечернее» и «В лунную ночь» (Из цикла «В пространстве»), В. Овчаренко «Стихи на пляже», В. Гофштадта «На концерте», Виталия Боева «Молчание», В. Катаева «В трамвае» и «Счастье», Софии Шельбах «Мой далекий и любимый».

Опубликованы статьи Д. Н. Овсянико-Куликовского «Фанатики»; «Турецкое искусство (выставка произведений турецких художников в Вене)» сrepidукциями работ. В рубрике «Впечатления» — П. Нилус «Грядущее новое». В рубрике «Мир литературы» — рецензия Б. Вальбе «На часовенной улице» (о книге Н. Никандрова «Лес. Рассказы. Книга вторая»), очерк Вас[илия] Галахова «Цех поэтов» и статья Л. Гроссмана «Возрождение поэмы» (о поэме Сергея Городецкого «Шофер Владо»). Литературный критик считает поэму возрождением жанра в русской литературе.

Рубрика «Новости литературы» излагает содержание драм Рабин-драната Тагора «Почтамт» и Вальтера Газенклевера «Сын» с портретами авторов.

В рубрике «Театр» помещён очерк Садко к 100-летнему юбилею Ш. Гуно. Сообщается о четвертом военном Дерби 1918 года в Вене.

№ 9, июль

На обложке фотография «На итальянском фронте».

В рубрике «Стихотворения» — А. Вертинский «Трефовый король»:

«Так недолго вы были моей Коломбиной,
Вы ушли с представителем фирмы Одоль
Далеко, далеко в своё царство ослиное
Вас увозит навеки трефовый король...»

Здесь же стихи Г. Долинова «Незабываемой» (из цикла «Паутина»):

Люблю любовь твою, моя печальница.
Скорблю слезой твоей в густых ресницах.
Пусть в беспокойных снах тебе приснится,
Что я люблю тебя, что скорбь кончается.
Пусть жизнь насмешливо и унесла меня
К неясным маревам, больным миражам.
Но ты в душе моей одна и та же
Неугасимым трепещешь пламенем...

Эта страница со значительными утратами, сохранилось начало перевода стихотворения «Предел» Гю де Мопассана и часть стихотворения Влад. Фишера «Мёрзлые стёкла».

В номере стихи Я. Чухненко «Пруд», Ив. И. Мадробурского «В обмане», В. Страхова «Снова», Вас. Хутина «На могиле Т. Г. Шевченко», М. Гитермана «Весенние побеги».

Проза представлена рассказом Е. Боскович «Воспоминания (Подражание А. М. де-Рибасу)», очерками Е. Н. Любич «Эпизод», Наталии Набок-Васильковой «В этом жизнЬ».

Продолжает публиковать фельетоны Ст. Радзинский — помещен его «Хлев Евы». В статье академика Д. Н. Овсянико-Куликовского «Толстый журнал» дана история развития журнального дела в России. К 25-летию со дня смерти Мопассана помещена статья Василия Гипиуса. Бор. Вальбе публикует рецензию на новый рассказ И. Бунина «Соотечественник». На «Странице театра» за подписью Садко — «Женитьба» Мусоргского (к 50-летнему юбилею), Ал. Барановского «Из воспоминаний о Мамонте Дальском». Под псевдонимом «Ст. Р-ский» пишет статью «Вертинский» С. Радзинский:

«Вергинский показывается на публике.

Он еще не сказал ни слова.
Но он уже сказал многое.

Лицом. Гримом. Костюмом.
Что выражает Вертинский,
когда появляется?

Удивление. — «Как вы все еще живете в этом мире и вы еще не сошли с ума и не собираетесь покончить самоубийством, или, по крайней мере, горько рыдать!» Это удивление в его глазах.

Отчаяние. — Это руки, которые он заламывает в беспомощной тоске:

= «Плачьте же! Плачьте!»

Затем пряную смесь греха и смерти. Губы красны, как грех, и костюм мрачен, как траур.

Своим внешним образом
Вертинский воплощает ту

С. Радзинский. Вертиинский.

«Жизнь» № 9, 1918

противоестественную смерть, к которой так стремятся поэты современности: слияние савана и поцелуя, смерти и любви, муки смертной и муки любовной.

В своем костюме и гриме его Пьеро — философ и символист. Если Вертинский и не понимает этого, то тем более заслуживает похвалы».

Помещен материал «М. С. Марадудина и большевики» — подробный рассказ об аресте в Петрограде актрисы М. Марадудиной

№ 12, август

Рубрика «Стихотворения» посвящена польским поэтам. В переводе Д. Д. Бохана помещены стихи Э. Олонского «Та, что не погибла», М. Конопницкой «Как король на бой собрался». Стихотворение Иосифа Станислава Вержбицкого «Марш» сопровождается примечание («перевод с польского с рукописи автора»).

В номере стихи М. Гиттермана «Забытые листы» (из цикла «С собой наедине») и Г. Долинова «Стихи о любви» (из цикла «Паутина»).

Рассказы: Г. Гребенщиков «Дама в розовом», Е. Н. Любич «Житейское».

Опубликована статья академика Д. Овсянико-Куликовского «Памяти Чехова»: «...У Чехова, помимо ума и таланта, две характерные черты: русская многогранность души, чуткой, изящно тонкой и отзывчивой, и его преданность к культуре, материальной и духовной...»

Тут же статья Л. Гроссмана «Заветы Чехова» и заметка «Праздник русской интеллигенции» — о праздновании 65-летия В. Короленко. Статья В. Овчаренко «Молодой украинский театр», с фотографиями Л. Курбаса — главного режиссёра труппы молодого украинского театра, сценами репетиции «Царя Эдипа» и отдыха актеров на море.

И. Александровский — автор статьи «Театральные негативы», а Стани [Ст. Радзинский] — «Балет (настроения)», о М. Мордкине, с фотографией танцора.

Возникшему сокольскому движению посвящен репортаж Хамелеона «Сокольский вылет в Одессе» (с фотографиями).

В рубрике «Художественная жизнь» среди прочего заметка «Забота о музеях» — об учреждении народным комиссариатом особого отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

Рубрика «В мире литературы» дает обзор авторов и книг Государственного книгоиздательства.

Странички театра.

В. Овчаренко.

Молодой Украинский театр.

Артисты на отдыхе (фот. В. О.).
Труппа Молодого Украинского театра.

Л. Курбас, главный режиссер
труппы Молодого Украинского теа-
тра. Л. Курбас высшее образо-
вание окончил в Вильне. В его
поставках «Царь Эдип» —
Софокла, «У прути» — Леся
Украинка и «Горе Брентона» —
Гризайльера.

В общей смистоплясской и политической не-
разберихе русский театр в уголу публики —
 покупатели размножаются на ряд малень-
ких театров-казаковых — изложено и вы-
пускает «заманчивые» афиши: «Наша эми-
грация «Сиреневая Москва» слова выступи-
ет нас в кино-театре! «Легендарная Мишель»!!!
«Заманчивый сиреневый Москва» и роскошной
илюзионисткой исполнит лучшие цыган-
ские романсы!!! и бояться русская народ-
ных песен, записанных ее на север России»!!! В то время, когда «заманчивый»
«Сиреневая Москва» и «роскошной илюзионисткой»
устраивает из своей демонической маскарад и со всем шиком сценической по-
средственности будет заниматься на грязных
подиумах: «Ах, скрою я окна любви... или ухнет... Ухарь купец», в это
время другой театр дает эстафету перевести в
стихах с немецкого «Прометей» некоего
Карла Бенакова «Ильинку... пантонах
Жанни Дарье»... И поет берется за перекот
потому что «пунки дадут». Нужно жить... А
театр пытается — и падает хорошо; эта пьеса
будет для него «свежим программой».

Как контраст с этим остуденным вкусом;
мысли и прекрасного человеческого слова
подходит к короту искусства новое начин-
ие, прамя, отрывшись от всего русско-
го и устремившись поблеским взора в сто-
рону Германии. Это художественное начин-
ие — кievский молодой украинский театр, за-
дана которого (вы смотрите на русофобов!) —
быть неложны на единственном театре в
России — московский Художественный...

В этом театр царево для искусства это
— вора самих актеров, та яхта, которая за-
стала селябия частью украинца в русском
театре. У молодых украинцев эта яхта раз-
неслась фантасту, здравы и потому-то не-
вероятными во всем русскому... У них су-
ществуют даже шпары для тѣ, кто риск-
нув бы заговорить в группе на «школьном»
реческом языке... От этого этого яхт уже
политической предчувственностью... И таких
приемов не создана гордой самобытности
украинского искусства.

Невозможно подчинение силы высшего раз-
вития, конечно, больше близкой по духу, но
крайне. Молодые украинцы — артисты согласи-
лись с тем, что они не имеют своего репертуара,
что они не имеют своего уточненного стиля (не довольствовавшего деревенским гопаком!). Но они отворачиваются от такого
блазнения, в сущности, для них русского теа-
тра и протягивают руки к Западу, главным
образом, к Германии...

В полном составе труппа кievского молодо-
го украинского театра приехала в Одессу,
запредполагая покинуть народную школу на
девятой станции Средиземного Фонтана и устрои-
зь в этом почищении актерское общество.
Всё же «составительные» посыпались на со-
седних дачах. Приехала труппа в Одессу
для того, чтобы сопротивлять в отдаче у моря и
репетируя польскую репертуара, наложенной на
зимний ливень сезона.

Рано утром, напоминающим репетицию, в
подъезде труппа собирается на берегу и пре-
тается блаженству отъезду у моря. Иногда у
моря репетируют «окзальтические» стены в
училищах польской репертуара, наложенной на
зимний ливень сезона. Сеанс готовят «Царя Эди-
па». Оформлен кажется Софокла в украинском
переводе. И эту странность смешает отчасти
стремясь, отчасти считают только истинно
таджикской выразительной в рамках польской
художественности игр артистов...

Но тут нахрапывается, что и групп
есть молодых неизбранных силы. Что дает
в области художественных достоинств этот
театр — золотой яхты...

Весьма знакомство с замечательным ре-
пертуаром. Для репетиций падающих в се-
соках «Князя с моря» («Женщина с моря»),
«Златоглавый драмы» («Потому-то толкался»),
«Рандеву» (пьеса любовь и поста-
новка в стенах), «Гедда Габлер», «Сон в
грядущую ночь».

В группе — в
глазные яхты
один из р
шего мозоз

Репетиция пьесы Софокла «Царь Эдип».

№ 15, сентябрь

Обложка утрачена.

Рубрика «Стихотворения»: Д. Ратгауз «Русская женщина 1916 года» и М. Гитерман «Из книги «Песнь песней»:

М. Гитерман

Страшна пустынная дорога
В безсветный час, в ужасный час,
Когда мы все забыли Бога,
Лишь ты, о женщина, так много,
Так много молишься за нас.
В твоей любви для нас отрада.
Твоя молитва — наш покой.
С сияньем ласкового взгляда
Всем сердцем трепетным ты рада
Для нас пожертвовать собой.
Минуют дни, пожертвовать собой.
Затихнет бой, кровавый бой.
И ты, о женщина, одета
Лучами блещущего света
Предстанешь чистой и святой
Перед прозревшею толпой.

Далее — рассказы Л. Знойко «Одиночество», две новеллы И. Златогорова «Балерина», «Под цветущими акациями» (под общим названием «Моя жизнь»):

«Цветёт акация. Всюду эти белые цветки, издающие сладковатый, дурманящий голову запах. И все тротуары и улицы устланы опавшими белыми цветками.

Город переживает свою сладостную весну: он весь в цветках акаций».

Мефодий Кузнецов продолжает цикл «В дни войны и революций» рассказом «Ночью. Рассказ моего знакомого»:

«— Скажите, когда сгладится это мировое преступление, а?

— Нам не забудут его наши потомки,

Нам не простят они ...

Не простит и тот бесстрашный и беспристрастный Судья — История Народов».

Помещены стихотворения Я. Чухненко «Ночь», М. Бертенсона «Какая странная нелепая идея»:

Какая странная нелепая идея:
Одеть диваны в чёрное сукно,
Надменно пить французское вино,
Смотря, как тучи сумрачно редеют;
Наливши кофе, с утирированною лаской
Поцеловать вам слишком яркий рот
И вспомнить вдруг, как целовал вас тот.

A. Кудрявцев
«В замке»

Милая девушка в замке высоком,
Милая девушка шила платок.
Северный герцог уехал далеко
С рыцарской ратью в страну на восток.
Это не бисера строчки жемчужные,
Это слезинки весенней тоски.
Облачки светлые, облачки южные
Смотрят в разливе лазурной реки.
Ах, на неё, на прислужнику чёрную
Северный герцог взглянул только раз
Да не забыть красоту непокорную,
Взор грозовой его герцогских глаз.
Герцог не хмурил суровые брови
В радости дикой раздоров и драк.
Женщин он бьёт, коли любит, до крови,
Так же, как бьёт своих верных собак.
Не от того ль герцогиня прекрасная
В ярких нарядах тревожно бледна.
Страсть его грубая, страсть его властная,
Верно, ей выпили сердце до дна...
Не потому ли, как рай сладострастная,
Герцогской ласки жестокая власть
С ниточкой синею ниточка красная
Ах, на платочек на белом сплелась.
Милая девушка в замке высоком,
Милая девушка шила платок.
Северный герцог уехал далеко.
С рыцарской ратью в страну на восток.

В этом же номере в рубрике П. Нилуса «Впечатления» — «Кое-что о спиритизме», осуждающее увлечение спиритизмом.

В статье С. Чахонина « Украинская старина. Грамота султана Мухаммеда 4-го к гетману Богдану Хмельницкому 1651 года» опубликовано письмо султана в переводе автора статьи.

Журнал сообщает о последствиях взрывов 31 июля в Одессе и печатает рисунки С. Г.: виды улиц Столбовой и Гулевой после взрывов.

В рубрике «Страничка театра»: А. Ардов «Светите факелы» — о непростых отношениях театра и публики. Витольд Иодко — автор статьи «Цитра как фактор музыкального развития». Гуинплэн высмеивает фанатиков кино в фельетоне «Киномания». Публикуются воспоминания А. Плетнева о И. С. Тургеневе. Статья Марка Бертенсона «Искры долетающие» — рецензия на книгу стихов Анны Радловой, вышедшей в издательстве «Фиаметта»;

«Мы отрезаны от них, центров русской и общероссийской культуры. Мы лишь урывками узнаем о том, как живут, страдают и надеются Москва и Петроград. Мы только «оказиями», частично и случайно приобщаемся к их творческой культурной жизни».

Начало второй рецензии — «Унылые лики» («Эпоха», книга 1-я, Москва, 1918 год.), с плохо отпечатанной подписью «Гр. ....ильбург», звучит очень современно: « Книга из России... Это так странно теперь перелистывать новую русскую книгу с пометками последнего года и с настроениями сегодняшнего дня».

№ 17, сентябрь

В рубрике «Стихотворения» опубликованы стихи Вл. Фон-Дитрихштейна, С. Астрова и М. Гиттермана.

Вл. Фон-Дитрихштейн Прощанье (сонет)

Расстались мы с улыбкой принуждённой,
Казалось всем с шуткой на устах
Влюблён ли я, иль в сладостных мечтах
Лелею образ, грэзой возрождённой?
Рождался стих гармонии певучей
Унылых дум суровые тиски
Острее горечь ранящей тоски.

С. Астров «Русские пейзажи»

1.

В полях блуждает песня сиротливая,
Как вечер с грустью старческой в очах.
Вгляделось небо в сердце. Даль правдивая
Покоится в опаловых лучах.

Туман кудрявый, облачно изменчивый,
Ширь заливает медленною мглой,
Печально целомудренно застенчивый
Цветёт любовь земли вечеровой.
Из доли песня веет грустной жалобой
Но грусть легка, как тишина лепестках, —
И с песней милою душа желала бы, —
Отплакав жизнь, — растаять в облаках.

2.

Лес многоглаво золотился
В огне оранжевых лучей,
Как будто скрылася жар-птица
В густых волнах его ветвей.
Благоухают липы свято
И богомолен шепот хвои
Золоторунного заката,
Лучи братаются с листвой,
Но гаснет день, стихает в гуще,
Синеют плотные стволы,
Но тем верхи деревьев гуще,
Текучим золотом светлы.
Последний свет! Внизу все тмится.
Внизу, во мгле, сиять устав,
Уснула до утра жар-птица
В тиши гостеприимных трав.

М. Гитерман «Ливень»

Расплавленным свинцом налились в небе тучи.
Тяжёлый мрак навис, сгустив земное дно.
Забилось воронье под потемневшей кручей.
И ставней сорванной захлопнуло окно.
И вскрылся водоём. Полили с неба вёдра.

И вниз ударили тяжёлые ключи.
Бог напоил поля и луговины щедро
И долго бегали проворливо ручьи.
Лишь к ночи ливень стих. Трёхцветные зарницы
В беззвездный небосвод вперили беглый взгляд.
И чудилось во тьме, что Божии ресницы
На тёмных облаках таинственно дрожат.

В номере — стихи В. Овчаренко «Дни баррикад»¹¹, Софии Шельбах «Я не плачу...», Анатолия Гаммы «Папа римский», Марии? Бертенсон «В первый раз», Елены Кранцфельд «30 августа»¹² (о взрывах в Одессе).

Стихи Ник. Соловкина «После революции (из цикла “Красный смерч”):

Ник. Соловкин «После революции»

В раскатах грома гнев безбрежный
Излит, как ливень грозовой...
Мир залит кровью: раб мятежный,
В порывах злобы огневой.
Погибло все в безумной мести
За боль и кровь былых обид...
Легли в широком поле вместе
И брат, и купленный наймит...
И все, за что лилась рекою,
Широкой алой наша кровь,
Все оказалось лишь мечтою,
Погибшей, не расцветшой вновь.

В номере много прозы. Рассказом М. Кузнецова «На Якорной площади» продолжается цикл «В дни войны и революций». Рассказ Е. Н Любич «Захар Носов» — о жизни и смерти типографского рабочего. Номер газеты «Вперёд», которую он набирал перед смертью, обещал светлое будущее... Рассказ — «Гайка» (эпизод из великой войны) — перевод с английского Б. Н.

Заметка «Эрмитаж» З-ова [И. Златогорова?]: «Прадо, Лувр, Уффици — ничто в сравнении с теми произведениями искусства, которые хранятся в Эрмитаже».

Опубликована статья Тиберия Горобца о Г. В. Квитке-Основьянченко (к 75-летию его смерти (1843–1918)). Помещен портрет

Брешко-Брешковской с подписью: «Бабушка русской революции, скончавшаяся на днях».

В. Финк пишет статью «В. Л. Бурцев в тюрьме и на воле». Он приводит эпиграмму министра внутренних дел А. И. Хвостова, сидевшего в одной камере с Бурцевым в 1918:

При царизме — поселенье,
При республике — тюрьма.
Бурцев понял изреченье,
Что все «Горе от ума».

Опубликован очерк С. Юшкевича «Опять на Родине»:

«После почти беспрерывного многолетнего отсутствия я снова в твоих стенах, мой милый родной город... Одесса!.. Одесса!.. Колыбель моей души, сделавшая меня тем, чем я стал, единственное место на земле, где жизнь, может быть, покажется наименее неприемлемой...»

Очерк «Рабочие поселки» сопровождается фотографиями недавно построенных немецких поселков.

С. Чахотин продолжает рубрику «Украинская старина» статьей «На торжественной аудиенции у султана Абдул-Хамида в 1894 году (из личных воспоминаний)».

Рубрика «Страницы театра» представлена очерком И. Александровского «Театральные негативы»; Л. Гартенштейн в очерке «Из театральных воспоминаний» приводит эпизоды из жизни Городского (впоследствии оперного) театра, Кудеяр — автор статьи «Украинский репертуар (пути будущего)», посвященной проблемам современного украинского театра.

На последней странице статья с фоторепродукциями «Произведения из фарфора» — об истории возникновения фарфора и современных коллекционерах.

№ 21, октябрь

На обложке фото: «Английский танк в качестве моста».

В рубрике «Стихотворения»: патриотическое стихотворение «Сербия», автор Д. Д. Бохан («Настанет час — и ты воскреснешь снова»), Анатолий Гамма «Песнь радости (из цикла «Эпикурейские песни»)» (посмертное стихотворение), М. Гитерман «К Родине»:

ЖИЗНЬ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЦИФА
с приложением на титульном листе
№ 4, «Жизнь», на 15 коп. и 17 коп.
издание поддерживается обществом
ученых и друзей книги Толстого

ЧИТАТЕЛИ ЖИЗНИ
имеют право на получение
книг Толстого в подарок
бесплатно, а также
иметь возможность приобрести
книги Толстого по цене, в
одинаковом со временем.

ЖИЗНЬ
журнал для изучения и распространения
литературно-художественный
и политический

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ПЕДАГИЧЕСКАЯ КОНТОРА:
Одесса, Ланжероновская № 8
телефон 60-82

Прием по звонку разрешен ежедневно от 1—2 час.

Рукописи разыгрываются не позже 1 недели с момента посыпки

21 ОКTOBРЬ 1918 ГОДА № 21

СТИХОТВОРЕНИЯ.

СЕРБІЯ.

Наспамет час — и ти восхраниши гвоздя,
Челнішав братській нам призив,
Свєтлоділься оти шеста рохового,
Обов'ї фальшиві разлив.

Наспамет час — і в блеску нової слави
Ти новим вінчишь ініам;
Восхраниши ти, страна святого Сави —
Ць отспівши брагам!

Годи глиб'я звуките все и шире,
Благодій суд да будеет строг!
Всех хрестите ти — сести спасільності в міру
Ц єсть на небі Бе!

Д. Д. Бахан

К РОДИНЬ.

О люблю твою, раздельную, яко;
О люблю твой шум, яко;
Много исля привольна, яко;
Простор твоих якоев.
О люблю твою пальмую
Одну бесеню длань, яко;
Много цвети темляще
Под чистою вітшай.
О люблю твою чуряку, яко;
Мегалому чилу
Ео строгой хмарой сумою
Безобидной ноги тягу
И сонця гвоздильные
Букенчики люблю.
Их писанки мечтливы
В свою душой якою..
О, родина раздельная,
О твой, нальни твой.
И писни мои болныя —
Роди тобъ единой..

Михаил Гиттерман

ПѢСНЬ РАДОСТИ.

(ПОСМЕРТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ).

Из цикла «Записки о писателе».

«...Песнь в винѣ...
А. Пушкин.

Пермскагородск пъмтуй
Глухих дніут небса.
Код перзгубцій позолотой
Слѣхат латинскія ліса.
Чвітает коварная услада
Въ моїй москвицій креbi.
Но въ болѣ винограда
Въ толпе наперогоній любви.
О, старцы, юноши и деви,
Известе меда и пасоб,
Рассыпите тирісіи наппви
Въ глаущій классических садѣ!
Изаш виний дар: гамно — Бессу,
Сделай — необсю Мисту.
Они бы за физиономіи дорогой
Въ иллюзіи насып пустоту.
О, други! ваши предыбранный
Престанте мудрые сердца,
Чтѣ въ торжественности пѣнной
Лили буду радость до конца.
Чтѣ въ час, когда я виши паруши
Безупречн фруктаго вина —
Въ хлопник, птицію душу
Они глянят Честина со зма!

Анатолій Гамма.

«Жизнь» № 21, 1918

М. Гитерман

Люблю тебя, раздольная,
Люблю твой шум лесов;
Твои поля привольные,
Простор твоих лугов.
Люблю твои палящие
Лучи весенних дней,
Твои цветы томящие
Под негою ветвей.
Люблю твою угрюмую
Печальную зиму.
Со строгой хмурой думою
Беззвёздной ночи мглу.
И санок говорливых
Бубенчики люблю.
Их песенки тоскливые
Я всей душой люблю
О Родина раздольная,
Я твой, навеки твой,
И песни мои вольные
Дарю тебе одной.

Напечатаны поэма А. Блока «Двенадцать» — первая публикация в Одессе, а также стихи Владимира Либовича «Руины (сонет)».

Проза журнала — рассказ И. Буханцева «В гостях». «Penetrabit» В. Айя — мистический рассказ о жизни и смерти. Penetrabit — это оживший меч палача. «Моральная история» — рассказ «Цена» Курта Мюйцера. Печатается изящная проза А. Адерер «Принц и Баронесса» (перевод с французского К. Р. Кровопуского), рассказ «Кошка» (перевод со шведского Л. К.) о двух мошениках, использующих кошку для предсказания будущего.

На «Страничке театра» статья Б. Варнеке «А. П. Ленский» (из театральных воспоминаний). К. Кузнецов в статье «Фигуры русских композиторов. Н. А. Римский-Корсаков» пишет: «Мы можем искать утешение не только в русском литературном языке, но и в русском музыкальном языке. Римский-Корсаков — один из тех великих композиторов, кому этот язык больше всех обязан».

Информация «Мистические танцы (к образованию в Дрездене нового сообщества мистических игр и танцев)» сопровождается фотографиями.

В журнале информация о военных событиях, о «Жизни англичан в германском плену». Там же печатаются фотографии с театра войны.

№ 23, ноябрь

В рубрике «Стихотворения» — стихи Вл. фон-Дитрихштейна «Петрограду» и Гр. Томилина «Хизил-Хоба» (легенда).

Гр. Томилин

Нет, путник, не входи под свод Хизил-Хоба,
Пусть не влечет тебя прозрачность сталактита,
Под сводами пещер немало тайн сокрыто.
И путнику во тьме мерещатся гробы.
Давно ещё в те дни, когда рука раба
Просверлила дыру, проникнув в глубь границы,
В ней брат растили сестру, в ней кровь её разлила
И к небу вопиет, как вещая труба,
И внял её мольбе пейгамбер Солиман:
Преступник камнем стал на самом дне пещеры.
И стонет он во тьме, но нет страданьям меры.
Безжалостен и строг поруганный Коран.
Нет, путник, не входи туда, где сумрак серый
Над обреченным тket удушливый туман.

Особенность этого номера — стихи печатаются почти на каждой странице, на свободной колонке.

Михаил Гитерман. Сентябрь. Из цикла «Листопад»

1.

Над городом горит вечерняя заря.
Спускается туман свинцовыми клубами.
В окно мое, как Демон, призрак сентября
Безжизненно глядит угрюмыми глазами.

2.

В сердце — Весна

Тучки плывут в серебре,
Холодно светит луна.

Осень стоит на дворе
В сердце — Весна ...
Шепот поникших берёз.
Грусть оголевших кустов.
Холод развеянных грёз
Песня без слов...
Будто грустя о Весне,
Стала ты вдруг холодна.
Милая, — ближе ко мне.
В сердце — Весна...

Юрий Зубовский
«Уходили года за годами...»

Уходили года за годами,
Мы остались, как прежде, рабами.
Городских молчаливых громад.
Ни любви, ни веселья не зная,
Мы уйдём, как другие, родная,
Под печали церковных оград.
Так вся жизнь незаметно уходит,
Призрак смерти над мыслями бродит,
И душой ему грустною рад.

Опубликовано стихотворение В. Фишера «Огород»:

«Жизнь — в яркой ярости цветов,
В побегах зарослей безумных».

Здесь же стихи Вл. фон-Дитрихштейна «Первый осенний тоскливый денек...» и Г. Долинова «Пепел».

Проза представлена рассказами: Виктор Наделя «Гости» — зарисовки из фронтовой жизни; Л. Знойко «В столовке (из студенческих настроений)»¹³ — очерк из студенческой жизни. Рассказ И. Буханцева «Таверна» — о том, как девушка-танцовщица из кабаре помогает офицерам избежать ареста.

Опубликована новелла Габриэля д'Аннуницио «Герои» (перевод с итальянского К. Р. Кровопускова), «Сказочки жизни» Э. Клабунда (перевод с немецкого М. Г-н).

Статья Мих. Юшкевича «Завтрашний день принесёт хорошее и нам» — полна оптимизма, веры в то, что общество возродится после войны, залечит раны, будет трудиться и восполнит все потери, человеческие и материальные.

Помещены статьи: С. Пл-н. «В. И. Ребиков. Из моих воспоминаний. (К 35-летнему юбилею композиторской деятельности Вл. Ив. Ребикова)», большая статья «Фарфоровое искусство в Германии», с репродукциями ваз, скульптурных групп.

И. Александровский в статье «Театральные мотивы» настаивает на приоритете автора перед драматургом. Поэме А. Блока «Двенадцать» посвящены статьи Б. Вальбе «Двенадцать». Поэма А. Блока и Александра Ельникова «Незыблемая скала».

Помещен некролог Шарлю Лекоку.

Большая статья посвящена художнику Гуго Гепперу (Фидиусу) (к 50-летию со дня его рождения) и репродукции его портретов Бетховена, Джордано Бруно.

На каждой странице журнала есть репродукции скульптур разных авторов: Артура Дацци, К. И. Шербурга, Л. Д. Иорини.

Приводится статистика: «Разрушения в цифрах. Итоги 1910–1917».

Статья «Иудейство и философия» — пересказ доклада профессора Людвига Штайна в Берлине — сделан по материалам газеты «Vos Zeit».

№ 25, ноябрь

В рубрике «Стихотворения»: Владимир Овчаренко «Песнь Гаспара Гаузера» (Поль Верлен), Юрий Зубовский «Зима», Алексей Борисов «Осеннее»:

Вчера был день прозрачный, звонкий и сухой.

Смеялось солнце по-весеннему лучисто.

Горели дерева оранжевой листвой

Под сетью паутины золотистой.

...

А нынче: сыро, холодно и тяжело.

Свинцовые на небе облака зависли,

И резвым ветром опал разнесло,

И серые, как день, плетутся мысли.

**Влад. Фишер
«Бессонница»**

Вдали сосен сумрачных гордые колонны.

И закатным ужасом пламенела даль.

Перед отвергаемой слезы лил влюблённый.

Годы в сумрак канули, — ничего не жаль.

Очертанья фикусов в темном кабинете.
Окна слабо брезжутся; на дворе мороз.
Стонет молчаливая ночь в неверном свете.
Ничего манящего. Никаких угроз.

Бледная бессонница поднялась с постели
И сидит, задумавшись, в кресле у окна
Ночь бессонно тянется. Окна посинели.
Носится по комнате, реют клочья сна.

В номере также помещены стихи Павла Орешникова «Кулисы», Эмиля Владимирова «Осеннее», Виктора Наделя «Листогон», М. Гиттермана из цикла «С собой наедине», Вл. Фишера «Жена».

Рассказ Е. Н Любич «В солнечный день» — как один эпизод в жизни человека может изменить его характер и жизнь. Л. Знойко «Почти то же самое» — о жизни девушки, насиливо выданной замуж за нелюбимого человека. Два этюда И. Златогорова «Счастье» и «У озера», в одном — рассказчик перепутал похороны молодой графини со свадьбой, в другом — осенний пейзаж. Здесь же рассказ Ив. Буханцева «Мертвые буквы».

З-в (Златогоров) — автор статьи «Большая Берлинская художественная выставка 1918 года», с репродукциями работ. «Скифы» Блока — статья Юрия Никольского. И, скорее всего, он же как «Золтов» помещает очерк «Вильгельм в карикатурах».

О Бальмонте в одноименной статье пишет В. Фишер: «...отсутствие страсти и огня делает Бальмонта одиноким скитальцем, у которого нет связи ни с чем, даже с Родиной. Гражданин мира, экзотический наблюдатель, всюду изгнаник...» Д. Н. Овсянико-Куликовский — автор статьи «Тургеневское», И. Горелик — «Адмирал Н. И. Скрыдлов. Вместо некролога».

О приметах времени пишет «Домби» в очерке «Среди меняя» («От банка к лавочонке и дальше к меняле со столиком... Как хочется верить, что скоро конец!»). Статья без подписи: «Меньшевики о борьбе с большевизмом и воссоздании России».

На каждой странице этого номера — репродукции фотографий со скульптур известных скульпторов: «Вольтер, последние дни» (Магнус), «Жалоба девушки» — статуя работы Ф. Копфа.

Помещены фото полковника Пилсудского, главнокомандующего польскими войсками, фото и сообщение о смерти Виктора Адлера, министра иностранных дел Австрии.

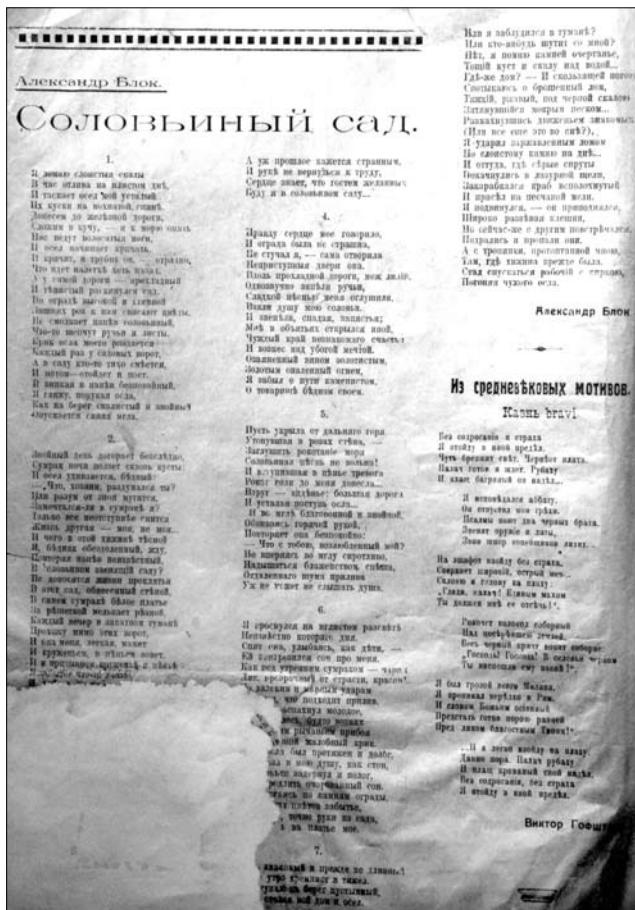
№ 28, декабрь

Последний журнал нашей коллекции.

В рубрике «Стихотворения»: Гр. Томилин «Карадаг», с посвящением Н. А. Марксу; Всеволод Байкин «Астры», «В монастыре».

Часть страницы утрачена.

Опубликованы «Соловьиный сад» А. Блока, «Из средневековых мотивов» В. Гофштнанда, «Без родины» Виктора Наделя, «Жизнь оди- нокую, серую...» Ю. Зубовского, «К жене» Вл. Фишера:

А. Блок. Соловьевский сад. «Жизнь» № 28, 1918

«Под грохот экипажей,
Под рёв автомобилей,
Под лязг и звон трамваев
Мы в спешке жизнь прожили».

Опубликованы два стихотворения М. Гиттермана из цикла «Лепестковые губы»:

«Усыпи меня поцелуями
Опьяни меня влагой рос.
Дай упиться живыми струнами
Аромата твоих волос.

Бор. Бобович.

Памяти Анатолія Фіолетова.

Как набежать вас, путь
смерти?
Как обойти вас, или
утрат?

Глаза его печальные линии,
Чехольчик был немодного покроя,
Но взгляты безнадежные кричали:
«Мы все рано, вы видите—больной я»...
Какая чарующая, теплотой наполненная
простота!

Или:
Есть нежное предание на Иппонѣ
о маленькой лошади, пройдя пони,
И добром живопись Канако,
Который на лошечках, крытых лаком.
Наобразжал священного микало
В различных положениях и нарядах...
А самых обмыкновенных вещах Фіолетов
умы говорить каким-то бесконечно тунцем
ным языком, языком тихой поэтической заг-
ности и доброты...

Газетная заметка говорит, что в тот самий момент, когда Анатолий Шор (Фіолетов) опустил руку в карман, очевидно, пытаясь вынуть револьвер для защиты, злоумышленник стал в упор стрелять, и Фіолетов был убит на месте. И сеф очевидно претендовал, каким бым в ближайшем стало его худое лицо, как широко и испуганно раскрылись его большие, ясные глаза и как, закачавшись, рухнулся на землю безымянным трупом поэт...

Для нас, его друзей, он был только поэтом! Никакого сыска? Не знаю... Но, может быть, и тут он искал вдохновения, вдохновения и только вдохновения...

Фіолетов считали футуристом. Но это не так. Фіолетов был просто поэт. В его написанных, немножко тёплых, немножко прощённых стихах такая беда художественной уточненности, такая гармоничная волна хорошего текста и благородного чувства, такая очаровательная ласкотность ритмического содержания, что не о футуризме должна быть речь, а о настоящем, разностном поэзии, должно было быть представление о будущем, которое нико и не могло обобразить...

Чахоточный, игроманский холохольчик,
Капкаешь на зеленою хрупкой ножкой,
Гравертикал морщинистый чехольчик,
Протягивал на встречу солницу рожки.

Как холодно розовых грушам!
На исчезающего он ддал икую образную аллегорическую картину:
Мъсли очерчен отично
В небѣ, как будто кисейном...
Мъсци с умбкой прелиющей
В общестѣ чисто семейством
Нѣскольких зѣбак, видно—теток
Прелестъ, как вѣжли и кроток...
Стойбимъ и гордымъ труверомъ шелъ Анатолій Фіолетов по скучной горой жизни. Шелъ и пѣлъ. Творилъ свою молодую, извѣстную славку... И ушибался проникновенно и заболтыво:

Ах, как я вас, груши, жалѣю!
Да, он жалѣлъ груши, чьи щеки в узорах румянца!...

А его не пожалѣли.—выстрѣлъ и холодный.

блѣдный труп...

Бор. Бобович.

Б. Бобович. Памяти Анатолия Фиолетова. «Жизнь» № 28, 1918

Проза представлена этюдами Як. Чухненко «Не доехали» и Юрия Зубовского «Лунною ночью», сценкой «Жизнь» (этюд в 1 действии и 4-х картинах) И. Златогорова, рассказом Леонида Астахова «Судьба».

В номере статьи Кудеяра «Об актерах и публике», Мих. Юшкевича «Франция», С. Золотова «Выставка картин о-ва «Независимых» художников» (автор пишет, что выставка 1918 года слабее предыдущих), Ал. Шапиро «Леконт де Лиль (к 100-летию со дня рождения)», «Сербское национальное искусство» (без подписи), Б. Варштата «Древнее врачебное искусство во время войн».

Б. Бобович пишет о погибшем друге: «Памяти Анатолия Фиолетова».

Опубликована рецензия Александра Соколовского «Новая книга о строении стиха (Валерий Брюсов. «Опыты». Москва, 1918)»; автор пишет, что книга имеет огромное значение для путей развития русской «пиитики», «Опыты» — крупный вклад в стихологию.

Подводятся итоги «Конкурса поэтов»: опубликованы стихи поэтов, занявших 1–3 места, и шесть стихотворений, «не премированных, но подлежащих публикации».

Примечания

1. О журнале см.: Одеська періодична преса років революції та громадянської війни 1917–1921 р., под ред. С. Л. Рубинштейна.— Од., 1929. — С. 120–121.
Бельский М. Р., Ижик Л. В. Журналы старой Одессы: Справочник. — «BMB», 2008. — С. 27.
2. Одеська періодична преса років революції та громадянської війни 1917–1921 р., под ред. С. Л. Рубинштейна. — Од., 1929. — С. VIII–IX.
3. Там же. — С. XVII–XX.
4. См.: Одеська періодична преса років революції та громадянської війни 1917–1921 р., под ред. С. Л. Рубинштейна.— Од., 1929. — С. 62.
5. Опубликовано: Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину. — Од., 1998. — С. 70.
6. Где обрывается Россия: Художественно-документальное повествование о событиях в Одессе 1918–1920 гг. / Сост. А. Таубеншлаг, А. Яворская. — Од., 2002. — С. 41–43.
7. Там же. — С. 58–59.
8. Там же. — С. 32–37.
9. Влюбленный Валентин... — С. 60.
10. Где обрывается Россия... — С. 61–62.
11. Там же. — С. 30.
12. Там же. — С. 56.
13. Там же. — С. 68–69.

E. M. Голубовский

УКРАИНСКИЙ АПОСТОЛ В ПОСТОЛАХ...

Это строка из стихотворения Владимира Нарбута «Баня», вошедшего в сборник «Плоть», который был издан в 1920 году в Одессе.

И, доморощенное пекло бани,
выбрасывай свой ярмарочный флаг:
Я в облако войду без колебаний,
украинский апостол в постолах.

А через пять страниц, я бы сказал, уточнение:

Одно влеченье: слышать гам,
Чуть прерывающий застой,
Бродя всю жизнь по хуторам
Григорием Сковородой...

Удивительно мало мы знаем сегодня о Владимире Нарбуте. Пожалуй, только «демонический» портрет, созданный Валентином Катаевым в романе «Алмазный мой венец», заставил читающую публику разгадывать загадки образа «колченогого»...

А ведь в русском Серебряном веке это фигура яркая, значительная. Но если в последние два десятилетия Н. Гумилева, А. Ахматову, О. Мандельштама издали десятки раз, то книга В. Нарбута вышла в Москве в 1990 году и канула в вечность.

Трудный поэт? Безусловно. Но как интересно вникать в его поэтику, где ощущимы Гоголь и Сковорода, где показаны пути, по которым позднее пойдут Борис Слуцкий, Иосиф Бродский. «Смысловики», чьи истоки в акмеизме.

Интересен факт — в двадцатые годы Владимир Нарбут уговаривал Осипа Мандельштама «возобновить акмеистическое содружество», привлечь на место расстрелянного Николая Гумилева — и вот тут я бы поставил восклицательный знак! — Эдуарда Багрицкого и Исаака Бабеля.

Рассказывать всю многотрудную жизнь Владимира Нарбута не входит в задачу этого предисловия к републикации его одесской книги «Плоть». Отмечу лишь несколько вех.

Родился в родовом имении на хуторе Нарбутовка под Черниговом в 1888 году. В 1906 году Владимир и его брат Егор (впоследствии знаменитый художник Георгий Нарбут) окончили гимназию. Уже в гимназические годы Владимир Нарбут начал писать стихи и рассказы. В одном одесском собрании хранится сборник, составленный студийцами в 1907 году с автографом Нарбута.

Но началом пути нужно считать собственную книгу поэта «Стихи», изданную в 1910 году. Владимир Пяст, живший в 30-е годы в ссылке в Одессе, при выходе книги предсказал:

«Владимир Нарбут способен иногда «такое» сказать, что его прямо таки попросят вон из салон-вагона».

И, действительно, «попросили». И в 1912 году, когда он издал «Аллилуйя», книжку, конфискованную за богохульство, и в 1928 году, когда «попросили» из партии, и когда в ночь на 27 октября 1936 года арестовали и сгноили в ГУЛАГе

Но я хочу напомнить об одном из счастливейших годов в много-трудной жизни Владимира Ивановича Нарбута.

15 мая 1920 года Нарбут прибыл в Одессу с предписанием оживить деятельность Одесского украинского отделения «РОСТА». И с фанатической энергией он начал организовывать устные газеты «РОСТА», новые журналы «Лава» и «Облава», взбодрил творческую жизнь в городе. Вот тогда-то и познакомился В. Нарбут с Э. Багрицким и И. Бабелем, с В. Катаевым и Ю. Олешей...

В газетах публикуются новые стихи Нарбута, которые на долгие годы запомнили и Константин Паустовский, и Георгий Шенгели, и Валентин Катаев. В Одессе Нарбут переиздает уничтоженную цензурой книгу «Аллилуйя», издает поэму «Александра Павловна» и книгу стихов «Плоть».

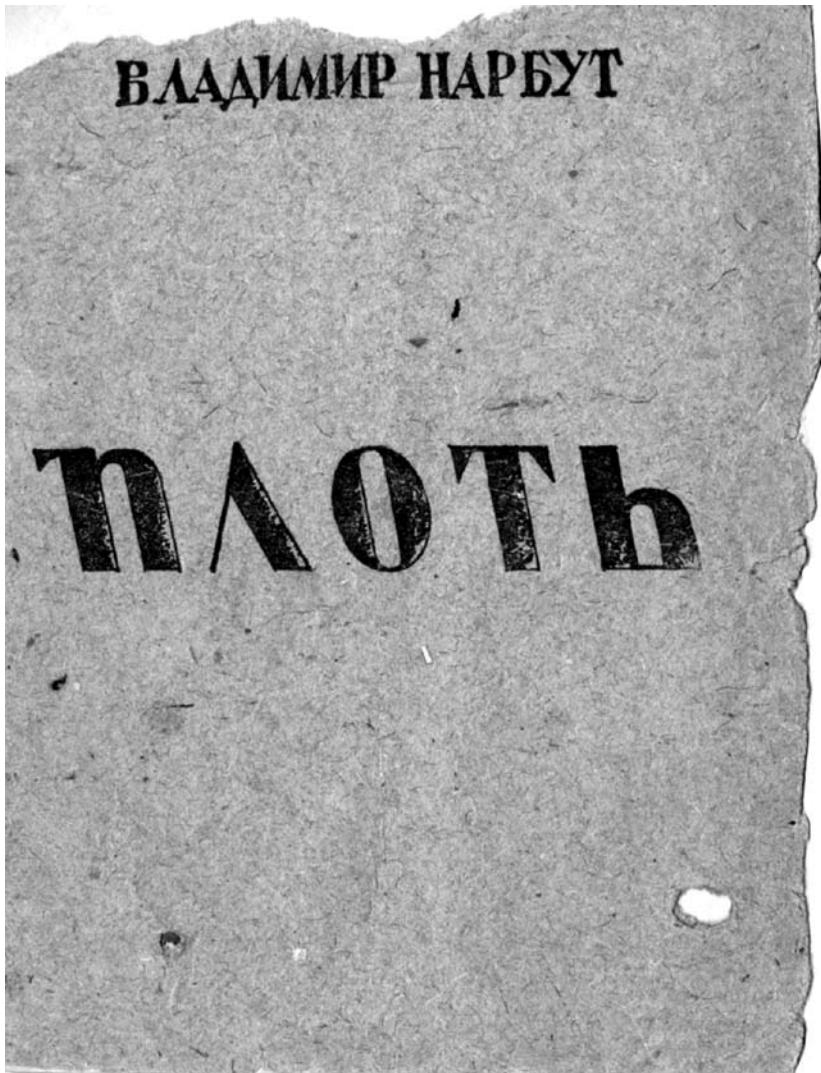
О том, как он читал стихи из книги «Плоть», вспоминал во «Времени больших ожиданий» К. Паустовский.

«Не обращая внимания на аудиторию, Нарбут начал читать свои стихи угрожающим, безжалостным голосом. Читал он с украинским акцентом... Но неожиданно в эти угрюмые строчки врывалась щемящая и невообразимая нежность».

Чуть больше, чем 90 лет назад, в 1920 году издана в Одессе «Плоть» Владимира Нарбута. Но, думается, и сегодня — это памятник литературы, событие в культурной жизни Одессы, знаковый момент

в истории русской поэзии. Альманахи Одесского литературного музея «Дом князя Гагарина» традиционно публикуют книгу в книге, возрождая забытые издания 20-х годов. Уверен, что републикованная книга «Плоть» В. Нарбута найдет и сегодня своего читателя, исследователя, почитателя.

Дом князя Гагарина

В. Нарбут

ВЛАДИМИР НАРБУТ

ПЛОТЬ

БЫТО-ЭПОС

ОДЕССА

1920

СЕРГЕЮ ИНГУЛОВУ ПОСВЯЩАЮ

Что подвиги? Подвижничество — мир.

В. Г.

ПЛОТЬ

Бесдействие не беспокоит:
не я ли [супостаты, прочь!]
стремящийся сперматозоид
в мной возлелеянную ночь?
От бытия, податель щедрый,
не чаю большего, чем кто
от лопающейся катедры
перетасовки ждет лото.
И, наконец, обидно, право,
что можно лишь существовать,
закутываясь в плащ дырявый
и забывая про кровать.

Очеловеченней душой—медвежий,
а телом—гад, во плоти всем толку:
— О, без сомнения, одни невежи
болтают про скучице и тоску!
Коль солнце есть,—есть ветер, зной и слякоть,
и радуги зеленої полоса.
Так отчего же нам чураться злака,
не жить, как вепрь, как ястреб, как оса?
Дыши поглубже. Поприлежней шупай.
Попристальней гляди.
Живи,
чтоб купол позолоченной залупой
увил колонны и твоей любви.

ПЛОТЬ

1. В сарае, рыхлой шкурой мха покрытом,
сверля глазком калмыцким мутный хлев,
над слизким, втоптанным в навоз корытом
кабан заносит шмякающий зев.
Как тонкий чуб, что годы обтянули
и закрутили натуго в шпагат,
стрюочек хвоста юлит на-карауле,
оберегая тучный круглый зад.
В коровьем вывалившись, как в коросте,
коптятся заживо окорока.
— Еще две пары индюков забросьте.—
на-днях писала барская рука,
и, по складам прочтя, рудой рабочий,
краплённый оспой парень-дармоед,
старательней и далеко до ночи
таскает пойло—жидкий винигрет.
Сопя и хрюкая, коротким рылом
кабан копается, а индюки
в соседстве с ним, в плену своем бескрылым,
овес в желудочные прут мешки.
Того не ведая, что скоро казни
наступит срок и—загудит огонь
и, облизнувшись, жалами задразнит
снегов великопостных, хлябких сонь;

ПЛОТЬ

того не ведая, они о плоти
пекутся, чтобы, жиром уснастив
тела, в слезящей студень позолоте
снять меж тортов, вин, цукатных слив...
Кему им знать, что шеи с ожерельем,
подвешенным, как сизые бобы,
вот тут-же, тут, пред западнею-кельей,
отрубят вдруг по самые зобы,
и схваченная судорогой туша,
расплескивая кляксы сургуча,
запрыгает, как под платком кликуша,
в неистовстве хрюпя и клокоча?
И кабану, уж вялому от сала,
забронированному тяжко им,
ужель весна, хоть смутно, подсказала,
что ждет его холодный нож и дым?..
Молчите, твари! И меня прикончит,
по рукоять вогнав клинок, тоска,
и будет выть и рыскать сухой гончей
душа моя, ребенка-старичка.
Но перед Вечностью свершая танец,
стопой едва касаясь колеса,
Фортуна скажет: „Вот—пасхальный агнец,
и кровь его—убийная роса“.

ПЛОТЬ

В раздутых жилах пой о мудрых жертвах,
и сердце рыхлое, как мох, изрой,
чтоб смертью смерть поправ, восстать из мертвых,
утробою отравленная кровь!

[ПРЕДПАСХАЛЬНОЕ]

2. Блаженство сельское!

Попить чайку
с лимоном, приобретенным в лавочонке,
где продавец, как аист, на-чеку,—
сухой, предупредительный и звонкий;
прихлебывая с блюдечка, на дне
которого кресты выводят лавра,
о мельнице подумать, о коне
хромающем: его бы в кузню завтра...
И, мысли-жернова вращая, вдруг
спросить у распотевшейся супруги:
— А не отдать-ли, Машенька, на-круг
с четвертой тимофеевки в яруге?
И баба в пестром плисовом чепце,
похлопав веками [совсем по-совыи],
морщинки глубже пустит на лице,
питающемся вылинявшей кровью.

ПЛОТЬ

обдернет скатерь и—промолвит: „Ну...
И это „ну“ дохнет годами теми,
когда земля баюкала весну,
как Евы и Адама сны в Эдеме.
О, время, время!
Скользкое, как уж,
свернулось ты в душе и—где же ропот?
— В дежу побольше насолить бы груш,
надрать бы пуху с гусаков...
И копит
твое бессменное веретено
и нитки стройные, и ключья пакли.
Но вот запнулось, гулкое, оно:
ослабли руки, и глаза иссякли.
И чтò с того, что хлопотливый поп
похрясывает над тобой кадилом,
что в величке бумажном стынет лоб,
когда ты жил таким ленивцем милым,
когда и ты наесть успела зоб!..

[ЧЕТА]

3. На мокрых плотных полках—скомканные груды
из праотцев, размякших, как гужи:
лоснящиеся бритые верблюды,
косматые медведи да моржи.

ПЛОТЬ

Из пены мыла, взбитого в ушате
проводной сухощавою рукой,
выглядывают [кстати и неожиданно]
то пятка, то плечо, то глаз косой.
Там рыжего диакона свирепо
вдоль ма-двое разваленной спины
березой хлещет огненный мазепа,
суровый бандыщик, засучив штаны.
А здесь—худой, с ужимками мартышки,
раскачиваясь, боли покорив,
мочалой трет попревшие подмышки,
где лопнул, как бутон, вчера нарыв.
А сей верзилыстый—не Геркулес ли?
Вот только-б при корнях упругих ног,
меж яблочных пахов, привесить если
ему фигурный фиговый листок.
И кровь, и мышцы, и мускулатура,—
все тело дряблое, параличем
еще не потрясенное, амура
по вечерам зовущее в свой дом,—
какому божеству, смывая грязи,
жиров и пота тускнувший налет,
в глухом, самодавлеющем экстазе
из вас хвалу-осанину всякий шлет?

ПЛОТЬ

Не матери-земле-ль, чтоб из навоза
создать земной, а не небесный рай?
Гуляй в пару, рысистая береза,
по коже спин, по задницам гуляй!
И, доморощенное пекло бани,
флажком в субботу каждую цвети,
оповешая прихожан заране,
что даже в рай потребно через грех брести.

[Б А Н Я]

4. Сивея, разлагается заря,
как сыворотка мутного тумана.
А здесь—дупло, вздыблённая ноздря
чихнуть собравшегося великана.
А и чихнул бы этот пень-коряга,
да власти нет, да время не пришло.
Ногой куриной сгорблюсь и прилягу:
пусть бродит, спотыкаясь, ночи зло.
Оно и хило, и подслеповато:
вращающееся веретено.
Нос высверлился, как орех, и вата
закисла в мокнущей дыре давно.
Сморкнуться некуда!
И со слюной.

ПЛОТЬ

вобрав в себя, проглатывает тину.

А язвы в нёбе щиплет жгучий гной

и судорога четвертует спину.

Вернуться на село?

О, никогда!

Слоняться под амбарами вдоль улиц,

сгорать и задыхаться от стыда:

родные, как от вора, отшатнулись!

Невеста Соня...

Господи!..

И слезы

из бесрезничных брызнули очей

и, обхватив руками ствол березы,

от всхлипываний задрожал кощёй.

Трясясь, исходит плачем ночи зло,

ублюдок ада, возле пней—у ската

хребта лесного.

Вяло поползло

зеленоватое по губке ваты...

[ПОРЧЕНЫЙ]

5. Прикинулся блохою крысиной,

подпрыгнул, как резиновый мяч,

и пал на собаку, чтобы псиной

втереться в казармы, где шумят.

ПЛОТЬ

Играют в „дурачки“ и в „железку“,
хочуют,—а скользкая блоха,
стальная по закалу и блеску,
накачивает сок в потроха.
И ночью, когда кругом погаснет,
и жилистый настоится пот,—
клыками первобытными лясет
и лапами мужика сгребет.
Насядет и, схвативши за глотку,
как яблоки, выпустит белки
и—бросит в баснословную лодку,
в качающиеся гамаки.
Несите, качайте по Тибету,
по Африке, по мерзлой луне,
где карт и революции нету,
где думать не надо о жене!
Не скиф, а щеголь великосветский:
лихач впереди кричит:
— Пади!..
И разве этот голый в мертвецкой—
изысканнейший *тот* господин?..
Скуластый, скрюченный, белобрысый,
и верхняя припухла губа..
Мошонку растормошили крысы
и — сукровицу можно хлебать!..

ПЛОТЬ

Узнает жена лишь по рубашке,
а дочка не узнает уже...
Так вот какой навоз для запашки,
сыпняк, ты месишь и без дрожжей!
Простер над жизнью людскою кару,
прикинулся знойною блохой
и—скачешь, скачешь по тротуару
за долей, старушкою глухой...

[ТИФ]

Многое тщетно: никаких как

никакого спасения и покоя...

В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружен!

А. Пушкин.

6. Ну, застрелюсь. И это очень просто:
нажать курок, и выстрел прогремит.
И пуля виноградиной-наростом
застрянет там, где позвонок торчит,
поддерживая плечи — для хламид.
А дальше—что?
Поволокут меня
в плетущемся над головами гробе
и, молотком отрывисто звяня,
придавят крышку, чтоб в сырой утробе
великого я дожидался дня.
И не заметят, что, быть может, гвозди
концами в сонную вольются плоть:

ПЛОТЬ

весь, скоро, все равно, под череп грозди
червей забыются и—начнут полоть
то, чем я мыслил, что мне дал господь.
Но в светопреставленье, в Страшный Суд—
язычник!—я не верю: есть же радий.
Почиу и услышу разве зуд
в лиловой, прогнивающей громаде,
чи соки жесткие жуки сосут?
А если вдруг распорет чрево врач,
вскрывая кучу [цвета кофе] слизи,—
как вымокший заматерелый греч,
я [я—не я!], мечтая о сюрпризе,
расбухший вывалию кишечек калач.
И, чуя приступ тошноты от вони,
свивающей дыхание в спираль,
мой эскулап едва-едва затронет
пинцетом, выскобленным, как хрусталь,
зубов необлупившихся эмаль.
И вновь,—теперь уже, как падаль,—вновь
распотрошённого и с липкой течкой
бруснично-бурой сукровицы, бровь
задравшего разорванной уздечкой,
швырнут меня...
Обиду стерла кровь.
И ты, ты думаешь, по нем вздыхая,

[конец]

ПЛОТЬ

что я приставлю дуло [я!] к виску?

..О, безвозвратная! О, дорогая!

Часы спешат, диктуя жизнь: «ку-ку»,

а пальцы, корчась, тянутся к курку...

[САМОУБИЙЦА].

7. Упал, раскинулся и на-небо гляжу.

В сиропе—в синеве густой—завязнуть хочет
расслабленный, дрожащий судорожно кобчик.

А зной, как ливень: в жито, в жито—чрез межу.

Голубенькая глупенькая стрекоза
прилипла к льющемуся колосу и—жмутся
морщинистые складки живота; смеются
две пуговицы перламутровых: глаза.

Лупатая!

Висишь над самой головой
и слушаешь, как надрывается кузнецик.

Смешно, что нынче я—никчемный человечек,
сраженный зыбкой негой, млею, чуть живой?
Ну, да.

Зато, когда-б сквозь жаркий и зеленый,
и васильковый бор сюда вдруг забрела
она—и ты, как пасечник во дни урона,
во дни ройбы, промолвила бы:

— «Вот и рай!»..

[ЗНОЙ]

ПЛОТЬ

8. Одно влечение: слышать гам,
чуть прорывающий застой,
бродя всю жизнь по хуторам
Григорием Сковородой.
Не хаты и не антресоль
прельстят, а груша у межи.
где крупной зернью ляжет соль
на ломоту выпеченней ржи.
Сверчат кузнечики.
И высь—
сверкающая кисея.
Земля-праматерь!
Мы слились:
твое—мое, я—ты, ты—я.
Мешает ветер пятаки,
тень к древу пятится сама;
перекестились ремешки,
и на плечах опять сума.
Опять долбит клюка тропу,
и сердце, что поет, журча,—
проклонувшее скорлупу
баюкаемое курча.

ПЛОТЬ

9. Размякла плоть, и—синевата проседь
на реденьких, прилизанных висках.
Рудая ссень в прошлое уносит
и настоящего сдувает прах.
В бродячей памяти живут качели—
в скрипучих липах—гонкая доска.
Колени заостри, и—полетели,
нацеливаясь в облака.
И разве эта цель была напрасной?
Все туже шла эфирная стезя
и все нахальнее метался красный
газ пред лицом, осмысленно гровя.
Но слишком дерзостен был и восторжен
[с пути долой, тюлени-облака!]
полет, должно быть, если вечный коршун
скотил, схвативши лапой, голубка.
И только клуб да преферанс остался,
да, после клуба, дома "Отче наш",
да целый день мотив усталый вальса,
да скуча, да стихи, да карандаш...

[ВДОВЕЦ]

10. Визжит пила уверенно и резко,
как рожь, ползут рисунка завитки,

ПЛОТЬ

и неглубоким желобком стамеска
черпает ствол и хрупкие сушки.
Кряжистый, низкий, лысый, как апостол,
нагнулся над работою столяра:
из клена и сосны почти что создал
для старого евангелья футляр.
Размашисто кистью из кастрюли
рука ворует тепловатый клей,
и—половинки переплет сомкнули
с колосьями, не из родных полей.
Теперь бы только прикрепить застежки,
подернуть лаком бы, да жалко—нет...
В засиженные мухами окошки
проходит пыльными столбами свет.
Как будто день чрез голубое сито
просеняет легкую муку.
И ею стол и лысина покрыты,
и на стволе она, и на суку.
О, светлая, рассыпчатая манна!
Не ты-ль приветствуешь господень труд,
не от тебя-ли тут благоуханно,
и мнится: злаки щедрые растут?
Смотри, осенний день, и на колосья,
что вырастить, трудясь, рука могла.
Смотри и молви:

ПЛОТЬ

их пучок разросся
маслиной Ааронова жезла!

[СТОЛЯР]

11. Цедясь в разнеженной усадебе,
вся жизнь текла и — протекла.
Но как побрел бы, бога ради,
поклянчить грубого угла!
К сохе, в степи, где край непочат,
подвесть мордатого коня
и, знаю, ветры защекочут
руками хлябкими меня.
И, только солнце выткет кокон,
в него залезет и замрет,—
чрез прядло, возле влажных окон,
перевалиться в огород,
нарвать моркови и укропа,
гнездо картофеля подрыть,
и после, в печке низколобой,
сгребая пену, суп варить...
И, помянув Христа во вздохе,
отдаться тяге сна легко,
чтоб видеть медленные сохи
на горизонте — далеко...

ПЛОТЬ

12. Как быстро высыхают крыши.

Где буря?

Солнце припекло!

Градиной вихрь на церкви вышиб —
под самым куполом — стекло.

Как будто выхватил проворно
остроконечную звезду —
метавший ледяные зерна,
гудевший в небе на - лету.

Овсы — лохматы и корявы,
а рожью крытые поля :
здесь пересечены суставы,
коленцы каждого стебля !

Христос !

Я знаю, ты из храма
сурово смотришь на Илью :
как смел пустить он градом в раму
и тронуть скинию твою !

Но мне — прости меня, я болен,
я богохульствую, я лгу —
твоя раздробленная голень
на каждом чудится шагу.

[ПОСЛЕ ГРОЗЫ]

13. Ангел зимний, ты умер.

Звезда

синей булавкою сердце колет.

П Л О Т Ъ

Что - же, старуха, колоду сдай,
брось таза на бездомную долю.
Знаешь, старуха, мне снился бой :
кто - то огромный, неторопливый
бился в ночи с проворной гурьбой.—
ржали во ржах жеребцы трубой,
в топоте плыли потные гривы...
Гулкие взмахи тяжелых крыл
воздух взвихрили и — пал я навзничь.
Выкидышем утробной игры
в росах валялся и чаял казни.
Но протянулась из тьмы рука,
вылитая — верь !—из парафина.
Тонкая, розой льнущая, ткань,
опеленав, уложила в длинный
ящик меня.
Кто будет искать ?
Мертвый, живой — я чуял :
погоди, я тебе скажу !
пел и кадил надо мною схимник,
пел и кадил, улыбался ртом, —
это не ты ли, мой ангел зимний ?
Это не ты ли дал пистолет,
порох и эти круглые пули ?..
Песья звезда, миллионы лет
мед собирающая в свой улей !

ПЛОТЬ

Ангел, ангел, ты умер.
Звезда,
что тебе я — палач перед плахой ?..
В двадцать одно сыграем-ка.
Сдай,
сдай, ленивая, сивая пряха !

[СИРИУС]

14. Для меня мир всегда был прозрачней воды.
Шарлатаны — я думал — ломают комедию.
Но вчера допотопного страха следы,
словно язвы, в душе моей вскрыл этот медиум.
С пустяков началось, а потом как пошло,
и пошло — и туда, и сюда — раскомаривать :
стол дубовый, как гроб, к потолку волокло,
колыхалось над окнами желтое марево,
и звонил да звонил, что был заперг в шкапу,
колокольчик литой, ненечаянно тронутый.
На омытую холодом ровным тропу
двое юношей выплыли, в снег опелёнуты.
Обесглавлен, скользя, каждый голову нес
пред собой на руках, и глаза были зелены,
будто горсть изумрудов — драконовых слез —
переливами млела, застрявши в расщелинах.
Провалились и — вдруг потемнело.

ПЛОТЬ

Но дух
нехороший, тяжелый-тяжелый присунулся.
Даже красный фонарь над столом — не потух! —
почернел, как яйцо, где цыпленок наклонился.
— Ай, ай, ай, — кто-то гладит меня по спине, —
дама, взвигнув, забилась, как птица, в истерике.
Померещилось лапы касанье и мне...
Хлынул газ из рожков и — на ярком мы береге.
— Боже, как хорошо! — мой товарищ вздохнул,
проводя по лицу трепетавшими пальцами.
А за окнами плавился медленный гул:
может, полночь боролась с ее постояльцами.
И в гостиной — дерзнувший чрез душу и плоть
пропустить, как чрез кабель, стремление косное —
все не мог, измощдённый, еще побороть
с сотворённое бурей волнение грозное.
И, конечно, еще проносили они —
двое юношей, кем-то в веках обесславленных —
перед меркнущим взором его простыни
в сферах, на землю брошенных, тленом отравленных.

[С Е А Н С]

15. Она — некрасива :

приплюснут
слегка ее нос, и глаза,
смотрящие долго и грустно,
не раз омывала слеза.

ПЛОТЬ

О чём она плачет — не знаю,
и вряд-ли придется узнать,
какая (святая, земная?)
печаль еë нежит, как мать.
Она — молчалива.

И могут
подумать иные:
горда.

Но только оранжевый ноготь
подымет луна из пруда, —
людское изменится мненье:
бежит по дорожке сырой,
чтоб сгорблений нищенской тенью
скитаться ночью порой.
Блуждает, вздыхая и плача,
у сонных растрепанных ив,
пока не плеснется на дачу
кровавый восхода разлив.
И вновь на потрухшей терасе
сидит молчаливо-грустна,
как сон, что ушел во-свойси,
но высосал душу до дна.

ПЛОТЬ

16. Вы набожны, высокомерно-строги.
Но разве я не помню, как давно
из домика при городской дороге
Вы мне кивали ласково в окно?
Вас облегал доверчиво и плотно
капот из кубового полотна.
О, май!
Уж эти тонкие полотна,
уж эти разговоры у окна!
А смерть не ждет.
Не стало в доме дяди,
и тети Клеопатры долг — тяжел.
Она живет, чужого счастья ради,
нудясь: скорей-бы почтальон пришел.
И, если вечером звонок с хрипотцей
у двери захлебнется раз иль два,
какая суматоха разольется
по комнатам, не вымершим едва!
Из Питера Вы пишете со скуки:
— Здесь, тетя Капочка, дожди да грязь...
Дрожат очки, и маленькие руки
берут альбом, завернутый в атлас.
Когда-то тем, кому Вы очень близки,
в альбом портрет Ваш подарила мать.

ПЛОТЬ

И трудно в этой щуплой гимназистке
Вас, Александра Павловна, признать!

[ПОРТРЕТ]

17. Летучей мыши крыло
задело за сердце когтем, —
и грудь — пустое дупло,
хоть руку засунь по локоть.
Сегодня, завтра, вчера —
все тот же сумрак в деревьях:
кленовые вечера
в раскидистом, добром чреве.
Нет плоти и — нет греха,
нет молний мертвецких ночью...
Сутулого жениха
заластили по-сорочьи.
Как вздернут лукавый нос!
И солнце поет в веснушках!
Худой, привязчивый пес —
я с Вами, моя пастушка!
Лиловое, синь-кругом:
цветочки: Иван-да-Марья.
Откуда же этот гром,
удушье тягучей гари?

ПЛОТЬ

Ах, девушка, всех милей,
не девушка, а наяда ...
Душа!
Как пес, околей!
Под тыном валяйся, падаль!

[ЛЮДСКАЯ ПОВЕСТЬ]

18. В прихожей — выщербленный рукомойник
да на лежанке хромоногий кот.
А чтò, когда вдруг добренький покойник
сюда с погоста в сумерках придет?
Шатаясь, в николаевской шинели
с бобровым вылезшим воротником,
войдет, поскрипывая еле-еле
косым, ходьбою сбитым, каблуком.
Потрет ладони, связки пальцев грея;
Никиту, может, кликнет в попыхах,
да вспомнив, что давно прогнал лакея,
закашляется, захрипит всердцах.
Сурово сдвинет брови, тучей-туча,
стряхнет на стул шинель с костлявых плеч,
и — встанет кот, испуганно мяучा;
коробясь, не осмелится прилечь...
Потом, расглаживая бакенбарды,
прильнувшие к морщинистым щекам,

ПЛОТЬ

направится в ту комнату, где карты
раскладывает дряхлая madame.

На миг остановившись у портьеры,
окинет взором столик со свечей,
старуху чопорную в тальме серой
и полукруг пас'янса небольшой.

— Bonjour, Nadine, — и щелкнет каблуками,
и ужас заберется в женский взгляд.

И, замахав белесыми руками,
старуха вся откатится назад.

В трубе простонет вышкою тяжелой
холодный ветер : хватит и швырнет...

А утром девка выцветший околыш
под стулом продырявленным найдет.

Помнёт и — в сенцах на чердак забросит :

— Никак, от баринова картуза ?

Черт лешего опять, наверно, носит :
подумаешь, чердачная гроза !

И — ну мести, да так, чтоб рукомойник
не загремел : ведь, старая — больна.
Лежит она :

— Повадился покойник,
ужели богом власть ему дана?

[ПОКОЙНИК]

ПЛОТЬ

19. Тянет медом от укропа,
поднял морду, воя, цербер.
Из-за века — глаз циклопа:
полнолуные на ущербе.
Под мельницей ворочает
колеса-жернова
мучарь да нежить прочая,
сама едва жива.
А на горке, за овином,
за цыгельной — ветряки.
Ты нарви, нарви, нарви нам,
ведьма, зелья от руки!
Пошастать бы амбарами,
замки травой взломать:
не помирать же старыми,
такую твою мать!
Прётся виево отродье;
лезет в гору на циклопа.
Пес скулит на огороде,
задыхаясь от укропа.

[У КРОП]

ПЛОТЬ

I.

20. Мимозы с иглами, длиной в мизинец,

и кактусы, распятые спруты,

и кубы плоскокрышие гостиниц,

и в дланях нищих конские хвости,—

о, Эфиопия!

Во время бно

такой, такой-ли ты была, когда

твоя царица мудрость Соломона

пытала на весах его суда?

Почила в прошлом ты, иль неужели

вернуться к Моисею предпочла,

влача толстоподошвые доселе

сандалии из чресл сырых вола?

Слежу тебя в ветхозаветном мраке,

за кряжем осылающихся гор,

у чьих подножий грузных кожемяки

распластывают кожи до сих пор.

И копья воинов твоих—все те-же,

все те же кованые острия,

что, прободав распятого, медвежьей,

густой хлестнули кровью на меня!

II.

21. На пыльной площади, где камень

посекся мелкою остряшкой,—

коричневатыми руками

ПЛОТЬ

суются слизанные чашки.
Мычат гугняво и гортанио,
выклянчивая милостыню,
те, кто проказой, Роком данной,
как Лазарь, загнаны в простины.
На скуле и сухой коленке
как будто наросла замазка,
но сердцевина этой пенки,
как сук сосны, тверда и вязка.
Сидяг на зное и — невнятно
бормочут сжатыми губами,
лениво колупая пятна
чуть закоптелыми ногтями.
Сидят в пыли, копаясь часто
в плащах, где в складках вши засели, —
а под мимозой голенастый
петух скрипит, но еле-еле.
И все — и маленькие куры,
и площадь в скрюченных мимозах,
и в небе облак белокурый —
в расщепленных загрузло грезах.
И притчится, что здесь когда-то
сын божий проходил, касаясь
сих прокаженных и — лохматой
тень ползала за ним, косая..

ПЛОТЬ

И вот, теперь, от спертой гари,
урод болезненный в извёстке —
в проказе — треплется в Хараре,
вонючий, сжабренный и жесткий.
Сидит на грудах обгорелых,
просовывая из рубашки
узлами пальцев омертвелых
так тонко-слизанные чашки!

[АБИССИНИЯ]

СОДЕРЖАНИЕ:

	стр.
Бесдействие не беспокоит	3
Очеловеченной душой	3
Предпасхальное	4
Чета	6
Баня	7
Порченый	9
Тиф	10
Самоубийца	12
Зной	14
Одно влеченье	15
Вдовец	16
Столяр	16
Цедясь в разноженной усадебе	18
После грозы	19
Сириус	19
Сеанс	21
Она некрасива	23
Вы набожны	24
Людская повесть	25
Покойник	26
Укроп	28
Абиссиния	29

2-я Советская типография—Одесса, Красный пер., 11.

О. Л. Яворська

«ДАЙТЕ МЕНІ МОЖЛИВІСТЬ ПРАЦЮВАТИ...»

Казки Михайла Жука

Стаття продовжує початий у попередніх збірках¹ огляд прозової спадщини художника та письменника Михайла Івановича Жука (1883–1964). Як вже згадувалось, у його доробку були оповідання, казки, вірші, переклади, п'еси, спогади та критичні статті.

Завдяки допомозі народного депутата України С. Р. Гриневецького у вересні 2010 р. літературний архів М. І. Жука, що знаходився в приватній колекції, надійшов до фондів ОЛМ.

Темою статті є огляд казок, загалом у доробку їх тридцять чотири закінчених, вісімнадцять незавершених та два плани (перелік зроблено за списком, складеним письменником, рукописами з фондів ОЛМ та новими надходженнями). Враховуючи, що після смерті М. Жука його архів розійшовся щонайменше по чотирьох приватних колекціях, у майбутньому можливе збільшення цієї цифри.

Перше оповідання письменника було надруковане у 1906 р.² Але перша його книжка — віршована казка «Ох»³ (написана 1907 р.) видана у Чернігові 1908 року. Тож можна вважати, що Жук дебютував саме як казкар. Того ж року вірші та біографія молодого автора з'являються на сторінках альманаху «Українська муз». Поетична антологія од початку до наших днів». 1908 роком датовано і рукопис першої прозової казки «Правда та Неправда». По тому довга перерва, і наступна згадка про казки з'являється через десять років. Журнал «Книгарь» 1918 року повідомляє: «Підготовляються до друку три томи творів Михайла Жука (перший том — поезії й два томи оповідань)»⁴. За словами Жука: «<...> мною був підписаний договір з видавництвом “Сіяч” на видання моїх творів (п'ять томів — прози, поезії, драматичних творів, казок і статтів по питанням українського мистецтва). Книжки так і не встигли вийти з чисто технічних умов та й умов дуже бурхливих політичних подій, що тоді відбувалися на Вкраїні»⁵.

Події ці мали трагічний вплив не лише на видання творів, а й взагалі на подальшу творчість Жука-письменника.

Останній відомий закінчений прозовий рукопис датований 23 червня 1918 року (власне, навіть не новий твір, а другий варіант оповідання «Травень», написаного влітку 1914 р.). У середині 1920-х рр. (датується за почерком та папером: приблизно з 1923–24 років письменник використовував довгі вузькі смужки паперу) він також перероблює, збільшуючи чи не вдвічі, надруковані 1919 року у журналі «Музагет» № 1–3 оповідання «Смуток» та «Етюд» («Дійсність і мрія»).

Остання прозова публікація — оповідання «Очі» — припадає на 1921 рік. Надалі Жук писав переважно вірші, спогади та п'єси.

Після квітня 1919 р. він повертається до Чернігова: «С весни 1919 года работал в Чернигове при Губнаробразе, возглавляя Отдел Искусств и заведовал студией ИЗО. С 1922 года был ответственным секретарем Губ. Отд. Союза Рабис Черниговщины до 1925 года»⁶.

Саме на ці часи припадає розквіт творчості Жука-казкаря.

До казки (чи то на фольклорний сюжет, чи то на власний) зверталось багато письменників, в українській літературі чи не найкращим був добре знайомий М. Жуку І. Франко.

Фольклорні казки прийнято поділяти на три групи: чарівні, побутові та казки про тварин. У доробку Жука (в обробленому вигляді) можна знайти усі три види.

Не будемо звертатись до розгляду специфіки і відмінностей фольклорних та літературних казок, та варто б ще згадати зроблений І. Франком поділ казок «по формам літературним» (ймовірно, що Жук був з ним обізнаний). З семи позицій (казка; легенда; новела; фацеція: оповідання мітичні [так!]; оповідання про особи, події та місцевості історичні; байки звірячі) у Жука, за класифікацією І. Франка, можна знайти: «1) Казку, т. е. оповідання,

М. Жук. Автопортрет. 1920.
Чернігів

в якому дійсність перемішана з чудесним елементом, так що цілість являється свободним виплодом фантазії, без ніякої побічної, церковно-моралізуючої цілі. <...> 3) Новелу, т. е. оповідання без примішки чудесного елементу, основане на тлі побутовім, часто перейняті тенденцією соціальною <...>. 4) Фацетію (анекдот), т. е. коротеньке, звичайно гумористичне оповідання, суть якого становить звичайно якесь одне спостереження, часто гра слів, незвичний оборот мови, прізвище і т. і. <...> 7) Байки звірячі, притчі і апологи, т. е. короткі оповідання, звичайно морального або загалом дидактичного змісту, в яких героями являються звірі або інші не одушевленні речі»⁷.

Звернення письменника до казок у 1919–23 рр. можна обґрунтувати чисто побутовими причинами: як можливістю видання (з 1920 по 1923 вийшло з друку три книги), так і потребою розважити двох синів — Юрія та Миколу. Доожної сторінки «Дрімайликів малайцям» Жук зробив гравюри, на яких у зображеннях дітей вгадуються риси обох синів. У незавершенному оповіданні він змальовує і літературний портрет своїх бешкетників: «Було собі двое хлопчиків — Юрія і Миколка. Мама їхня ходила у школу до дітей, щоб навчати їх. А коли мама приходила до дому і ще в передпокой роздягалася, то Юрія і Миколка вибігали і починали жалуватись мамі. <...> Микола тут же при мамі надходить і штовхає у боки Юрка; Юрко ловить і смикає Миколу за чуба; Микола плаче, але кусає Юрка за палець. Голосно ревуть обидва. Мама в одчаю; хоче роздягнутися, але де там... Бере хлопців за руки і ставляє по кутках. Плачуть. Юрія сперся животом до стінки, а Микола плечем, і пальцем здирає шпалери. <...> Юрко тре мокрі од сліз очі і не знає, що сказати, йому тільки три з половиною роки, а братові цілих п'ять, та ще й трохи більше»⁸ [тут та далі у цитатах збережено орфографію автора. — О. Я.].

Але не менш вагомим є те, що Жук, не маючи змоги одверто висловити свої думки у реалістичних оповіданнях, ховає їх у шати казки. Впадає в очі, що у казках, написаних після видання книжки 1920 р., чітко визначаються погляди письменника — відраза до будь-якого уряду, неприйняття оточуючого невігластва, безнадійність. Власне, щоденникові записи Жука того часу сміливо можна поставити епіграфами до багатьох його казок. «Коли питаютъ: Який уряд крацій? — правий чи лівий. Це питання подібне до того — яка рука у злодія краща — права чи ліва. Про середину навіть смішно говорити. Черн[ігів] 1922 р. 29/VI»⁹, «Кажуть, добро настало. А в чому те добро? Що дня

комісарша за стінкою інтернаціонал грає, а потому чижика. По між тим і другим ідуть якісі дешеві шантанні пісеньки. І піаніно у комісара чуже: з музичної школи взято. А от раніше тут же, за стінкою, урядовець жив: Боже царя співали і також чижика грали і шантанні мотиви були. А от добра ніколи не було. Звичайно, того загального добра, про яке так давно люди мріють»¹⁰.

Зберігся перелік казок, зроблений самим автором¹¹ (приблизно у середині 1920-х рр.):

- 1) Ох
- 2) Правда та неправда
- 3) Принцеса Луна
- 4) Три глечики
- 5) Спляча красуня
- 6) Музики
- 7) Свинка
- 8) Коробочок із сірничків
- 9) Пухирини
- 10) Про Тхора-Тхорища
- 11) Водичка Молодничка
- 12) Кораблики
- 13) Неслухнянко
- 14) Король-Рік
- 15) Добро
- 16) Дядько та Дідько
- 17) Зарікання
- 18) Клопіт
- 19) Осел
- 20) Циган і чорт
- 21) Іvasик-ковбасик
- 22) Капчики
- 23) Про доброго короля Пустилихо
- 24) Дрімайлики малайцям
- 25) Золотий горішок
- 26) Ме

Казки	
1) Ох.	
2) Правда та неправда	
3) Принцеса Луна	
4) Три глечики	
5) Спляча красуня	
6) Музики	
7) Свинка	
8) Коробочок із сірничків.	
9) Пухирини	
10) Про Тхора-Тхорища.	
11) Водичка Молодничка.	
12) Кораблики	
13) Неслухнянко	
14) Король Рік	
15) Добро	
16) Дядько та Дідько	
17) Зарікання.	
18) Клопіт	
19) Осел	
20) Циган і чорт.	
21) Іvasик-ковбасик	
22) Капчики	
23) Про доброго короля Пустилихо	
24) Дрімайлики	
25) Золотий горішок.	
26) Ме.	

Іде відмінно, що в книзі є список до сих після «Золотого горішка», але він не відповідає, які він відповідає.

М. Жук. Список казок.
Середина 1920-х рр.

Складно пояснити, чому саме ці казки увійшли до списку. До нього не включені з невідомих причин ще вісім, серед них як написані 1919 р. і ненадруковані «Війна» та «Ма-зол-ке», так і «Хо-Біси» (1920), що увійшла до книги «Казки». Жук включає до списку свою останню казку «Ме» (назва дописана пізніше, іншим олівцем), але не

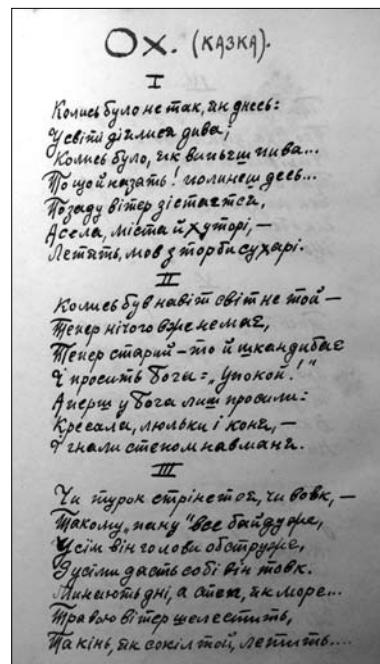
вказує написаних у 1922–23 рр. — «Старість», «Добра душа», «Сливи», «Пшик», «Лиска й Чабан».

Коли проаналізувати тексти казок та примітки до них, зроблені самим Жуком, то видно, що він обробляв народні українські казки («Ох», «Правда та неправда», «Дядько та Дідько», «Пшик», «Ме»), брав сюжети з грецьких міфів («Неслухнянко»), англійських («Хобіси») та японських казок («Водичка-молодничка»).

Але Жук створював і власні, сутто літературні казки. Лише в одній з них використані водночас сюжети кількох народних казок, значно перероблені та переосмислені («Золотий горішок»). В інших казках сюжети належать тільки йому («Добро», «Дрімайлики малайцям», «Спляча красуня» [яка, окрім сплячої геройні, не має нічого спільногого з традиційною одноіменною казкою. — О. Я.], «Пухирики», «Капчики», «Король Рік», «Коробочок із сірничків», «Старість», «Осел», «Ма-золке», «Клопіт», «Про доброго короля Пустилих»). Останні три водночас є яскравими зразками політичної сатири, що не застаріли й до сьогодні. Ще дві казки («Війна» та «Кораблики») вочевидь написані за спостереженнями за іграми синів.

Казки (не враховуючи першої — «Ох» (1907 р.) — та датованої зимию 1908 р. прозової «Правда та Неправда») написані Жуком з червня 1919 р. по травень 1923 р. Три з них віршовані — «Ох», «Дрімайлики малайцям» та «Про Тхоря-Тхорища», інші — прозові. Найбільші за обсягом: у грубому зошиті «Ох» (28 стор.), «Правда та Неправда» (32 стор.), та написані на сторінках великого формату «Осел» (28 стор.), «Золотий горішок» (26 стор.), «Принцеса Луна» (49 стор.).

До текстів ранніх казок Жук включає багато пісень та віршків: «Водичка Молодничка», «Музики», «Король Рік», «Капчики», «Хобіси».

Дещо окремо стоїть визначена самим автором як казка «Лиска й Чабан» — швидше оповідання про двох собак, досить сумне і реалістичне.

У казці «Золотий горішок» найяскравіше описано враження Жука від сучасності. Мова йде про дівчинку-сироту Бистринку, яка потрапила до баби-чарівниці. Та навчала її, перетворюючи у папугу, мавпочку, осла. Зрештою, дівчинка сама перетворилась на бабу, втратила зуби і не змогла з'їсти чарівного золотого горішка. Коли ж вирішила повернутись до людей: «Там, де жила дівчинкою Бистринка, вирости страшні города — з електричним сяйвом, з трамваями, з купами заводів і фабрик. Що вечора і що ранку стогнали і вили гудки. Цілі міліони людей метушилися у ріжних напрямках. Нікому не було спокою, не було хвилинки на спочинок. На протязі кількох віків — ріжні люди змінялися, оберігаючи золоту гору. Та система, якою Баба навчала Бистринку, — перейшла у кімнати (тепер у городах і вони були), що називалися школами. І тисячі малих дітей підлягали тій наукі до сивого волосся. Все одно, хто наставав — ніщо не змінювалося в основі. Падали старі пам'ятники — виростали нові. Одна каста витискала іншу, злодій зміняв злодія, а самота ходила самотою. Серце так само боліло, як і перше, люде мусіли помірати так само. Були гарні лічниці, де в звичайних муках помірали люде. Земля, хоч і вимощена камінням — перетворювала свої жертви на ті самі складові частини, як і тоді, коли вона не мала панцирю. Душа сумувала ще більше, як за перших днів Бистринки. Більшину людських очей накрили окуляри. Зором звичайним вже нічого не бачила людина. Саме сонце не втішало душі, бо й сонце мало оселю серед тих же турбот, серед того ж неспокою. Не було де сонцеві подітися. Як воно простягало голі руки, то набірало повно непотрібного — одноманітні річи у кімнатах людей, одноманітне каміння перед вулиць. Земля лежала, як гарно одягнений мрець, над яким бігали міліони стурбованих родичів. І тільки Бистринка сумувала. Виходила на вершечок гори з золотих горішків, виходила в ночі, і стогнала до ранку своїм старечим голосом...

— Рятуйте, Пробі, Мамо!..

Котилося над містом.

А люде або спали мертвим сном, або бігли тисячами все вперед, до якоїсь прірви, до якогось забуття. А земля старійшала і застигала лицем до свого лікаря — Сонця-Вогню».

Починаючи з «Хо-Біси» (заключної у книзі «Казки») Жук пише невеличкі дитячі п'єси, що називає «сценками» або «сценками-забавками». «Хо-Біси», за визначенням автора, «казка на дві дії і одну картину». Описано вигляд двох декорацій, багато ремарок, що визначають дії герой. Власне, події казки завершуються вже наприкінці другої дії, у «картині» описані дві дитячі гри, в кінці примітка: «Коли хто хоче, то можна і далі продовжувати». Треба відзначити, що саме після «Хо-Бісів» Жук різко розділює прозові казки (у яких вже немає ні віршів, ні текстів пісень) та «сценки». У написаній після «Хо-Бісів» казці «Осел» автор у пізніших правках викреслює пісню, що співали діти.

Жук написав ще сценку «Годинник» (1924), п'єси «Зайчик» (1924) та «Весна» (1925). Вони не є предметом розгляду даної статті, але документи, що збереглися, виразно змальовують як матеріальну сторону причини звернення Жука до дитячої літератури, так і обставини, у яких він працював.

Січнем 1925 р. датовані три рецензії — на сценки «Зайчик» та «Годинник» і казку «Три глечики». Про першу сказано: «Сказка малосодержательна, но в виду недостатка детской литературы может быть принятa»¹². Про другу: «При нашему голоду на книжку для малых детей — видать б её треба»¹³. Але той самий А. Панів, що досить поблажливо оцінив «Годинник», вимагає переробити «Три глечики»: «Розповідається про три глечики, що втікли з дому, як з чар чарівника Горщица перетворились вони на людей-розвбійників і як “один добрий і справжній чоловік” хотів їх повбивати великою сокирою, і коли цюкнув кожного, то вони перетворились знов на глечики. Казка в такому вигляді, гадаємо, має значні хиби. Фантастичний і для малих дітей недоцільний елемент чар і перетворення річей в людей і навпаки. Не можна вважати за виховуюче й доцільне таке місце: “Побудували вони (розвбійники-глечики) хатину, на шлях великий що ночі виходили, грабували кінного й того, хто пішки йшов, одним словом, засвоїли всі людські звичаї” [підкреслено автором]. Не можна ж дітей виховувати в такому дусі, що якраз це і є людські звичаї. Невдалий і для сучасної дитини не цілком зрозумілий момент про “старенку прочанку”, що все своє життя ходила по святым місцям та богові молилася; сумнівна й з виховуючого боку постать “Чоловіка доброго” з сокирою, що каже: “Зроблю велику сокиру — я ж сильний, — піду в ліс, та й зарубаю злодіїв”. Чому обов’язково сам

М. Жук. Казки. Чернігів. 1920,
друге видання

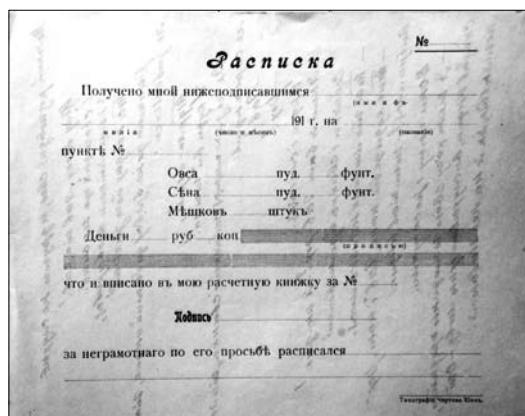
В такому ж вигляді до видання не придатна¹⁴.

Але все ж з тридцяти чотирьох казок за життя митця надруковано було п'ятнадцять. Три вийшли окремими виданнями у Чернігові — згадувана вище «Ох» (1908), «Правда та Неправда»¹⁵ (1920) та «Дрімайлики малайцям»¹⁶ (1923). До книги «Казки»¹⁷ (Чернігів, 1920, вийшла двома виданнями) увійшли дванадцять казок та заключний вірш «Розмова», написаний 13 серпня 1919.

Рукописи казок збереглися у двох грубих зошитах, шести саморобних рукописних книжках та у вигляді пронумерованих окремих аркушів, частина казок написана на звороті канцелярських паперів.

[підкреслено автором]? Але перша частина казки до моменту чар Горщища хороша (перші три розділи), де розповідається про життя-буття трьох глечиків без зайвої фантастики і чар. Коли б до тих розділів та додати в такому ж дусі кінець (можливих пригод, а не фантастичних цілком), то вийшла б гарна казочка. До того ж і малюнки гарні, особливо в цій першій частині. Зайкий в цій частині вираз: «Ет, малороси ви, а не глечики!» Для сучасної дитини він нічого не говорить і вимагає зовсім непотрібних пояснень.

Висновок: Коли переробити казку, взявши за основу лише перші три розділи, то її можна видати і слід.

Зворотня сторінка рукопису казки «Свинка»

Зошит М. Жука, 1907–1918. Чернігів—Київ

На початку першого грубого зошиту (з наклеєним на обкладинку малюнком) запис, датований «1 жовтня 1907». У розділі «Казки» — «Ох» (с. 157–185, на полях дописано тираж книги) та «Правда та Неправда» (с. 186–218, на полях дописано: «Друковано в Молодій Україні за рік 1908. Видано у Чернігові окремо 1920 року. 3000 прим.»).

У другому зошиті записи велись з обох боків. У ньому казки «Зарікання», «Добра душа», «Сливи», «Ме», «Осел», «Циган і Чорт» — майже всі з незначними правками. Після останньої казки на наступній сторінці опис моря, датований «16 серпня, Аркадія» — тобто казки письменник переробляв уже в Одесі.

Зазвичай під назвою у дужках зазначено — (Казка). Це стосується як окремих рукописів, так і саморобних книжок. Єдиний виняток — «Принцеса Луна», визначена як «Легенда».

Правки у саморобних книжках внесені олівцем або червоним чорнилом, їх можна приблизно датувати кінцем 1920-х років (за змінами у почерку письменника). Сюжету вони не торкаються, пов’язані з виправленням окремих слів або розвиненням окремих речень.

Кількість рукописів однієї і тієї ж казки може досягати п’яти (враховуючи варіанти з невеличкими розбіжностями відносно білового рукопису, з досить суттєвими пізнішими правками, або, як згадувалось вище, у саморобних книжках чи грубих зошитах).

За цими варіантами казок видно, як Жук переробляв тексти. Найвиразніше дають уяву про працю письменника рукописи «Про доброго короля Пустилиха». Початок першого варіанту був такий:

Про доброго короля

Жив собі на світі добрячий король. Такий був добрий, такий солдкий, як мед. Навіть пчілки помилялися, коли він сидів на веранді і щось думав — цілим натовпом сони кружляли над його головою і ніяк не хотіли одлітати. А великий, кострубатий медвідь, що жив недалеко у лісі, прочувши про солодкого і добрячого короля, аж облизувався, — так йому хотілося того короля з'їсти. Та ба! — Навколо сторожа, високі мури і важко доступитися. Тільки, бувало, і зробить собі ту приємність, що як летять пчілки, то він у них і запитає:

— А що, багато меду зібрали? Солодкий?

— Солодкий, то солодкий, та не вгризеш, — дзвеніли пчілки, повертаючись до дому.

Медвідь їм мало вірив: «Брешуть», — думав собі.

А король і справді був такий добрячий, хоч і без меду.

Сталося воно так: якось не спалося королю одної осінньої ночі. Лежить він і думає: «От мені тут погано, не можу ніяк заснути... тут і перина тепла, і ковдра шовкова, і грубки напалено, і вікна щільно позатуловано... А як же тим, що навіть хати порядної не мають? Тим, що в лісі дрова рубають? Тим, що вугіль здобувають?»

Та так же зворушився король тими думками, що почав стогнати, як хворий...

Прибіг старший лікарь з помішниками, почали короля лікувати, але не допомогло... Так до ранку і не заснув добрий король. Цілий день ходив похмурий і думав. Поминуло потому ще три дні і три ночі, і нарешті він вирішив: «Все зло походить од того, що не я, король, даю все людям потрібне, а що це роблять усякі злодії, глитаї та ошуканці. Треба усе прибрati до рук держави — от тоді і лад буде... А як же». І видав король наказ на четвертий день, що всі фабрики, заводи, предпrieства, — переходятять до рук держави...

У тексті казки дописано декілька слів олівцем, а на звороті першої сторінки, також олівцем, запис: «Деталі — одяг з меблів і хатніх прикрас. Немає куди жалітися, бо по наказу короля у країні добра такого не може бути. Пісенька короля (курси для птахів). Король

Обкладинки саморобних книжок М. Жука

лишається сам серед розруйнованої країни». Остаточний варіант казки подаємо нижче.

З шести саморобних рукописних книжок чотири («Добро», «Золотий горішок», «Капчики», «Осел») автор прикрасив обкладинками, виконаними у єдиному стилі. Вгорі приkleєній відбиток однієї тієї ж гравюри, розмальований власноруч, у нижній частині — назва казки, виконана у різних випадках тушшю, гуашшю, фарбами та прикрашена квітковим чи геометричним орнаментом. Обкладинка казки «Добро» — єдина з аплікацією по кутках гравюри та датою «1921» і монограмою автора унизу. Обкладинка «Принцеси Луни» виконана кольоровими олівцями. «Добра душа» не має оздобленої обкладинки.

До книжок «Золотий горішок» та «Принцеса Луна» увійшло по одній казці.

Книжка «Осел» включає казки: «Осел», «Циган і чорт», «Івасик-Ковбасик». Книжка «Капчики»: «Капчики», «Про доброго короля Пустилих», «Дрімайлики малайцям».

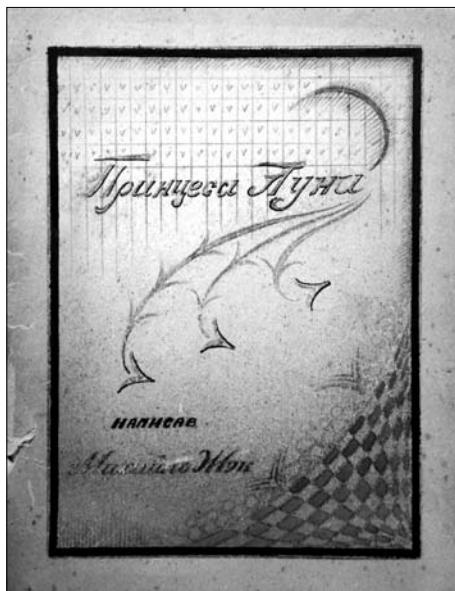
Книжка «Добро»: «Добро», «Дядько та Дідько», «Зарікання», «Клопіт».

До книжки без авторського оформлення «Добра душа» увійшли «Добра душа», «Сливи», «Пшик», «Лиска й Чабан», «Ме».

Загалом доробок Жука складають казки (послідовність — за авторським датуванням, кількість рукописів подається за наявністю у фондах музею та за новими надходженнями):

«Ох» — Чернігів, 28/X 1907.

Три рукописи — чернетка на окремих аркушах зі значними правками, початок білового рукопису та повний текст у грубому зошиті 1907 р. (Видано окремою книгою 1908 р.);

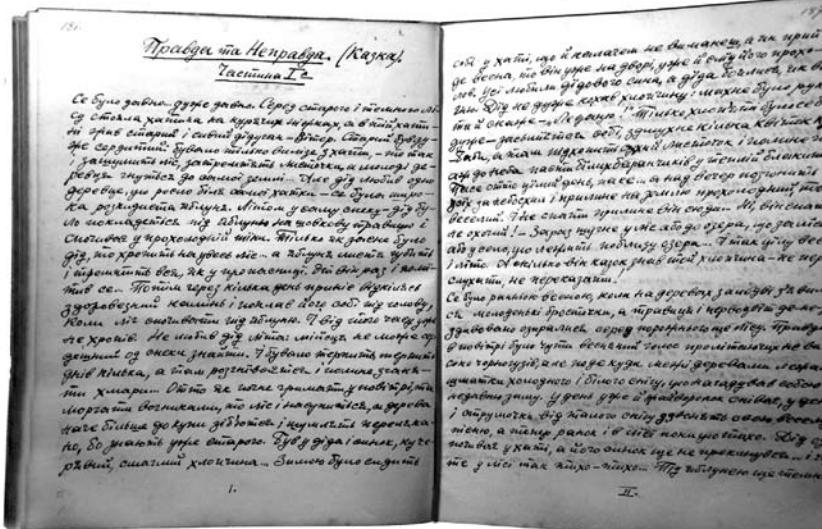

Саморобна книжка «Принцеса Луна»

«Правда та Неправда» — Чернігів, 8/V 1908.

Повний текст у грубому зошиті 1907 р. (Видано окремою книгою 1920 р.);

Рукопис казки «Правда та Неправда»

«Три глецики» — Чернігів, 22/VI 1919.

Два рукописи на окремих аркушах з незначними розходженнями.

(Надруковано у книзі «Казки», с. 5–10. Далі — «Казки»);

«Пухирки» — Чернігів, 19/VI 1919.

Два рукописи з невеликими розходженнями. Перша назва — «В полоні у пухирів». У біловому варіанті стару назву закреслено та вписано нову. («Казки», с. 24–29);

«Кораблики» — Чернігів, 20/VI 1919.

Рукопис на окремих аркушах. Незначні розходження з текстом книги. («Казки», с. 50–54);

«Війна» — Чернігів, липень 1919.

Три рукописі на окремих аркушах — чернетка із значними правками, біловий варіант та початок білового варіанту:

«Водичка Молодничка» — Чернігів. 6/VII 1919

(«Казки», с. 42–49). Два рукописи на окремих аркушах — чернетка та біловий варіант із значними доповненнями. Унизу першої сторінки одівцем пізніше додісано «Мотив японської народної казки»:

«Коробочок із сірничків» — Чернігів, 13/VII 1919.

Два рукописи на окремих аркушах, з невеликими розходженнями та незначними доповненнями. («Казки», с. 22–23);

«Спляча красуня» — Чернігів, 26/VII 1919.

Два рукописи на окремих аркушах, з невеликими розходженнями та незначними доповненнями. («Казки», с. 11–14);

«Про Тхора-Тхорища» — Чернігів, 28/VII 1919.

Два рукописи на окремих аркушах, з невеликими розходженнями («Казки», с. 30–41);

«Свинка» — Чернігів, 7/VIII 1919.

Два рукописи на окремих аркушах з невеликими розходженнями та незначними доповненнями. («Казки», с. 18–21);

«Ма-зол-ке» — Чернігів, 19/X 1919.

Два рукописи на окремих аркушах з правками. Незначні розходження;

«Музики» — Чернігів, 17/XI 1919.

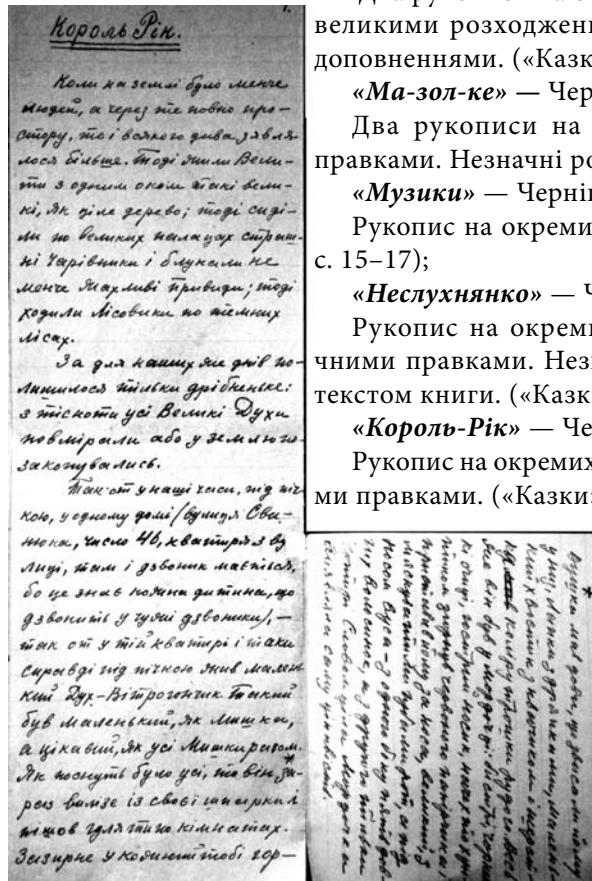
Рукопис на окремих аркушах. («Казки», с. 15–17);

«Неслухнянко» — Чернігів, 10/IX 1920.

Рукопис на окремих аркушах з незначними правками. Незначні розходження з текстом книги. («Казки», с. 55–60);

«Король-Рік» — Чернігів, 21/IX 1920.

Рукопис на окремих аркушах з незначними правками. («Казки», с. 61–68);

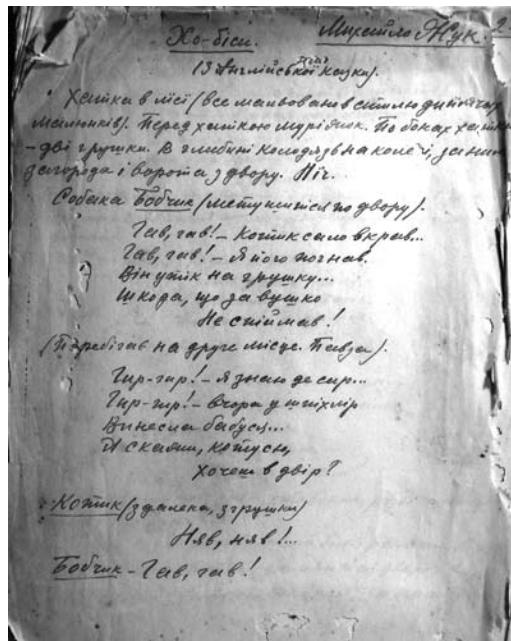

Рукопис казки
«Король Рік»
з доклеєнними пізніше
аркушами
з доповненнями

«Хо-Біси» — Чернігів, 21/IX 1920.

Рукопис на окремих аркушах, під заголовком у дужках — «з англійської казки». Незначні розходження з текстом у книзі. («Казки», с. 69–82);

Рукопис
казки
«Хо-Біси»

«Осел» — Чернігів, 24/II 1921.

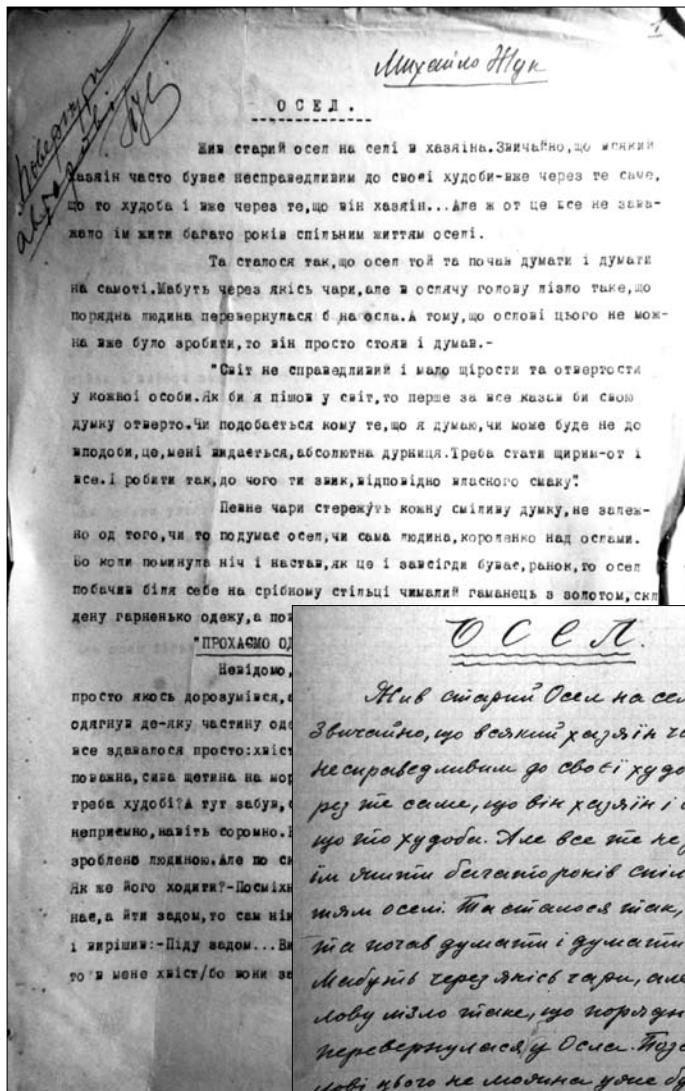
П'ять рукописів — перший варіант та другий варіант на окремих аркушах, третій — в однійменній саморобній книзі, текст з правками у грубому зошиті та машинопис із записом у лівому кутку «Повернуто автору». Значні розходження та доповнення;

«Циган і чорт» — Чернігів, 25/II 1921.

Чотири рукописи з невеликими розходженнями. Перший варіант під назвою «Сварка» на окремих аркушах, другий у саморобній книзі «Осел», текст з правками у грубому зошиті та початок казки на окремих аркушах;

«Добро» — Чернігів, 18/ІІІ 1921.

Три рукописи — у саморобній книзі «Добро» та два тотожні машинописи. Між рукописом та машинописом незначні розбіжності;

ОСЕЛ.

Мів сіаский Осел на селі у хазіїна.
Звичайно, що всікій хазіїн часіво бував
несправедливим до своєї худоби - усіє ге-
рець піс сию, що він хазіїн і всіє через це,
що він худоби. Все все тає не дозволяло
їм чистій багато років спільному жит-
тю оселі. Мів сіасков тік, що Осел їх
та ногав дужими і дужими на самоті.
Майдуйте через злісі гари, але у Оселях зо-
лову міло жіске, що породила илюзія
передчуленські Оселя. Пожалі біль Ос-
елях чого не мідина, усе було зробленої,
що він просіло сіасов і дужим. Світ не-
сприяєдлив і міло широти якої отвер-
тоюши у кошкої особи. Як біль жіске в
Світ, що перши да все купив своє дуже

Рукопис та машинопис
казки «Осел»

«Зарікання» — Чернігів, 22/IV 1921.

Три рукописи — на окремих аркушах, у саморобній книзі «Добро» та текст з правками у грубому зошиті. Між рукописами незначні розбіжності;

«Клоніт» — Чернігів, 19/IV 1921.

Два рукописи — перший варіант на окремих аркушах та другий, значно доповнений, у саморобній книзі «Добро»;

«Золотий горішок» — Чернігів, 16/VIII 1921.

Чотири рукописи — перший варіант на окремих аркушах; другий, доповнений, в одноїменній саморобній книзі та на окремих аркушах два варіанти початку казки;

«Дядько та Дідько» — Чернігів, 19/ІІІ 1921.

Два рукописи — на окремих аркушах та у саморобній книзі «Добро». Між рукописами незначні розбіжності;

«Капчики» — Чернігів, 10/V 1922.

Три рукописи — перший варіант на окремих аркушах; другий значно доповнений, в одноїменній саморобній книзі та на окремих аркушах початок другого варіанту;

«Старість» — Чернігів, 10/V 1922.

Рукопис на окремих аркушах;

«Про доброго короля Пустилихо» — Чернігів, 30/V 1922.

Три рукописи — перший варіант на окремих аркушах; другий, значно розширений, у книзі «Капчики» та на окремих аркушах початок другого варіанту. Початок первого варіанту під назвою «Про доброго короля», у другому — назва «Про мудрого і доброго короля Пустилихо» (Опубліковано 2006 р.¹⁸⁾);

«Дрімайлики малайцям» — Чернігів, 19/VIII 1922 (окрема книга), рукопис відсутній;

«Принцеса Луна (легенда)» — 30/VIII 1922.

Три рукописи — перший на окремих аркушах, у назві викреслено слово «Принцеса»; другий в одноїменній саморобній книзі та на окремих аркушах початок другого варіанту. Між рукописами значні розбіжності, другий значно розширений;

«Івасик-ковбасик (нісенітниця)» — Юрковка, 20/VIII 1922.

Три рукописи — у саморобній книзі «Осел» та два тотожних машинописи;

«Добра душа» — Чернігів, 23/XII 1922.

Три рукописи — на окремих аркушах, в одноїменній саморобній книзі та текст з правками у грубому зошиті. Також гранки (або газетна публікація) з правками:

«Сливи» — Чернігів, 1/IV 1923.

Три рукописи — на окремих аркушах з правками, що увійшли до остаточного варіанту у саморобній книзі «Добра душа» та текст з правками у грубому зошиті;

«Пшик» — Чернігів, 2/IV 1923.

Два рукописи — початок казки на окремих аркушах та у само-робній книзі «Добра душа»;

«Лиска й Чабан» — Чернігів, 11/IV 1923.

Три рукописи — біловий на окремих аркушах, тотожний текст у само-робній книзі «Добра душа» та машинопис з авторськими правками;

«Ме» — пароплав, 22/VI 1923.

Три рукописи — у книзі «Добра душа», текст з правками у грубому зошиті та дві сторінки закінчення на окремих аркушах.

Власне, казку «Ме» можна вважати одним з останніх відомих завершених та датованих творів Жука-прозайка.

Але в його архіві збереглися також рукописи незавершених казок, початки або плани на окремих аркушах (найбільший рукопис нараховує шістнадцять сторінок, але переважно тексти — на одній-трьох сторінках, або й взагалі лише початок казки на півсторінки). Точно визначити час написання неможливо, але за якістю та форматом паперу та характером почерку можна приблизно датувати їх.

Так, написані у десятих роках:

«Чорт» (швидше казкове оповідання для дорослих);

«Грос-Міхель» — з позначкою автора у дужках — «казка для дітей»;

«Титянка» — з позначкою автора у дужках — «казочка», у тексті виправлення червоним чорнилом, характерні для Жука у двадцяті роки;

«Бідний хлопчина»;

Віршована казка «Летючий корабель» — припустимо, написана тоді ж, коли й «Ох»;

«Казка про короля мудрого та коваля-майстра» — з позначкою автора у дужках — «для дітей».

Тим же часом можна датувати план казки «Велетень»:

«Він живе у повітрі. У його є свита на пів світа і кешені глибокі і величезні. Наша земля для його — то не більше, як для нас чималий,

круглий стіл. У кешенях того велета багато усякої всячини: в одній, напримір, багато усякої бідноти, а в другій — між всяким дріб'язком — один тільки панок. І от ті, що живуть по кешенях [нерозб.] прохають його, щоб він посадив їх на свій стіл (землю). Велет садить спершу панка (бо він йому найбільше докучає), а потім на домагання того ж панка — дає йому і пригоршню всякої бідноти. Минає кілька часу, а пан знову прохає ще бідноти. — Велет дає. Знову минає час. Родина панків збільшилася і вони знову прохають бідноти у Велета.— Велет дає. Через якийсь час прохання панків знову не дає спокою Велету. Тоді він гнівається і рукавом стирає зі свого столу (землі) панів і бідноту. Кінець».

Таку казку важко вважати дитячою, їмовірно, Жук планував її, як і ще декілька, для дорослих.

Інші казки, також умовно, датуються 1919 — серединою 1920-х рр.
«Бідний чорт»;
«Деревляне серце» — про серце невеличкого містечка;
«Кінець» — про кінець казки;
«Король-Півник та Королева-Курочка» (збереглися чотири рукописи — у зошиті на п'яти сторінках та на окремих аркушах — від сторінки до чотирьох сторінок);
«Про короля»;
«Слабий на очі»;
«Мудрий король» — можливо, варіант казки «Про доброго короля Пустилих»;
«Тюльпани» — з мотивами східної казки;
«Чорнобрилик» — на звороті рукопису назва (їмовірно, казки)
«Чорний капелюшок», без тексту.

Три казки не мають назви:
«Пишне королівство було у короля Крутоноса...»;
«Жив на світі дуже убогий чоловік по прізвищу Макітерка...»;
«У сіннях, за дверима, жили дві метли...»
Початком двадцятих років можна датувати й план казки «Такла-Малан»:

- 1) Народження принцеси Геї на острові океану.
- 2) Вітер Океану — дає слово берегти життя принцеси.
- 3) Злий Відьмак пустелі «Такла-Малан».
- 4) Зачаровані їм тисяча і одно місто серед пустелі. (Легенда про золото).

- 5) Пособники «Такла-Малана».
- 6) Такла-Малан викрадає принцесу Гею.
- 7) Смерть принцеси од спраги.
- 8) Похорон і могила принцеси.
- 9) Вітер носить багато років по крапельці води з океану, щоб на-
поїти принцесу і тим оживити.
- 10) Оживлення принцеси.
- 11) Поворот до дому.
- 12) Епільог.

[Тут же дописано:] «Вітер. Монсун.

Кара-буран (чорна буря).

Річка Тарім (таємне озеро Ночі)».

Не можна напевне стверджувати, що жодна з цих казок не була завершена письменником, але доля їх нам невідома. І, як згадувалося вище, казка «Ме», написана влітку 1923 р., чи не останній завершений прозовий твір Жука.

Про його настрої у 1923 р. найкраще свідчать рядки з листа до Х. Раковського: «...якщо я потрібний тут по своїй спеціальності, то дайте мені можливість працювати, дайте можливість жити з цієї роботи. Якщо ж моя робота справді не потрібна, дайте мені можливість емігрувати з родиною, хоча б в американські українські колонії, де я спробую здобути собі це право. Я не уряду поїду шукати, бо всі уряди для мене неприйнятні, а поїду шукати заробітку, а також і освіти для своїх дітей. <...> Підкresлюю знову, що я не тікаю, а що я мушу шукати якогось виходу як українець і як художник, і як письменник»¹⁹.

Восени 1925 р. М. І. Жук переїздить до Одеси та починає викладати у Художньому інституті.

Вже тут 1926 року була внесена до списку заборонених його дитяча п'єса «Весна». Тоді Михайло Іванович пише листа до Вищого репертуарного комітету: «Звичайно, що моя заява буде “Гласом вопіющого в пустині”, але все ж таки я вважаю за потрібне висловити ї свою скромну думку перед високим, безапеляційним осудом. <...> Можливо, що офіційно мою річ справді поховали, та ще й так безславно, в невеличкому колі арбітрів, які теж можуть помилитися, як до них помиллялися тисячі інших арбітрів у всі часи, всіх епох і народів. Єдине достойнство таких осудів — авторитетність тверджень та

неможливість осудженого заперечити цю авторитетність.

Знову підкреслюю, що наперед знаю результат оборони: це все одно, як би похований та вигадав запевняти живих, що він живий і не думав помірати. Його б не слухали, бо такого випадку ще не було.

<...> Я вельми вдячний пану прокурору за його визнання моєго літературного хисту та знання сцени, але 20 років літературної роботи дали мені це знання, а не 20 рядків безпідставної рецензії, що написані паном прокурором. Я певний, що в будучині, підраховуючи всю суму моого художнього дорібку, може знайдеться друга оцінка моєї роботи. Можливо, що багато буде викреслено, можливо, що я зійду в Лету, без слави

й без пам'яті, але це буде встановлювати не Ваша репертуарна рада зі своїм канцелярським ножем: Слухали — Постановили. Я розумію, якби Ваша репертуарна рада заборонила мені п'єсу по мотивам чисто політичного характеру. З цього боку як раз ні одного слова заперечення. В чому ж справа? Антропоморфізація. <...>

Один з рецензентів моєї казки пише: “Казку не можна дозволити, бо зараз пред. Раднаркому тов. Чубарь”. А справа в тому, що в казці є віршик, де написано: “Була війна п'ять віків, між Котів і Чубарів”²⁰. Другий дотепний рецензент пише: “Казку треба переробити, бо це нагадує куркульське господарство”. А річ в тому. Казка починається народним віршиком: “Сидить дядько на стільці, взувається в постольці, а дядина мордується, що в чоботи не взується”. На цьому початкові побудований коротенький вірш, де вся худоба на зиму взувається (коні, вівці, корова, свині, гуси, качки й т. п.). <...> Мусів переробити вірша, де починалось вже так: “Сидить хлопчик на стільці, взувається в постольці, а дівчинка мордується, що в чоботи не взується”. — Казка була прийнята. Від великого до смішного лише крок. <...>

M. Жук. Автопортрет.
1928 р. Одеса

А оцінка дітей, їхній критерій, для мене важніша за Ваші висновки. Шкода тільки велика, що Вам дадено право накладати своє Veto, та робити несподівані висновки вищезазначеного, які дуже подібні до висновків Ваших попередників, які забороняли мої казки. При таких умовах — працювати не можна.

Не може бути й того, щоб осуджений не мав права оборони, не мав виходу з мертвого кутка, не мав надії на перегляд його справи, а покірно складав зброю, як засуджений на смерть»²¹.

Одеський період Жука-письменника — це переважно вірші та статті. На сьогодні не знайдено жодного завершеного рукопису прозового твору, написаного в Одесі. Але так само як Жук-художник все життя (не для продажу і не для виставок) малював безнастанно до найменшої деталі виписаних квітів, так і Жук-письменник не облишав роботи, не маючи навіть примарної надії на видання книжок. Хоча у незавершенній, чи не автобіографічній казці «Слабий на очі» висловився відверто: «...маляр, малює квіти. Про людей каже, що їх не варто малювати, бо виходять кращими, ніж вони справді. А от квітки — так ніколи кращими не виходять. <...> I як він не думав — не міг вирішити: чи варто добре бачити, — за такі річі люде не дуже дякують.<...> I бачив маляр одне, а чув зовсім інше. I зневірився він у своїх очах. Продав квачики, та купив хліба. Трохи згодом фарби продав і також проїв. Миши ночами гризли його малюнки, а порох запорошував недоїдене. <...> А на всіх кутках люде кричали, що все гарно. Грали музики, співали замерзаючі та голодні хори, танцювали самі собою ноги, малі діти поверталися у великих злодіїв, а все було гарно... Всі казали, що гарно. Очі не погоджувалися, і маляр замовк».

І все ж він працював — у рукописах і казок, і оповідань багато правок, що за характером почерку датуються серединою 1920-х— початком 1930-х рр.

Так, до тексту «Принцеси Луни» додані два невеличкі аркуші: «І так буде завше, на довгі-довгі часи. Кожна своя думка буде стиснена в глибині і не знайде виходу. Кожне слово вмре ненародженим, кожне бажання зайве перед мотлоху ворожого наказу. Пісня повернеться на нівець. А як може бути, коли помре велика пісня? Як може бути, коли ти слугуеш примхам засліпленої істоти. Стати бранкою чужої думки та ще скерованої на твоє поніверяння, повторювати все те, що тобі не міле та від чого твоя істота ломиться на живих місцях. Молитися з таким шале-

ним болем, з такою безнадійністю на порятунок, що не стає снаги спинити свою зневіру. І внутрішньо бачить Луна, як все дороге сплеться в глибоке провалля! Немає змоги затримати його й немає надії, що затримане буде придатним на якесь життя, на якусь потрібну силу».

Деякі надії на видання збірки з'явилися наприкінці 1930-х років, йшла мова про книгу прози та поезій у 1941 році, та на заваді стала війна.

За рік до смерті Жука, у січні 1963 р. Павло Тичина, колишній учень художника, писав у листі: «Про твори Михайла Івановича я говорив у Вид[авницт] ві <...> (А в збірник творів його, я гадаю, треба включити й прозу його і статті)»²². Та й цьому виданню не судилося побачити світла.

Жук-художник не зійшов «в Лету, без слави й без пам'яті», йому і за життя та й у останні роки присвячені статті та монографії, але творчість Жука-письменника ще й на сьогодні не оцінена належним чином. Ця публікація, як і попередні, має за мету виправити це становище.

Книга «Дрімайлики малайцям» відтворена у повному обсязі.

Тексти казок надаються за рукописами, зі збереженням особливостей авторської орфографії. Змінено лише написання назви міста «Чернігів» на сучасне, та з двох варіантів «богато» та «багато», що присутні у рукописах, выбрано відповідний сучасному. Також виправлено поодинокі випадки написання слова «съміялися» та літери «ї» замість «і», характерні для ранніх рукописів Жука, поставлено відсутній у авторському тексті апостроф у тих словах, написання яких співпадає з сучасним.

У публікації використані гравюри М. Жука з книги «Казки».

Примітки

- Лущик С., Яворська О. Михайло Жук — письменник // Дом князя Гагарина: збірка статей та публікацій. Вип. 1.— О., 1997. — С. 83–111; Лущик С., Яворська О. Оповідання М. Жука // Дом князя Гагарина. — Вип. 2. — 2001. — С. 111–147. Див. також: Яворська О. Письменник Михайло Жук// Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. — № 8. — 2010. — С. 54–57.

М. Жук. Фото. 1930 р. Одеса

2. Жук М. «Мені казали: “Ще молодий”» / Літературно-науковий вісник. — 1906. — жовт.
3. Жук Михайло. Ох: (Казка). — Чернігів: Друкарня Губ. Земства, 1908. Тираж не позначений. Примітка автора: «Мотив народньої казки». Жук Михайло. Ох: Казка. — Торонто Онт.: З інтернаціональної друкарні, без року. Тираж не позначений. Докладніше про книги М. Жука див.: Лущик С., Яворська О. Михайло Жук — письменник: Додаток 1 // Дом князя Гагарина... Вип. 1. — О., 1997. — С. 91–92.
4. Книгарь. — 1918, липень. — № 11. — С. 676.
5. Жук М. Київ. Академія мистецтва. Рукопис, 1950-ті рр., збірка С. З. Лущика.
6. Автобіографія професора Жука Михайла Івановича. Особова справа, папка № 18. Архів Одеського художнього училища.
7. Франко І. [передмова до вид.:] Галицькі народні казки/В Берліні пов[іту] Бродського із уст народа списав Осип Роздольський, впорядкував і порівняння додав др. Іван Франко. Цит. за: Тихолоз Н. Казкотворчість Івана Франка (генологічні аспекти). — Львів, 2005. — С. 286–288.
8. Тут і далі необумовлені цитати — з нових надходжень.
9. Опубліковано: Жук М. І. «Замітки з блок-ноту», «Листки календаря» 1900–1920 рр. // Дом князя Гагарина. — Вип. 1. — О., 1997. — С. 99.
10. Там же, с. 102.
11. Рукопис. Збірка С. З. Лущика.
12. «Зайчик» М. Жука. 1925. Машинопис, збірка С. З. Лущика.
13. Панів А. «Годинник» М. Жука. 13. 1. 1925. Машинопис, збірка С. З. Лущика. Книга вийшла двома виданнями: Жук Мих. Годинник: Сценка-забава. — Київ: ДВУ, 1926 — 24 с. (Дитяча п'еса з нотами. Музика К. Богуславського. Обкладинка худож. Б. Крюкова) та у 1928 р. тиражом 10 000 прим.
14. Панів М. Жук. Три глечики. Казка. 10.1.1925. Копія. 17.1. 25 р. Рукопис, збірка С. З. Лущика.
15. Жук Михайло. Правда та Неправда: Казка. — Чернігів: Видавничє т-во “Деснянські хвилі”, 1920. — 24 с., без обкл., 3000 прим.
16. Дрімайлики малайцям / Написав Михайло Жук. Книжка гравірована автором. — Чернігів: Пайова друкарня, 1923. — 16 с. 1200 прим.
17. Казки / Написав Михайло Жук. — Чернігів: Видання Губнаросвіти Чернігівщини. Секція видавнича, 1920. — 84 с., іл.; 3000 прим. (Обкладинка, автопортрет та численні віньєтки в тексті — кслографії та ліногравюри автора). Казки / Написав Михайло Жук <...> повторне видання, 2000 прим., з'являється присвята казки «Спляча красуня» Григорію Холодному.
18. Яворська А. Сказка печального Жука// Дерибасовская—Ришельевская. — О., 2006. — Вип. 25. — С. 274–280.
19. Лист М. Жука до Х. Раковського. Чернігів, 1923 р. 3.05 // Київ. — 1988, № 11. — С. 160.
20. Цитата з казки «Король Рік».
21. Заява до Вищого репертуарного Комітету проф. Михайла Івановича Жука [березень–квітень 1926]. Рукопис, збірка С. З. Лущика.
22. Лист П. Тичини до А. Недзвідського, 27. I. 1963 // Тичина П. Панаходні співи: Поезії. — О., 1993 — С. 85.

ДРІМАЙЛІКИ

НАПИСАВ
МИХАЙЛО ЖУК

Чи по під лісом,
Чи у лісі,
У дурмановому горі,-
Та жили собі Дрімайлики,
Мурзатенькі,
Чумайлики.

**Були сиренки,
Як мачинки.
Смерком виходили з хатинки,
Щоб хоть трохи їм прославитись.—
Побавитись,
Погавитись.**

Вони сідали
їм на війки
Стуляли очі, гнули шийки,
Грали вушками та носиком
Неначе б то
З Барбосиком.

Дрімали діти,
та сміялись,
А очі від сну їм злипались.
Перли пальчиком, де **Д**рімайлики,—
Марієчки,
Михайлики.

Вставали **Мами**,
Брали в ліжко.
На постіль клали сонну ніжку,
Пестили шовкові кучері...
Казали їм:
“Докучили!”,

І сірі скочуть
Під сорочку,
Ібо сідають на горбочку,
Щозігався тут під ручкою,
Та вéсело,
Та кучкою!

Поснули піхо
Всі дитята.
Ін там з під ковдри видно п'ята.
Ротик-котик усьміхається.
Дрімайлики
Дядгаються.

Прийшли до дому,
Що у лісі,
У дурмановому горісі...
Ще хвилинку лиш побавились,
Паї спатоньки
Дправились.

І як проснулись
Ясні зорі,-
Було тихен'ко вже на дворі.
Тільки трави там гойдалися,
де зайчики
Сховалися.

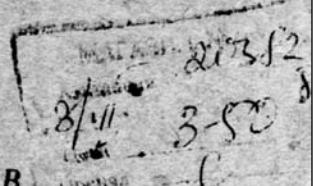

книжка гравірована автором

Ч Е Р Н И Г I В
1923

найбільша друкарня. видано 1200 примірників.
д. ц. № 768.

М. І. Жук

КАЗКИ

Три глечики

I

Жили на світі три глечики. Як же глечикам живеться, то всім відомо. Два з них були помальовані у квіти і птахи, а один звичайнісін'кий, сажного коліру, наче замурзаний, як циган. В перших двох держали сметану і солодке молочко, а в третьому завсігди варенець. Хазяйка у глечиків була добра і часто їм завдавала парню: поміє бувало дряпучим віхтем з окропом, а потому ще на ніч у піч гарячу покладе, щоб вижарилися. Виймає їх та й хвалиться:

— От сі цяцьковані, як золото, а от сей вічно мурзатий, як ти його не мий!

Мурзатому було неприємно це чути — хіба ж він винен, що таким уродився. І йому першому прийшло тому на думку покинути хазяйку і помандрувати світ за очі.

От раз хазяйка поналивала їх повними: сметанкою, солодким молочком і варенцем і винесла у шпихлір. Поставила на поличку, дощочками понакривала, камінчиками ті дощочки попридавлювала, щоб миші не повлазили. —

Бо то злодюжки ті миші!

Двері замкнула і пішла. А біля полички та віконце у садочок. Щоб не було душно, бо на дворі саме весна стояла, хазяйка віконце одімкнула, солому ту, що нею було заткано вікно, — викинула.

А в тому шпихлірі — та жив Горщише, злий чарівник; порепаний, канатиками позав'язуваний, в якому хазяйка тушене вугілля держала. І він такий сердитий був. Мишій було, лякає, цілу ніч спати нікому не дає. —

Одним словом, чарівник!

І наші глечики з ним не мирилися — вони були веселої вдачі і, коли старий починав бурчати, то вони часто глузували з нього. Оттоді він і пообіцяв, що колись помститься.

II

Настала ніч. Місяць світив. Тихо у садочку було. Навіть Бровка, хазяйський собака, десь забіг або сидів під клунею.

У шпихлірі видно, бо місяць туди зазирає, і глечики тихо розмовляли проміж себе:

— Так втечмо сьогодні, — казав Мурзатий. — Бо кращої ночі не буде.

— А ти бачив, як високо з вікна до землі, — казав той, що з сметаною. — Гепнешся, то і боки порозвалюються.

— Гепнешся! — передражнив Мурзатий. — А як у піч гепають, то добре, а як віхтем шкребуть, то боки цілі? Ет, малороси ви, а не глечики, — сердився Мурзатий. [Закреслено: Таки була у тому варенцю якась закваска любові до рідного краю.]

— А хто ті камінці поскадає, хто мене підсадить, щоб я не розхлюпався? — казав той, що з солодким молочком.

— А ти закисни, от і не розхлюпаєшся, — порадив Мурзатий. — Ти ж звик киснути.

— Шу! Шу! Шу-шу! — пирскав Горщище на мишей. — Куди лізете, голодранці. Так і слідкують, щоб чуже підцупити.

Глечики цітькнули одне на одного і засміялися.

Мишка сказала:

— Та чого, ви, діду, турбуєтесь: ми вугілля не їмо і вас не займаємо.

— Не єсте? — забубнів Горщище. — А морди чорні? Тьфу! — плюнув. — А самі сірі. Як би молоко їли, то білими б були. Киш-киш!

Мишка потерла лапками мордочку, покликала другу, третю, четверту, і вони разом полізли до глечиків.

— Дайте молочка, дайте сметанки, дайте варенцю!

Шкряб, шкряб, шкряб!

— Скиньте камінчики і дощочки, то дамо, — сказав Мурзатий. Хитрий був.

Мишки почали працювати. Як не турбувалися, але трошки тільки позсовували.

Зразу, як хмара насунула, так потемніло у шпихлірі. То кіт Василь всунув голову у вікно. Миші у розтіч. А Горище ім навздогінці:

— Шу! Шу! Шу-шу! Налякалися, глевтяки, — я вам ще покажу. Ще з Василем побалакаю.

І засміявся хрипко, звичайно, як збитий, старий дідуган.

Мишки у мить розбіглися по шпарках.

А глечики стиха сміялися.

Василь повільно всунувся у віконце, лапками м'якенько ступав, хвоста довгого ледві протягнув. Ткнув мордою в Мурзатого, дощочку звалив, полизав трохи варенцю і запирскав:

— Чхи-чхи! Тьфу яке погане! Варто було таким напихатися, щоб чесних котів дурити...

— Погане, поганим і напихане, — буркнув Горище, бо він найбільше не любив Мурзатого.

Василь не звернув на це уваги. Звалив дощочку з солодкого молочка і скуштував:

— Це ще можна їсти... Може в третьому ще краще.

Штовхнув ще раз, добув сметанки.

— От що може смакувати... так-так!

І почав їсти. Попоїв і виліз, так само обережно, як і прийшов.

— Мурло! — кинув йому у слід Мурзатий. — Багато розумієшся на тому, що значить варенець.

Глечик був ображений на Василя.

Двоє других глечиків засміялися.

Та це було не гарно з їх боку.

III

Першим поліз Мурзатий. Кректав, але видряпався до віконця і тукнув:

— Хлопці, за мною! — та й бехнув з вікна у садок.

Слідом за ним поліз той, що з сметаною, а останнім вистрибнув той, що з солодким молочком.

— Ой, ой, ой! — застогнав він, — розхлюпався і трошки вищербився... Ой, ой, ой!

— Так вам і треба, — буркнув Горище у шпіхліру. — Злодії. Покрали хазяйське добро, та ще й плачуть.

— А ви не репетуйте, — сказав Мурзатий, — коли не хочете Бровка побачити. Ціти! Ходім!

Пішли.

— Щоб ви в людей перекинулися,— побажав їм Горище.

IV

Йшли довго глечики. Село поминули, перейшли поля і горби, річки перебрели і прийшли до лісу. Та так утомилися, що зразу під дубом і поснули. Першим прокинувся Мурзатий і не пізнав себе: він перевернувся у людину. Поглянув на своїх товаришів, а вони теж у людей попереки-далися. Побудив він їх, а самому так страшно стало, та й каже:

— От такого нам старий Горище наробив. Бач, як понівичив!

Ті теж прокинулися. Поглянули одне на одного і засумували — що робити?

І сталося так, що Мурзатий став циганом, а Молоко і Сметана так собі парубійками, здоровими, як дубчаки молоді.

— Як же будемо жити? — спитав Молоко.

— Так вже так, як люде, — сказав Сметана.

— От погана доля, — докінчив циган Варенець.

V

І стали вони втрьох розбійниками у тому лісі. Побудували хату, на шлях великий що ночі виходили, грабували кінного і того, хто пішки йшов, — одним словом, засвоїли усі людські звичаї. А щоб до їхнього житла ніхто не міг просто підступитися, то собак злющих позаводили. Та й так і жили.

І прочув про їхнє погане життя один добрий і справжній чоловік. А через те, що він був людиною, та ще й доброю, то і вирішив: «Зроблю велику сокиру — я ж сильний — піду у ліс та й зарубаю злодіїв».

Так думають усі добре і справжні люде!

А він не тільки так подумав, а навіть зробив. Замовив ковалю велику сокиру, і коли вона була готова, заткнув її за пояс, взяв хліба у торбину, та й пішов.

У злодіїв же на той час жила старенька прочанка, що все своє життя ходила по святым місцям та Богові молилася. Вони її на шляху піймали, брати у неї не було чого, так вони її саму забрали до себе і наказали, щоб за їхні гріхи ранком і вечером Богові молилася та прощення для них прохала. На волі вона так і робила, а от як треба було у злодіїв, та за злодіїв же молитися, то їй це і докучило. Робила тільки вигляд, що молиться, а все думала якось утекти. Та собаки злі були і старенька боялася, що роздеруть її. От вона і почала помаленьку собак до себе привчати. Уже всіх привчила, одного кудлатого і найстрашнішого Бія не

могла ніяк укосякти. Раз вона раннім ранком вийшла з хати, собакам хліба винесла, погодувала. А для Бія м'яса шматок. І почала його надити тим м'ясом у ліс з собою. Бій пішов. Далеченько вони уже одійшли, як наче з землі виріс перед ними той чоловік, що з сокирою у ліс пішов.

Він стукнув обухом собаку і вбив його.

А бабуся почала прохати, щоб він її пожалував і росказала йому, хто вона і що тут робить. Добрий чоловік зрозумів.

— Проведи мене од собак, — сказав чоловік, — а тоді вже мене не бійся. Я людина добра.

Бабуся повела.

VI

Ще злодій спали, як добрий чоловік напав на них і прив'язав усіх трьох канатами.

Повиводив їх у ліс, прив'язав до дерев, а потому і каже:

— Кінець ваш настав, — і вийняв сокиру.

На першого Цигана напав — цюкнув, а з нього миттю глечик з варенцем зробився. Цюкнув другого — глечик з сметаною став, третього — аж він глечик з молоком.

— Ну, бабусю, наше щастя, — сказав добрий чоловік. — Як би це були справжні люди, то три душі загубив би... А то можемо поспідати.

Сам сів, бабусю посадив, попоїли вони гаразд. Потому повернули до хати злодіїв, добра всякого набрали. Глечиків чоловік у торбу поклав, та й каже:

— Дома для хазяйства будуть!

І пішли з бабусею.

Собаки ж самі у ліс порозбігалися, побачивши таке диво.

А глечики у торбі раділи і сміялися, що вже вони не люди, що чари чарівника Горщища злого з них упали. Один тільки той, що з молочком був — скаржився:

— Щербатий я — от що погано!

Чернігів, 1919, 22/VI

Опубліковано у книзі «Казки», с. 5–10.

Кораблики

I

Весна. Сонечко світить. Тепло. На нашій вулиці вже зовсім немає снігу, лише біжить великий згон. Шумить, так шумить...

В ним і крижинки і шматки збитого, брудного снігу, — і де воно береться? Бо під муром уже травка зелена і москалики червоні повилазили — та й гріються проти сонця.

Мурик сидить у кімнаті, позирає у вікно, і швидко робить кораблики. Вже один готовий — з великого, білого паперу, з щоглами і вітрилами, а на носі тигр, навіть розмальований, страшнійший за справжнього. Це ватажок цілої фльотілії «Тигрових кораблів». Вони попливуть до Індії, до диких, обстріляють їхні береги і привезуть до дому самоцьвіти, перли, золото, срібло... багато-багато. Ну-ну, аби лише швидче. І Мурик працює. Згортає папірець за папірецем, будує кораблик за корабликом.

Хтось гукає на Мурика:

— Мурцю, де ти?

Звичайно, мама. І чого вона турбується — йому так ніколи, а то певно молоко кличути випити. Він занятий і не може озватися. Що ж його робити — не може та й годі?

— Шість! Годі! — каже Мурик. Швидко одягає свою маринарську курточку. — Завтра можна буде ще на підмогу послати стільки ж саме.

Довго думає, чи одягати черевики, але згадавши про маму — одягає. Забірає обережно кораблики і йде, співаючи по дорозі:

Тра-па, тра-па, тра-па,
У бій, у бій пора...
Вже й труби затрубили
І барабани били —
Трам, трам, трам!

II

Пливуть кораблики, пливуть. Попереду «Тигровий», а за ним п'ять менчих. Вже поминули вулиці міста, вже вибилися на річку, вже по річці бурхливій — усе вперед, вперед, вперед. Так вільно корабликам: роблять, що хочуть. Поминають перешкоди, поминають людей. Лише в день сонце, а в ночі зорі дивляться за ними і дивуються на їхню сміливість. Вони ж не знають, що Мурик обіцяв послати на підмогу їм ішість таких самих молодців. То чого ж їм боятися — вперед! На першому дві гармати і тигр, на другому гармата і тигр, на решті — так само. І ніхто

їми не керує: пустив хлопчик і спасибі йому. Пливуть річкою і ростуть кораблики. Вже перший, як човник невеличкий. Вчора в ночі навіть дві русалочки упрохалися, щоб він їх підкатав. Він погодився і вони співали пісню за це, сидячи на човнику, прозиваючи у тій пісні їх кораблями:

Ой, тигри, не равлики,
Наші кораблики —
Швидкі літууни.
Пливуть, не гойдаються,
В хвилях купаються
І ми, і вони.

III

«Чудо у нас на морі», — казали моряки, що виходили часом на берег, коли кораблі стояли у гавані. «Бачили ми, та й з других кораблів також бачили, що на морі з'явилися шість білих кораблів, шість лебедів морських. І ніяк не можна їх вловити: зблизька стріляють, а здалеку тікають. І нікого немає на них. Літають, мов ті птахи, по широкому морю. От так чудо». Казали про білі кораблі і морські розбишаки, і мріяли виловити їх, щоб взяти собі на послуги. Все море знало про кораблі, і тільки берегам було байдужно, що діється на морі.

Кораблики виростили, пливуть... Перший з тигром на носі гордовито ріже воду, а тигр великий, стоїть, сперся передніми лапами об лямівку, б'є сердито хвостом у боки, зуби вишкірив, очі вогнями горять.

За ним п'ять тигрят і п'ять гармат. А навкруги море — море, а зверху небо — небо. Гуляй, де хочеш!

IV

Змовилися. Десять розбишацьких кораблів вийшли у море, щоб полонити білих. Повно людей з ножами, з рушницями, ї кожна людина переповнена злобою проти невідомих. Кожний мав на думці своє. Одному вважалося, що там багато добра ріжного, яке можна пограбувати; другому вважалося, що там пливе зачарована царівна, за яку можна взяти буде потому багатий викуп; третій думав, що там самого питва та найдків стане на багато років.

І тільки ватажок розбійників думав, що найкраще мати зачаровані кораблі, на яких буде не страшно грабувати звичайних подорожників.

Так десять розбишацьких кораблів вишли у море на лови за білими кораблями.

V

Море було тихе. Світив місяць. Білі кораблики стояли серед моря і не рухалися. Всі тигри спокійно лежали і дрімали. А на головному «Тигровому» кораблі зібралися Сірени. По серед них седіла царівна моря і оповідала казки, а вони слухали. Вона, царівна, властиво корабликам оповідала свою казку, і кораблики слухали.

«І як вам не докучить літати по поверхні моря, — казала царівна, — стрічати старезні бурі і боротися з ними. У глибині нашого моря вічно спокійно. Там живуть усякі чуда, що повтікали з землі, на якій їм стало тісно, що повтікали з моря, з його верхів, де стало занадто турботно. Там живе мій татко, могутній і вічний господар моря. Там риби велики, всезнаючі, там великі піскові пустині і такі ж великі сади невиданих рослин. Пливіть до нас в глибину!

Там ні кому не «мало» і не «багато», там усім стане і ще лишиться, там немає рабів, що працюють на других, там кожний собі живе, як сам побажає. Пливіть до нас в глибину!»

Тигр прокинувся і забурчав. Підвів голову і насторощив вуха.

А в садах дзюрчать фонтани
І цвітуть морські тюльпани...
Риби сині, золоті,
З самоцвітами в хвості.
Пливіть до нас в глибину!

Щось тихо гурчало, наче веслами працювала чимала громада. Тигр загарчав і поворушив хвостом, кинувши дві смуги зеленого світла у море зі своїх очей.

Там ми знаєм, що то *жити*,
Там живуть з водою квіти,
Там живуть казки, пісні, —
Тихі й буйно голосні.
Пливіть до нас в глибину!

Чорне кільце облягло білі кораблі. Плескають весла водою. Тигр сердито б'є хвостом по боках і виє... За ним виють усі тигри на кораблях, всі п'ять тигрят. Всі вони кидають у море по дві смуги вороже червоного світла зі своїх очей. Стріляють гармати, а царівна і Сірени парою сідають на море і зникають у воді. Тільки й чути:

«Пливіть до нас в глибину!»

VI

Тигрів на кораблях повбивали. Кинулися шукати ворогів, ломили все по дорозі, а так, як нікого не знаходили, то вбивали одне одного... Ніхто бо не вірив, що на кораблях нікого і нічого немає. Ватажок ледві припинив своїх розбишак. Ті погано лаялися і довго не вірили ійому й собі, що на кораблях так нічого і нікого не було.

VII

Виставили чорний стяг на Тигровому кораблі і попили грабувати. І ніхто не міг їх виловити — так швидко літали кораблики: близько стріляли, а далеко тікали. Морякам життя не було од них. І так мінуло чимало літ.

VIII

Трапили якось білі кораблики у рідну течію і почали зменчуватись. І якоюсь силою невідомою зменчувались і минулі роки з розбишаками, і якимсь вітром надзвичайним їх пограло вгору проти течії. Вийшли з моря у річку, річкою пливли довго поміж розбитими крижинками і танучим снігом. Потому ще зменчилися і трапили у згоні якогось міста, де їх викинуло просто на брук на якісь вулиці. Вийшов хлопчина у матроській курточці, видно погуляти, бо було тепло і сонечко світило, як і завсідга весною. Кинувся він у перед і крикнув:

— Мої кораблики, всі шість мої...

Потому спинився, штовхнув їх ногою у болото і сказав:

— Повно сміття, розкислі і брудні.

А він не знав, що той смітник — то страшні розбишаки, що стільки шкоди наробили у морі.

І що тигрів вони теж убили.

Бо то був Мурик.

Чернігів, 1919, 20/VI

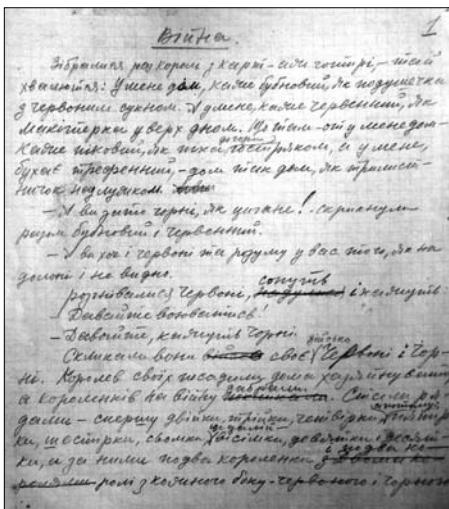
Опубліковано у книзі «Казки», с. 50–54.

Ілюстрація
М. Жука
до казки
«Кораблики»

Війна

зуму у вас того, як на долоні і не видно.

Розгнівались червоні, сопутні і кажуть:

— Давайте воювати!

— Давайте, — кажуть чорні.

Скликали вони своє військо, червоні і чорні. Королев своїх подданих, а королінків на війну забрали. Стало рядами — червоні проти чорних — спершу: двійки, трійки, четвірки, п'ятірки, шестірки і сьомки, ще далі — вісімки, девятки і десятки, а за всіма ними уже по два короленки і по два королі з кожного боку — червоного і чорного.

— А ну підступайте! — гукають чорні.

— А ну виходьте! — верещать червоні.

— Ми вам покажемо...

— А ми побачимо!

І почали битися.

Билися, билися, аж у хату вбігло молоденьке кошеня, поглянуло на те, як карти б'ються (воно не знало, що карти звикли до того, щоб битися) і подумало, що то у них забава така. Почало й саме гратися. Стрибнуло і вхопило зубами якогось короля, шпурнуло їм, а тоді як шурхне у купу і полетіло військо у ріжні кутки.

Зібралися раз королі з карт — аж чотирі, — та й хваляться: у мене дом, — каже бубновий, — як подушечка з червоним сукном. А у мене, — каже червінний, — як макітерка уверх дном. Що там — от у мене дом, — каже піковий, — як піка догори гостряком. А у мене, — бухає трефенний, — здій шин дім, — як трилистничок над лужком.

— А ви зато чорні, як цигане! — скрикнули разом бубновий і червінний.

— А ви хоч і червоні, та ро-

Добре розгулялося кошена, та прийшов хлопчик, прогнав його, позбірав карти, помішав червоні з чорними, бо він не знав, що у них війна була, і почав будувати з них хатки.

Так скінчилася перша війна.

Аж тут мама.

— Ти навіщо новенькі таткові карти взяв? — спитала мама у хлопчика.

— Я ще вchora... і забув покласти, — сказав хлопчик.

— За те, що займаєш без дозволу — стань у куток.

Хлопчик став, а мама взяла карти і вийшла.

Потому скоро повернулася знову і вибачила синові його провину.

Так скінчилася друга війна.

[Дописано червоним чорнилом: Після того війни на світі вже ніколи не було.]

Чернігів, 1919, у липні

Публікується вперше.

Водичка Молоднична.

I

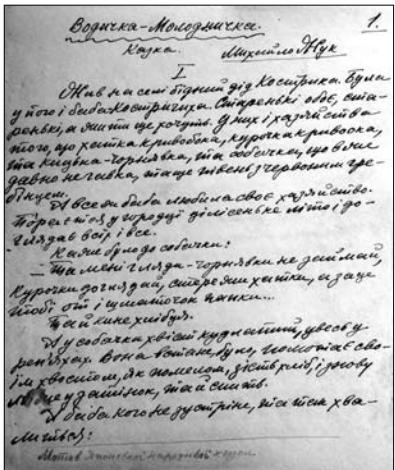
Жив на селі старий дід Кострика. Була у його і баба — Костричха. Старенькі обое, старенькі, а жити ще хочуть. У них і хазяйства того, що хатка кривобока, курочка кривоookа, та кицька — Чорнявка, та собачка, що вже давно не гавка, та ще півень з червоним гребінцем.

А все ж баба любила своє хазяйство. Порається у городі було цілісеньке літо і доглядає всіх і все.

Та каже до собачки:

— Ти мені гляди — Чорнявки не займай, курочки доглядай, стежи хатки, а за це тобі от і шматочок папки...

Та й кине хлібця.

А у собачки хвіст кудлатий,
увесь у реп'яхах. Вона встане було,
помотає своїм хвостом, як помелом,
з'єсть хліб, і знову ляже у затінок, та
й спить.

А баба кого не зустріне, та так
хвалиться:

— Злющий у мене собака, злю-
щий, аж у роті чорно, мух навіть
кусає і ніколи не гавкає, спати не
заважає.

А він просто був старий і ліни-
вий собака.

Дід Кострика не любив поганого
пса. Так що ж з бабою робити?

Дід своє діло знов. Поможе бабі у важкій роботі, коли треба го-
род скопати або води з колодязя принести, а там торбину на плечі,
сокиру за пояса і пішов до лісу... До дому над вечір приходить, разом
тоді обідає і вечеряє.

У лісі дід дрова рубав. Нарубає сухиря з дерева, накладе його цілі
купи, а тоді до дому зносе помаленьку. З того вони і жили. Поміняють
потім сусідкам сухирь на борошно, на крупу, на сало... І їсти є що, і
палива собі на цілу зиму стає.

Тихо і мирно все було.

Ліс прастарий і великий — од села недалеко. Ціле літо дід працює.
То там, то в іншому місті накладає цілі купи дрів. Що трохи в літку
позносе, а то все до першого снігу полишає, коли саночками, хоч і
без коня, але легче звозити. І на селі любили старого діда Кострику.
А діти просто проходу не давали: дід лісові казки знов. Про всякі
дива наскаже — про Лісовика, такого кудлатого, зеленого, як старий
мох... Він його на власні очі бачив і розмовляв з ним.

Каже було:

— він бігає на одній нозі, а швідче за всякого; дивиться одним
лише оком, — а бачить крізь увесь ліс і навіть те, що під землею ро-
биться; має одне вухо, а чує як діти у селі вередують; має одну руку
і то ліву, а дерева з корінням рве.

Частував мене навіть один раз стравою. Так хай йому цур! Таке гірке,
стільки там перцю, що я два дні розсявивши рота ходив, та холодну воду

пив. Таке пекло. Аж потому баба дала свяченой води і воно перестало. Тоді тільки я доміркувався, що то за перець був. Звичайно, чарівний.

Діти сміялися, а все таки боязко було побачити того чарівника.

II

Довго сьогодні ходив дід у лісі. Так йому чогось нудно було. Вже далеченько і зайдов, а все ніяк не збереться до роботи. То дерево якесь високе і не хоче дід лізти за сухирєм, то якесь криве і дуплясте, то сухиря мало і не варто лізти. А в лісі ні легіт не війне. Тільки пташки щебечуть, і то лінуючись. День був страшенно пекучий і хотілося старому пити, а поблизу ні краплиночки тобі водички. Так і йшов старий Кострика. Чи багато, чи ні поминуло того часу, але дід уже зовсім притомився. Одне, що пощастило, то надібав лісовий струмочок. Так тут прохолодно, така чиста водичка, такі гарні кущики навколо поросли, що просто любо. Дід так і повалився з бережку. Трохи оддихав, сили набралося, витрусив з торбини окраєць хліба і почав жувати. Здобув цібульки до хліба. Та так йому гарно!

Попоїв.

«А тепер і водички нап’юся» — подумав собі. А водичка, як дзеркало, кожний листочек видно, кожну травинку. Та ще так ніжно дзюрчить водичка, як пісеньку співає.

Став на коліна дід, бриля побіч себе поклав, сперся руками об пісочок і схилився до водички. П’є. І так йому любо, так, наче хто сили вільяє у його з холодною водичкою і така вона смашна.

Коли гульк на руки і не впізнав. То були сухорляві, з великими жилами, зморщені і якісь задубілі. А то тобі диво, наче у юнака — повні та сильні. Що вода йому скапувала з вусів, як він поглянув на своє лицце, що одбивалося у струмку. І не впізнав. Молодець та й годі! На лиці тобі ні одної зморщки і вуса не сиві, а чорні як замолоду були.

Так зрадів Кострика, що схопився, та за бриля свого швидче. Захопив торбинку, сокиру і гайда до дому. Швидко йшов, пісень співав ще тих, як молодим був, а в ногах ні краплиночки втоми. Молодець та й годі!..

Радісно йому.

III

Поки прийшов Кострика до дому, то вже і сонечко почало сідати. Вскочив він у двір до себе, а там і до хати.

Сидить баба його біля столу, та старий очіпок латає, а біля неї Чорнявка-кицька дрімає.

— Добрий вечір, бабо! — каже він до старої.

— А яка я тобі баба! Де ми з тобою бабували? Ач який вишукався! — сердито спитала вона. Не впізнала свого діда.

— Та я ж твій дід...

— Глузуеш, синочку, — каже стара. — У мене волосся сиве, зубів у роті немає, а ти таке верзеш, що бог зна що...

— А чий це бриль, а чия сокира, а чия торбина, а чиї чботи на мені... Хіба ж є у кого такі подерті, як у твого діда?

І не слухає баба. Думає своє. Бачить справді всю одіж свого старого і вже плакати збірається — їй видається, що цей молодик убив її діда, пограбував, а тепер хоче ще її вбити.

— Змилуйся наді мною, чоловіче добрий, — заголосила баба і впала навколішки перед молодцем, — коли ти старого мого вбив, то пожалій мене! На що я тобі потрібна!

Бачить Кострика, що баба не вірить йому, і почав її умовляти. Довго умовляв, поки вона не повірила, і то тоді, коли проспівав їй пісню, що вже всі інші у селі про неї забули. Вона сама ту пісню згадала і підспівувала.

Ходила Уляна

По ярмарку зрана, —

Ой, люлі!

Зустріла Уляна

Дмитра та Степана

Ой, люлі!

— Ходімте, Уляна

До нашого пана! —

Ой, люлі!

А в нашого пана

Хата на помості...

Ой, люлі!

Хата на помості.

Прийшла Свиня в гості, —

Ой, люлі!

Коза в рукавицях

Ходе по світлицях...

Ой, люлі!

Киця в черевичках

Лазе по поличках.

Ой, люлі!

Полички звалила,
Шкоди наробила
                          Ой, люлі!
Горщечки побила,
Панів побудила,
                          Ой, люлі!
А пан ізлякався
Та в лози подався.
                          Ой, люлі!
Та подався в лози
Рубати занози.
                          Ой, люлі!
Занози рубати,
Кицю запрягати,
                          Ой, люлі!
А Киця втікала
Та в воду попала,
                          Ой, люлі!
І так ізробилося
Що Киця втопилася.
                          Ой, люлі!

Пропівали, і повірила баба, що то справді був її чоловік.
Довго вони седіли після вечері на дворі, під хатою. Баба випитувала про струмок і казала, попрікаючи. Вона почала гніватися на молодого.
— Що ж, гарний з тебе чоловік. Про стару мене забув і не приніс Водички-Молоднички.
— Та не було ж в чому...
— Хоч би в роті краплиночку... казала стара.
— Так я завтра ранком побіжу і цілий глечик тобі принесу...
— А я ще до вечера старою буду. Не хочу.
— Так підемо разом, і я тебе приведу раненько до струмка.
— І без тебе знайду. Хазяйства немає на кого покинути, коли разом підемо. Та ѹ їсти треба наготовувати... і худобу погодувати, і город доглянути... Помолодів ти, старий, а не порозумнійшав. Де ж, пак, разом ітти.
— Я ж тобі покажу те місце, де струмок — от і швидче буде.
— Швидкий ти, швидкий. На язика тільки.

Плюнула на землю, показала язика старому, встала і пішла до хати. Розгнівалася дуже.

IV

Ще тільки сонечко встало, а баба вже достала із скрині новеньку хусточку, що вона лише до церкви берегла. Чоловіка розбудила і виришила до лісу.

— Дивись, щоб тебе там звірі не з'їли, — гукнув чоловік до неї.

— Аби тебе не розкусили, — сказала стара, махнула рукою і пішла за ворота. Ще й глечика понесла на воду з собою.

Кострика взявся до роботи. Пополов город, води приніс. Сякотако наварив обід і чекає на стару.

А час все йде та йде.

Минула вже і обідня година, а жінки немає. Почав Кострика турбуватися. Попоїв того обіду, нагодував худобу, а сам все думає: мабуть, стару вовки з'їли — не знає вона лісу, може, зблукалася, а там і вовчику в зуби — гам!

Ось тобі і Водичка-Молодничка!

Коли сонце звертало уже на вечір, то Кострика замкнув хату і пішов до лісу шукати старої.

Сумний він ішов, голову до долу звісив. Не мав надії, що знайде свою жінку.

От уже й те місце біля струмка, де він учора воду пив.

Ходить край берегу і шукає старої. Почав гукати — нікого.

— Так я і думав, — сказав Кострика, — з'їли її звірі, бідну.

Уже сутеніло, коли раптом він наткнувся в одному місці на березі на новеньку хустинку своєї старої і на того глечика, що вона брала на воду.

Він підняв хустку і заплакав:

— Нема моєї старої!

Чує — щось пищить, тоненським, дитячим голосом. Прислухався він — де воно. А голос ішов з під куща, може ступнів за десять од його. Він туди. І бачить: лежить маленька дитинка, дівчинка і плаче. А тут же і одяга старої. Одразу доміркувався Кострика, взяв дитину на руки і сказав:

— Ціть, не плач! Не послухала, не хотіла разом ітти... от і маєш!

Забрав усе і пішов до дому.

V

Не дурно сердився Кострика. Стара, як прийшла до лісу і винайшла струмок, то й почала з нього пити воду.

Напилася спершу і помолоділа так, як і старий, молодичкою стала, але вирішила, що цього мало. Спочила трохи, знову випила і стала молодою дівчинкою. Тоді знову спочила, набрала повний глечик води з струмочка, думаючи: «До дому заберу», а там припала знову до води і не зглянулася, як стала маленькою дівчинкою. Пострибала, покрутилася, метеликів половила і знову водички напилася... Хотіла встати, щоб до дому йти, аж уже й ходити не вміє. Немовлятком стала. Порачкувала трохи над струмком, розплакалася і заснула з горя.

Коли ж уже прокинулася і знову почала плакати, то тоді і знайшов її Кострика.

VI

Тепер вони і досі живуть у тому ж селі. Кострика працює, а *старенка* його виростає. Така гарненка і втішна дівчинка. Навіть худобу свою Кострика напоїв тою водою і вона вся помолодщала. Та обережно напував, щоб не зашкодило. Одна стара хата не могла пити і тому Кострика її полатав, а де — що й нове поробив.

Гарно тепер у дворі Кострик. Уже й на бідних не схожі!

Що то значить молода сила!

Чернігів, 1919, 6/VII

Опубліковано у книзі «Казки», с. 42–49.

Ілюстрація М. Жука
до казки «Водичка-
Молодничка»

Спляча красуня

Присвячую Григорію Холодному

Летів табунок горобців і жваво цвірінькав.

Під лісом побачили горобчики дівчинку-красуню, яка спала зачарована злим чарівником. Спала дівчина біля куща калини, а калина саме цвіла тоді. Дівчина була така гарна, така гарна, що навіть горобці, які дуже поганої думки про людей, і ті скрикнули разом:

— Чів, рік, чвікунчик,

Червень-червончик, —

Що значило по горобиному: «поглянь, яка вона гарна, як найкраще зернятко».

Вони ж найбільше любили зерняття збіжжя. Так сказали горобчики і, як маком з достиглої маківки, обсипали навколо дівчину:

— Вона буде нашою! — сказав найстарший горобець і надувся.

— Вона давно наша! — ствердила горобличка, крутнувши хвостиком.

— Давайте їй співати пісень, бо найкращі співи, то наші горобині...

— сказали всі разом і почали:

— Цвірінь, цірінь, чик-чаки...

Чи-ку, чи-ку, чи маки.

Чи цвіль, чи тінь, чи пінь,

Чи чорний, як чумінь.

Щоб цю пісню зрозуміти, то треба бути справжнім горобцем, а досі цього ще нікому не хотілося і тому на українську мову вона не перекладена.

А горобчики все співали нової і нової.

Почули ворони у лісі, що горобці зчинили галас, та й гукнули одна до одної:

— Кра, Вра! Бра! Мра!

Це вже значило по воронячому — збирайся до купи усі та поглянемо, що діється. Певне горобці якусь поживу знайшли.

Так воно і вийшло. Вилетіли ворони, які теж не дуже любили людей за те, що кожного, хто неуважний, називали вороновою і побачили дівчину.

Уподобалася вона їм.

— Гар-рна, гар-рна, — сказала одна.

— А що ті горобці співають, що ніби то вона їхня — зауважили ворони, бо вони трохи знали по горобиному.

— Дур-рні! — вирішила перша.

— Пр-роженемо, пр-роженемо їх, — кинулись ворони на горобців.

Горобці налякалися і повтікали, а ворони сіли навколо дівчини і почали балакати.

— Корряк! — Сказала одна.

— Крим-кроки! — Сказала друга.

— Крила, крила! — закричали усі.

Це значило: що дівчина буде нашою і нікому її не віддамо. Почув це ведмідь у лісі та й подумав: чого то ворони галасують, може вони смашну їжу знайшли, треба подивитися.

І пішов.

Пошкряб лапою потилицю, як побачив людину, бо теж не любив людей. Вони мед у пчілок забирали, та й лаялися, як штовхне було людина людину. От ведмідь, не баче, куди лізе! — казали вони. А хіба ж це кому приємно, як про його дурниці кажутъ?

Та вже такою гарною видалася йому ця дівчина, що він вирішив: «буде моя і нікому її не відступлю». Надійшов до дівчини, стукнув лапою по землі і заревів сердито:

— Геть мені, сажотруси, крила пооббиваю!

Сажотрусами він ворон прозвав за те, що вони наче у комин лазили — сіро-чорного коліру були.

Ворони налякалися і полетіли. Ведмідь сів біля дівчини, молотив лапою по землі, притупцював, та все гrimав:

— Ніхто не підходь, — ребер-рця поламаю, вуха покусаю, роги позбиваю, р-р...р...р!

Проходив на той час лісом мисливий з рушницею. Почув голос ведмедика (а голосочек, як гармата бахкав), зараз же кулею наладнав рушницю, вийшов і стрельнув у ведмедя. Трапила куля ведмедику в ногу. Заревів ведмедин та тікача до лісу.

А мисливий як побачив красуню дівчину, то забув і про ведмедику.

— Гарна! — Сказав собі мисливий. — Ця дівчина буде моєю, вже нікому і ніколи її не віддам. Побудую тут хатку, тоді збуджу її та й будемо у двох жити.

І почав хатку будувати. Настягав колод, що нарубав сокирою (а у його й сокира була), наносив моху, листя пахучого, квітів ріжних.

Три дні майстрував і зробив таки хатку, хоч і невеличку, а жити у двох можна.

Тоді почав будити дівчину.

— Вставай, красуне... Я добрий. Я тебе, як рідний, люблю! Я хатку побудував, я ведмедя прогнав. Ти тепер моя. Вставай!

Прокинулася дівчина — вона аж триста років спала по волі злого чарівника, прокинулася, поглянула на мисливого і спитала:

— А хто ти такий, що я твоя?

— Я мисливий... Я людина, що найбільше правди каже... Я ведмедя од тебе прогнав...

А ведмедик вийшов та й каже:

— А я ворон прогнав.

Прилетіли ворони, та й кажуть:

— А ми горобців прогнали.

Прилетіли горобці, та так же щебечуть:

— Ми тебе першими знайшли і ти наша! Ми тебе першими знайшли!

Дівчина послухала усіх і сказала:

— Коли я спала, то і горобці, і ворони, і ведмідь, і ти, мисливий, казали, як хотіли, а тепер і я скажу, що я своя, а не ваша.

Встала дівчина і пішла в люде.

А мисливий накинувся на ведмедика, ведмедик на ворон, ворони на горобців — таке счинилося! Почали ганятися одне за одним, а може, ще й досі ганяються, коли не притомилися або не порозумнійшли.

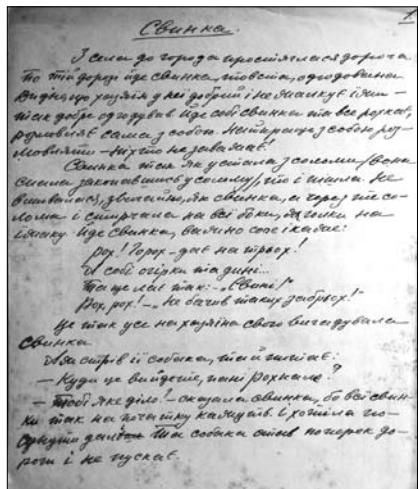
Красуня ж дівчина була Україна.

Чернігів, 1919, 26/VII.

Опубліковано у книзі «Казки», с. 30–41.

Свинка

З села до города простяглася дорога. По тій дорозі йде Свинка, товста, одгодована. Видно, що хазяїн у неї добрий і не жаліє їжі — так добре одгодував. Йде собі свинка та все рохкає, розмовляє сама з собою. Найкраще з собою розмовляти — ніхто не заважає!

Свинка так як усталла з соломи (вона спала, закопавшись у солому), то і пішла. Не вмивалася, звичайно, як Свинка, а через те солома і стирчала на всі боки, як голки на єжаку. Йде Свинка, важко сопіг і каже:

Рох! Горох — дас на трьох!
А собі огірки та дині...
Та ще лає так: «Свині!»
Рох, рох! — Не бачив таких забрьох!

Це так усе на хазяїна свого вигадувала Свинка.

Аж стрів її Собака, та й питає:

— Куди це ви йдете, пані рожкале?

— Тобі яке діло? — сказала Свинка, бо всі Свинки так на початку кажуть. І хотіла посунути далі, та Собака став поперек дороги і не пускає.

— А може скажете? Бо я дуже цікавий Собака, і мене навіть не раз за це сам хазяїн бив.

— Що ж з тобою робити, — каже Свинка. Та все пробує рилом пхнути Собаку. — Йду у город свого хазяїна продавати. Там, кажуть, є така штука, що базаром зветься. Так от на тому базарі, мені казали, можна таке робити — продавати і купувати. — І знову штовхнула рилом собаку.

— Як Ви будете штовхатися, — сказав Собака, — то я Вас за вушка покусаю. А от що Ви здумали продати свого хазяїна — це діло добре. Я теж на свого хазяїна сердитий, то разом і підемо — більше навіть вторгнемо, бо за двох і дадуть у двоє.

Собака був розумний і вмів давно уже рахувати аж до десяти, тільки казав спочатку вісім, а потім сім. Та то нічого.

Пішли. Свинка і розповідає:

Рох! Горох — дає на трьох!
А собі отірки та дині...
Та ще лає так: «Свині»!
Рох, рох! — Не бачив таких забрьох!

Собака не слухав та розповідав своє, бо серед тварин так завсіди діється, що кожний розповідає своє, а другого не слуха.

— Цілу нічку — гав та гав!
І сьогодні ще не спав...
З кошенятком посварився
Та на дах його загнав!

Раптом де не взявся цибатий Индик та як забелькоче:

— Турли-бурли,
А куди ви пішли?

Як не злякаються Собачка і Свинка, та як не скрикнуть:

— Гав!
— Рох!

Индик і сміється:

— Який я вам Гав-рох? — Я Ин-дик!

Собачка і Свинка промовили:

— Та то ми так налякалися.

— Так куди це ви, пане «Гав» і пані «Рох» вибралися? — попитав Индик.

Вони йому і розсказали.

— Я теж хочу свою господиню продати, — сказав Индик, вислухавши їхню мову. — От погляньте, як я на неї гніваюся.

Надувся він, звісив червоного носа, повно на бороді червоних баклажанців поначіпляв, хвоста віялом роспустив, крила, як пальці в землю поставив, пройшов перед Собачкою і Свинкою і так зробив:

— Штурк, штурк!..
Турли-бурли,
Гудуть як комарли,
Рлякають курлк!

Він не все добре вимовляв — «комарли» то мали бути «комарі», а «рлякають курлк» — це просто «лякають курей». Такого нагородив.

Свинка і Собачка — довго сміялися.

— Що ж ходім! — сказали вони до Индика.

І пішли.

Прийшли вони на базарь, а там повно народу вештається. Гусочок, Свинок, Индиків, Качок, Поросяток, Курей — повно.

Свинка і каже:

— Диви, і наших чимало на базарі.

Индик і собі:

— Базарль великий!

А Собачка:

— Та й наші тут бігають.

І всі вони вирішили, що то, певне, тварини зібралися, та своїх хазяїв продають.

Надійшла Свиня до якогось смаглявого чоловіка, штовхнула його під ноги добре, аж той мало не впав, та й спитала:

— А чи не купите у нас наших хазяїв?

То ж був Циган, що лиш коней купував. Та ще хитрий був той Циган. Він і каже:

— А що хочете?

Индик:

— Мірлку горлоху свіжого.

Собачка:

— М'яса шматок.

Свинка:

— Кавуна та диню...Рох, рох!

Циган покрутив головою, подумав, а потому і каже:

— Трохи дорого, — це два коня можна купити за таку ціну, — та що мені з вами робити! Ідіть і получайте одразу.

І показав їм на чужий крам.

Кинулися наші: Индик на горох, Собачка на баранячу ніжку, що продавав різник, а Свиня до баштанника, що продавав кавуни та дині.

Та скінчилося погано. Баштанник, різник, і той, що продавав горох, мали у руках кийки.

Як наскочили до них наші подорожні, то їх і почастували так гарненько кийками.

Вони тікача — хто куди видно.

Ото зійшлися трохи потому та й жаліються одне одному.

Индик каже:

— Дешево прлодав, горлох поганий.
Свинка бурчить:
— Зовсім зелені кавуни та дині. І чимсь таким пахтять, що я од них ледві одбігла.
А Собачка каже:
— І зовсім то не бараняча ніжка, а з якоїсь рябої жаби. Та ще й несвіжа. Якраз те, що я ніяк не можу їсти.
Свинка повернула уже, щоби йти.
— А куди ж це ви, пані Рожкале? — спитали разом Индик і Собачка.
— Та поглянути, чи той чорний брехун ще не забрав хазяїна.
Я йому не хочу так дешево продавати.
Махнула хвостом і пішла.
А Индик і Собака і собі:
— Треба й нам поглянути.
Та й розбіглися на всі боки, кожний до дому.

Чернігів, 1919 7/VIII.

Опубліковано у книзі «Казки», с. 18–21.

Музики

Це було у літку. На дворі тепло, день робочий, саме жнива, і на шляху нікого немає. Може, так зовсім нікого б і не було, та коли самотою йде собі Скрипка і грає:

Ті-лі, ті-лі, —
У двох жили!
На весіллях танцювали,
Млинці медом запивали.
Ті-лі, ті-лі, —
В добрі жили!

Ще багато про що розповідала Скрипка: що музика-хазяїн занедував, що продав її комусь другому, і що той другий зовсім ніколи не грає на їй. Лише не встигла Скрипка усього проспівати, як стрічає її Бубон, тай бурчить:

Ой чи-чи-чи, чи так, чи так,
Чи бу-бу-ва з гечки та мак...
Чи мо-може й таке прийде,
Що положе й хвостом змете.

— Драстуйте!

Привіталися одне до одного.

— Ку-куди це, пані, йдете? — спитав Бубон.

— До царя Гороха, кажуть, що він сумує дуже і що привитає гаразд того, хто його звеселить, — сказала Скрипка.

Бубон крутнувся на одній нозі, та й каже:

— Ходім.

Пішли.

Скрипка іде, та так весело співає:

Будем істи, будем пити,
Будем в золоті ходити!

А Бубон усе одне та одне товче:

Може хто і чуба збуде, —
Побачимо, як там буде!

А ж на зустріч ім біжить Дудка. І нісом і на всі пищики грає:

Хурли, хурли.
В хлівах сопли;
А полізли у хорому,
Наробили танцю й грому.

Знову:

— Драстуйте!

А Скрипка і Бубон одказують:

— Не застуйте, а то і так темно.

Дудка свиснула і каже:

— Бач, голий, як бубон, а гострий, як бритва!

Бубон аж задуднів з пересердя.

— Ах ти ж дудка-халабудка, ніс просяний, хвіст шкіряний. Я з тобою балакати не хочу...

— Та годі, — каже Скрипка.

І сказали Дудці, куди йдуть. Дудка зраділа і пішла з ними.

Ідуть і співають:

Скрипка —

Будем істи, будем пити,
Будем в золоті ходити!

Дудка —

Хурли, хурли.
В хлівах жили;
А тепер царю Гороху
Заспіваемо «Солоху».

Бубон —

Може хто і чуба збуде, —
Побачимо, як там буде!

Так прийшли і до самого царя Гороха. А він і справді сидить похнюпившись, руки позвішував, що з рукавів горошинки сиплються; ноги позвішував, що через штанини горох падає, сам позеленів. Небо над ім горохове, земля його власна — горохова і навколо горох. Прийшли наші молодці та разом і вклонилися:

Бубон —

Бам, бам!
Щастя вам!

Скрипка —

Клім, клім!
Годі бутъ мяким.

Дудка —

Хурли, хурли,
Щоб здорові були!

І почали разом царя Гороха звеселяти:

Скрипка пищить.

Дудка тріщить.

А Бубон так бахає,

Що аж горох з неба падає.

Цар Горох осміхнувся, спочатку ногами притупцювував, а там і танцювати пішов. Так стрибає, язиком ляскає, в долоні плеще, аж любо!

— Ой, годі! — гукає Горох до музиків, — а то розсиплюся.

Та наші, мої не чують — грають, та й годі. Танцював Горох, танцював, а далі, як підстрибнув у гору, вдарився головою у горохове небо і розсипався горохом, та не простим, а золотим. Бо він же царем був! От тоді і музики перестали грати. Набрали повно зернят золотого

гороху і повернули до дому багатіями. І вже, коли йшли назад, та співали, то і Бубон весело приспівував:

А я ж казав, що так буде,
А я ж казав, що так буде!

Чернігів, 1919 17/ XI.

Опубліковано у книзі «Казки», с. 15–17.

Ілюстрація М. Жука
до казки «Музики»

Ма-зол-ке

— Ой, Боже-ж мій! Боже-ж мій! Що ж це воно буде? — голосила старенька баба Марійчиха, бігаючи по своєму дворишту. Виходили сусіді, ставали кожний біля свого плоту і розпитували.

— А що? — питала сусідка Івга, жінка коваля.

— Чого це ви, Марійчихо, так бідкаєтесь? — питав з другого боку Семен Бондар.

— А що там сталося? — питав рибалка Микита.

Баба Марійчиха бігала та жалілася.

— Вісімдесят років живу тут над річкою, а такого не чула... Зараз оттут був... Прийшов і каже, що він Ме-ке-ке! Старий... На голові якась макітерка одягнена. Штани зверху пухирем надулися, а на колінах мов дудочки... На ногах чоботи блискучі... кептар цяцькований, хутряний і з величезними кешенями... А говорить, таке говорить, що не розбереш... Що ж це воно буде — скажіть мені?

Сусіди не знали, що воно буде і зниzuвали плечима.

А то просто був Макарь-золотий кептар. Жив він у городі крамарем. Надокучило йому тим крамом торгувати — і надумався він бути чарівником. Начитався казок страшних і побачив, що чарівником не трудно бути. Іван-дурник в одно вухо конче влезив замурзаним і поганим, а з другого вилазив красунчиком, то чом же він гірший за Івана-дурника, — подумав собі так крамарем.

— Нехай дурні у вухо лазять, або таргани, а я не полізу. Ще трапиши у чужу голову через одне вухо, другого не знайдеш, щоб вилізти, так потемки все життя і проблуксаєш. Я зроблю інакше! — сказав Макарь-золотий кептарь. І перше, що він зробив — взяв папірчика і написав на йому (він і писменний був): «Макарь-золотий кептарь»; потому позакреслював у кожному слові частинку і вийшло у його — «Ма-зол-ке».

— Поки що годі! — сказав сам до себе і пішов з города у світ, шукаючи пригод, здавши крамницю на свою жінку крамарку.

Чи довго йшов, чи ні, але трапив у велике село, де жила баба Марійчина. Пройшов трохи селом, спинився біля її дворища, згада, що він голодний і увійшов до баби Марійчихи. Увійшов та й каже:

— Дмехліміка!

Це мало значити: дай мені хліба, молока і каші.

Марійчиха, як почула таке, — мало не впала: так злякалася. А потому й питает:

— А хто ви будете?

— Ма-зол-ке! — крикнув до неї крамарь.

Поліз сам у комору, знайшов їжу, наївся і пішов собі, наче так і треба, навіть не подякував бабі.

А вона так налякалася, що тільки потому вже вибігла на двір і зчинила галас, який почули сусіди.

Та на тому не скінчилось. Макарь-золотий кептар, як побачив, що людям чогось страшно, — пішов на другий кінець села, увійшов до найкращого дворища, та як почав белькотати по своєму, що хазяїн налякався і втік з родиною, куди видно. А Макарь оселився в його хаті і надумав:

— Тут буде мое царство!

Прикладав старшину до себе, наказав йому, щоб той на завтра сход зібрав, а сам увечері сів і склав таку промову до людей:

Я-ма, сла-вла,
Я-ве-чар-ник;
Ма-зол-ке-я-буд-зва,
Буд-зва-жи-повік.

Ту-сво-збуд-ца,
Мо-кра-на-чу...
В-щен-я-вини-зли-ство, —
Он-чо-я-скінчу.

А на звичайну мову, то воно було складено так:

Я Макарь, славетний владця,
Я ведикій чарівник;
Ма-зол-ке я буду зватъся,
Буду з вами житъ повік.

—
Тут свою збудую царство,
Мови крацої навчу...
Вщент я винищу злидарство, —
От на чому я скінчу.

На завтра дійсно зібрався сход. Він зійшовся біля школи на муріжку. Гомоніли люде, радилися про між себе, а ні до чого не прийшли, як і звичайно люде. Коли з'явився Мазолке, то так ніхто і не знав, що йому сказати. А він вийшов, став на середині і заблакав, — всі стояли і роти порозчиняли. Коли Мазолке скінчив, то всім якось страшно зробилося. Де-хто, неполітично, втік до дому, де-хто уперто чухав голову, а де-хто надійшов до Мазолке і став поруч з ним.

— Всіх моїх прихильників, — прохаю стати праворуч, — гукнув Мазолке.

Люде посунулися праворуч; хто спився, то того більше лякливи підганяли у спину або тягли за рукав.

— Тепер, хто найбільше прихильний, — станьте ліворуч, — знову гукнув Мазолке.

Всі люде посунулися ліворуч.

— А тепер усіх моїх приятелів, — прохаю стати проти мене, — знову промовив Мазолке.

І всі люде стали проти самого носа у Мазолке.

— Тепер розбігайся! А коли покличу, щоб всі тут були!

І всіх наче хто мітлою вимів.

Мазолке пішов до дому.

На другий день Мазолке приклікав знову старшину і наказав, що до нього увечері прийшло двайдцять молодих хлопців і стільки же дівчат.

Хлопці і дівчата зібралися.

Мазолке до них промовив:

— Щоб від нині ви не співали своїх пісень.

— Добре! — крикнули всі разом.
— Щоб не витрачали даремне часу на довгі слова.
— Добре! — знову повторили всі.
— Тепер починайте... Підходь сюди... Як тебе звати?
— Михайло Ільків Жарко.
— Миж будеш зватися... Другий!
— Терешко Ивин Жолудь.
— Тиж! Третій.
— Кирило Уліанів Мазь.
— Кум! Четвертий...
Так усіх поперевертав Мазолке, а потому навчив співати по своєму пісню:

І шумить і гуде
— Починайте, — сказав він і сам заспівав:

I-шу-іг-дрі-до-щід,
Ах-ме-мо-та-до-до-де?
Обіз-коза-по-сол-меду:
Гу-гу-ді-я-до-до-ду!

Ледві удержувалися од сміху хлопці та дівчата, але все ж співали.
Назву села теж перевернув по своєму Мазолке — замісьць «Старих погорільців» назвав «Стапог».

І не довго прожив Мазолке на селі, та наробив такого, що усі схудли: не спали, не доїдали.

Лише по святах дозволив Мазолке людям балакати по людському. А свят тих мало було. Стари свята велів скасувати. Полишив тільки день народження Мазолке (або Малий Мазолке), день іменин Мазолке (або Великий Мазолке), і день спочинку Мазолке (або тихий Мазолке), — от і все.

І трапилось раз, що на сході Мазолке чхнув. Не велика то біда чхнути, але чарівникам того не вільно робити. Якраз там була баба Марійчиха, що стояла поруч з Мазолке. Як чхнув він (а це було в будень), то Марійчиха і скажи (стара вже голова в неї була):

— Бувайте здорові, паночку!
Всі засміялися, а потому і забалакали по звичайному, як і колись балакали.

Мазолке почав кричати по своєму.

Лиш де не взявся здоровенний хлопець, здається, що навіть Кум; схопив Мазолке за комір, та і повів за село, щоб вигнати.

По дорозі він пручався, але треба було йти.

Мусів з неохотою повернути у город. Став знову крамарем і на вивісці, що над крамницею, написав здоровими літерами уже так: «Макарь-золотий кептаръ».

Без скорочення.

Чернігів, 1919 19/X.

Публікується вперше.

Циган і Чорт

Посварився Циган із Чортом і вирішили помститися одне на одного. Хоч це було і погане бажання, та воно ще й досі має свої права. Бо Циган був чорний і хитрий, а Чорт, як і всі чорти, — червоний, у чорних плямочках, і дуже гарячий.

Стрілися вони на другий день після сварки. От Чорт і каже:

— За те, що ти мене образив першим, то мусіш першим і на собі повозити.

— Добре, — каже хитрий Циган, — але ж ти мене теж образив і мусіш також на собі повозити.

— А чим я тебе образив? — питає Чорт. (Бо Чорти думають, бо вони нікого ніколи не ображають.)

— Ти сказав що: мого батька повісили, а я обірвався... От і образа. А тебе я нічим таким не образив.

— Як? — аж скрикнув Чорт, — а хто сказав, що мій татко лисий, що моя мама ліса, що вони живуть на Лисій горі, що я теж незабаром буду лисий і що мое прізвище буде не Чорт, а Лисин... Це ж образа більша, ніж твоя, що я тобі сказав. От ти мене першим і мусіш везти.

— Добре! А чи довго?

Чорт подумав.

— Ні, недовго... Поки я усіх українських пісень проспіваю.

Знав добре чортяка, що ні в кого немає так багато пісень, як у народу українського.

— Що ж, — мовляє Циган, — як так, то й так... Добре! Сідай!..

Чорт скочив Циганові на плечі і почав співати, та ще повагом, та ще й з приспівками. А сам поганяє бідного Цигана.

Минув день, минула ніч... Настав і другий день, і друга ніч по-минула, а Чорт усе співає та співає... Як дійшов до коломийок, то аж упрів бідний Циган. Та що там! Чорт, мов горохом кидає:

Коломия не помия,
Коломия місто...
В Коломиї дівчатоньки,
Як пшенишне тісто.

Уже й багато царств поминули, багато морів та океанів навколо оббігли, а Чорт усе співає. Ріжні народи посміхаються з Цигана, що Чорт йому таку роботу завдав... Бо всі вони хоч трохи знали, що вигадливі ті українці на співи. А що ж робити? — біжить Циган. На кінці четвертого дня уже ледве дихає... От-от упаде. Та нарешті Чорт останню українську пісню доспівав.

Циган спинився, мало не падає. Зліз Чорт тоді з Цигана, та ще й кепкує:

— А що, — каже, правда, що співоча нація?
— Співоча, то співоча, — відповів Циган, обтираючи піт з лиця,
— та все-таки не нам Циганам рівня. Зрештою побачиш... дай тільки на шию сісти... Ану, схиляйся!

Схилив, на горе, Чорт шию, а Циган мерщій на ноги.

— Ну, рушай, повертайся!..

І почав співати:

Жив собі циган бідний,
З ним жила циганка.
Його звали Макарем,
А її Маланка.
Наша пісня гарна й нова,
Починаймо її знову:
Жив собі циган бідний,
З ним жила циганка.
Його звали Макарем,
А її Маланка.
Наша пісня гарна й нова,
Починаймо її знову:
Жив собі циган бідний,
З ним жила циганка...

Спочатку Чорт сміявся, і ріжні народи сміялися з Чорта, а потому так усім надокучило, так надокучило, що пішли навіть Чорта визво-

ляти... Хоч і не любили його дуже. Боялися, як Чорта. Через тиждень ледве вловили їх і то у Московщині, бо там саме війна була. А коли у Московщині, буває війна, то б'ють кого попало. Так от там і Цигана побили, а Чорт утік до себе у пекло, та так дякував Московинам за їхню послугу, що в подяку навчив їх лаятися найкраще за всі народи. Коли не вірите, то спітайте у інших. Українців і досі любить, а про Циган так і чути не може. Брехуни — каже. [У першому варіанті замість останньої фрази: Бо зрозумів національну рису.]

Чернігів, 1921. 25/II.

Публікується вперше.

Добро

З давних давен сиділо Добро на землі і зсихалося. У тому мійсці, де воно сиділо, — люде смітника зробили: зносили туди ріжні ганчірки, битий посуд; золу з грубок вигрібали і все туди, де сиділо і зсихалось Добро. Часами воно ще й блищаючи проти сонця або місяця, але на те ніхто не звертав ніякої уваги. Просто казали: «не все те золото, що блищить», і заспокоювалися. Та не заспокоювався один справжній Чарівник. Він був тому справжнім, що довго жив на високій горі у величезній крижаній печері, нікому не служив, роботи ніякої не робив, а тільки вигадував чарі.

От раз і вигадав таке: напав у ночі на людей, полонив їх і давай добру навчати. Як тільки хто з людей, було, забуде, що Чарівник слідкує за ним, і зробе щось по людському, то Чарівник його зараз же за чуба або в куток на дві години поставить — ще й коцюбу у руки дасть, щоб більше сорому було.

Люде, як люде, часто забували, що вони в Добрі живуть і все шкодили проти приписів Чарівника. Стогін стояв по всій країні, а Чарівник уперто казав: «Треба лише звикнути. А звикнути до всього можна, навіть до Добра. Коли ж ви до такого не здатні, то за кару вас до раю запахторю — гірше буде, побачите!»

Робота навколо аж кипіла, — не ставало кочерг, так ковалі у день і в ночі кочерги робили.

— Дядю! — прохалися люде у Чарівника. — Чи не можна... того, щоб ви добро не робили, або вже хоч менче, щоб звикнути. От же всяка птиця і звіріна без Добра живе і якось виходе... Подумайте!

— Не можна! — упевнено казав він. — Бо така вже наша лінія і ми інакше не можемо. Без добра — це все одно що без голови: нічого путячого не придумаєш... [Дописано олівцем: Пізнійше Чарівник зрікся цієї думки, а на початку він гостро тримався. Не підступitezесь!]

А Добро тим часом сиділо на тій землі і зсихалося. Уже таке маленьке було, як оливяний гудзік.

Та на тому смітнику, де зсихалося Добро, часто ходили Ганчірники.

От гребеться один з них, гребеться. Аж і вигріб Добро. Покрутив, подивився, хотів полизати, та глянув на папірця, що тут же на дереві приліплений був і на якому стояло:

Пошість!!!

Пийте лише варену воду!

Мийте руки з милом!

Ганчірник уже кілька днів взагалі вареного і в очі не бачив, руки також не мив, бо мила не було, а все ж полизати побоявся: «Хай йому біс — ще хто побачить! — Сховав до кешені вигрібок і подумав: «Так собі, дурничка... гімназисти колись носили».

Прийшов ганчірник до дому. Аж синок його — Юхимко — так же гірко плаче.

— Чого ти, синку? — спитав він у його.

— Чого... — хлипає Юхимко. — У мене ззаду, у штанцях немає гудзіка... І сорочку ви-и-дно-о-о! А хлопці дражнять.

Татко, як татко, взяв велику голку, сказав синові, щоб він [викреслено: ганчірочку до зубів] шматочку поміж зуби затис, аби [викреслено: щоб пам'ять] розуму не зашити, і, не скидаючи синові штанців, пришив того гудзіка, що знайшов.

Юхимко вийняв шматочку з рота і засміявся, полапавши новинку.

Татко теж показав на гудзіка і промовив:

— От Добро, так Добро, а його ніхто й не бачив... І не знав куди й приткнути... Що значить людина — до всього своїм простим розумом дійде! [У машинопису дописано: Юхимко ж так завше і гуляв — рука в заду. Боявся Добро загубити.]

Чернігів, 1921. 18/ІІ.

Публікується вперше.

Клопіт

Тільки вчора народ обрав Короля, тільки вчора у честь його величності грали музики і горіли ріжнокольорові вогні, тільки вчора народ кричав — «Слава нашему Королеві!» А от сьогодні сидить молодий король у парадному залі та плаче. Невже його не тішить золотий трон, який потішав стількох королів — його батьків, дідів та прадідів? Невже не подобаються розкішні шати та дорога корона з самоцвітами? Невже не мила та покірливість його міністрів, що звичайно бувають многословними, шкодливими та сварливими [Дописано олівцем: до громади], а тепер стоять перед ним тихо, так тихо, як би нікого й не було. Невже це засмутило Короля?

Біля його ніг сидить писар, що вмочив перо у атрамент, наготовив силу паперу і, розявивши рота, слухає навіть дихання Короля. Перо у писаря висихає, а Король мовчки плаче. Писар знову обмакує перо у атрамент і знову чекає. Сподівається великого слова Короля.

З другого боку королівського трону примостиився блазень, і хитра посмішка кривить його уста. Одразу піznати, що він готовий кожний маленький дотеп Короля подвоїти і потроїти, що він готовий висміяти невдатне слово кожного дворака... Ale поки що надаремно. Блазень починає вже зневірюватися. Кожного разу, коли новий Король сідає на трон, то він сподівається чогось мудрого і кожного разу гірко розчаровується. [Дальший текст написаний на іншому папері та наклеєний поверх листа: Уже він згадує про те, як одного разу, ще малим, увійшов до покою померлого тепер короля, татка сьогоднішнього, молодого. Як страшенно здивований спинився перед тим, що побачив. Старий король спав на ліжкові з величезними окулярами на носі. Ті окуляри налякали його. Тільки він надійшов до ліжка, щоб взяти черевики короля, аби їх почистити, як сам король прокинувся. Він схопився раптом і сів, звісивши ноги додолу. Од раптового руху окуляри впали на шовкову ковдру, і король моргав своїми підсліпуватими очима, дивлячись на хлопця.]

— Що ти тут робиш? А, це ти, Єгор... Налякав мене... Мені снivся такий чудовий сон. Бачиш, як я сплю без окулярів, то я настільки

сліпий, що не бачу ні одного сну. А тепер от що ночі мені сняться найкращі сни. В окулярах я бачу найменший сон, що приходить до мого покою.

Хлопчина стояв з черевиками в руках і не знав, що робити. Нарешті вийшов. Довго йому kortilo якось надіти окуляри короля. Довго він не міг зважитися. Ale от нарешті окуляри у його. Він вкладається на свою постіль і засинає з окулярами на носі: йому сниться чудовий сон, ale раптом він прокидається от болю. Здоровенний гайдук короля держить в одній руці окуляри, а другою шмагає хлопця нагаєм. Він схопився і благає його вибачити. Ale сердитий король стоїть за плечима у гайдука і наказує: «Бий його, бий. Нехай не краде королівських снів». [Нероб.] буде і з молодим Королем? Нічого невідомо.]

Король плаче, і в залі уже кілька годин панує мертві тиша, яка тільки наповнена королівською розпуккою та хлипанням. Ніхто не сміє поворушитися, ніхто не сміє прошепотіти зайвого слова. Лавами стоять міністри, камергери, камер'юнкери, імените дворянство країни; поміж ними розсипані, як квіти, їхні прекрасні дами... Словом, усе те, що у життю багато галасує, робить багато зла і не менче глупоти, — стояло перед королем. Вже кілька годин країна спочивала од влади, насолоджувалася повним щастям і наївно думала, що за таким добрим королем буде найлегше жити. Та вони не знали, що діється у палацах. Вісімдесят п'ятий раз висох атрамент на пері у писаря і вісімдесят шостий раз він обмочив його знову у каламарі, але у цей саме час наперед протискався нечутною ходою прекрасний молоденький паж, ніжним рухом скинув капелюха змягкими перами і, низько уклонившись, промовив ясним голосом:

— Що так засмутило нашого Короля? Я вже більше не можу знести такого горя... Я готовий своєю шпагою знищити найлютішого ворога, якого має наш Король... [Дописано олівцем: Знищти або загинути!]

І з цими словами паж гордовито випростався і хопився за держальце своєї близкучої шпаги.

Король одвів од лиця долоні, ласково посміхнувся до пажа і стиха промовив:

— Ty люба моя дитино, і я сердечно вдячний тобі за твоє бажання обороняти Богом даного короля та королівську державу... Ale мого смутку тобі не розвіяти, не піднести його... Я мушу... Ой, що я мушу!

— Писати закони! Закони! [Дописано олівцем: Закони!]

— Писати закони! — прошепотіла зала. — Творити суд, карати і милувати.

— Так, я мушу писати закони... Ale я не знаю, як написати закони. I вони є моє найбільше горе та нещастя... [Дописано олівцем: Вони є моїм ворогом, якого тобі не подолати зброєю, мій прекрасний паже... Ty плачеш!..]

Тут знову Король гірко заплакав.

— Він не може писати закони, — знову почулося у залі. — Бідний Король... Молодий і бідний!

— A як же можна прожити без писаного закону! — кинув блазень і заторохотів дзвіночками.

— Без писаного закону годі прожити, — сказала зала. [Дописано олівцем: Без писаного закону усе переплутаєш... Взагалі без влади та без закону — усе чисто переплутаєш!]

Король підвів голову і знову промовив:

— Я хотів би написати, що всі цяцьки — є приватною власністю... Ale як же це може бути? Раптом мені сподобається якась цяцька, що є у підданця моєї держави, і я, Король, не зможу її одняти... Що ж тоді вартий цей трон і ця корона? Що тоді я сам? Коли ж напишу, що цяцьки належать усім, то перший ліпший підданець моєї країни буде мати право взяти мою найкращу цяцьку і я не смію оборонитися нічим... Де ж тут справедливість, де ж тут охорона влади? Це ж буде проста розпуста, яка знищить добре серце моого народу. [Дописано олівцем: Знищить...]

Знову Король ще гірше заплакав.

Наперед виступив старий і хитрий міністр, увесь вицяцькований золотом. Згорнувши руки на грудях навхрест (так вимагав етикет країни), — низько уклонився Королеві і промовив:

— Ваша величність! Як ви хочете — так і можна написати. Це нічого не пошкодить вам, ваша величність...

— Як? — крізь слізози спитав Король.

— Так... до такого закону треба лише додати невеличку примітку, що цей закон не торкнеться короля... Тут ваша воля... Тільки примітку.

Міністр лукаво посміхнувся і знову уклонився Королеві. Королю відалось, що він бачить перед собою хитрого лиса, а не міністра; він навіть, як на полюванні, полапав навкруги, шукаючи рушницю, але через хвилину —

Король сміявся.

— Писар, пиши! — всі цяцьки є міцною, приватною власністю... Ніхто не має права не одняти їх, не купити, без згоди на те господаря... Нашим виконавчим органам добре слідкувати за цим законом і накладати кари на неслухняних. У перший раз сто золотих у казну; у другий раз сто золотих у казну і заборону два дні їсти; а в третій раз сто золотих і позбавлення волі. Примітка: цей закон не торкається особи короля, який має право робити так для себе, як це йому подобається. Точка.

Помовчав трохи Король і знову заплакав. Плачуучи знов запитав у міністра:

— А от у нас мається наша кохана мама, то як же з нею буде? Невже вона позбавлена можливості...

Король не закінчив. Міністр знов усміхнувся і промовив:

— Додати ще примітку, що цей закон не торкається також і королівської мами.

Король осміхнувся, а писар записав. Та це не задовольнило Короля.

— А як же буде, коли у нас вірна дружина позбавиться цього права? А потому наші діти, нарешті наші діди, баби, онуки, небоги, сестри, брати?

Король ще набрав повні легені повітря, щоб далі промовляти [дописано олівцем: перераховуючи численну королівську родину], але блазень прорік...

— І тому інші, тому інші, тому інші...

Міністр знову уклонився.

— Можна додати, що цей закон не торкається цілої королівської родини, всього пануючого дому.

Писарь записав.

Король весело поглянув на всі боки, але незабаром погляд його потъмарився, і він знову промовив:

— Не все, не все... А скажемо, що у мене є приятель. Невже я своєму приятелю одмовлю такої дурниці, щоб покористуватися цяцькою моого підданця?

— Можна додати, що всіх королівських приятелів цей закон також не торкається, — тихо промовив Міністр.

Королю так гостро упало в вуха «це можна додати», що навіть у думках він чув таке саме. — До всього можна було додати: до правди —

брехню, до пестощів — бійку, до ласки — неласку і таке інше. Можна додати, та й годі?

Писар записав.

— Тепер я щасливий, — сказав Король, — але, але — і знову щось засумувався. — Як же буде коли приятель моого приятеля щось попрохає у нього, а той у свою чергу у мене, то невже я знову одмовлю своєму приятелю. Цього ж не може бути... Це ж буде образою величності... руйнуванням держави. [Дописано олівцем: Знищенням самої влади на світі!]

— Можна додати, що приятелів приятелів його величності — цей закон також не торкається.

Міністр удвоє зігнувся, а руки навхрест так і застигли на йому.

Король звеселів.

Писар записав.

І всі присутні почали цілувати перстень на руці Короля, надходячи по черзі. Тихий шептіт пішов по залі, шептіт радощів, що Король позбувся смутку. Молодий паж, що запропонував свою оборону Королеві, — стояв за троном і весело посміхався. Блазень, жартуючи, бив торохкотілкою камергерів, камер'юнкерів, імените дворянство та прекрасних дам, і промовляв при цьому:

— Це не торкається всього королівського дому.

Як тільки міністри, камергери, камер'юнкери, імените дворянство та їхні прекрасні дами вийшли з королівського палацу, то скоро уся країна довідалась про нові закони. Всі згадували ті щасливі кілька годин, коли Король був нещасним і плакав, а увесь двір стояв мовчки і безпорадно дивився на слізози короля, забувши на державу. Згадували підданці і жили щастям минулого.

А Король той і досі гарно правує країною. Ним видано десятки писаних сторінок закону для підданих і дві тисячі друкованих томів з примітками до тих законів.

Всі живуть щасливо. І хто коли робить кому яку шкоду, то завсігди промовляє:

— Це не торкається королівської фамілії.

Король же до всього, що каже, доточує — «Ще можна додати!..»

Чернігів 1921 20/VI.

Публікується вперше.

Старість

Так довго жила баба на світі, що почала розсипатися. То в одному, то в другому мійсці подереться і починає сипатися. Тоді бере велику голку (бо в малу не потрапить вселити нитки) і починає себе зашивати. До того вже дошилася, що годі... Од старості не може добре кінці з кінцями звести, то й постягала шкуру, і так постягала дуже, що вона стала малою. Вже коли спить баба, то не може повіки заплющити — шкури не стає. І долоні не може розтулити, бо шкури мало, і швидко ходити не може, і руки розставити, бо на все шкури не стає. Словом, була така баба, як старий і дуже полатаний черевик.

На своє горе баба курятинку любила. А курки, як усім відомо, — клюють, що не потрапиться. Позаводила вона тої птиці чимало. Сама жила у лісі, у маленькій хатинці, а дворище навколо велике, бо не душі живої. От же їй питати ні в кого. А курки у баби шибениці були. Рябенькі, чорненькі, з чубочком, лахминогі, зозулясті — ріжної масті. Та всі жваві, та всі бігають, що бабі й не здогнати. А баба на старість презлюща стала. Що дня зранку бере великого гострого ножа у рукав; виходить ніби курочок погодувати.

— Пулі! Пуляхи! Пуліньки!

Та на руки, та за хату і бувайте здорові. Чик, і курочки вже немає. Тільки казанок і знає, куди курочка ділася. Спеклася бабі на поживу.

Та курочки теж не роззяви. Присяде баба їх годувати, подереться в якомусь мійсці, як стара торбина, а з неї і сиплеться, а вони й клюють.

Поки там помітить та залатає, то вже частинку і розклювали.

Сьогодні вийшла баба сердита, позеленіла вся... Чогось їй хочеться зозулясту піймати. Тільки вона руку простягне, а зозуляста одскоче. Надокучило се бабі — от вона і погналася за курочкою. Погналася та за пеньок і зачепилася і впала. Як упала, то латана шкура і пуснула у десятвох мійсцях. Посипалася баба горохом та пшеницею.

Курочки тут, як тут. Взяли і розклювали злу бабу. Тільки трохи шкури і полишилося. З тої шкури що року росли гриби-гадюки, яких ніхто ніколи не збирав.

Повернулися курочки тоді до бабиної хати, порадилися, і вирішили, що ніколи не треба з рук од людини їсти, бо це до добра не

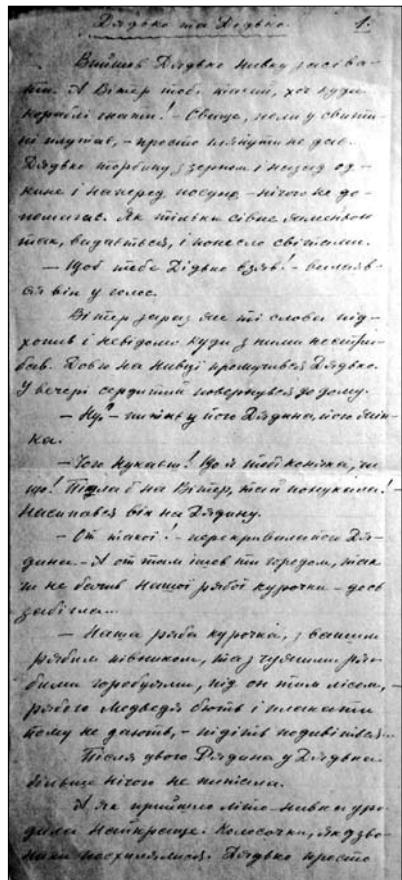
допровадить. І порозлітались по лісі і зробилися дикими. На тому і скінчилося.

Чернігів, 1921 4 X.

Публікується вперше.

Дядько та Дідько

Був у мене колись Дядько.

Вийшов він нивку засівати. А вітер тобі такий, хоч куди кораблі гнати. Свищі, поли у свитині плутає, — просто глянути не дає. Дядько торбину з зерном і назад одкіне і наперед посуне — нічого не допомагає. Як тільки сів він на сінокосі, вітер підійде, і воне все своє життя.

— Іноть ніхе зізде! — вимолвив він у голос.

Вітер же розе, все ті слова підгроже і кількох крури з них висунував. Робів на ніху працювати, Дядько.

Увечері сердитий повернувся до дому.

— Ну, — тихо сказав Дядина, — як відповідає.

— Ти кукаєш! Чо я тобі відпові, що! Пішли і на вітер, що ти накукаєш! — насипавши він на Дядину.

— Ой, пано! — перекривши її Дядину. — Я ти таєш ти вітером, та я ти не бачив нашої рябої курочки — десь заспала...

— Наша ряба курочка, з вашими рябими півниками, відійде від нас, — рябими горогучими, як їх тільки пісочем, — рябими вісімками, єї від імені всіх бедуїв за дзвінів, — ніжінів підвінівів...

Ідена увінчана Рябина у Дядину. Він відійшов не пішовши.

Іде прийшли більше ніж він урізані Капуцинчики. Капусочки, за дзвінів півничиччинів. Дядько пресвіті

— Щоб тебе Дідько взяв! — вилаявся він у голос.

Вітер зразу ж ті слова підхопив і невідомо куди з ними пострибав. Довго на нивці промучився Дядько. Увечері, сердитий, повернувся до дому.

— Ну? — питає Дядина.

— Чого нукаєш? Що я тобі — коняка, чи що? Пішла б на вітер та й понукала! — насипався він на Дядину.

— От такої! — перекривила його вона. — А ти там ішов городом, та чи не бачив нашої рябої курочки — десь забігла.

— Наша ряба курочка, з вашим рябим півником, та з чужими ряби-

ми горобцями, під он тим [дописано олівцем: рябим] лісом — рябого медведя б'ють і плакати йому не дають, — підійті подивіться!..

Після цього Дядина у Дядька більше нічого не питала. [Дописано олівцем: бо їй усе рябим здавалося.]

А як прийшло літо — нивка уродила найкраще. Колосочки, як дзвоники, посхилялись. Дядько просто з радощів мало не стрибає.

— Ой, Дядино, — каже до жінки, — буде буличка, буде й буличок!

Встав раз Дядько раненько, серпа у руки взяв, води у глечика, хліба у торбинку, а до Дядини й каже:

— Як обід наготовуєш, то і сама вийдеш жати...

І пішов.

[Дописано олівцем: Прийшов туди.]

Аж на нивці уже хтось порається.

Чорне, патлате, з ріжками на голові і з хвостом із заду. Та й вижав уже с четвертину і в снопи пов'язав, тільки у копи не поскладав.

— Здорові! — привітався Дядько.

— Здорові! — каже патлатий. — Як бачите, усе у порядкові. [Дописано олівцем: Значить — здорові...]

— А чого ж се ви мою нивку пораєте? — поспитав він у його.

— Та ви ж самі, здорові, весною, як її засівали, то мені подарували... Невже ж забули свої слова: «Щоб тебе Дідько взяв». От я її за літо викохав і прийшов забрати... А [дописано олівцем: одну] буличку та [дописано олівцем: один] буличок вам пришлю, — не турбуйтесь!

Дядько почухав потилицю. Жалко добрячої нивки. Не хочеться Дідькові дарувати. Каже:

— Як хочете, а без суду не oddам... Докажіть на суді, що я таке сказав, — тоді ваша нивка, а тепер годі — вона моя.

Дідько погодився і пішов. Прийшла Дядина допомагати чоловікові. От він їй і розказав, що і як.

— Дурний ти, дурний! — сказала Дядина. — Пропала наша нивка, а все через твої розмови... [Дописано олівцем: що на вітер кидаеш.]

— Мовчи, якось виїду.

Прийшли увечері додому.

Роздягнувся Дядько голий, та й сидить у хатині.

— Що це ти? — питає Дядина. — Чи не вдурів часом... Аж сором... Тъфу! — і плюнула.

— А ти мовчи, — каже Дядько.

Коли незабаром приходе до хати моторний парубок. Шапка на йому, як стіжок сіна, новенька; свитина — цяцькована; сорочка вишивана; вибійчані, ловкі штани — ще й слуцьким поясом підперезані, а чоботи — так дьоготь і капає...

— Що ж, ходімо позиватися — я вже й суддів понаскликав... — одразу почав він до Дядька.

— Та ж бачите, — каже дядько, показуючи [Дописано олівцем: свою подобу]. Як же його йти... Одежа од роботи на мені попріла... Голий же на суд не станеш. З голого нічого взяти... Та й соромно... Все ж таки людина.

Дідько покрутився, подумав...

— Ну добре, я вам до суду свою одежду визичу, але ходімте, не гайтесь...

— Добре, — каже Дядько.

— От бачите, на вас таки щось лишилося, хоч шерстина порядна, а я ж був би голий... тепер і до суду готовий, ходімте...

Звеселився Дядько.

Пішли.

На вигоні і справді суд зібрався (похапцем хіба можна кого потрібно знайти):

Перший — старий коняка,

Другий — старий собака і

Третій — старий котяка.

Посідали і ждуть.

Дідько першим почав розповідати, як воно трапилося, що нивка його...

— У-му-му-му! — застогнали суворо судді, вислухавши Дідька.

— Тепер кажи ти! — звернулися вони до Дядька грізно.

Дядько осміхнувся, та й почав:

— Я вже про нивку не буду казати, а я вам покажу, яка правда у цьої особи. Ви самі почуете і розсудите по своєму. Скажіть, пане, може й ця шапка ваша, що на мені?..

— Моя, — скрикнув Дідько.

— Бачите! А може й чоботи ваші, що на мені? — і виставив ногу.

— Мої, мої, — сердився Дідько.

— Бачите! А може й сорочка, і штани, і пояс також ваші, що на мені, скажете?

— Та вже ж, що мої, — аж тупотить Дідько.

— Бачите!

— У-му-му-му! — застогнали судді, зиркнувши на Дідька блискучими очима.

— Бачите! — тягнув Дядько. — Судіть, як по правді... Він мене голим хоче зробити перед вами. [Дописано олівцем: Бачите!]

Не видержали і накинулися судді на Дідька. Котяка — на спину стрибнув, конячка ногами хвицнув, а собака за хвіст учепився. Дідько — давай тікати куди видно од Дідька. — Тільки пилом пойнялося!

А Дядько до дому повернувся, з Дядиною через день нивку позвозили. А одежа, що дядько у Дідька до суду визичив, — у придатку йому полишилося.

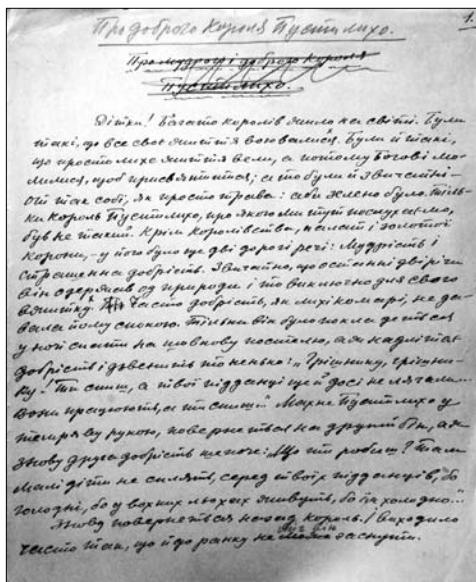
Чернігів, 1921, 19/III.

Публікується вперше.

Про доброго короля Пустилихо

Дітки! Багато королів жило на світі. Були такі, що все своє життя воювалися. Були й такі, просто лихе життя вели, а потому Богові молилися, щоб присвятитися; а то були й звичайні — от такі собі, як просто трава: аби зелено було. Тільки король Пустилихо, про якого ми тут послухаємо, був не такий. Крім короліства, палат і золотої корони, — у нього були ще дві дорогі речі: Мудрість і страшена Добрість. Звичайно, що останні дві річі він одержав од природи і то виключно для свого вжитку. Часто Добрість, як лихі комарі, не давала йому спокою. Тільки він було покладеться уночі спати на шовкову постелю, аж надлітає добрість і дзвенить тоненько: «Грішнику, грішнику! Ти спиш, а твої підданці ще й досі не лягали... Вони працюють, а ти спиш...» Махне Пустилихо у темряву рукою, повернеться на другий бік, аж знову Добрість шепоче: «Що ти робиш? Там малі діти не сплять, серед твоїх підданців, бо голодні, бо у вохких льохах живуть, бо їм холодно...»

Знову повертається назад король. І виходило часто так, що й до ранку не міг він заснути. Встає стомлений, сердитий. Ледве дотягне до обіду, а потому зараз же йде відпочити. Так мухи не дають. Дуже розгнівався нарешті Пустилихо на мух. Закликав до себе наймудрішого радника та й питає:

Мухи, комарі, тощо.

— Добре, Ваша Ясність! — радник уклонився і вийшов.

— Шкода, що про Добрість такого наказу не можна видати, — подумав король.

А Добрість короля — робила своє діло: приходила і вдень і в ночі до нього; не давала ні їсти, ні спати, ні в карти пограти.

Нарешті Пустилих вирішив, як позбутися біди. От тут саме прийшла до його Мудрість. Закликав знову до себе радника і наказав йому:

— У три дні, щоб всі багаті по моїй країні доброхітно віддали все своє майно тим, які зроду нічого не мали... Як це не буде виконано у положені мною три дні, то я, король Пустилих, одберу все силою і сам порозділяю убогим своєї країни. Так буде. — Закінчив він.

Радник написав тут же наказ, а король підписав його, — так що за кілька годин цей наказ був проголошений по цілому місті до найдальших його кутків; а ще трохи згодом і по всій державі.

Не помітив тільки одного добрий король, що Мудрість зараз же залишила його і кудись наче вийшла. Прийшла сама Добрість і почала порядкувати. Перш за все нашептала королеві, що він «надзвичай-

— Ти мудрий чоловік — так скажи мені одно: королівство мое велике, мухам у йому доволі місця, щоб літати, так чому ж вони мені у ніс або у очі залазять?

Радник промовив:

— Виключно з пошани до Вас, Ваша ясність.

— Ну, а павуки?

— Теж з пошани!

— А блохи?

— Теж з пошани...

— Так видай наказ, — промовив король до радника, — щоб мене трохи менче шанували, принаймні всі ті, про яких я тобі сказав. —

ний», що він «єдиний», що він «незрівняний», — усі слова, які були колись казані в таких випадках вищукала Добрість і наспила королеві крізь вухо до голови. Король аж заснув. А що діялося навколо. Ще над вечір того ж самого дня почався надзвичайний рух по державі Пустилиха. Всі багачі наладовували своє добро на здоровенні мажари і кудись виїздили. Бігали робітники, ляскали батоги, скрипіли колеса, кричали несамовито верблюди... Все збилося у купу і тільки великими шляхами, що йшли до чужої землі, гусаком тягнулися безперервні валки... На кожній мажарі — сидів багач зі своєю родиною... Кому було душно, то порозчиняли парасолі... Кому просто весело — той співав пісні і рідко хто плакав, залишаючи рідний край. Плакали, та й то прості, челядь, що випроваджувала своїх панів у дорогу. Курява лежала хмарою понад всією країною. Небо втратило звичайно ласкавий колір «державності», а було каламутне, як вода з глиною.

Так продовжувалося цілих три дні.

Ранком четвертого дня прийшов до короля радник і стиха промовив:

— Всі виїхали, Ваша ясність.

— Хто? — скрікнув король.

— Що мали віддати своє майно на бідних.

— Цього не може бути... Сьогодні ж у ночі зробити огляд всієї держави і відобрести все, що є... І що найшлося... За три дні не все повивозили. Я сам пороздаю, кому схочу... Як нічого не знайдете, то всіх засмажу в казанах, як печеньо...

Радник пішов. Король спав цілісеньку ніч добре. А що робилося тої ночі! Військо короля Пустилиха нападало на кожного і одбірало все, що тільки траплялося під руку... Навіть коли у кого не міцно держалися зуби, то й зуби повитягали. Хто кричав — того били, а хто балакав — тому рота зав'язували... Словом, до ранку біля палацу лежали цілі гори майна, а всі люди по місті седіли голі й не могли навіть виrushити на вулицю, щоб кому пожалітися. Коли ж виходили часом у двір і там кого зустрічали, то зараз же заплющували очі і так балакали.

— Єсть! — тільки одне слово промовив радник, коли прийшов зі звісткою до короля.

Пустилих вийшов на веранду, разом із своєю добрістю, і аж усміхнувся, коли побачив такі скарби:

— Зараз же пороздавати усе геть чисто на бідних! І, я думаю, що це не все, що можна було забрати?

— Ой, далеко-далеко не все, — зітхнув радник. — Там ще скарбу, там скарбуш...

— Так от що... Завше в ночі забірайте, а в день роздавайте, поки я не скажу — годі! Розумієте?

— Розумію! — уклонився радник.

А королеві цю думку шепнула його Добрість.

Так навтішався король, що навіть тоді ж і вдень заснув. Не бачив знову, як ретельно працювали його прибічники. До вечора вони справді порозтикали, що кому трапило... Були знову сльози, непорозуміння, але й була радість, що король змилосердився і знову повертає так важко загорьоване добро. Правда, частина поглумилася, але ж і добра частина повернулася. Може, Іванове трапило Семену, а Семенове Петрові... Так то ж нічого, можна потому розібрati... Збираючись спати — люде заспокоїлись, а багато так і дякували короля, що він вигнав багачів, та повернув їхнє власне добро. Ще були такі думки, що добре б, коли б і сам король пої... та боялися якось до кінця додумати і не засинали.

Король же ж довго увечері забавлявся, коли розглядав список річей, що видав народові.

Він заїдав смашні страви і часто сміявся... Ха-ха-ха! — двісті тисяч штанів! Вісімсот тисяч подушок з курячого пір'я... Ха-ха-ха! От так ловко! Спи, мій народе! Втішайся добрістю короля!

Після вечері, коли Пустилихо положився спати, та знову прийшла Добрість, щоб повчати. Але король так замахав на неї руками, навіть дригнув з під ковдри ногою, що вона утікла... Ха-ха-ха! — сміявся король. — Теж вигадала! Немає тепер дурних. Спати — так спати.

І заснув так добре, як ще ніколи не спав у ночі.

Людей же швидко побудили. Знову почалося те ж саме, що і вчора. Сльози, прокльони, забірання всього, що траплялось під руку, або й під ногу. Над ранком перед палацом була знову така ж сама гора з річей, як і вчора.

Знову вийшов, поглянув король на неї і аж зрадів: на сьогодні у двічі будуть багатші його бідаки.

— Роздати зараз же все... А на ніч знову в поход... І так доти, поки я не скажу — годі! — промовив радісно король.

Через кілька днів король, щоб перевірити свою добресть, вийшов над вечір на вулиці міста. А щоб його не пізнали, то він перевдягнувся простим підданцем.

«Що за диво?» — думає король, тихо ступаючи по дорозі. «Нарід наче ще більше збіднів від того часу, коли я почав його обдаровувати». Назустріч королеві часто йшли люди якось химерно одягнені: он іде чоловік у жіночій кохті, а он де жінка — ну зовсім у такому одязі, наче жива канапа. Там знову йдуть фіранки, квітчасті хустки, портьєри... Одним словом, люде наче змовилися заморочити свого короля. Місто наповнилося ходячими меблями ріжного стилю і гатунку, що і смішило і лякало Пустилих. «Певне це якась оригінальна гулянка, з радощів», — подумав Король. На цьому він і спинився. Потому повернув до дому, закликав кравця і висловив бажання, щоб той йому на завтра зладнав костюм з найкращого матер'ялу, що оббивають парадні стільці.

Роздаючи що дня силу річей — король думав, що народ збагачується все більше і більше... Радість панувала у серці Короля і з тої радощі забреніла раптом якась дивна мельодія... несподівано Король придумав пісеньку. (Це так буває з королями!) Таку просту, таку гарненьку (слова, які шепнула йому Добрість), що й пташку можна було навчити. Король ходив у новому костюмі «Парадного крісла» по кімнаті і весело підспівував:

У-руг-ви, у-руг-вай!
Сонце встало й ти вставай!
У-руг-ви, у-руг-вать!
Сонце сіло — треба спати!

Не видержав. Закликав радника і дав наказ:

— Слухай! Зараз кінець зими. Щоб у мить половили всіх птахів моєї країни і навчили їх співати мою пісеньку. Настане весна. Щасливі мої підданці будуть ходити в гаї, в ліси, в сади, в поля... Нехай вони почують всюди, про що співає король... Так просто і так мило.

Король зараз же переказав радникові зміст. Радник уклонився і вийшов зі співом:

У-руг-ви, у-руг-вай!
Сонце встало й ти вставай!

Король лишився і продовжував:

У-руг-ви, у-руг-вать!
Сонце сіло — треба спати!

Настала весна. Заспівали пташки, але що: всюди чути:

У-руг-ви, у-руг-вай!

Після цього терпець увірвався підданим короля. Вони мовчки почали помірати. Хто ж цього не міг зробити, то тікав світ за очі. Не минуло й тижня, як велика країна короля Пустилих — зовсім збезлюділа. Останніми повтікали навіть волки.

А добрий король вийшов раненько до парку; послухав знайомого співу пташок і, ляскавчи пальцями, весело повертає до палат. На йому була одежда, по останньому бажанню самого ж короля, як бувають матраци — у широкий і ріжнобарвний поясок. Зачіску він теж наказав зробити до гори, наче то була висмикнута мочалка. Він ішов і наспівував:

У-руг-ви, у-руг-вай!
Сонце стало й ти вставай!
У-руг-ви, у-руг-вать!
Сонце сіло — треба спати!

І від тої пори сама Добрість жила з королем... Він спав, коли схотів, і співав, коли навіть того й не бажалося. Мудрість же — от то як подала першу думку, то більше не поверталась до короля.

Чернігів 30/V 1922.

Опубліковано: Яворська А. Сказка печального Жука // Дерибасовская—Ришельевська. — О., 2006. — Вип. 25. — С. 274–280.

Ivasik-Kovbasik (нісенітниця)

Це було дуже давно — аж після завтря.

У бідній хатині, на драній свитині, та жив собі Ivasik-Kovbasik. На голові — ріжки, на ніжках — горішки, підперезаний обручами, одягнений камінцями... Замісць носа... гудзик, на голові картузик, з заду хвостик біленький — так і жив собі Ivasik Malenkyj...

Мав і хазяйство невеличке: дві Перепелички, Курочку-білотурочку, дві дірки з бубликів, два вушки з кухликів, велику Шпарку на підлозі, дві Блішки на підмозі, Таргана рудого і повітря «пре-е-много!»

Світини стерегли Блохи, кусали кожного за ноги, гавкали по сопічному, співали по курячому. До неділі спали, в неділю гуляли, і знов до суботи вертали до першої роботи.

А от Курочка-білотурочка, то що дня зносила те, що Івасикові подобалося. То знесе молоточок і цвяшки, то дві придибашки, то сонечко, що світе в віконечко, а то і краплину меду, щоб поласувати привереду.

Тільки Перепелички, було, заляжуть на полички та й співають: «Під-полом! Під-полом! Під-полом!»

Весело Івасикові-Ковбасикові! Крутить замість носа гудзик, повертає задом на перед картузик, камінцями брязкає, обручами ляскав і так до самої ночі.

А День і Ніч самі приходять до його, хоч він їх і не кличе. Та з'являються вони навпаки: як Ніч, то спочатку ранок, а тоді Вечеря, а як День, то спершу сонце сідає, а над вечір світає.

Не турбувало це Івасика-Ковбасика, — він швидко приладнався. Тільки поклав — де голова — ніжки, а голову на поріжки. Подумайте! Схитрував. Бо як так, то все на одне виходило.

І довго б він прожив на тій світі, та внадилися туди Миші ходити... За мишвою — Котик, за котом — животик, за животом — хвостик, а за хвостиком лайка, — така от погана байка... — Ну!?

Це було саме серед ночі. Мо погано бачили котячі очі, мо Мишва була хитра, чи винна макітра, що до долу впала і котика налякала. Але сталося воно так: стрибнув на Мишву Сіренський, та й вхопив за голову Івасика-Ковбасика. Почулося тільки товсто «МАК!» і скінчилося так. Котик довго не озирався, схрумав, та ще й облизався. І тоненько запищав: «Мало! Мало!» А що там вже мало, коли і так все пропало.

Що сталося потому, то треба спитати у грому!

Плакала Курочка-білотурочка, плакали з бубликів дірки, плакали одвірки, плакали Блохи над цеберцем, Тарганові щось зробилось з серцем, а зі Стелі падала ціла злива — така вона була слъозлива. І як би не Шпарка у Підлозі, то всіх би потопили слъози.

Спитаєте, що зробив кіт? — пішов... а за ним живіт, за животом — хвостик, а за хвостиком лайка, — так і скінчилась байка!

Юрковка, 1922 20/VIII.

Публікується вперше.

Добра душа

Дуже давно було так само, як і тепер.

Дядько Степан тиждень гуляв у кума на весіллі, а коли вже і йому і всім гостям надокучило гуляти, то вони почали згадувати про домівку.

— Певне, що й дітей не взнаю! — казав один.

— А мені воза полагодити, — згадував другий.

До кожного наче сама господа прийшла з лозиною, як мати до дитини, що забарилася на вулиці.

Хазяїн зрозумів, до чого воно ведеться: спорудив на останку добрий обід, поставив меду та горілки і гости напилися і наїлися так, що де-які дотяглися до клуні, інші вийшли навіть за ворота і там упали, звалені сном.

Тільки дядько Степан вибрався до дому і дійшов аж до середини лісу, через який йому треба було повернати.

— Хм! — Стояв він і усміхався під великим дубом. — Таки його тут не було... Коли йшов до кума, то цього дуба тут не було...

Зсунув добру шапку на потиличю, сперся руками в боки, для чогось підняв у гору ногу з новим чоботом, наче хотів ступнути, чи вдарити дуба, та так і впав на траву.

— Все одно, — промовив на останку, — хоч я тут і лежу і ти мене не пускаєш, а тебе таки й не було. Бо я люблю правду і порядок, і за правду я готовий...

Так дядько Степан і не сказав, що він готовий був зробити за правду, бо міцно заснув і захропів на добру частину лісу.

Тихо коливалася трава над дядьком Степаном. Лазили комашки. Пурхали і співали пташки поміж деревами. І золотими п'ятаками сипало сонце своє сяйво на рябі стовбури дерев, на зубчасте листя папороті.

Тихо і мирно, як у хаті.

Аж трохи згодом споза великої сосни визирнула чорна, патлата голова з такою ж бородою. Бліскучі очі пошарили навколо і нарешті спинились біля дядька Степана. Розчинилися чорній бороді пухкі уста, засіяли білим зуби — він засміявся.

Спочатку тихо, а потім і голосно.

— Матері його сто чортів! А я думав, що тут дерева пиляють! — вилаявся циган і вийшов споза стовбура.

Він надійшов до дядька Степана і спинився. Сам обіданий, замурзаний. Ззаду, за плечима, порожній мішок і більше нічого.

— Ач, як виробляє... І звідки то у людини береться? От же ж як ходе, то нічого, а як засне, то просто чудасія, та й годі!... І пищить, і ляпотить, і смокче, наче викурененою люлькою, і комариком, і мушкою... А, щоб ти здоровий був... Ач який хороший... Да-а! — простягнув циган і поглянув навкруги.

— Все таки жалко людини... бо душа добра в мене... добра душа. От же спить, нечутствений, самотній... Миг би і я пройти повз нього... все одно ніхто не бачить і не осудить. Так не можу. Як же його покинути людину? — Не можу... У мене ѹ батько був такий совістливий та чесний... Раз прибіг до кума та ѹ каже: «Куме, а куме, — такий навіть голос, як у мене, — радісно крутнув головою... — дайте куме, на часинку шматок сала, я тільки матері чирку помажу, то зараз і віддам...» Так уже кум подарував йому те сало. А то приніс, ѹї-Бо, приніс би. От же і я у його. Не можу бачити людини, щоб не допомогти ѹ... тут же у лісі злодії... А в чоловіка чботи нові...

Торкнув за ногу і почав чботи стягати.

— Ще борони Боже здіймуть... Мало чого...

Поклав у мішок і пішов далі.

Спинився.

— Що чботи?.. Чботи... Усміхнувся. — А хіба і свити і шапки не заберуть... Душогуби... все заберуть.

Повернувся знову, поклав і шапку і свиту у торбину. Постояв, почухався.

Білі зуби так і блищали, як цукор.

— І штанів, і сорочки... Ой, матері його ковінька, — зачепилися!

— А як же, і штанів ніхто лишати не буде, бо подумають, що там у кешені гроши в гаманці.

Коли нарешті стягнув і сховав сорочку, то полегчено зітхнув.

— Тепер буду спокійний, що ніхто не пограбує... така вже душа... І батько в мене був такий, царство йому небесне! І щоб то було на світі, коли б усі добрі люде та зовсім повимірали?.. [Дописано у гранках: Чесні, кажуть, а як же! Тільки чесноти ѹ лишилося, що в мене, та трохи було в моого батька, який коні крав.]

Безнадійно крутнув головою.

Пішов.

Якась пташина мудро і коротко свистнула: «Тью-іть!»
Гойднулися стиха трави над голим дядьком Степаном. Тихо лазили мурашки.

У лісі гарно, як дома.
І дядькові безпечно.
Хіба не правда?

Чернігів 1922 23/XII.

Публікується вперше.

Пшик

За те, що циган-коваль Алейко зробив на замовлення казни добре кайдани, то найчорніший Чорт подарував йому величезний шматок заліза. Чому за казну заплатив Чорт — це відомо. Бо казна і чорт — найближчі родичі. А де вже рідня, то й злоба їдна. От воно так і вийшло.

Коваль Алейко дуже зрадів тому подарункові. Частину заліза він поміняв зараз же на вугіль. Ще одну частину продав на гроші. А вже на ті гроші найняв аж двох молотобойців. Сапав ковальський міх од ранку до вечора. Важко гупали молотки в кузні. Іскри сипалися аж на дорогу.

Алейко весело гукав:

— А ну, хлопці, піддайте... Та гарненько, матері його ковінька. Так, так, так... Так, так, так! А ну, ну! А ну, ну!

— Гей, доброго здоровля! — гукали сусіди до Алейка, — помогай-бі. А що це ви так стараєтесь?

— Сокири роблю, матері його ковінька. Сокири. Та які... Щоб і пилиали й рубали і до купи складали...

— Щось воно тее...

— Нічого, тее... Побачите! А ну, піддай, хлопці, піддай!

Шуму повно. Алейко ледві на ногах тримався од утоми. Часами навіть серед ночі схоплювався і біг до кузні.

Гуп, гуп, гуп! Гуп, гуп, гуп! — стугоніло навколо.

Залізо тануло, як віск. Алейко — тільки зуби блищаю — бігав й викрикував. Приходили люде до коваля. Кому треба було шину зварити, кому коня підкувати, кому плуга поладнати, а кому шворінь до воза.

Так не підступиться.

— Ніколи, ніколи, куме... Дале-бі, ніколи, — казав Алейко. — Сокири роблю, сокири...

— А де ж ті сокири?

— Будуть, будуть, матері його ковінька. От іще трошки. На минулому тижневі майже всі були готові, та тепер переробляю. Вийшли не так.

Поминуло ще трохи часу.

— Чи не можна взяти вила? Я ж давно прохав, — казав селянин Алейкові.

— Не готові, куме, не готові. Ніколи, знаєте. Я ось прогоничі роблю. Але такі прогоничі, щоб самі і зачинялися і одчинялися.

— А сокири?

— Не вийшли сокири. Прогоничі будуть. Бо кожний дурень сокиру може зробити. А прогоничі не кожний... Ти куди закручуеш, матері його ковінька! — метнувся Алейко до молотобойця.

Гуп, гуп, гуп! Гуп, гуп, гуп! — шипіло залізо, сипалися іскри навколо.

Селянин підобрив свиту і мерщій пішов до дому.

Чим більше метувився Алейко, тим менче заліза лишалося в його. Не смутився коваль. Вечорами брав дримбу, притуляв до білих, блискучих зубів і довго вигравав щось смутне та скрипуче, як немазаний віз.

Сходив місяць. Алейко дивився на його і думав про те, що місяць схожий до розпеченої заліза. Вираховував, скільки то можна з його всякого добра робити. А молотобойці спали у повітці і хропли так, що сусідські собаки гавкали.

На ранку знову брався до роботи. Незабаром рощитав одного робітника, бо сутужно стало платити. А сам уперто кував.

— Що? — питали люди. — Як прогоничі?

— Що прогоничі... Я тепер ножики роблю. Але які. Вони тобі й ріжуть і стрижуть, і голять і свиней колять — он як. Та ви мені часу, куме, не гайте... гей, піддай, Сидорко, піддай!

Сопе ковальський міх.

Перше ніж у суботу ввечері взяти дримбу, Алейко закликав робітника.

— Слухай, Якове. На тобі гроші. А я самий вже буду кувати. Бо ви мені тільки залізо поїли. Тай тепер я вже буду гудзіки робити. Баришу більше.

Яків узяв гроші і пішов дорогою на село. Алейко ж довго вигравав того вечора на дримбі.

— Що це у вас у кузні затихло? — спитала баба, що йшла з поля до дому.

— Делікатну роботу роблю, — казав Алейко. — Гудзіки.

— На віщо?

— Йи Бо, які ви докучні баби. Лізете, як будні.

— А ви що?

— Ба, ми чоловіки, як празники: рідко буваємо. Не гайте часу, кумо. Гей, піддай, Сидорко, піддай!

Пішла баба ображена до дому і щось бубоніла по дорозі. А коваль кував. Заліза в його мало полишилося, що погоріло, що ковалям-наймитам на заробітки пішло, а що на вугіль витратилося.

Втомлені руки Алейкові ледві працювали. Але він упевнено робив гудзіки.

Поминуло ще трохи часу.

Встав ранком Алейко, прийшов розпатланий і чорний до кузні. Сидорка закликав.

— Ану, роздмухай вогню.

— Що ви, дядю, будете робити?

— Побачиш... Пшик!

Зібрав останні шматочки заліза, поклав у горен, а сам відро з водою приніс.

Цілий день роспікав і кував залізо, аж поки воно манюсеньким стало. Тоді взяв його кліщами, приніс до відра з водою, закликав Сидорку і сказав:

— Дивись у воду і слухай!

Сидорко дивився в відро і наслухався.

Алейко розчіпив кліщі та й кинув гарячу кульку у воду. Вона тільки зробила: «Пш-ш-шик!» — і зникла.

— Чув? Тепер годі, — сказав Алейко, — можна й спочити.

І спав три дні і три ночі, поки одсапався од тяжкої роботи.

Такого лиха чорт накоїв.

Чернігів 1922 2/IV.

Публікується вперше.

Сливи

Серпень. Неділя. Ранок. Сонце гріє по літньому. У садку бджоли гудуть, як на струнах грають. А на деревах пахтять яблука, груші та сливи. На сливах аж гілки повгиналися — так їх багато. Темно-сині, з оксамитною сugoю, посідали цілими гронами, і листя непомітно. А по траві хтось ходе, ситий, мовчазний, задоволений.

Рипнули двері в хаті — вийшов Макарь. Той самий, про якого кажуть, що він телят далеко ганяє. Одягнений так, як і слід у свято, — в чисте та новеньке. Навіть голова й лице, ніби жовточком помальовані: виблискують. Макарь сьогодні телята не жене, а вибрався у гостину до приятеля Мірошника, що живе в сусідньому селі. Скупенький Макарь, а тому ще вчора з вечора нічого не їв, щоб краще там погодуватися. А їсти ж дуже хочеться. Надійшов Макарь до сливи і з'їв кілька штук. Тоді спинився: не варто дуже поспішати, а то так і до Мірошника нема чого йти. «Краще нарву до кешені», — подумав він. «Його почастую... гостинчиком... а як же!» Нарвав повну кешеню, і вона настовбурчилася, наче туди щеня заховали.

Глянув на сонце і вирішив: Пора!

За хвилину вийшов з хати з шапкою на голові та з ціпком у руках. Щитно замкнув двері, зачинив ворота за собою, посмикав, озирнувся... І рушив по дорозі за село. Поважно вітався до знайомих, здоровив з неділею, та все притримував рукою кешеню, де брохалися сливи, як пляшка з холодною водою.

— Ну, ну! Не дуже то зручно, — промовив він.

Сонце пече. Шелестять коники. Циркають ластівки, розрізаючи повітря. Горобці на дорозі, як божевільні, купаються у поросі. І тихо, тихо навколо. Макарь, наче у казанку з окропом розварюється. Дорога така покрученна та довга, що й кінця її не видно. І їсти хочеться. З'їв кілька сливок. Та ще мало. Сів трохи під вербою спочити. А кешеня нагрілася і обважніла так, що наче сто пудів тягне до долу.

— Ой, матінко моя! — Покрутів носом Макарь. Звернув голову праворуч, ліворуч і побачив смердючу калюжу, де розляглося поважно кілька заяложених свиней. Біля калюжі валявся покинений і загиджений деркач.

— І спочити не можна! — Подумав Макарь. Сперся рукою об корінь верби, щоб устати, та кешеня наче руками вчепилася.

— От напасть! — забубонів Макар. Почав виймати сливи і кидати їх на дорогу.

«Перше, спокуси не буде, а потому й легче... ще ж тільки пів до-
роги зробив». Встав Макарь, подивився на сливи і жалко йому, що
таке добро, та хтось інчий поїсть.

— Раз, що воно господарське, а друге, що з'їсть його напевне гу-
ляща людина, волоцюга який небудь, з тих анциболів, що по дорогам
гуляються.

Надійшов Макарь до багнюки, підняв деркача, вмочив його, як
кропило, і пішов сливи хрестити. А дух так і забиває — смердючий,
прокляте! Свині рохкають поволі, а Макарь вмакає та кропить. Здо-
рово обляпав.

— Кушайте тепер на здоров'ячко! — засміявся Макарь і пошпурив
деркачом у багнюку. — А я вже піду! — Лукава радість світилась в
очах Макаря.

Зовсім розварений прийшов Макарь до Мірошникової хати.
Надійшов до воріт — замкнено. Знайшов перелаз — от і двері, так і
тут колодка привішана.

— Що ж це? — спинився Макарь. Вийшов знову на вулицю і сів
на колоді.

— А де ж Мірошник? А де ж їжа? Ой-йой-йой! І нікого знайомого
немає... Село зробилося одразу зовсім чуже і так щитно позачиня-
лося, що навіть пробувати не хотілося кудись ітти... все одно не
пустять. А де ж Мірошник?

— Мірошник? — переппитала баба, що проходила повз Макаря. —
Та либо́нь на млині буде. З неділею вас...

— Де на млині? — запитав Макарь.

— А он! — майнула білим, вишиваним рукавом, наче квіток сип-
нула, і зникла за плотом. Пішов Макар до млина. Всі млини пооб-
ходив і всі вони по замкнені, та якось страшно порозчепірювали
свої деревляні крила. Положився у затінку і слухав, що промовляє
голодне черево до його:

«Покинув сливи, та ще багнюкою помастив... А як прохало тебе:
дай! дай! так Мірошником частував. Поросятинкою, казав, погодую.
Вареничками замурую... Масличком помажу... Ой-йой!»

Ляпнув Макарь долонею сердито там, де очкур був, і виляявся.

— Замовчи, не твоє діло, а то тільки слину в рота гониш... От я тебе підтягну і до дому поведу.

А горобчик зверху, з під млинового даху: «Цвірінь, цвірінь! Журбу покинь...»

— Мабуть, у школі навчився, — промовив Макар, — поклав солому на дуби, та й жує! Журбу покинь... А ще горобець. Не дурно тебе билина не поколихала. Знала, яка от цяця! Журбу покинь!

Встав і пішов Макаръ до дому.

Вже й вечеріє. Верба знайома, і те, що пахтить, видно, назустріч свині йдуть і мирно балакають про свої свинячі справи. Макаръ ціпком на них замахнувся і вони поставали. Подивилися пильно йому в очі, а тоді:

— Гух, рох, рох, рох! Ті-кай-мо в-трьох! — і побігли.

А в череві «Масличком, вареничками, поросятинко... Ой-йой-йой! Хоч би сливи були!»

Надійшов Макаръ до верби, а сливи й досі лежать собі на дорозі. Пішов уперед.

А в середині:

«Ой-йой! Сливи... Дай!»

— Як хочеш! — і повернув назад. Схилився, поміркував і взяв одну сливу.

— Сюди, здається, не ляпнуло. — З'їв.

«Ой-йой! Сливи, сливи!»

— І от цю також не обмастило. — З'їв.

На дорозі ні лялечки. Цирінкають ластівки, поспішаючи під стріхи. Горобці уперто виспивають своєї, української: «Цвірінь, цвірінь! Журбу покинь».

А Макаръ все промовляє:

— Ця також чистенька. — З'їв.

— І ця, видно, одкотилася. — З'їв.

Дихнуло прохолодою і з останньою сливкою в роті Макаръ рушив до дому. Живіт мовчав. І тільки горобці співали своєї, української: — «Цвірінь, цвірінь! Журбу покинь».

Чернігів, 1923. 1/IV.

Публікується вперше.

Me

Як стати лицем до схід сонця, та праворуч буде хата Грицька-Пасічника, а ліворуч Панаса-Цигана — через дорогу. У Грицька ѹ справді чудова пасіка, з якою він возиться, починаючи з весни і кінчаючи першими холодами.

Панас хлібороб з тих саме, що не дуже припадають до роботи. Він більше побалакати та послухати, що діється світами. Через те його хазяйство і не дуже хапається до добробуту, а от так собі, аби день до вечора. Циганом же Панаса прозвали за його звичку вічно щось циганити. Колись він мав і справжнє прізвище, та по це всі давно забули, як забув і сам Панас. З Грицьком Панас були добрі знайомі, можна сказати навіть — приятелі. А все через те, що Грицько любив розказати про бджолу, а Панас умів послухати і собі щось додати таке, що Грицькові дуже подобалося. Воно виходило не тому, що Панас знов про бджоли, а тому, що часто балакав

Рукопись казки «Ме». 1923

з Грицьком про їхню вдачу. Ото було Грицько щось скаже, а вже Панас попередить.

— А звідки це Ви знаєте? — здивовано питає тоді Грицько, бо сам забуде, що вчора ж про це саме казав.

— З книги, голубчику, з книги! — Тягне безграмотний Панас.

— З книги? — Здивовано перепитує Грицько. — Диви, яка чудасія. А це ж я от про що недавнечко придумав та побачив.

Кожна розмова звичайно кінчалася на тому, що Панас випрохував щось у позику. Грицько давав.

І трапилося воно, що в Панаса народилася дитина. Панас запросив Грицька у куми. Той прийшов і меду в подарунок приніс хрещеникові.

Сподобався Панасові мед, та швидко скінчився. Думає Панас, як би його знов в кума меду дістати. Нарешті надумав і прийшов. Став біля одвірка сумний та невеселий.

— Що це ви, куме? — питає Грицько. — Сідайте.

Панас якось безнадійно махнув рукою і сів. Знову мовчить.

— Що сталося, куме? — Грицько до нього.

— Та... Не знаю... Все з дитиною. Якесь воно хворе. Ви не повірите. От днів зо двоє кричить так жалібно, і все Ме та й Ме!.. Ме та й Ме!.. Розуму не прикладу.

— Що ж воно за знак? — питає Грицько.

— Не знаю. А тільки все Ме та й Ме! Ме та й Ме!

— Може, Ме-ду? — догадався нарешті кум.

— Ой, які ви, куме, здогадливі, — зрадів Панас. — Воно справді, що Меду. От же так і виходить. Ме-ду! Ме-ду! Мале ще, так не вміє сказати. Але ж де його взяти? — засмутився Панас.

— Та я вам визичу!

І почалося.

Як тільки у Панаса кінчався мед, то він ішов до кума і починав знову оповідати, що дитина кричить все Ме, та й Ме.

Довго Грицько давав того меду. Нарешті набридло.

Коли знову прийшов кум і знову почав оповідати, що дитина кричить все Ме, та й Ме, — то він і каже.

— А знаєте, куме, що я до вас промовлю по турецькому. Догадайтесь! Ід-ку-до-чо-мам!

— Хоть убийте, куме, а не знаю. От вже не догадуюся, — беспорядно казав Панас.

— Не догадуєтесь? — Лукавив Грицько. — А я ж догадався, чого дитина кричить все Ме, та й Ме...

— От здогадливі, а от я так зроду нічого не додумаю, що воно й до чого значить.

— А в книгах не написано? Ну, то одійдіть до дверей, та й шепнущи. Зараз беріть і ціпок. От так! А тепер я вам і скажу, що воно значить ото турецьке — Ід-ку-до-чо-мам! Воно таке, що ідіть, куме, до чортової мами, — і більше нічого!

Така турецька мова.

Панаса в хаті вже не було.

Пароплав. 1923. 22/IV.

Публікується вперше.

З незакінченого

Про короля

Колись давно жив король, що любив працю[Закреслено: одну правду]. (Тепер таких королів немає.) А позаяк у його любові до однієї якої роботи не було, то він собі вигадував що місяця ріжні вигадки. У січні — він замовляв пошити собі ріжну одежду (кравцям повно роботи!); у лютому — рахував зорі (астрономам — клопіт!); у березні — наказував очищати свій парк од снігу (була грабирям робота!); у квітні — обов'язково хотів, щоб квіти розцвітали (городники возились); у травні — починав війну (військові плакали); у червні — спочивав по війні і од'їдався (кухарі бігали!); у липні — казав собі читати розумні книжки (плакали ті, що читали); у серпні — їздив на полювання (мисливі бідкалися); у вересні — робив забави у палаці (слуги втомлювались!); у жовтні — подорожував по своїй країні (країна стогнала!); у листопаді — очікував першого снігу, грав на катеринці і курив люльку (всі сиділи мовчки, слухали і боялися);

у грудні судив людей, що на його думку прошкодилися, за цілий рік (і переповнювалися тюрми).

Так жив король, що любив працю.

Тюльпани

I

Море вічно шумить. Сонце встає з моря і великом півколом робить свій шлях по небу, щоб увечері знову втопитися в ньому. І так довгі-довгі віки шумить воно, сходе і сідає по за ним сонце, падають тумани, літають хмари і гонить шалений вітер.

Море шумить... Білогріві хвилі плюскають об чорні скелі невеличкого острову, розбиваються і знов одбігають назад. Плачуть морські птиці на прибережному камінні, сідає сіль на рослини, і вони чахнуть під близкую лускою соляного покрову.

Море шумить. А на острові мовчить замок страшного чарівника Абу-Зорима. Мовчить не тому, що немає чого сказати, а тому, що не велено. Біля кованих воріт замку стойть сторожа з довгими та гострими піками і більше нікого не видно навколо. Тільки високі гранітні мури та гостроверхі башти оперезали величезне дворище. І ніхто-ніхто не трапляє туди. Хіба як летять перельотні птахи за море, то стомлено падають темною хмарою на спочинок. І тоді там чути крик такий жахливий і болісний, що навіть море його не може перебороти. Що там діється — невідомо, бо замок мовчить... Цвітуть у літку золоті китиці дроку на верхах, темно-зелені плющі пнуться на мури, та вітри стрибають і свищуть, як божевільні, вдарившись об тверде каміння.

А море вічно шумить...

II

Сухий і смаглий Абу-Зорим вийшов на ганок. Коштовний халат світив до сонця. Біла борода лягала майже до землі, майже до червоних папушів на ногах. Він поставив долоню над очима, пильно подивився на небо, а потім звернувся до свого карлуватого прибічника:

— Матхоре! Добрий день...

— Найкращий... Зроду такого не було, наймудріший Абу-Зориме...

— І тюльпани мої цвітуть...

Слабий на очі

I

Жив на світі убогий чоловік, якого звали — «Ор». Всі з його сміялися і дражнили: «Ори, мели, їж!» Він нічого — теж посміхається, лясне пальцями — от так: великий до середнього, потому — лясь! — ще й -ха-ха! — і засвище. А свистіти він умів чудесно. Ви чули, як свище вітер восени? — так куди ж йому, навіть половини того не виходить, що у його. Потому Вітер шукає якогось струменту, щоб посвистіти: димарь, ринву, голі віти у дерев, чи там навіть соломинку. А тут нічого — просто губи дудочкою і... Ах, як свище! От і все. Хіба що карпі великі очі, та довге, чорне волосся. Хіба що обличчя смагле, як у цигана, та зуби такі білі-білі.

Га? — що він робить? — маляр, малює квіти. Про людей каже, що їх не варто малювати, бо виходять кращими, ніж вони справді. А от квітки — так ніколи кращими не виходять. А що ви думаете — може й так.

От і сталося, що він заробляв собі на життя тим, що добре бачив. Воно, правда, не сите життя було, бо жив на світі убогим.

І як він не думав — не міг вирішити: чи варто добре бачити, — за такі річі люди не дуже дякують.

Що ж було приємним, так це те, що пошепки люде казали часом так, як воно є... Біле звали білим, а чорне — чорним.

II

Дурний, злий і поганий був король тієї країни, де жив маляр.

Коли маляр народився, то король уже був старий. Поки вирос маляр, то помер король. А так, як у його не було родичів, то місце, де король сидів, — лишилось порожнім. Народ захвилювався і на диво почав балакати про все так, як воно було: злодійство взивав злодійством, хабарі — хабарями, морду — мордою, а лице — лицем. І так весело було. Та всі помилилися: знайшлося родичів багато. Спотатку трудно кожному було довести (а де-яким і незручно), що вони родичі королю. Так вони трохи пошепталися і погодилися зайняти місце короля разом. І сказали, що працюють од усіх. Всі спотатку здивувалися... щось буркнули під ніс. Потому згадали короля, який

завше суворо розправлявся з ними за такі річі, то й замовкли... Не зразу, а поволі.

Та замовкли так же міцно, що тиша настала по всій країні.

І бачив маляр одне, а чув зовсім інше.

І зневірився він у своїх очах. Продав квачики, та купив хліба. Трохи згодом фарби продав і також проїв. Миші ночами гризли його малюнки, а порох запорощував недоїдене.

Літом у хату нахабно заходила спека, а зимою так само холод. І нічого не можна було зробити — сядуть собі і живуть, скільки їм треба.

А на всіх кутках люде кричали, що все гарно. Грали музики, співали замерзаючі та голодні хори, танцювали самі собою ноги, малі діти поверталися у великих злодіїв, а все було гарно... Всі казали, що гарно.

Очі не погоджувалися, і маляр замовк.

Ілюстрація М. Жука
до казки «Про Тхора-
Тхориця»

Документально-наукове видання

ДІМ КНЯЗЯ ГАГАРІНА

Збірник наукових статей і публікацій

Випуск 6

Частина 1

Українською та російською мовами

Відповідальний редактор
Т. І. Ліптуга

Упорядники
О. Л. Яворська, Г. Г. Семикіна

Оригинал-макет
Н. С. Дущик

Коректор
О. Г. Даїбова

Підписано до друку 08.04.2011. Формат 60×84/16.
Гарнітура MinionC. Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 24,65. Наклад 500 прим. Зам. №

Віддруковано з готового оригінал-макета

Надруковану в друкарні «Сімекс-прінт»
Свідоцтво ДК № 3807 від 22.06.2010
м. Одеса, вул. Дальницька, 53
Тел./факс: (048) 721-22-32, 717-33-85